

А. Я. Шаковъ.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ОТЪ ФЛОРЕНТІЙСКОЙ УНИИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПАТРИАРШЕСТВА.

Княженіе Василя Васильевича Темнаго.

—
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат.
дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерниговская улица, д. № 6.

1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ . . . . . стр. I—XXXV

ГЛАВА ПЕРВАЯ . . . . . „ 1—94

Флорентійская унія. Уніональные планы византійских императоровъ. Назначеніе Исидора митрополитомъ на Русь. Отношеніе великаго князя Василя Васильевича къ поѣздкѣ русскаго митрополита на соборъ въ Италію. Митрополитъ Исидоръ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ . . . . . „ 95—175

Флорентійская унія въ литовской и кievской Руси. Флорентійская унія въ Москвѣ. Дѣятельность великаго князя Василя Темнаго въ дѣлѣ огражденія и защиты отеческаго православія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ . . . . . „ 177—263

Послѣдствія флорентійской уніи и паденія Константинополя. Націонализация русской церкви. Роль и участіе представителя государственной власти въ этомъ процессѣ. Измѣненіе взаимныхъ отношеній государства и церкви. Теократическій характеръ московскаго государства.

Введение.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства,—этого союза народа, связаннаго закономъ въ одно юридическое цѣлое, управляемаго верховною властью для общаго блага¹⁾,—и церкви,—союза вѣрующихъ, соединенныхъ, во имя общей вѣры, составляющей средоточіе всей ихъ нравственной жизни, для общаго поклоненія Богу и для взаимнаго поддержанія въ правилахъ нравственности²⁾,—одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ исторіи и жизни народовъ. Практика и наука выработали уже нѣсколько теорій и системъ, опредѣляющихъ и регламентирующихъ взаимныя отношенія государства и церкви. Но и до настоящаго времени этотъ важный, давній вопросъ все еще является далеко не вполне разрѣшеннымъ; онъ остается еще неисчерпаннымъ вопросомъ, полнымъ интереса и жизненности.

Глубокій и громадный научный и практическій интересъ представляетъ собою этотъ вопросъ и для историка права, для историка-государствовѣда. „Вопросъ объ отношеніи государства и государственной власти къ дѣламъ вѣры и церкви, вполне справедливо замѣчаетъ отечественный государствовѣдъ профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права. Это, можно сказать, вопросъ вѣчно юный, давно разрѣшаемый наукой и далеко еще не разрѣшенный. Понятно,

¹⁾ Б. Н. Чичеринъ. Курсы государственной науки. Ч. I. Общее государственное право, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 89.

почему онъ имѣеть такую богатую литературу“¹⁾. Но столь важный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви является въ то же время, по высоко авторитетному взгляду маститаго историка права профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ государственнаго права“²⁾. Каковы же свойства и особенности этого вопроса? Вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви—*„не теоретическій, а жизненный“*. „Поэтому, глубоко справедливо замѣчаетъ покойный профессоръ А. С. Павловъ, для правильнаго его разрѣшенія необходимо обратиться къ исторіи. Немногія догматическія мѣста св. писанія, относящіяся къ этому предмету, далеко не достаточны для того, чтобы на ихъ основаніи создать повсюду удобопримѣнимую теорію объ отношеніи церкви къ государству, тѣмъ болѣе, что жизнь вовсе не соображаетъ своего теченія съ идеальными воззрѣніями отдѣльныхъ лицъ и школы. Вопросъ уже потому не можетъ быть разрѣшенъ по шаблону одной какой-либо школьной теоріи, что въ дѣйствительности государства *много* (курсивъ подлинника) и каждое изъ нихъ имѣеть свой индивидуальный, исторически сложившійся характеръ, а церковь Христова одна и существенныя основанія ея жизни и дѣятельности неизмѣнны. Значить, *какую бы теорію для регулированія отношеній церкви къ государству мы ни построили, все-таки эта теорія оказалась бы далеко не вездѣ примѣнимой“*³⁾. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ такимъ правильнымъ взглядомъ почтеннаго ученаго канониста; всѣ теоретическія формулы отношеній конфессіональнаго элемента къ политическому далеко не являются опредѣляющими существа дѣла, такъ какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви практически разрѣшался въ различныхъ государствахъ далеко не однообразнымъ способомъ, а различно, сообразно особенностямъ мѣстныхъ и историческихъ условій данной страны, сообразно характеру и соотношенію силъ и направленію тѣхъ или иныхъ

¹⁾ Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Ч. I (Кіевъ, 1886), стр. 161.

²⁾ Литература исторіи русскаго права за 1880—1882 гг., стр. 34. Курсивъ нашъ. Ср. Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдовосцева, четвертое, дополненное. Москва, 1897. Стр. 24.

³⁾ Курсы церковнаго права. Посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской Духовной Академіи П. М. Громогласова. (Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902), стр. 466. Курсивъ нашъ.

дѣйствовавшихъ представителей церкви и государства. Этотъ вопросъ—дѣло практики, а не теоретическихъ построений. Конечно, трудно все разнообразіе этихъ сложныхъ отношеній вполне точно и правильно подвести подъ тѣ немногочисленные типы отношеній, которые „едва ли исчерпываютъ возможные въ дѣйствительности комбинаціи“¹⁾. Указавъ на существующіе въ наукѣ государственнаго права три главные типа этихъ отношеній и ихъ особенности—теократическую систему папизма, византийскую систему цезарепапизма, возродившуюся отчасти въ протестантизмѣ, установившемъ начало—*cujus regio ejus religio*, и систему раздѣльности церкви и государства, профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій справедливо замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, всѣ три типа отношеній церкви къ государству представляютъ далеко неудовлетворительное разрѣшеніе капитальной культурной проблемы—правильно сопоставить элементы политической и конфессиональной“²⁾. Дѣйствительно эти общія формулы, далеко не исчерпывая всѣхъ сложившихся фактическихъ отношеній между государствомъ и церковью, даже теоретически не даютъ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, такъ какъ полное слияніе ихъ и поглощеніе одного организма другимъ (сист. папизма и цезарепапизма) такъ же неудовлетворительны, какъ и полная ихъ разнь и раздѣльность (сист. раздѣльности государства и церкви по знаменитой формулѣ гр. А. Кавура—*„chiesa libera in stato libero“*)³⁾. Создаваемая теорією системы отношеній между государствомъ и церковью, при всей видимой стройности и логичности своей конструкціи, носятъ перѣдко искусственный и

¹⁾ А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Ч. I, стр. 162.

²⁾ Система русскаго государственнаго права, стр. 163.

³⁾ „Между обоими организмами—государствомъ и церковью—должна быть полная гармонія и правильное сочетаніе. Формулу для такого гармоническаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ церкви даетъ евангеліе, въ классическихъ словахъ Спасителя „воздадите Кесарева Кесареви и Божію Богови“. Все, что составляетъ предметъ внутренней духовной жизни, есть функція церковнаго организма, независимая и свободная отъ гнета и интервенціи государства, такъ какъ она принадлежитъ Богови. А всѣ внѣшнія проявленія церкви—область государственной интервенціи, принадлежащая кесареви“. А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права, стр. 163. См. также А. С. Павлова. Курсъ церковнаго права, стр. 466 и слѣд.; Н. С. Суворова. Учебникъ церковнаго права (изд. 2-ое). М. 1902, стр. 462 и слѣд.

не вполне жизненный характер ¹⁾. Только обстоятельное историческое исследование этого вопроса, основанное на тщательном и всестороннем изучении исторического материала, может привести насъ къ правильнымъ научнымъ выводамъ и заключеніямъ, и лишь постѣ изученія имѣющагося матеріала, когда все выводы и мнѣнія будутъ обоснованы на проверенныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ, возможна и умѣтна рѣчь объ общихъ теоретическихъ выводахъ, построенияхъ и заключеніяхъ. Только тогда, наконецъ, будутъ возможны, желательны и плодотворны сопоставленія и сравненія съ аналогичными явлениями въ политической жизни другихъ государствъ.

Глубокій и важный интересъ научный и практический представляетъ собою сложный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви въ Россіи; здѣсь для историка права, представителя этой сравнительно юной науки, исследующаго этотъ вопросъ, представляется благодарная и трудная работа: не смотря на многіе капитальные труды и исследования историковъ-юристовъ, историковъ, канонистовъ и историковъ церкви ²⁾, нѣкоторые отдѣлы этого вопроса являются далеко не окончательно выясненными и не вполне разработанными; да и фактический матеріалъ нѣрѣдко требуетъ историко-критическаго анализа, тщательнаго обслѣдованія и проверки. Это замѣчаніе, кажется намъ, должно относиться и къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви въ московскій періодъ, когда эти отношенія, сравнительно съ отношеніями въ предшествующій—земскій періодъ, съ его многочисленными государствами—землями ³⁾, пріобрѣтаютъ своеобразную окраску и предста-

¹⁾ Объ остальныхъ системахъ взаимныхъ отношеній государства и церкви (система господствующей или государственной церкви, привилегированная церковь, терпимая церковь) см. у Б. П. Чичерина. Курсъ государственной науки. Ч. I, стр. 291—297. См. также проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ церковнаго права. Т. II (Ярославль, 1890), Ч. V, стр. 151—188. Его же. Учебникъ церковнаго права (изд. 2), стр. 462—500. Здѣсь же, въ капитальныхъ трудахъ почтеннаго московскаго канониста, приведена наиболѣе полно и обстоятельно литература вопроса.

²⁾ Указанія на литературу вопроса будутъ сдѣланы своевременно.

³⁾ См. проф. М. Ф. Владимірекій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 22—23, 46. Проф. В. П. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. Изданіе второе (Сиб. 1900), стр. 197 и слѣд. Проф. М. А. Дяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое обозрѣніе. Т. III, (Сиб. 1891), стр. 73 и слѣд.

влияютъ собою высокіи научніи интересъ для историка отечественнаго права.

„Исторію отношеній церкви къ государству въ московскій періодъ, глубоко авторитетно и вѣрно замѣчаетъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, можно разсматривать *по 3-мъ эпохамъ*: въ XIV вѣкѣ церковь и государство находятся въ равновѣсн; церковь помогаетъ образованію государства. *Съ половины XV и въ XVI в. государство беретъ перевѣсъ надъ церковью.* Такъ какъ русская православная церковь (со времени отдѣленія кievской митрополіи) совпадала съ границами государства, то всѣ высшіе чины церкви были подданными великаго князя и царя. Тѣсная связь церкви съ государствомъ усилилась особенно съ того времени, когда русскіе митрополиты посвящались уже не въ Царѣградѣ, а въ Москвѣ изъ русскихъ людей. Но съ установленіемъ патріаршества въ Россіи (1589 г.) наступаетъ 3-я эпоха: значеніе церкви начинается не только уравниваться съ государствомъ, но нѣкоторые патріархи, стремясь къ независимости въ дѣлахъ церкви, считаютъ себя равными по власти съ царями и титулуются „великими государями“ (Филаретъ—при Михаилѣ Теодоровичѣ, Никонъ—при Алексѣѣ Михайловичѣ); тогда обнаруживается обратное вліяніе церкви на дѣла государственныя. Со времени паденія Никона равновѣсіе это опять восстанавливается“¹⁾. Дѣйствительно, приведенныя слова маститаго ученаго даютъ прекрасную схему и обстоятельную характеристику взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московскій періодъ. Раздѣленіе же этого періода на три эпохи, столь характерныя и вполне отличныя одна отъ другой, является результатомъ глубокаго изученія и блестящаго анализа сложныхъ отношеній государства и церкви. Московское государство, благодаря своеобразности своихъ отношеній къ церкви, пріобрѣтаетъ *теократическій характеръ*. Этотъ (теократическіи) характеръ особенно рельефно и отчетливо представляется во вторую эпоху отношеній государства и церкви въ московскій періодъ—съ половины XV и въ XVI в., когда государство беретъ перевѣсъ надъ церковью. Такой порядокъ взаимныхъ

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права. Изданіе третье съ дополненіями (Кіевъ, 1900), стр. 169. Курсивъ нашъ. Ср. взглядъ проф. В. И. Сергѣевича, что „въ XVI вѣкѣ духовная власть не разъ брала перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляла направленіе нашего законодательства“. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 356.

отношеній государства и церкви, выразившіеся въ тѣсной связи (с.лѣнии) государства съ церковью, съ перевѣсомъ и преобладаніемъ перваго надъ послѣдней, явилея слѣдствіемъ флорентійскои уніи, имѣвшей громадное вліяніе на характеръ церковно-государственныхъ отношеній на Русѣ и измѣнившихся отношеній къ Константинополю, благодаря выдающейся роли представителей государственной власти въ охрaнѣ отечественнаго православія и націонализаціи русскои церкви.

Извѣстудемая нами эпоха взаимныхъ отношеній государства и церкви отъ флорентійскои уніи до учрежденія патріаршества заключаетъ въ себѣ высокій научный интересъ для историка права. Флорентійская унія представляетъ собою одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ государственной и церковной жизни московскои Русѣ. Исторія этой уніи и многочисленныя слѣдствія ея имѣють для насъ огромное значеніе, такъ какъ они вскрываютъ предъ нами одинъ изъ несомнѣнно важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи церковно-политическаго самосознанія московскои Русѣ. Событія, сопровождавшія эту унію, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до этого времени для московскихъ государей оставалась въ тѣни: на ихъ долю выпала почетная обязанность стать во главѣ охраны правозвѣрія и благочестія¹⁾. Правда, эта задача указывалась князьямъ представителями древнерусскои письменности и въ болѣе ранній періодъ, но лишь только послѣ злополучнои уніи для великихъ князей московскихъ представилась возможность и необходимость выступить въ почетной и отвѣтственной роли крѣпкихъ блюстителей и охранителей православія. Такая политическая задача московскихъ великихъ князей имѣла огромное вліяніе на выработку и установленіе взаимныхъ отношеній между государствомъ и церковью и, конечно, способствовала тому, что московское государство, вполнѣтвѣтвіи твердо усвоившее *идею „третьяго Рима“*, поставившую сѣяющую благочестіемъ Москву во главѣ всего православнаго міра, постепенно приобретаетъ теократическій характеръ, способствовавшій выработкѣ единой, совмѣстной программы дѣятельности церкви и государства²⁾.

¹⁾ Профес. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей (Спб. 1889), стр. 54.

²⁾ См. нашу статью „Стоглавъ. (Къ вопросу объ официалномъ или неофициалномъ происхожденіи этого памятника)“. Кіевъ, 1903, стр. 7 и слѣд.

Благодаря дѣятельности великаго князя московскаго Василя Васильевича, выступившаго въ почетной роли блюстителя и охранителя отеческаго православія, которое въ его державѣ было не только непоколебимо сохранено, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, флорентійская унія была торжественно отвергнута. Благодаря той же флорентійской унії, былъ подорванъ авторитетъ грековъ, измѣнились отношенія къ константинопольскому патріарху, духовному главѣ вселенской церкви, и мірскому ея распорядителю—византійскому императору. Представитель государственной власти—великий князь Василій Васильевичъ дѣлаегъ и дальнѣйше шаги въ этомъ же направленіи: заботясь о томъ, чтобы московская и всея Руси митрополія не оставалась безъ духовнаго главы—митрополита, онъ „*повелываетъ съединимся архіепископствъ и епископствъ и всесвященному собору поставить Иону на митрополию*“¹⁾. Крупная церковная реформа, имѣвшая такое громадное, глубокое влияніе на политическую жизнь московской Руси, хотя и предпринятая по серьезнымъ церковно-религіознымъ мотивамъ и подъ защитой капоповъ, была проведена исключительно политической инициативой. Великій князь самъ добываетъ себѣ своего митрополита—своего подданнаго. „Въ Москвѣ, глубоко вѣрно замѣчаетъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, рѣшились поставить митрополита (Иону) соборомъ собственныхъ епископовъ; тогда церковь становится въ ближайшую связь съ государствомъ; великій князь (Василій Васильевичъ) выразилъ уже слѣдующее общее начало: „старина наша, которая ведется со времени прародителя нашего Владиміра, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что *выборъ митрополита принадлежитъ всегда нашимъ прародителямъ, в. кн. русскимъ, а теперь принадлежитъ намъ...*; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси“ (А. А. Э. Т. I, № 80)²⁾. Такой порядокъ былъ утверждёнъ и соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію святаго Духа... по повелѣнію господина великаго князя... русскаго самодержца, въ соборной церкви св. Богородицы на Москвѣ“³⁾. Под-

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 167 и др. ист. См. III главу нашего изслѣдованія.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170

³⁾ А. И. Т. I, № 61, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 630

данный и ставленникъ великаго князя, митрополитъ Иона прямо заявляеъ, что онъ поставленъ на митрополию по милости Божіей „и по божественныхъ и священныхъ правилъ освобожденію, и по разсужденію святительскому, и по воли великаго господаря великаго князя Василія Васильевича“...¹⁾ Такая дѣятельность великаго князя Василія Васильевича въ дѣлѣ защиты православія отъ принесенной Пендоромъ флорентійской уніи, его исключительная роль и участіе въ поставленіи митрополита Ионы, давая сразу значительный перевѣсъ государству надъ церковью, усиливая его теократическій характеръ, возлагали на этого защитника православія особыя почетныя обязанности. И великій князь понималъ это. Въ своемъ посланіи къ императору Константину Палеологу великій князь прекрасно сформулировалъ свои новыя обязанности: „Мы же убо худшіи, Богомъ наставляеми ни во чтоже вмѣнхомъ его и самого (т. е. Пендора), и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изъсохлы травную; *отъ того же нынѣ времени поначеніе начахомъ имѣти о своемъ православіи, о безсмертныхъ етикорядныхъ нашихъ душахъ и чистыхъ смертныхъ, и о предстании нашихъ въ онъ будущій страшный день судный предъ Судящимъ вся съкровенная и наша дневная мысли и дѣла*“...²⁾ Въ этихъ словахъ Василія Темнаго заключается тотъ же смыслъ и характеръ, какъ и въ словахъ, высказанныхъ впоследствии Иоанномъ Грознымъ въ его перепискѣ съ опальнымъ бѣглецомъ, княземъ А. М. Курбскимъ, въ знаменитыхъ словахъ, являющихся лучшимъ доказательствомъ, что *главная задача государственной власти есть религіозное воспитаніе подданныхъ, что власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дуговныя цѣли: „тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаю истинную Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога данную имъ государя“*³⁾. Въ словахъ посланія Василія Васильевича прямо указывается важная задача государственной власти, которая, спустя почти столѣтіе, была сформулирована вышуктѣе и сильнѣе его правнукомъ, Иоанномъ

¹⁾ А. Н. Т. I. № 17, стр. 95; Р. Н. В. Т. VI. № 66, столб. 561.

²⁾ А. Н. Т. I. №№ 41 и 262, стр. 194; Р. Н. В. Т. VI. № 71, столб. 581—582 Курень нашъ.

³⁾ „Сказанія князя Курбскаго“, ч. II (Сиб. 1833), стр. 66. Курень нашъ. Профессоръ М. Ф. Владимірекій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 171. См. также нашу статью „Стоглавъ. (Къ вопросу объ официальном или неофициальномъ происхожденіи этого памятника)“, стр. 8, прим. 27. См. проф. В. Н. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 607—608.

Васильевичемъ; задумавъ въ 1551 году построить Свѣяжскъ для защиты отъ невѣрныхъ казанцевъ, Іоаннъ говорилъ: „Всемилющій Боже... устроилъ мя земли сей православной царя и пастыря, вожа и правителя еже правити людіе Ею въ православіи непоколебимымъ быти“¹⁾. Іоаннъ Грозный, этотъ „публицистъ-государь“, (котораго не даромъ современники характеризовали такъ: „бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествословенъ, и смышленіемъ быстроумень...“ А. Ѳ. Бычковъ. Оп. рук. Публ. Библ., I, стр. 51 и слѣд.)²⁾ облекъ мысль своего прадѣда въ болѣе яркую и пышную одежду, выразилъ ее въ болѣе сильной и рѣшительной формѣ, такъ какъ и московское государство за этотъ столѣтній промежутокъ времени, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ условій и событій, успѣло значительно окрѣпнуть, усилиться и вырости. И дѣйствительно, эпоха Іоанна Грознаго, являясь естественнымъ послѣдовательнымъ развитіемъ началъ въ исторіи взаимныхъ отношеній государства и церкви, представляетъ собою кульминаціонный пунктъ развитія теократическаго характера московскаго государства, когда государство, нося на себѣ сильный церковный отпечатокъ, окончательно подчиняетъ себѣ церковь, когда представитель государственной власти энергично вмѣшивается не только въ дѣла церкви внѣшняго характера, но и въ дѣла ея внутренняго распорядка: „*Стоглавъ*“ является лучшимъ и наиболее выуклымъ выраженіемъ теократическаго характера московскаго государства. Изъ дѣяній этого знаменитаго собора мы узнаемъ, что починъ мѣропріятій, касавшихся непосредственно церкви и церковнаго благочинія, принадлежалъ царю, что представленія Іоанна о себѣ, какъ о православномъ царѣ, вмѣняли ему заботы о церкви еще въ большей степени, чѣмъ о государствѣ, и что молодой государь былъ искренно и сильно проникнутъ сознаніемъ этой важной обязанности. „Государь, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, не только опредѣляетъ мѣропріятія относительно церковныхъ имуществъ, не только касается вопросовъ, ко-

¹⁾ Никоновск. лѣт. ч. VII, стр. 73; царств. кн. 161—162. Курсивъ нашъ. Ср. также слова Іоанна Грознаго изъ переписки съ Курбскимъ: „Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ“. Профес. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 138. См. также А. И. Т. I, № 173, стр. 331—332.

²⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 136, прим. 4.

торые относились къ сферѣ внѣшняго, но и внутренняго права церкви: онъ говоритъ „о святительскихъ судіяхъ“, о церковныхъ и монастырскихъ деньгахъ, о ругѣ, отпускавшейся изъ царской казны, о выкупѣ плѣнныхъ; обращаетъ вниманіе на то, „чтобы по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ“, на безчинія на свадьбахъ, на волхование во время поединковъ, на обращеніе между православными рафлеѣ, шестокрыла, воропограевъ, альманаховъ, аристократическихъ вратъ и проч., на остатки языческихъ обычаевъ въ навечеріи Иванаова дня, Рождества Христова и Крещенія, въ праздники Пасхи, Великій четвергъ и проч. Замѣчанія царя нерѣдко касаются самыхъ мелкихъ подробностей церковнаго порядка, напр. относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку или мыло, относительно безпорядочной жизни иконныхъ живописцевъ, или того что „по правиламъ св. отецъ не подобаетъ мыться мужу съ женою“. Онъ же возбуждаетъ вопросъ о трегубой алышѣ, о безчиніяхъ въ монастырской жизни, объ упадкѣ нравственной жизни среди иноковъ и мирянъ, о расходахъ при поставленіи въ различныя степени священства и должности и пр.¹⁾ И члены духовнаго собора, какъ можно видѣть изъ текста Стоглава, отнюдь не умагивали въ этомъ вмѣшательствѣ государственной власти въ непосредственную область своего вѣдѣнія ничего незаконнаго и обиднаго для себя, ничего укоризненнаго, а, напротивъ, видѣли въ этой заботливости царя о церковномъ устроеніи доброе и похвальное дѣло²⁾.

Но возвратимся къ прерванной характеристикѣ взаимныхъ отношеній государства и церкви въ княженіе Василія Васильевича. Послѣ самочиннаго, самовольнаго поставленія въ митрополиты Іоны властью великаго князя московскаго, безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха и императора, произошли очень важныя событія, имѣвшія большое вліяніе на церковно-государственныя отношенія. 29 мая 1453 года, послѣ послѣдняго предсмертнаго боя защитниковъ столицы, съ храбрымъ императоромъ Константиномъ Палеологомъ во главѣ, палъ подъ ударами турокъ Константинополь, этотъ второй, новый Римъ, славная столица ромеевъ. Пало византийское царство, а соборъ Юстиніана, св. Софія, „это земное небо,

¹⁾ См. Стоглавъ, гл. 5 и 11.

²⁾ А. Я. Шаповъ. Стоглавъ. (Къ вопросу объ официальномъ или неофициальномъ происхожденіи этого памятника), стр. 5—6.

эта новая небесная твердь, эта колесница херувимовъ, этотъ престолъ славы божіей“ (по выраженію историка Францы), важнѣйшая святыня восточной церкви, перешолъ во владѣніе Ислама. Печальное событіе это являлось, по понятіямъ книжниковъ и московскаго правительства, лишь естественнымъ слѣдствіемъ измѣны грековъ православію на флорентійскомъ соборѣ. Позорная измѣна грековъ отеческому православію на „богоотметномъ“ восьмомъ соборѣ, притомъ „злата ради“, не могла, по мнѣнію русскихъ людей, остаться безнаказанной. Митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ (отъ 1458—1459 г.) старается доказать, что Константинополь палъ вслѣдствіе измѣны грековъ православію и что это отступничество произошло именно на флорентійскомъ соборѣ. Московскіе правительственные круги, несомнѣнно, усвоили эту точку зрѣнія на тѣсную связь между паденіемъ Византіи и флорентійской унией. Возникалъ вопросъ, кто займетъ мѣсто Византіи, кому суждено выступить въ почетной и отвѣтственной роли православнаго третьяго Рима.

Важныя послѣдствія самочиннаго поставленія въ митрополиты Іоны (а потомъ и Феодосія) по приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ сношеній съ Константинополемъ, выразилась въ двоякой формѣ: они были, такъ сказать, *внѣшнія*, измѣнившія церковныя отношенія Москвы къ Константинополю и обратно, и *внутреннія*, способствовавшія измѣненію взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московской Руси.

Извѣстно, что ближайшимъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ этого „самочиннаго“ поставленія была фактическая автокефальность русской церкви вслѣдствіе прекращенія церковной зависимости отъ Константинополя. Весьма важнымъ и существеннымъ для насъ является вопросъ о томъ, какъ была достигнута эта автокефальность русской церкви, при какихъ условіяхъ и при содѣйствіи какихъ силъ и факторовъ она возникла, какія были ея слѣдствія, такъ какъ этотъ вопросъ, не смотря на огромную важность, до настоящаго времени опредѣленно и устроичиво не рѣшенъ въ исторической наукѣ: и теперь существуютъ различныя мнѣнія относительно этого событія.

Несомнѣнно, что самовольное поставленіе митрополитовъ на Руси, по повелѣнію великаго князя московскаго, не встрѣтило въ Царьградѣ ободренія и сочувствія. Можно съ увѣренностью думать,

что подобныя самостоятельныя дѣйствія московскаго правительства вызвали тамъ рѣзкое и рѣшительное осужденіе, что самостоятельность московской митрополитіи не только не была признана особою официальною грамотою восточныхъ патріарховъ или же одного патріарха константинопольскаго, что дѣло не только ограничилось отказомъ въ присылкѣ просимой подтвердительной грамоты, но что, на основаніи весьма многочисленныхъ указаній, надо думать, дѣло дошло до „формальнаго разрыва“ между Москвою и Константинополемъ. Надо полагать, что русская церковь, достигнувши, благодаря дѣятельности Василія Темнаго, фактической автокефальности, на первое время, вѣдѣвшею многовѣковой привычки имѣть высшее духовное начальство въ лицѣ константинопольскаго патріарха, смущенная разрывомъ съ Константинополемъ, чувствовала себя не вполне хорошо; московское же правительство, вызвавшее этотъ разрывъ, тщательно старалось отыскать точку духовной опоры въ лицѣ константинопольскаго патріархата. Великій князь Василій Васильевичъ, повидимому, дѣйствовалъ въ этомъ направленіи; уже при митрополитѣ Феодосіи начались довольно дѣятельныя сношенія русской церкви съ православнымъ востокомъ, именно съ іерусалимскимъ патріархомъ. Эти сношенія съ Іерусалимомъ носятъ вполне дружественный характеръ; факты же, относящіеся къ исторіи этихъ сношеній, чрезвычайно знаменательны ¹⁾. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на перечисленіи и анализѣ этихъ фактовъ; скажемъ кратко, что они хорошо подтверждаютъ лишь мысль о существованіи разрыва между Москвою и Константинополемъ; эту же мысль подтверждаетъ и необычное поставленіе митрополита Феодосія. Негодованіе константинопольскаго патріарха было прежде всего направлено по адресу великаго князя, этого главнаго виновника самовольнаго поставленія Іоны: изъ дошедшихъ до насъ грамотъ іерусалимскаго патріарха, необычныхъ по содержанію и наименованіямъ, по мнѣнію профессора А. С. Павлова ²⁾, папскія индальгенціи, видно, что дѣятельность великаго князя вызвала строгое осужденіе со стороны константинопольскаго патріарха. „Прощенная грамота“ іерусалимскаго патріарха, обращенная къ „слав-

¹⁾ Профес. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма въ повѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обзореніе. Декабрь, стр. 763.

²⁾ Тамъ же, стр. 763.

нѣйшему и благородному Великому Князю Московскому, и всея Руси, Господину (нашему) Василью, о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія“. знаменательно гласить: „Мы же разумѣваемъ о господарствѣ ти, *еже еси человекъ благочестивый и православенъ* и православнымъ и христолюбивымъ родителемъ наследникъ, и въсприятель, и *ближній сынъ и другъ святыя Христовы церкви*. И сего ради, *еже еси явился всегда послушающимъ къ ней вѣрою и покореніемъ и честью, и того ради и мы имѣемъ тя благословена отъ Бога и прощена*, и *еже по достоинству твоему, еще имѣеть тя. опрочѣ иныхъ, смиреніе наше благородіе твое прощено* отъ предающаго тое власти и благодати отъ Пресвятаго и Живоначальнаго Духа...: связанію разрѣшеніе; и елико *еже ты яко человекъ съгрѣшилъ, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, волею и неволею, и сія и духовнымъ изрече отцемъ, еже имѣеть наше смиреніе господарство твое прощено въ всемъ церковномъ запрещеніи, волное и неволное“* ¹⁾. Знаменательное же поставленіе русскимъ митрополитомъ протосингелла Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой, совершенное въ Москвѣ Θεодосіемъ, по приказанію іерусалимскаго патріарха ²⁾, расположеннаго къ московскому правительству, еще разъ подтверждаетъ мысль о существованіи формальнаго разрыва между Москвою и Константинополемъ, такъ какъ предоставленіе русскому митрополиту, еще недавно получавшему поставленіе въ Константинополь, права самому поставлять митрополита, естественно могло быть вызвано желаніемъ узаконить и оформитъ, добытую политическою инициативою великаго князя, фактическую автокефальность русской церкви ³⁾. Рѣзко бросающееся въ глаза сопоставленіе съ одной сто-

¹⁾ А. Н. Т. I. № 72. Прощенная грамота іерусалимскаго Патріарха Іоакима Великому Князю Василью Васильевичу, стр. 123. „*Державство належа еси и заповѣди отеческыя преступилъ еси, вѣдая и невѣдая, или отъ клятвы святительскія или отъ священника будеть, или отца и матери заповѣди преступилъ будешь, или инымъ проклятемъ належа будешь, и елико неразрѣшимыхъ множество, исповѣдаемыхъ и неисповѣдаемыхъ, исцѣлился еси. И молится о томъ смѣрене лаше, и получити прощенье благородіе отъ всеблагаго человекѣлюбца Бога.*“ Тамъ же стр. 123. Куренивъ нашъ. См. также грамоту п. Іоакима ко всемъ русскимъ. Сборн. Новг. Соф. библиот. (выпѣ Сиб. дух. Акад.), первой половины XVI. в., № 1454, л. 445 об—449. М. Макарий. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351, примѣч. 443.

²⁾ Р. Н. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—930.

³⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзореніе. Т. III, стр. 88.

роны отлучения, паломническаго константинопольскимъ патриархомъ на „шныхъ разорителей церкви Божіей“¹⁾, подъ которыми, думаемъ, надо подразумѣвать м. Іону и великаго князя, а съ другой разрѣшеніе отъ церковнаго запрещенія, даннаго дѣйствующимъ въ интересахъ Москвы іерусалимскимъ патриархомъ московскому великому князю и народу, — заставляеть насъ вполне присоединиться къ мнѣнію, высказанному глубокимъ ученымъ А. С. Павловымъ, что „сближеніе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ...“²⁾. Кроме всего этого существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ указаній на то, что отношенія между московскою митрополіею и константинопольскимъ патриархатомъ далеко не были мирнаго характера, такъ какъ извѣстно, что московское правительство всѣми мѣрами старается оградиться отъ возможныхъ притязаній константинопольскаго патриарха. Еще при жизни великаго князя Василія Васильевича оно заботится о составленіи особаго трактата для оправданія автокефальности русской церкви и дѣйствій въ этомъ направленіи московскаго правительства: по являетелъ „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню...“³⁾. Этотъ памятникъ величайшей важности въ исторіи нашей древней церковно-политической литературы состоитъ изъ двухъ частей: первая — сказаніе объ осьмомъ соборѣ и о павложеніи Нендора, вторая же часть о поставленіи русскихъ митрополитовъ Іоны и Θεодосія своими русскими епископами, при господствующемъ участіи великаго князя Василія Васильевича, составляетъ, по выраженію проф. А. С. Павлова⁴⁾, „главное ядро сочиненія“. И въ той и другой части рсточаются восторженныя похвалы *главному виновнику торжества православія на Руси, важнѣйшему дѣятелю этой церковной реформы, — божественному царю великому князю Василію Васильевичу.*

¹⁾ „Послание Григорія патриарха Константинопольскаго къ князю Киевскому Александру Владиміровичу о соединеніи церквей на соборѣ Флорентійскомъ“, А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 332—334.

²⁾ Теорія восточнаго панислама. Православное Обзорніе. 1879. Декабрь, стр. 764.

³⁾ А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—365.

⁴⁾ Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

Но московское правительство, занявши такое положеніе въ церковной реформѣ, не ограничилось только этими мѣрами публицистической защиты произведенной перемѣны, но прибѣгло къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для огражденія себя отъ константинопольскихъ притязаній. Послѣ окончательнаго раздѣленія митрополіи, когда константинопольскій патриархъ поставилъ митрополигомъ въ Кіевъ Григорія, ученика Исидора, на московскомъ соборѣ 1459 года русскіе епископы составили соборную грамоту о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ ¹⁾. Грамота эта служитъ прекраснымъ доказательствомъ того отношенія представителя государственной власти къ церкви, какое наблюдается въ Москвѣ послѣ флорентійской уніи: она узаконяетъ этотъ порядокъ и на будущее время. „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ свята церкви зборныя московскія свята Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и повиноватися ему во всемъ; и кто, по его отшествію къ Богу, иный митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець, и по повелѣнію господина нашего великого князя Василія Васильевича, русскаго самодержца, въ той зборной церкви свята Богородицы на Москвѣ... и отъ того митрополита также неотступнымъ быти, и спослѣдовати и повиноватися ему во всемъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ и церковныхъ, и о всякомъ благочестѣ быти съ нимъ за едино“ ²⁾. Дошедшее до насъ посланіе великаго князя Ивана Васильевича къ новгородскому архіепископу Іонѣ также свидѣтельствуетъ о томъ, что новый характеръ взаимныхъ отношеній государства и церкви былъ вполне усвоенъ и примѣняемъ преемникомъ Василія Темнаго въ первые же годы его княженія. Великій князь предписываетъ новгородскому архіепископу, чтобы онъ не имѣлъ общенія съ кievскимъ лжемитрополитомъ Григоріемъ, ³⁾ и сообщаетъ ему о своемъ рѣшеніи относительно прекращенія всякихъ сношеній съ Константинополемъ: „И мы также нынѣ

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 627—631; А. И. Т. I, № 61, стр. 108—110.

²⁾ Тамъ же, столб. 629—630; стр. 109. Курсивъ нашъ.

³⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 100, столб. 707—712; А. А. Э. Т. I, № 80

*умыслили собѣ съ своимъ отцемъ съ митрополитомъ, и съ своею матерью великою княгинею, и съ своею братьею, и съ своимъ богомолицю, со архіепископомъ и съ епископы и со владыками и съ честными игумены, и со веѣмъ священствомъ, да того ми посла патреарша, ни Григорьева, и въ землю свою впускать не велѣтъ: не требую его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, имѣемъ же его отъ себя самого того патреарха, чюжа и отрешена, и его посла и того океаннаго Григорья: тобѣ бы, нашему богомолцу, видемо было“¹⁾. Московское правительство торжественно и открыто заявляетъ о полномъ прекращеніи сношеній съ Константинополемъ: вмѣстѣ съ печальновѣніемъ всякаго уваженія къ Константинополю, какъ центру петиннаго православія, растетъ и собственное національное самосознаніе: Русь московская, съ своимъ великимъ княземъ во главѣ, этимъ вѣрнымъ и стойкимъ защитникомъ церкви, становится единственною петинною хранительницею православія, которое, по мнѣнію современниковъ этихъ событій, благодаря дѣятельности великаго князя, возсіяло въ ней большимъ блескомъ и славой. Признаніе же Руси центромъ православія неизбежно повело къ установленію и признанію *центральной государственной святыни*, которая могла бы служить для православныхъ русскихъ людей видимымъ воплощеніемъ религіознаго единства, какою центральной святынею вселенскаго православія была раньше св. Софія константинопольская. Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ является такимъ общерусскимъ религіознымъ центромъ; здѣсь же въ „великой“ русской церкви²⁾ поставляется митрополитъ и все высшее духовенство. Московскіе великіе князья, прекрасно сознавая огромное значеніе для объединенія и сплоченія русской земли, протекавшее отъ поставленія духовнаго начальства только „въ дому Пречистые... на Москвѣ“, веѣми мѣрами настаивали на непремѣнномъ соблюденіи этого важнаго условія: извѣстно, что въ числѣ договорныхъ условій съ Новгородомъ находилось и слѣдующее: „А на владычество намъ... избирати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые у гроба св. Петра чудотворца на Москвѣ у насъ великихъ князей, и у нашего отца митрополита... а иидѣ памѣ владыки опрочѣ московскаго митрополита иидѣ*

¹⁾ Тамъ же, столб. 711. Курень нашъ.

²⁾ Р. П. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927.

не ставити“¹⁾. Конечно, при стремленіи русскаго народа сплотиться въ прочное и сильное государственное тѣло, при стремленіи самого населенія къ политическому единству, такая правительственная пропаганда общенациональнаго значенія великой московской церкви должна была достигнуть своей желанной цѣли.

Къ флорентійской уніи и паденію Константинополя, этимъ крупнымъ политическимъ событіямъ, имѣвшимъ громадное значеніе на установленіе взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московской Руси, прибавились еще въ концѣ XV вѣка—бракъ Іоанна III съ Софьею Палеологомъ и окончательное сверженіе татарскаго ига II эти событія несомнѣнно способствовали усиленію теократическаго характера московскаго государства.

Такъ какъ не существуетъ точныхъ историческихъ указаній, насколько женитьба Іоанна III на Софьѣ Палеологѣ вліяла на ходъ политическихъ событій московскаго государства того времени и на развитіе монархическихъ идей въ направленіи византійскихъ политическихъ теорій,—то получается возможность или преувеличивать, или же уменьшать и даже совершенно отрицать значеніе этого событія въ указанномъ выше отношеніи. Но послѣднее, однако, едва ли справедливо. „Женитьба эта, справедливо замѣчаетъ профессоръ В. Н. Малининъ²⁾, важна не тѣмъ, что чрезъ нее великій князь московскій породнился съ византійскимъ императорскимъ домомъ, а личностью Софьи и особенно тѣми обстоятельствами, при которыхъ она совершилась“. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на характеристикѣ этой византійской принцессы,—скажемъ лишь, что Софья, воспитанница римскаго апостольскаго престола, должна была подавлять въ себѣ негодованіе, вызываемое обстоятельствами тяжелой жизни при папскомъ дворѣ: она сдѣлалась скрытной и хитрой. На ея міровоззрѣніе не могли не оказать вліянія тѣ патриотическія попытки (хотя и безрезультатныя), которыя предпринимались греческими бѣглецами въ Италиі къ освобожденію отъ ига турокъ ихъ нѣкогда славной родины: онѣ, несомнѣнно, способствовали укрѣпленію въ Софьѣ ненависти къ поработителямъ, которую она должна была принести съ собою въ Москву. Она не могла также остаться и внѣ вліянія тѣхъ политическихъ теорій, которыя

¹⁾ А. А. Э. Т. I, № 91, стр. 66

²⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія (Кіевъ, 1901), стр. 511.

воплощала въ себѣ Византія и примѣненіе которыхъ она могла видѣть на западѣ; Софія не могла забыть и того, что она византійская принцесса, послѣдняя отрасль гордой царственной фамиліи нѣкогда славной, міровой имперіи¹⁾. Женитьба Іоанна III на гордой и властолюбивой племянницѣ послѣдняго византійскаго императора въ пору возбужденія и роста политическаго самосознанія, наблюдаемаго на Руси послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя и явившагося слѣдствіемъ политическаго роста московской Руси.—должна была имѣть свое вліяніе. Москва сочувственно относилась къ этому браку. И послѣдствія его не замедлили сказаться: если и раніе встрѣчались въ русской письменности голоса, что православная Русь есть преемница и наследница византійской имперіи, то теперь это мнѣніе находило уже себѣ новую точку опоры. Такъ извѣстно, что венеціанская сенерія въ 1473 году писала Іоанну, что съ исчезновеніемъ мужскаго потомства византійской императорской фамиліи право на византійскую имперію перейдетъ къ нему въ силу его знаменитаго брака²⁾. Объ этомъ наследствѣ напоминали Іоанну III и Римъ, видѣвшій въ московскомъ государѣ цѣннаго союзника для борьбы съ завоевателями византійской имперіи³⁾. Здѣсь мы не станемъ приводить многочисленныя

¹⁾ Тамъ же, стр. 511

²⁾ *Verum ut Vestra Sublimitas veritatem omnem intelligat, misimus predictum secretarium nostrum (Trevisan) non ut ulla ratione statui rebusque vestris ullum incomodum aut periculum procuraret cum imperatore Tartarorum, quin potius... a vestris finibus et vicinitate et per provincias mari mediteraneo, quod Euxinum vel mare Majus appellant, ad rippas Danubii duceret in oppressionem comunis omnium Christianorum hostis Turci Othomani, occupatoris imperii Orientis, quod, quando stirps mascula deesset imperatoria, ad Vestram Illustrissimam Dominationem jure vestri faustissimi conjugii pertineret*. Senato, Secreti, XXVI, стр. 50. П. Пирлинь Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ (Сиб., 1802). Приложенія. VII, стр. 227—228. Проф. Ф. П. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887. Декабрь, стр. 688—689. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до конца XVI вѣка. (Сиб. 1889), стр. 80.

³⁾ Вниманіе Рима къ Іоанну привлекалось еще надеждою сдѣлать его вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Въ награду за это римскій первоосвятитель обѣщалъ московскому государю пышныя титулы и содѣйствіе въ завоеваніи византійской имперіи. „Если же московскій государь, замѣчаетъ проф. В. Савва, не думалъ объ этомъ завоеваніи, надо было направить его мысли на это, ибо перспектива видѣть владѣнія нѣкогда византійскихъ им-

и разнообразныя сужденія о степени вліянія Софьи на своего супруга, о ея воздѣйствіи на Іоанна въ дѣлѣ сверженія татарскаго ига и пр.;¹⁾ мы вспомнимъ лишь старое мнѣніе знаменитаго историка С. М. Соловьева, опирающагося въ своемъ сужденіи о вліянніи Софьи на своего супруга на свидѣтельства Герберштейна, князя Курбскаго и рѣчи опальнаго боярина Берсеня Беклемишева. Софья, по мнѣнію незабвеннаго историка, принесла съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей; еще современники замѣтили, что со времени брака съ Софьей Іоаннъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, и приписали эту перемену внушеніямъ Софьи. С. М. Соловьевъ, думаетъ, что мы „не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство“²⁾. Отмѣчая вліяніе византійской принцессы на перемену отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ, С. М. Соловьевъ глубоко вѣрно указываетъ, что въ половинѣ XV вѣка „всѣ отношенія духовенства, дружины, остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкого самодержавія“, что къ этому времени „все уже было приготовлено къ тому, чтобъ новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, приемы, отъ которыхъ нужно было освободиться“³⁾. Въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія отъ нихъ помогла Софья. По мнѣнію С. М. Соловьева, въ фактѣ вѣнчанія Іоанномъ III внука своего на царство, сказалось вліяніе мыслей, внушенныхъ своему супругу Софьей, которая, конечно, имѣла въ виду вѣнчаніе своего сына⁴⁾, вліяніе же ея историкъ склоненъ

ператоровъ подъ властью католическаго царя не могла не улыбаться Риму“. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліянніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. (Харьковъ, 1901). стр. 17 Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 81—83.

¹⁾ Вопросъ этотъ подробно и обстоятельно изложенъ въ первой главѣ изслѣдованія В. Саввы. Московскіе цари и византійскіе василевсы, стр. 1—57.

²⁾ Ссылаясь на свидѣтельство князя Курбскаго и боярина Берсеня, С. М. Соловьевъ имѣетъ въ виду, что эти отзывы принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ вельможъ. И Р. Т. В. Второе изданіе Товарищества „Общ. Польза“, столб. 1405.

³⁾ Тамъ же, столб. 1404.

⁴⁾ О вѣнчаніи внука Іоанна см. у В. Саввы. Московскіе цари и виз. василевсы, стр. 112—120

также видѣть въ рѣшимости Іоанна III свергнуть ненавистное татарское иго¹⁾.

Профессоръ Ѡ. П. Успенскій высказалъ мнѣніе, что бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ служитъ обоснованіемъ теоріи „константинопольскаго наслѣдства“. Почтенный ученый византинистъ говоритъ: „Я имѣю здѣсь въ виду не то, что въ силу этого брака Ивась III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византийскихъ царей, а пѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога“²⁾. Нельзя не согласиться съ вѣрнымъ взглядомъ профес. М. А. Дьяконова, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о *реальномъ* наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, „такъ какъ, замѣчаетъ почтенный ученый, наслѣдство это предстояло еще добыть у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ планы Ивана Васильевича“³⁾. Ни изъ словъ, ни изъ дѣйствій Іоанна III не видно, что онъ послѣ брака съ Софьей считалъ себя наслѣдникомъ Византіи или царственныхъ правъ ея императоровъ. Ни супругъ Софыи, ни сынъ, ни внукъ ея намѣреній завоевать Константинополь не обнаруживали, поглощенные борьбой съ польско-литовскимъ государствомъ изъ-за русскихъ областей⁴⁾. Правда, Іоанна III титуловали царемъ, хотя и не всегда, служилые люди греческаго происхожденія: также и въ сношеніяхъ съ незначительными владѣтелями и владѣніями Іоаннъ III писалъ себя царемъ⁵⁾. Нельзя слишкомъ преувеличивать политическое вліяніе Софыи Палеологъ. То обстоятельство, что Іоаннъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалъ себя царемъ, врядъ ли, какъ справедливо замѣчаетъ

¹⁾ Уясненію вопроса о вліяніи на Іоанна III Софыи и пришедшихъ съ нею грековъ и итальянцевъ отведено достаточное мѣсто въ интересной статьѣ П. Е. Забѣлина — „Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія“. Историческій Вѣстникъ, 1881, апрѣль, стр. 772—776.

²⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ“ (Сиб. 1887), стр. 28. См. тамъ же, стр. 26—27. См. также Византийскій Временникъ, I (Сиб. 1894), В. Ѣ. Регель, Хрисовуль императора Андрея Палеолога 13 апрѣля 1483 года, стр. 151—158.

³⁾ Власть московскихъ государей, стр. 83.

⁴⁾ Проф. П. Ѡ. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII вв. Москва, 1885. Гл. VIII, стр. 348.

⁵⁾ Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 163.

проф. Савва, можетъ представляться слѣдствіемъ брака его съ византійской принцессой¹⁾. Надо замѣтить, что въ 1480 году произошло событіе громадной политической важности—сверженіе татарскаго ига, послѣ чего власть Іоанна стала національной, независимой отъ Орды. Для показанія этой независимости Іоаннъ и могъ пользоваться царскимъ титуломъ. Дѣйствительно, Іоаннъ писался царемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не послѣ 1472 года, когда онъ еще находился въ зависимости отъ хана Золотой Орды, котораго русскіе называли царемъ, но послѣ 1480 года²⁾.

Это знаменательное событіе, когда перестала существовать всякая форма зависимости отъ Орды, когда государственная власть сдѣлалась національной, имѣло, несомнѣнно, большое вліяніе на ростъ государственной власти и на сохраненіе и усиленіе наблюдаемаго и при отцѣ Іоанна III перевѣса государства надъ церковью. Съ этого времени открывалась широкая и блестящая историческая перспектива: уже не было больше *царя*, верховнаго повелителя своего улуса; Русь стала могущественнымъ, независимымъ государствомъ съ самодержавнымъ государемъ во главѣ. Позорное иго, вѣками тяготѣвшее надъ Русью, было, наконецъ, свергнуто. Не оправдались также и распространенныя въ народѣ вѣрованія о кончинѣ міра въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ: зловѣщій 1492 годъ наступилъ и не предвѣщалъ ничего трагическаго. Пришлось составлять новую пасхалию. И вотъ въ 1492 году митрополитъ московскій Зосима, какъ извѣстно *избранный и потомъ низвергнутый волею великаго князя*³⁾, во вновь составленной пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ, упомянувъ о созданіи царемъ Константиномъ града во имя свое, „еже есть Царьградъ и наречеса новый Римъ“, замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ „въ православіи просіавшаго *благочестиваго и христомлюбиваго великаго князя Ивана Василевича, государя и самодержьца, новаго царя Константина новому граду Константину—Москву*, и всей русской земли и инымъ многимъ землямъ государя, якоже и Господь рече: „прославляющихъ мя прославлю“, и про-

¹⁾ Московскіе цари и византійскіе василевсы, стр. 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 28, 38—39.

³⁾ Профес. М. Ф. Владимірскаій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170, прим. 1-ое.

славися имя его и слава по всей вселенській...“¹⁾ Здѣсь впервые высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія славной столицы византийской имперіи. „Этимъ, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, была указана почва, на которую надлежало перевести идею о константинопольскомъ наследіи, и дана была окончательная формула для заключительнаго звена политической теоріи о русскомъ царствѣ, какъ она впервые была сформулирована въ посланіяхъ старца псковскаго Елеазарова монастыря Филовея. Этотъ старецъ въ трехъ посланіяхъ—къ великому князю Василю Ивановичу, дьяку Мисюрю Мунехину и царю Ивану Васильевичу почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ мысль, что престоль вселенскія и апостольскія церкви имѣтъ представительницей церковь Успенія Пресв. Богородицы въ богоснасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто римской и константинопольской, „иже едина во всей вселенной паче солнца свѣтитса“, такъ какъ церкви стараго Рима пачи „невѣріемъ аполиларіевы ереси“, втораго же Рима Константинова града—церкви „агаряне вѣдцы съкирами и оскордами развѣкоша двери“, „понеже они, (т. е. греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство“. Соответственно этому и *московскій государь*, какъ „*благодержатель святихъ божихъ престоль*“ вселенской церкви, явился пресвѣтѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ, „*иже во всей поднебесной христіаномъ царь, якоже Ной въ ковчегъ спасенъ отъ потопа, правъ и ожормля Христову церковь и утверждая православную вѣру*“; во едино царство его по пророческимъ книгамъ сошлется всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія вѣры, „*яко два Рима пачина, а третій стоить, а четвертому не быть*“²⁾. Въ такихъ выраженіяхъ, не допускающихъ перетолкованія, раскрывается вносѣдствіи Филовеемъ *теократическій* взглядъ на всемірно-историческое призваніе Россіи. Православная Русь есть третій и послѣдній Римъ, единственная хранительница вселенскаго христіанства: она есть послѣд-

¹⁾ Р. И. В. Т. VI, № 118, Митрополита Зосимы извѣщеніе о шехалиншасьмью тысячу лѣтъ, столб. 797—799. Курени нашъ. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 66.

²⁾ Власть московскихъ государей, стр. 66—67. Курени нашъ. Профес. М. Ф. Владимірскій-Вудановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 164. Проф. В. П. Малиницъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Отдѣлъ VII, стр. 522 и слѣд.

нее царство пророчества Даниила, которое „имѣмъ не останется“ (по выраженію прор. Даниила). Съ точки зрѣнія того высокаго государственнаго положенія великаго князя московскаго, который представляется не иначе, какъ царемъ послѣдняго и богоизбраннаго міроваго царства, опредѣляются и его обязанности въ отношеніи къ государству и церкви, равно какъ отношеніе церкви къ государству ¹⁾. А какъ извѣстно эта теорія получила во все послѣдующее время господствующее *государственное* значеніе и имѣла очень широкое распространіе: Москва стала называться „*богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, блягочестіемъ цвѣтущимъ*“ ²⁾.

Политическій ростъ московской Руси, постепенное уничтоженіе удѣловъ (присоединеніе къ Москвѣ Новгорода въ 1478 г. и Твери въ 1485 г., полузависимое положеніе Пскова и пр.) показывали всю жизненность и примѣнимость этой важной теоріи; московскій государь, „браздодержатель святыхъ Божіихъ престоловъ святыхъ вселенскія апостольскія церкви“ ³⁾, одинъ обладаетъ полною государственной властью; защита православной вѣры и церкви Христовой должна была составлять важную задачу его государственной дѣятельности. Московскій государь— „единъ православный великій русскій царь въ всей поднебесной, якоже Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа. *правя и окормля Христову церковь, и утвержаа православную вѣру*“ ⁴⁾. Эти громадныя права русскаго государя переходятъ въ тяжелую обязанность, соединенную съ неизбѣжною

¹⁾ Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 766.

²⁾ Псалтырь XVI в. по Оп. рук. Солов. монаст., Т. I, стр. 23. Проф. М. А. Дьяконовъ Власть московскихъ государей, стр. 67—68. Самымъ важнымъ свидѣтельствомъ того значенія, которое имѣло для XVI вѣка церковно-политическое ученіе Филовея, служить, несомнѣнно, то, что формула этого ученія дословно вошла въ составъ уложенной грамоты 1589 года объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. С. Г. Г. и Д. II, стр. 97.

³⁾ Изъ рукоп. сборн., писаннаго игуменомъ волоколамскаго монаст. Нифонтомъ. Рук. Импер. публ. библ. Л. Q. отд. XVII № 15, перв. пол. XVI в. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Приложенія, VII, стр. 45.

⁴⁾ Посл. къ Ивану Васильевичу, рукоп. Сиб. дух. Акад. № 1444. л. 436. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 561.

отвѣтственностью: „сега ради подобаетъ тебѣ, о царю, содержати царство твое со страхомъ Божиимъ; *убойся Бога, до душевнаго ти спасенія се есть дѣло*“¹⁾. И мы видѣли выше, какъ понимали свои обязанности московскіе государи относительно заботъ о спасеніи душъ своихъ подданныхъ; мы останавливались на нѣкоторыхъ постановленіяхъ Стоглава, этого, несомнѣнно, лучшаго показателя взаимныхъ отношеній государства и церкви. Мы приведемъ здѣсь еще одну выдержку изъ этого замѣчательнаго памятника, по вопросу о борьбѣ съ остатками язычества въ народѣ, которая наглядно свидѣтельствуетъ намъ о перевѣсѣ государства надъ церковью, о теократическомъ характерѣ московскаго государства: „*По царской заповѣди всемъ святителямъ коемуждо въ своемъ предѣлѣ по всемъ тридцать и семью разглати къ людямъ свои грамоты съ поученіемъ и съ великимъ запрещеніемъ, чтобы однолично о Іване днѣ и въ навечерни Рождества Христова и Крещенія Христова мужи и жены и дѣвцы на пощное плещеваше и на безчисный говоръ и на бѣсовекце пѣни и на пѣсанне и на сказанне и на многа богомерзкая дѣла не смодилися и таковыхъ бы древнихъ бѣсовашій эллинскихъ не творили и въ конецъ престаши; занеже святыми отцы гдѣ всеъ эллинские прелести по священнымъ правиламъ отречены быша и православному хрестіаномъ не подобаетъ таковая творити, но божественныя праздники и святыхъ почитати и праздновати въ славу Божию*“²⁾. Итакъ мы видимъ, что прискорбное явленіе въ народной жизни, *предусмотрѣнное и воспрещенное святыми отцами и священными правилами*, искореняется духовною властью „по царской заповѣди всемъ святителямъ“. Московскій государь мыслится какъ пастырь, которому ввѣрена Богомъ настоящая и будущая судьба его подданныхъ; это не простое смѣщеніе отравленій властей свѣтской и духовной, но особое представленіе о власти князя, этого „пастыря словесныхъ овецъ Христовыхъ“, обязаннаго заботиться и о спасеніи душъ своихъ подданныхъ.

Все эти историческія событія (начиная съ флорентійскою уніи, самочиннаго избранія митрополитовъ Іоны и Феодосія, перемѣны въ

¹⁾ Послание ст. Филовея къ Василию III. (Рукоп. Импер. публ. библ. № 1582, л. 35). В П. Матвѣичъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 561.

²⁾ Стоглавъ. (Казань, 1862), стр. 189—190. Куренвъ нашъ.

характеръ отношеній Москвы къ Константинополю, сверженія татарскаго ига и пр.) не могли не вліять на измѣненіе характера отношеній московскихъ государей къ представителямъ церкви на Руси Мы видимъ, что здѣсь беретъ сильный перевѣсъ государственная власть; съ полнымъ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ и воздѣйствія усиливающейся свѣтской власти. Отношенія московскихъ государей къ митрополиту подвергаются весьма существенному измѣненію. Мы знаемъ, что въ настоящихъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ на Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1354 года о поставленіи митрополита Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья, весь клиръ и весь христонменный народъ обязаны оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу“¹⁾. Известно, что эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту примѣнялись на практикѣ въ самомъ широкомъ объемѣ: митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма далекое отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, а за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ въ Константинополь. Патріархъ же подтвердилъ князьямъ правила о послушаніи митрополиту, одобрилъ и утвердилъ наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ испросить у митрополита прощеніе; великому же князю за его послушаніе и благопокореніе митрополиту патріархъ выразилъ свое полное одобреніе. По канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя. Митрополитъ Кипріанъ, типичный выразитель византійскихъ взглядовъ, жалуясь на великаго князя Дмитрія за причиненныя ему позоръ и обиды, замѣчаетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но при этомъ

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 9, столб. 48. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 8—9. См. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 182 и слѣд. А. И. Т. I, № 254, стр. 482—483 и друг.

очень характерно добавляетъ: „И аще-ли бы моя вина дошла ко-
торая, ни *годишя* княземъ казнити святилеву: есть у мене *патр-
іархъ*, болшиѣ надъ нами, есть великіѣ сборъ; и онъ бы тамо по-
слать вины моя, и они съ неправою мене казнили“¹⁾. Такая тен-
денція придать духовному авторитету преобладающее значеніе имѣла,
но справедливому мнѣнію профес. М. А. Дьяконова, очень важное
практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для
проведенія идеи о завышенности русскихъ княженій отъ византий-
скихъ императоровъ. Конечно, въ сферѣ церковнаго управленія эта
завышенность представлялась совершенно конкретной²⁾. Императоръ
византийскій въ сферѣ церковнаго управленія, въ качествѣ пома-
занника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, зани-
малъ очень высокое положеніе, чему не мало способствовало зави-
симое положеніе „вселенскаго“ патріарха отъ императора³⁾. По
праву такого главы императоръ оказывалъ несомнѣнное вліяніе
и на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константи-
нопольскаго патріархата; въ свою очередь патріархи старались всѣми
мѣрами поддержать въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ
„святого“⁴⁾ самодержца императора, поддержать и авторитетъ мі-
ровой вселенской церкви. Для упроченія же этой завышенности рус-
ской церкви отъ константинопольскаго патріархата, вселенскому
патріарху было удобнѣе и лучше имѣть своими представителями
на кафедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческаго происхожденія,
такъ какъ они, естественно, должны были болѣе тяготѣть къ Ви-
зантіи и сильнѣе ощущать свою исключительную завышенность отъ
Константинополя. Мы знаемъ, какъ неохотно соглашались въ Кон-
стантинополѣ на поставленіе въ митрополіи русскихъ по происхож-
денію: „настолярная грамота патріарха Филовея владимірекому епи-
скопу Алексею на митрополію кіевскую и всея Руси“⁵⁾ служить
лучшимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ этихъ взглядовъ. И

¹⁾ Р. II. В. Т. VI, № 20, столб. 184.

²⁾ Визитъ московскихъ государей, стр. 10.

³⁾ Профес. В. П. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 183—185, 489, 196—197. Проф. П. С. Суворовъ, Курсы церковнаго права Т. II, стр. 458 и слѣд.

⁴⁾ Объ этомъ названіи византийскихъ императоровъ см. В. Савва, Мос-
ковскіе цари и византийскіе вассалы, стр. 64—70.

⁵⁾ Р. II. В. Т. VI. Приложенія, № 9, столб. 41—52.

митрополиты-греки, чувствуя свою зависимость отъ Константинополя, зная, что тамъ они встрѣтятъ сочувствіе и помощь, позволяютъ себѣ дѣйствовать совершенно независимо и рѣзко въ отношеніи великаго князя. Извѣстно, что вышеупомянутый митрополитъ кievскій Кипріанъ, выгнанный Дмитріемъ Пваповичемъ изъ Москвы, предать великаго князя проклятію и написать иреродобному Сергію радонежскому и симоповскому игумену Феодору грамоту съ жалобами на великаго князя ¹⁾, въ которой находится слѣдующее характерное мѣсто: „И аще міряне блюдутся князя, занеже у нихъ жепы и дѣти, стяжанія и богатства, и того не хотятъ погубити (яко и самъ Спасъ глаголетъ: „удобъ есть вельблуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царство небесное вшити“): вы же, иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ и живете единому Богу, како толику злобу видивъ, умолчали есте? Аще хотите добра души князя великаго и всеи отчизнѣ его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте предъ царю не стыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святы. Не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князи, и княжскій грѣхъ на люди нападаетъ? Не вѣсте ли писаніе глаголющее, яко аще плотскихъ родителей клятва на чада чадомъ падаеть, колима чаче духовныхъ отецъ клятва и та сама основанія подвиже[тъ] и пагуби предаеть? Како же ли молчаніемъ преминуете, видяще мѣсто святое поругаемо, по писанію глаголющему: мерзость, запустѣнія, стояще на мѣстѣ святѣмъ?“ ²⁾. Затѣмъ митрополитъ напоминаетъ многочисленныя правила о поставленіи епископовъ, изверженіи и отлученіи неправильно поставленныхъ, а также и ихъ пособниковъ ³⁾. Въ концѣ же грамоты прописано и проклятіе въ слѣдующей формѣ, хотя и безъ наименованія князя: „Тъ Богъ вѣдаеть, что любилъ есмь отъ чистаго сердца князя великаго Дмитрія, и добра ми было хотѣти ему и до своего живота. А попеже таковое бещестіе възложи на мене и на мое святительство: отъ благодати, данныя ми отъ пресвятыя и живопачальныя Троица, по правиломъ

¹⁾ Р. И. В. Т. VI, № 20. 1378 г. іюня 23, столб. 173—186.

²⁾ Тамъ же, столб. 175—176.

³⁾ „Того ради купующен и продающен мяздою или силою княжескою святительство, и обои извержени и отъ церкви отинудь отлучени и изгнани биваютъ Святаго же патріарха Генадія посланіе и проклятыемъ таковыя осуждаетъ“. Тамъ же, столб. 179.

святыхъ Отець и божественныхъ Апостолъ, *слици прошестии сунть моему илинью и запиранію, и бещестію и гуренію, слици на томъ ствннть свнцали, да будутъ отлучени и неблагословени* отъ мене Кириана, митрополита всея Руси, и *прокляти по правиломъ святыхъ Отець*, и хто покусится сню грамоту ежени, или затанти, и тотъ таковъ⁴⁾.

Такъ стояло дѣло до половины XV вѣка; но постѣ флорентійской уніи, паденіи Константинополя, самочиннаго избранія митрополита Юны по приказанію великаго князя, формальнаго разрыва Москвы съ Константинополемъ и пр. отношенія великаго князя къ митрополитамъ измѣнились: митрополиты стали находиться въ болѣе тѣсной зависимости отъ своего великаго князя. Подданный великаго князя, лишенный опоры внѣ великаго княжества крѣпящаго и растущаго, — митрополитъ Юна, конечно, не могъ занять того положенія, въ которомъ находились митрополиты-греки, выросшие и воспитанные въ византійскихъ традиціяхъ и взглядахъ, сильныя своею связью съ Константинополемъ, съ духовнымъ главою вселенской церкви патріархомъ и мірскимъ ея распорядителемъ — византійскимъ императоромъ. Великій князь самъ, своею властью добывалъ себѣ митрополита; конечно, такой архиепископъ сознаетъ всю свою зависимость отъ великаго князя, энергично дѣйствуетъ въ интересахъ своего покровителя, принимая его сторону, поддерживая и возвышая его своимъ авторитетомъ, побуждая дѣйствовать въ томъ же духѣ и подчиненное себѣ духовенство. Великій же князь, повидимому, сознаетъ свою силу и, забывая прежніе порядки, создаетъ новые. А митрополитъ, открыто заявившій, что онъ поставленъ *„по повеленію“* великаго князя, являясь вѣрнымъ союзникомъ и помощникомъ этого князя, конечно, даже не пытается заявить о своихъ правахъ, о своей самостоятельности. Такимъ образомъ, между государствомъ и церковью постепенно устанавливается прочная связь, возникаетъ тѣсный союзъ этихъ организмовъ, съ несомнѣннымъ перевѣсомъ и преобладаніемъ государства надъ церковью, плущей поддержки и покровительства у своего болѣе сильнаго союзника.

⁴⁾ Тамъ же, столб. 185—186. Куревъ нашъ. Профес. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 517—518.

Очевидно, что, при существовании таких отношений, избрание русских митрополитов совершалось под преобладающим, а впоследствии и исключительным влиянием московских государей. Это влияние великаго князя на избрание митрополита московскаго и всея Руси было утверждено въ 1459 году соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію Святаго Духа, ... по повелѣнію господина великаго князя... русскаго самодержавна, въ той зборной церкви святыхъ Богородицы на Москвѣ“¹⁾. Правда, въ княженіе Василія Темнаго и Іоанна III „дѣло еще не доходило—по образному и глубоко вѣрному выраженію профес. М. Ф. Владимірскаго-Буданова²⁾—до простаго назначенія митрополита волею великаго князя“ (прибѣгли и къ завѣщательному способу преемства волею предшествующаго митрополита и др.), но уже въ правленіе великаго князя Василія Ивановича наступаетъ порядокъ, описанный Герберштейномъ: „нынѣшній государь обыкновенно призываетъ извѣстныхъ ему (кандидатовъ) и изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію“³⁾. Духовенство же съ своей стороны находило такой порядокъ совершенно нормальнымъ и само охотно искало вмѣшательства сильной государственной власти въ такія дѣла своего вѣдѣнія, въ которыхъ средства и силы духовенства казались не вполне достаточными для успешнаго осуществленія мѣропріятія, признаваемыхъ необходимыми. Приведемъ примѣры. Въ Новгородѣ появляется ересь жидоствующихъ. Представители церковной власти послѣ обнаруженія ея вмѣсто того, чтобы борьбу съ ересью принять на свою отвѣтственность и тѣмъ охранить область собственнаго вѣдѣнія отъ вмѣшательства государственной власти, стараются возложить эту борьбу на государственную власть, настойчиво требуя отъ нея примѣненія репрессивныхъ мѣръ уголовнаго характера. Достойно вниманія то, что государственная власть вовсе не такъ ревностно и охотно пользовалась такимъ удобнымъ случаемъ для распространенія своего вліянія въ области церковнаго управленія. Виновникъ открытія ереси

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 33, столб. 630; А. И. Т. I, № 61, стр. 109. Профес. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170.

²⁾ Тамъ же, стр. 170.

³⁾ Слѣдующіе митрополиты, повидимому, назначены вовсе безъ соборнаго избранія: Варлаамъ—1511, Даніилъ—1522, Филиппъ—1586. Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170.

Геннадіи, архієпископъ повгородскій, заботясь о скорѣйшемъ пресѣченіи зла, пишетъ посланія къ епископамъ и митрополиту, умоляя вызвать великаго князя на защиту колеблемаго православія. Въ своемъ посланіи къ Прохору, епископу сарскому, Геннадій выражаетъ увѣренность, что конецъ ереси можетъ быть положенъ только „*грозою и обыскомъ великаго князя*“, а потому онъ проситъ его „*боголюбіе*“, чтобы вмѣстѣ съ митрополитомъ Геронтіемъ, архимандритами и пресвитерами они „*потщались*“ напоминать „*государю великому*“ о необходимости утвердить вѣру его праотца Владиміра и тѣмъ спасти „*православное христіанство отъ еретическо-преlestи*“. А за это онъ, великій князь, подучитъ „*нетѣшный вѣнецъ*“, уготованный ревнителямъ православія: царю Константину и Владиміру, крестившему русскую землю¹⁾. Это обращеніе къ помощи и содѣйствію великаго князя вытекаетъ у Геннадія изъ его общаго взгляда на государственную власть, по которому „*государямъ великимъ*“, которыхъ Геннадій называетъ „*пастырями словесныхъ овецъ Христовыхъ*“ „*подобаетъ... пошехнети о нихъ имѣти, якоже самому Христу*“²⁾. Просьбы духовенства, какъ видно, достигли своей цѣли, такъ какъ послѣ соборнаго разсужденія трое изъ виновныхъ были казнены градекою казнью, какъ извѣстить объ этомъ Геннадій митрополиту и самъ великій князь³⁾. Какъ видно изъ надписи на грамотѣ великаго князя „*князь великій и митрополитъ прислать съ Кривоборекымъ, о еретичьхъ, въ лѣто 96, февраля 13*“ это происходило въ 1488 году. Въ октябрѣ же 1490 года Геннадій снова посылаетъ пространныя грамоты къ новому митрополиту Зосимѣ и собору епископовъ о немедленномъ принятіи строжайшихъ мѣръ противъ повгородскихъ еретиковъ⁴⁾. Геннадій пишетъ новому митрополиту: „*И Геронтіи митрополитъ о томъ великому князю не доукуть, да тѣмъ еретикомъ конца не учинили; и которые еретики здѣсь были подаалися, да и дѣйства свои писали сами на себя своими руками, и ти, послышавъ то, что на Москвѣ живутъ еретики во ослабѣ, и они всеъ отсѣлъ сбывали къ Москвѣ; да тамъ еретики*

¹⁾ Псковская сборн. изъ собр. гр. Троицкого, а также Имп. публ. Библ. Q. XVII. № 61, л. 319. Проф. В. Н. Маллинь. Старецъ Елеазаровъ монастыря Филовеи и его посланія, стр. 577—578.

²⁾ Р. Н. Б. Т. VI, № 113, столб. 756.

³⁾ Р. Н. Б. Т. VI, № 114, столб. 759—764.

⁴⁾ Р. Н. Б. Т. VI, № 115, столб. 763—781.

сбѣжаеъ, да ходили въ ослабѣ, да и въ церковь и въ олтарь ходили невозбранно“¹⁾. Такъ какъ дѣло преслѣдованія еретиковъ государственною властью не было доведено до конца, то архіепископъ Геннадій такъ проситъ митрополита: „А ты, господи́нь отецъ нашъ, сыну своему великому князю накрѣпко о томъ въспоминай: понеже должно ти есть. А только государь нашъ, сынъ твой князь великій, того не обещетъ, а тѣхъ не казнить. ино какъ ему съ своеѣ землѣ та соромота свести? Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать! Сказывають ми посоль цесаревъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ. И ты бы, господине, великому князю о томъ пристойно говорить, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя“²⁾. Но какъ бы не считая достаточнымъ ходатайства предъ великимъ княземъ, или не надѣясь на то, что митрополитъ Зосима поревнуетъ по вѣрѣ, архіепископъ Геннадій пишетъ грамоту въ Москву собору владыкъ, гдѣ, излагая всѣ обстоятельства еретическаго движенія въ Новгородѣ и Москвѣ, настаиваетъ на созваніи собора: „А не спѣшили бы есте ставити владыку (коломенскаго): преже бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнить князь великій“³⁾. Въ указаніи мѣръ борьбы съ еретиками Геннадій не хочетъ различать между ними людей книжныхъ и простыхъ и заранее сознательно обходить мѣру словеснаго или книжнаго вразумленія: „Да еще люди у насъ простые, не умѣють по обычнымъ книгамъ говорить: таки бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили; токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнить—жечи да вѣдати: запеже еретики наоборотно взяли у мене покааніе да општемя, да оставя все то, да сбѣжали. Да пытати бы ихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили, чтобы было вѣстно: занеже ихъ искоренять, а уже отрасли есть“⁴⁾.

Итакъ мы можемъ видѣть, что съ точки зрѣнія архіепископа Геннадія, являющагося типичнымъ выразителемъ идеи своего времени, великому князю принадлежитъ высшая и непремѣнная за-

¹⁾ Тамъ же, столб. 768.

²⁾ Тамъ же, столб. 775.

³⁾ Тамъ же, столб. 779.

⁴⁾ Тамъ же, столб. 784.

бота и попечение о благосостоянии церкви, цѣлости и чистотѣ догматовъ православной вѣры¹⁾. Какъ высшій и первый сынъ православной церкви, какъ пастырь Христова стада, отвѣтственный предъ источникомъ его власти—Богомъ, онъ обязанъ всеми доступными для него мѣрами, всею грозою оберегать ввѣренный ему народъ отъ всехъ неприванныхъ учителей, губящихъ сразу и высокое достоинство негнимаго русскаго правосвѣрія и христіанскія души его подданныхъ, предназначенныхъ къ царствію Божию²⁾.

Возврѣнія Гепнадія на средства борьбы съ ересью оказались господствующими въ тогдашнемъ духовенствѣ и монашествѣ; наиболѣе полнымъ и блестящимъ ихъ выразителемъ является знаменитый игумень Волоцкаго монастыря суровый Іосифъ (Санинъ)³⁾, основатель и глава цѣлой школы іерарховъ „іосифлянъ“, ревностно старавшихся о проведеніи въ жизнь понятія національной русской церкви. Для того, чтобы провести въ жизнь и укрѣпить это понятіе, чтобы, такимъ образомъ, закрѣпить преобладаніе и перевѣсъ государства надъ церковью, нужно было сильное и живое содѣйствіе самой церкви. „Такое содѣйствіе, справедливо говоритъ П. Н. Милюковъ, оказали московскому правительству три знаменитыхъ іерарха русской церкви XVI столѣтія, все трое проникнутые однимъ національно-религіознымъ духомъ. Мы говоримъ объ игуменѣ Волоколамскаго монастыря Іосифѣ Санинѣ и о двухъ митрополитахъ Даниилѣ и Макаріи. Представители трехъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на промежуткѣ отъ конца XV столѣтія до середины XVI, эти три общественные дѣятеля поочередно передавали другъ другу зачатку идеи, возникшей въ началѣ этого промежутка и осуществленной въ концѣ его—идеи національной государственной церкви“⁴⁾.

¹⁾ Профес. М. Ф. Владимірскаго-Вуданова. Обзоръ истории русскаго права, стр. 171

²⁾ Профес. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія, стр. 578—579.

³⁾ О взглядахъ его на необходимость преслѣдованія еретиковъ мѣрами свѣтской власти см. проф. В. Н. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 510—511; проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія, стр. 583 и слѣд.; проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 91—101 и друг.

⁴⁾ Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II (Изд. 2-ое, Спб. 1899), стр. 25. Курсивъ нашъ.

Мы не имѣемъ возможности удѣлнить здѣсь достаточно мѣста подробному изложенію политической доктрины знаменитаго Волоколамскаго игумена, открыто говорившаго, что московскій государь „всѣмъ намъ общій государь, ино всяя русскія земля государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ вседръжителю во свое мѣсто, и посадилъ на царьскомъ престолѣ, судъ и милость предасть ему, и церковное и монастырское, и всею православнаго хрестіянства, всяя Рускія земля власть и попеченіе вручилъ ему“¹⁾. „Отъ вышняго Божія десница поставленъ еси самодержецъ и государь всяя Руси, пишеть Василію Ивановичу краснорѣчивый авторъ „Просвѣтителя“, глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя, и пряхъ тя за руку, укрепихъ тя, сего ради слышите царне и князи и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, вамъ же подобаетъ приѣмши отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода православнымъ государемъ царемъ и княземъ не токмо о своихъ пещися и своего точію житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти и соблюсти стадо его отъ волковъ невредимо“²⁾. Охрана правосвѣрія есть главнѣйшая обязанность государя, о власти котораго Іосифъ столь высоко мнѣнія: „Царь убо естествомъ полюбенъ есть всемъ человекомъ, властію же подобенъ вышнему Богу“³⁾. Государь, уклонившійся отъ этой почетной миссіи, перестаетъ быть царемъ, становится мучителемъ и слугою дьявола⁴⁾. „Политическое значеніе Іосифа, глубоко вѣрно говоритъ проф. М. А. Дьяконовъ, заключается въ горячей проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно византийскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви, и въ примѣненіи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отечественной литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ намѣстникѣ Божіемъ, должна была сильно imponировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ бла-

¹⁾ Нифонтовскій сборникъ, л. 231 об. В. Н. Малининъ. (Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 586)

²⁾ Тамъ же, л. 202 об., стр. 589—590. Курсивъ нашъ.

³⁾ Просвѣтитель, слово 16, стр. 601—603. Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 98—100.

говѣрными царями и въ частности уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, вполне отвѣчая новымъ представленіямъ о русскомъ православномъ царствѣ¹⁾. Въ такомъ же направленіи училъ и дѣйствовалъ митрополитъ Данилъ, „типичный іосифлянинъ“ (по выраженію проф. А. С. Павлова); за митрополитомъ Даниломъ утвердилась прочная репутація „*нотановника*“ *государственной власти*: его участіе въ задержаніи одного изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей—князя повгородъ-сѣверскаго Василя Шемячича и его роль въ разводѣ Василя III съ первой бездѣтной женой Соломонією (Сабуровой)—оправдываютъ справедливость этого эпитета, даннаго ему княземъ А. М. Курбскимъ. Знаменитый митрополитъ Макарій, принадлежащій, несомнѣнно, къ числу выдающихся дѣятелей своего времени, еще раньше царскаго вѣнчанія въ 1547 году вполне раздѣлялъ теорію божественнаго происхожденія царской власти и усвоялъ ей вѣдѣнію всю полноту проявленія человѣческой жизни, дѣла божескія и человѣческія, церковь и государство. У него, естественно, даже не возникало вопроса о какихъ-либо неудобствахъ для церкви отъ такого вмѣшательства государственной власти въ дѣла внутренняго церковнаго управленія²⁾

Въ царствованіе Іоанна Грознаго теократическій характеръ московскаго государства достигаетъ своего высшаго развитія. „Въ Стоглавѣ, говорили мы, наиболее рельефно отпечатлѣлась тѣсная связь (слияніе) церкви съ государствомъ и перевѣсъ государства надъ церковью, большая сила государственной власти,— тотъ перевѣсъ государства надъ церковью, который, по авторитетному и глубоко вѣрному взгляду профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, наблюдается съ половины XV в. и продолжается въ теченіе XVI столѣтія³⁾. Это участіе представителя государственной власти въ дѣлахъ церкви, осуществленіе имъ права инициативы церковнаго законодательства, участіе его въ самомъ обсужденіи законовъ и вообще сильное вліяніе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ (лучшимъ примѣромъ чего служитъ дѣятельность Іоанна на Стоглавомъ со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 101.

²⁾ Проф. В. П. Малининъ. Старецъ Елвазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 601.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 169.

борь) — дѣлають Стоглавъ незамѣнимымъ и богатѣйшимъ источникомъ для анализа этихъ отношеній. Дѣянiя этого собора являются какъ бы реальнымъ подтвержденiемъ и осуществленiемъ мысли Грознаго, высказанной имъ впоследствии въ перепискѣ съ опальнымъ бѣглецомъ княземъ А. М. Курбскимъ, — что главная задача есть *религиозное воспитанiе подданныхъ, что власть государственная имѣеть вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли*: „тщужеся со усердiемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познають единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога, даннаго имъ государя..“¹⁾ Стоглавъ — реальное, конкретное осуществленiе этой мысли, санкционированной и освященной соборомъ русскаго духовенства, кульминационный пунктъ теократическаго характера московскаго государства, когда государство и церковь, слитыя въ единый организмъ, осуществляютъ совмѣстную также единую программу“²⁾.

¹⁾ Сказанiя князя Курбскаго, Ч. II, стр. 66. Профессоръ М. Ф. Владимiрскiй-Вудановъ. Обзоръ исторiи русскаго права, стр. 171.

²⁾ Стоглавъ (Къ вопросу объ официальномъ или неофициальномъ происхожденiи этого памятника), стр. 7—8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Флорентинская унія, эта неудачная, паспльственная попытка соединенія церквей восточной и западной, представляет собою одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ государственной и церковной жизни московской Руси¹⁾. Исторія этой уніи и слѣдствія ея вскрываютъ предъ нами одинъ изъ несомнѣнно важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи русскаго церковно-политическаго самосознанія. Событія, сопровождавшія флорентійскую унію, постановленія которой были поняты московскимъ правительствомъ какъ оскорбленіе и угроза, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до этого времени для московскихъ государей оставалась въ тѣни: на ихъ долю выпала почетная обязанность стать во главѣ охраны правовѣрія и благочестія²⁾. Хотя подобная задача указывалась князьямъ представителями древ-

---

¹⁾ Знаменитый отечественный историкъ С. М. Соловьевъ отлично оцѣнилъ громадное значеніе флорентійской уніи. «Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора, говоритъ онъ, имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверо-восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ, понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія и древняго благочестія и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы». С. М. Соловьевъ. П Р Т IV (Изданіе 2-ое, товар. „Общественная Польза“ Сиб.), столб. 1265

²⁾ М. А. Дьяконовъ. «Власть московскихъ государей» (Сиб. 1889), стр. 54; Е. В. Барсовъ. «Древне-русскіе памятники священнаго вѣчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами Съ историческимъ очеркомъ чиновъ царскаго вѣчанія въ связи съ развитіемъ идеи царя на Русь». Чт. въ Импер. Общ. Ист. и Др. 1883, I, стр. XV.

не-русской письменности еще в болѣе ранній періодъ¹⁾, по до-
возвращения митрополита Псидора съ „богоотметнаго, суемыслен-

¹⁾ Здѣсь нельзя не видѣть влияния византийскихъ взглядовъ, по кото-
рымъ „высочайшій и святой самодержецъ“ („ὁ κράτιστος καὶ ἅγιος βασιλεὺς,
αὐτοκράτωρ“) — императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты право-
вѣрія См. Isaac. Novella de electionibus pontificum. Migne Patrologiae cursus
completus S G Tom. CXXXV, col 440. О любви византийскихъ императоровъ
къ эпитету „святой“ и правѣ на это титулованіе см у проф А Лебедева.
„Очерки истории византийскаго-восточной церкви отъ конца XI до половины XV
вѣка.“ (Москва 1892), стр 210, 211 и слѣд В П. Сергѣевичъ „Русскія юриди-
ческа дренности“ Т II (изд. 2 Спб 1900), стр. 489 и слѣд. „Любопытно, за-
мѣчаетъ проф. Дьякововъ, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, про-
водится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Вла-
диміру Мономаху“. „Власть московскихъ государей“, стр. 51 Одно изъ поле-
мическихъ сочиненій митрополита Никифора (1104—1121)—посланіе къ Вла-
диміру Мономаху, написанное по вопросу князя. „како отържени быша Ла-
тина отъ святыхъ соборныхъ и правовѣрныхъ церкве“—указываетъ на практи-
ческую тенденцію посланія, выраженную въ заключительномъ обращеніи къ
великому князю: „И прочитай же, Княже мой! не единою, ни дважды, но
множицею, и ты, Княже, и сынове твои. Подобаеть бо Княземъ, яко отъ
Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса
разумѣти извѣсто, и основаніе церковное тврьдое, да и ти (т. е князя) бу-
дутъ основаніе, якоже есть святыхъ церкве, на сзвѣтъ и наставленіе пору-
ченнымъ имъ людемъ отъ Бога. Единъ бо Богъ царствуетъ небесными, вамъ
же, съ его помощію, царствовать земными“ А. С Павловъ. „Критическіе
опыты по истории древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“
(Спб. 1878), стр. 62—63 Въ одномъ изъ посланій къ Владимиру Мономаху, гдѣ
митрополитъ Никифоръ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и
затѣмъ примѣняетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ гово-
ритъ, что нашеть князя „благовѣрна по Божіи благодати и не уклоншеся
отъ первыхъ вѣры, . храня же еже по Бозѣ ревность и до сего дъне, и молю
Бога до конца ти съблюдену быти пѣлу, съблюденно же ти се будетъ, аще
въ стадо Христово не даси влѣку внити, и аще въ виноградъ, иже насади
Богъ, не даси насадити трънїя, но съхранити предана старое отецъ тво-
ихъ“. Русск Достоинам I, 70, оно же (въ переводѣ) помѣщено у митрополита
Макарїа, „Исторїя Русской церкви“. Т. II, изд 2, стр. 194—200. Это посланіе
митрополита Никифора о постѣ и воздержаннїи чувствъ митрополитъ Макарий
называетъ „лучшимъ сочиненіемъ митрополита Никифора“ и „вообще однимъ
изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности“ „Тутъ видѣнъ и
самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастыр-
скимъ дерзновеніемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій
князь съ его высокими качествами человѣка—христианина“ Тамъ же, стр.
194 Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборни-
ковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ ми-
трополитомъ Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нару-
шалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоева-
ніе вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры, что

наго осьмаго собора¹⁾ московскимъ князьямъ не представлялось прямыхъ поводовъ стать на эту почву, выступить въ почетной роли крѣпкихъ блюстителей и охранителей православія. Эта миссія великихъ князей—поборничества и защиты православія, несомнѣнно, имѣла сильное вліяніе на созиданіе и установленіе взаимныхъ отношеній между государствомъ и церковью и способствовала тому, что московское государство, которое усвоило идею „Третьяго Рима“, по-

и замѣчено по поводу избѣнія многихъ русскихъ князей: „а инымъ же княземъ Богъ повелѣ жити челоувѣколюбіемъ своимъ въ руськой землѣ, хрестьяньскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла вѣра хрестьянская“. (Лѣтоп. по Лаврен. си, стр 494). Но татары, какъ оказалось, отличались въротерпимостью и даже покровительствовали русской церкви. Объ отношеніи монголовъ къ христіанству и русской церкви см у Е. Голубинскаго. П. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 1—49; П. Знаменскаго. Руков. по ист. р. цер., стр. 70—71. Когда же, въ началѣ XIV в., противъ митрополита Петра возсталъ довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю тверскому (Михаилу Ярославичу), что ему слѣдуетъ исправить зло; упрекая его за молчаніе, „видя ересь растущу и множающуюся, безстудивъ и непокровными усты износиму“, онъ напоминалъ: „Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ. Царь еси, господине княже, въ своей землѣ; ты истязанъ имаши быти на страшнѣмъ и нелицемѣрнѣмъ судилищи Христовѣ, аже смолчиши митрополиту..“ „А мы съ своей души снимаемъ на твою душу“ (1312—1315 г.). Два посланія къ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому: константинопольскаго патріарха Нифонта I и русскаго инока Акиндина—о поставленіи на мздѣ (противъ митрополита Петра). Р. И. Б. Т. VI, № 16, столб. 150—151, 157—158. Тверской князь, однако, не могъ воспретить митрополиту его беззаконіи, хотя и вмѣшался въ это дѣло, такъ какъ митрополитъ Петръ находился подъ защитой сильнаго московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ взводимыхъ на него обвиненій. Но проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго примѣненія въ рассматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое примѣненіе идея эта получила уже послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. Хотя ученіе объ обязанности князей заботиться объ охранѣ правосвѣрія сначала находило слишкомъ неподготовленную почву для его воспріятія, но, постоянно повторяемое, постепенно подготовляло умы слушателей къ усвоенію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государѣ и государствѣ.

¹⁾ Рукопись Моск. Публичн. Музея, № 939, л. 13, 14, 17; А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. (Спб. 1878) Прилож. X, „Повѣсть“ Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“. стр. 202, 203, 205; А. Поповъ. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ (М. 1875). „Повѣсть Симеона“, стр. 349, 350, 353; „Слово избрано отъ святыхъ писаній.“ стр. 361, 364, 366, 369, 376; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152, 153, 155, 161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101, 102, 104, 108; Никонъ лѣт. Ч. V, стр. 128, 131, 135, 154 и другіе источники.

ставившую во главѣ православнаго мира Москву, постепенно приобретающаго теократическій характеръ, вырабатывая единую, совмѣстную программу дѣятельности государства и церкви¹⁾.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого важнаго событія съ его многочисленными послѣдствіями²⁾ и разсмотрѣть дѣятельность великаго князя въ отраженіи попытокъ митрополита Исидора ввести унию, когда „благовѣрный великій князь всея Руси“, юный возрастомъ и „некнижный“, но „вѣрою утверждень и теплою духомъ горя по благочестію“, „угодился равноапостольному великому князю Константину, сотворшему православіе, и благовѣрному и великому князю Владиміру... крестившему русскую землю“³⁾, — мы остановимся на событіяхъ, предшествовавшихъ ферраро-флорентійскому собору и дающихъ возможность правильно и всесторонне освѣтить и осмыслить эту знаменательную эпоху подъема и роста политическаго самочувствія и церковнаго самосознанія московскаго государства.

Послѣ смерти митрополита Фотія (1-го или 2-го іюля 1431 года)⁴⁾, когда нужно было позаботиться объ избраніи ему преем-

¹⁾ Проф. М. Ф. Владиміреки-Будановъ. „Обзоръ истории русскаго права“. Изд. 3 (Кіевъ 1900), стр. 169—171, гдѣ мы находимъ прекрасную и сжатую характеристику взаимныхъ отношеній государства и церкви въ разсматриваемый періодъ. См. краткую, но лучшую, критическую оцѣнку этого классическаго труда, принадлежащую перу профессора М. Н. Ясинскаго. „Кіевлянинъ“. 19 марта 1900 г. № 79

²⁾ Въ нашу задачу совершенно не входитъ разсмотрѣніе значенія флорентійской унии, постановленіи которой были положены въ основаніе унии, образовавшейся подъ вліяніемъ иезуитовъ въ концѣ XVI столѣтія въ юго-западной Руси.

³⁾ Рукопись Сиб. духов. Академіи, № 1245, л. 217; напечат. у профессора В. Н. Малинина въ его изслѣдованіи „Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія“ (Кіевъ. 1901), Прилож. XVIII, стр. 112. См. „Повѣсть“ Симеона суздальскаго объ восьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты...“ Прилож. X: „Тому благовѣрному великому князю Василью Васильевичю въ та времена младу сущу, но умомъ благоразумну и богобоязливу, не книжну, ни грамотну, но вѣрою утверждѣну, и теплою горящъ духомъ, яко же рече пророкъ: „во отецъ мѣста быша сынове твои“. Сей же великій князь Василій Васильевичъ угодился свитымъ прежнимъ царемъ, равнымъ апостоломъ Константину великому и Владиміру, нареченному во святомъ крещеніи Василю, уже крестившему русскую землю и утвердившему православную вѣру, поборникъ по православной вѣрѣ греческой...“, стр. 208. Проф. В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи.“ (Кіевъ. 1869), стр. 8.

⁴⁾ П. С. Р. Л. Т. V (Пековск. 2-ая дѣл.), годъ 1431 г., стр. 27: „Того же лѣта преставися свѣтѣйшій митрополитъ всея Руси Фотій, іюля 1“, Нико-

ника, великій князь Василій Васильевичъ, или чѣ въроятнѣе, со-
вѣтвники его—бояре, такъ какъ послѣднему тогда только что испол-
нилось 16 лѣтъ¹⁾, опять хотѣли возвратиться къ начавшемуся но-
вому обычаю—поставлять митрополита изъ природныхъ русскихъ²⁾
Надо думать, что принятое рѣшеніе избрать митрополита изъ мѣст-
наго русскаго духовенства было бы приведено въ исполненіе тог-
да послѣ смерти Фотія, если бы тревожныя осложненія, возник-
шія въ великомъ княжествѣ, не помѣшали осуществленію этого рѣ-
шенія³⁾. Князь звенигородско-галичскій Юрій Дмитріевичъ, второй

новск. лѣтоп., Ч. V, стр. 100: „И абие преставися Фотей митрополитъ Киевскій
и всеа Руси в лѣто 1431. мѣсяца Іюля в 2 день, и положень бысть в со-
борной церкви пречистыя богородицы митрополитен на Москвѣ, на десней
сторонѣ идеже гробъ Кириина митрополита всеа Руси“. Пековская лѣто-
пись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ, М. Погодинымъ (Москва, 1837), относитъ
смерть м. Фотія къ 1-ому іюля: „Того же лѣта (1431) митрополитъ Фотій
преставися Іюля въ 1-й день“, стр. 63; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 144 (гдѣ помѣ-
щена „Грамота митрополита Фотія“, стр. 144—148); П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 95
Митрополитъ Макарій относитъ смерть м. Фотія въ одномъ мѣстѣ къ 1 іюля
1431 г. (И. Р. Ц. Т. IV, стр. 103), а въ другомъ—къ 8 іюля 1431 г. (И. Р. Ц.
Т. VI, стр. 8); Р. И. Б. Т. VI, № 71; Е. Голубинскій И. Р. Ц., Т. II, I,
стр. 418; Геннадій Карповъ „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Киевскій и всеа
Руси“ Чтенъ въ Общ. Ист. и Др. Р. 1864, кн. 4, стр. 143. „Святый Іона, митро-
политъ Киевскій и всеа Россіи“ Прибавленія къ изданію твореній святыхъ
отцевъ, въ русскомъ переводѣ. Годъ четвертый (Москва 1857), стр. 225.

¹⁾ Великій князь Василій Васильевичъ родился 10 марта 1415 года. См.
П. С. Р. Л. Т. VIII, подъ 1415 годомъ, стр. 87: „О роженіи великого князя
Василія“ „Тое же весны, въ великое говѣніе, марта 10, по нефимонѣ, родися
великому князю Василію Дмитревичю сынъ Василій“. Е. Е. Голубинскій,
Исторія русскои церкви Т. II, II, I, стр. 414 Н. М. Карамзинъ Исторія госуд.
россійскаго. (Изданіе 5. И. Эйнерлинга. Спб. 1842) Т. V, столб. 141—143

²⁾ Существуетъ сказаніе о томъ, что при жизни м. Фотія было запро-
шено съ его согласія патриаршее благословеніе преемнику его изъ природ-
ныхъ русскихъ. „Сказаніе“ это есть „воспоминаніе“ о житіи повгородскаго
архіепископа Іоны, написанное, по мнѣнію профессора В. О. Ключевскаго, въ
1472 году („Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ“,
Москва. 1871, стр. 185—186), напечатано въ „Памятникахъ стар. русск. литера-
туры“, издан. Кушелевымъ—Безбородко (Спб. 1860—1862). IV, 27, 29 Іонѣ, епи-
скопу рязанскому, нареченному въ преемники Фотія „и благословеніе патри-
арше принесено (бысть) о семь, еще живу сущу митрополитскому архіепи-
скопу“ т. е. Фотію,—стр. 29. Но ни великій князь Василій Васильевичъ ни
самъ Іона не говорятъ объ этомъ впоследствии, а потому очень сомнительно,
чтобы увѣренія сказанія были справедливы. Н. М. Карамзинъ. Исторія госу-
дарства російскаго. (Изданіе И. Эйнерлинга. Спб. 1842). Т. V, столб. 161.

³⁾ Геннадій Карповъ въ своемъ изслѣдованіи „Св. Іона, послѣдній ми-
трополитъ Киевскій и всеа Руси“ высказываетъ предположеніе о томъ, что

сынъ Дмитрія Донскаго и дядя великаго князя, въ 1425 году призналъ своего племянника великимъ княземъ, отказавшись отъ своихъ правъ на великокняжескій престолъ; но въ 1431 году Юрій Дмитриевичъ возвратилъ племяннику свои крестоцѣловальныя грамоты, рѣшивъ ѣхать въ Орду, чтобы добиваться подь нимъ у хана великаго княженя¹⁾.

Началась и въ Москвѣ, какъ бывало раньше въ Кіевѣ, домашняя ожесточенная усобица дяди съ племянникомъ, а потомъ племянника съ двоюродными братьями²⁾.

Знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ видитъ причину возобновленія исканій Юрія Дмитриевича въ смерти дѣда и сильнаго защитника малолѣтняго Василя Васильевича—Витовта, вели-

наречение Юны на митрополию было произведено тотчасъ послѣ смерти Фотія. Основаніемъ для этого служить мѣсто изъ „Посланія Великаго князя Василя Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу (А. И. Т. I, № 41), гдѣ сказано „и отъ тогдашняго времени, (т. е. со смерти Фотія) мы избравше, посылахомъ“ .. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1864, 4, стр. 144. А. И. Т. I, № 41, стр. 84. Но это произвольно толкуемое мѣсто находится въ противорѣчьи съ историческими событіями того времени

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 148; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 95: „Того же лѣта князь велики Василей да князь Юрій Дмитриевичъ, дядя его, спершися о великомъ княженіи, похотѣша ити въ орду къ царю Махмету“; Никоновская лѣтоп. („изданная подь смотрѣніемъ Императорской Академии Наукъ“. Спб. 1789). Ч. V, стр. 108 „Того же лѣта (1431) князь велики Василей Васильевичъ, да князь Юрій Дмитриевичъ дядя ево спершися о великомъ княженіи московскомъ, и похотѣша во Орду къ царю Махмету, кого царь Махметъ пожалуетъ великимъ княжествомъ тои естъ князь велики“ Объ отправленіи въ Орду противниковъ подробно говоритъ Псковская лѣтопись, изданная на издженіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ .. М. Погодинымъ, стр. 63 Генн. Карповъ. „Св. Іона, послѣдній митр Кіевскій и всея Руси“. Чт. въ О. Ист. и Др. Р. 1864, 4, стр. 144 О значеніи распоряженія Василя Дмитриевича, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, права которыхъ, по мнѣнію С. М. Соловьева, „были совершенно безспорны“, и о значеніи послѣдующей борьбы малолѣтняго Василя съ сильнымъ своимъ правомъ—старымъ дядею Юріемъ Звенигородскимъ, обнаружившей всю крѣпость новаго порядка вещей см. у С. М. Соловьева И. Р. Т. IV (2-е изданіе товарищества „Общественная Польза“. Сиб.), столб. 1051—1052 Ср. Никоновск. лѣтопись, Ч. IV „Преставленіе великаго князя Дмитрія Ивановича всеа Руси“, стр. 188 (Завѣщаніе (словеси.) Дмитрія Донскаго).

²⁾ Эта усобица продолжалась съ мирными перерывами, съ переходомъ побѣды или пораженія то на ту, то на другую сторону—до 1452 года и кончилась полною побѣдою Василя Васильевича. И. Е. Забѣляинъ. Исторія города Москвы Ч. I. (Москва 1902), стр. 103, 232; Н. М. Карамзинъ. Исторія государства русскаго. (Изданіе 5-е, П. Эйнерлинга. Спб. 1842). Т. V, столб. 141—и слѣд.

каго князя литовскаго¹⁾. Профессоръ Д. И. Иловайскій, придавая смерти Витовта большое значеніе въ возникновеніи княжескихъ усобицъ, указываетъ также и на то благоприятное для Юрія Дмитріевича Галицкаго обстоятельство, что мѣсто Витовта въ Литвѣ и западной Руси заступилъ Свидригайло Ольгердовичъ, своякъ и пріятель Юрія²⁾. Но нельзя не признать вполне основательнымъ взглядъ, высказанный проф. Голубинскимъ³⁾ и проф. Знаменскимъ⁴⁾, на другую причину исканій князя звенигородскаго—смерть митрополита Фотія, этого радѣтеля и защитника великаго князя Василія Васильевича, принудившаго въ 1425 году Юрія къ миру съ малолѣтнимъ племянникомъ грозой церковнаго отлученія⁵⁾. Спустя полтора мѣсяца послѣ смерти м. Фотія великій князь 15 августа 1431 года отправился въ Орду⁶⁾ и возвратился отъ хана въ Москву, осиливъ дядю не ранѣе Петрова дня 1432 года⁷⁾, и только тогда возможно было приступить къ избранію кандидата въ митрополиты. Остается не-

¹⁾ С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Т. IV (2-ое изданіе товарищества „Общественная Польза“. Спб), столб. 1053. О смерти и ея причинахъ честолюбиваго Витовта, добивавшагося королевской короны см. у С. М. Соловьева. II Р. Т. IV, столб. 1093—1097 (Витовтъ умеръ 27 октября 1430 г.).

²⁾ Д. Иловайскій. Пегорія Россіи Т. II. Московско-Литовскій періодъ или собиратели Руси. Издан. 2-ое (Москва, 1896), стр. 225. На это обстоятельство указалъ также и С. М. Соловьевъ. II Р. Т. IV, столб. 1053, 1057, 1104. О Свидригайлѣ см. у С. М. Соловьева. II Р. Т. IV, столб. 1099—1102.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. „Исторія Русской церкви“. Т. II, II, I, стр. 415.

⁴⁾ П. Знаменскій. Руководство по исторіи русской церкви, стр. 90.

⁵⁾ О дѣятельности м. Фотія см. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 142—143; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 92—93; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 82—85; С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 43, 44; С. М. Соловьевъ. II Р. Т. I, Т. IV, столб. 1052—1053; Карамзинъ. II Г. Р. Т. V, столб. 142, прим. 256, столб. 143. Ю. Θ. Самаринъ. Сочиненія Т. V (Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), стр. 189; П. Ѳ. Николаевскій. „Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ“, Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія Часть СXXXVIII, (Апр. 1868), стр. 94. Ср. В. И. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности“. Т. II, стр. 597—598.

⁶⁾ Псковская лѣтопись, издан. М. Погодинымъ, стр. 63, Н. М. Карамзинъ. II Г. Р. Т. V, столб. 148—149.

⁷⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 96: „И отпусти царь ихъ на свои отчины, и приде князь велики на Москву на Петровъ день, а съ нимъ посоль Мансырь Уланъ Царевичъ, тотъ его посадилъ на великое княженіе..“; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 111. Карамзинъ. II Г. Р. Т. V, столб. 149—150; Е. В. Барсовъ. „Древнерусскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами“ (Чт. О. И. и Д. Р., 1883, I), стр. XIV; С. М. Соловьевъ. II Р. Т. IV, столб. 1157. Только въ Архангельск. лѣт. сказано, что это посаженіе было не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. См. Карамзинъ. II Г. Р. Т. V, прим. 268.

извѣстнымъ, когда именно состоялось это избраніе, по его нужно относить ко второй половинѣ нашего 1432 года¹⁾. Избранъ былъ епископъ рязанскій и муромскій Іона, первый митрополитъ не только русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ сѣверной Руси, изъ Солигаличской области²⁾. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланій въ Константинополь великій князь Василій Васильевичъ увѣряетъ относительно избранія Іоны, что онъ совершилъ его „милостью Божьею, съгадавши съ своею матерію съ великою княгинею, и съ нашею братьею съ рускими великими князьми, и съ помѣстными князьми, и съ литовскыя земли господаремъ, великимъ княземъ (?) и съ святителю нашея земли, и съ всѣми священники и духовными челоуѣки, общежителю же и пустынными отходники, съ святыми старци“ и съ своими боярами и со всею землею—со всѣмъ православнымъ христіанствомъ³⁾. „Если великій князь говоритъ правду“, читаемъ мы у извѣстнаго современнаго историка церкви, „то эту необыкновенную и торжественнѣйшую всеобщность избранія Іоны нужно будетъ понимать двояко—или такъ, что въ Москвѣ опасались отказа со стороны патріарха поставить на митрополию природнаго русскаго и торжественною всеобщностию приговора хотѣли на него подѣйствовать; или такъ, что приняли намѣреніе избирать на будущее время митрополитовъ неиремѣнно изъ природныхъ русскихъ (только съ поставленіемъ ихъ отъ патріарха) и что поэтому хотѣли сдѣлать изъ нашего избранія какъ бы эпоху въ семь отношеній“⁴⁾.

¹⁾ Извѣстна одна грамота Іоны, нареченнаго въ свѣтѣйшую митрополию рускою“ отъ 11 марта 1433 года. А. И. Т. I, № 37, стр. 70 - 71 и Р. И. Б. Т. VI, № 61, столб. 521—524: „Посланіе нареченнаго на митрополию епископа Іоны въ нижегородскій Печерскій монастырь, о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ и съ извѣстемъ о поставленіи іеромонаха Павла въ архимандриты“ Іона, будучи нареченъ на митрополию, сталъ заправлять ея дѣлами, свидѣтельствомъ чего служитъ эта грамота. Геннадій Карповъ „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси“ Чтен въ Общ. Истор. и Др. Р., 1864. Ч. 4, стр. 144. В. И. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности“ Т. II. Изд. 2 (Спб., 1900), стр. 590 Объ избраніи Іоны см. „Галицко-русскій историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-Русской Матцы“, Вып. III, Львовъ, 1860 (статья Антонія Петрушевича „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“), стр. 46.

²⁾ Митрополитъ Алексѣй, хотя и родился въ Москвѣ, однако со стороны отца былъ южно-русскаго происхожденія С. М. Соловьевъ И. Р. Т. IV, столб. 1259.

³⁾ А. И. Т. I, №№ 41 и 262, стр. 84 и 493; Р. И. Б. Т. VI, № 71, „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Іоны“, столб. 578.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. Т. II, П I, стр. 415—416.

Въ томъ же 1432 году великій князь литовскій Свидригайло, преемникъ Витовта, послалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты епископа смоленскаго Герасима, который и былъ поставленъ патриархомъ¹⁾ Остается достовѣрно неизвѣстнымъ, былъ ли поставленъ Герасимъ въ митрополиты „всѣя Руси“ или литовскіе²⁾,

¹⁾ Наша Псковская 2-ая лѣтопись относитъ путешествіе Герасима въ Константинополь къ 1433 году П С Р Л. Т. V, подъ 1433 г. (6941), стр. 27. „Смоленскій владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и патриархъ постави его митрополитомъ“. Но свидѣтельство литовской лѣтописи, относящей это событіе къ 1432 году, заслуживаетъ большей вѣры. Ср. о причинахъ поставленія Герасима у Ген. Карпова—„Св. Іона, послѣдній митр. Киевскій и всея Руси“. Чт. въ Общ. И. и Др. Р. 1864, 4, стр. 144—145; Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II (изд. 2-е, М. 1896), стр. 270. На основаніи факта посылки великимъ княземъ литовскимъ своего кандидата на кафедру митрополита можно думать, что врядъ ли Василій Васильевичъ „сѣдалъ“ съ великимъ княземъ литовскимъ относительно поставленія Іоны, какъ онъ пишетъ византійскому императору Константину Палеологу.

²⁾ Мы имѣемъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ сказаній, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты московскіе и всея Руси. Псковская 2-ая лѣтоп. (П. С. Р. Л. Т. V) подъ 1434 г. (6942), стр. 27, гласитъ: „Той осени Герасимъ владыка црѣха изъ Царяграда въ Смоленско, отъ патриарха поставленъ митрополитомъ на Русскую землю, а на Москву того ради не поѣха, князи велики заратшася между собою“. Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ, М. Погодинымъ (Москва, 1837), стр. 67, и Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, прилож. IX, стр. 443, сообщаютъ такое же извѣстіе о поставленіи Герасима митрополитомъ „на Русскую землю“. Новгородская 3-ья лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. III) подъ 6936 и 6942 г., стр. 238 повѣствуетъ о поставленіи Герасимомъ „митрополитомъ Московскимъ и всея Росіи“ архіепископа Новгородскаго Евѣммія. „Въ лѣто 6936. Того же лѣта преставися владыка Евѣмміи Брататой; и возведенъ бысть на его мѣсто Евѣмміи же съ Лисичьи горы, на владычество, Вязицкой, а не поставленъ бысть шесть лѣтъ, и потомъ постави его Герасимъ митрополитъ *Московскій*, въ городѣ Смоленскѣ, маія въ 26 день, а поставленъ въ лѣто 6942“. Подъ этимъ же годомъ вторично упоминается о поставленіи Евѣммія Герасимомъ „митрополитомъ Московскимъ и всея Росіи“, стр. 238. Такія же свѣдѣнія сообщаютъ Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку (1888) стр. 415, указывая точно день выѣзда Евѣммія изъ Новгорода (11-го апрѣли), Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ, стр. 67—68, житіе Евѣммія (въ „Памятникахъ“ стар. русск. литер., издан. Кумелевымъ-Безбородко, т. IV, стр. 18). Несмотря на столь многочисленныя свидѣтельства памятниковъ, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты Московскіе и всея Руси, надо признать совершенно правильнымъ взглядъ профессора Е. Е. Голубинскаго, (и Антонія Петрушевича), что „должно быть принимаемо за гораздо и самымъ рѣшительнымъ образомъ болѣе вѣроятное, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты только Литовскіе, а не всея Россіи“ (И. Р. Ц. Т. II, II.

хотя со всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, что Герасимъ былъ поставленъ только въ митрополиты литовскіе и, слѣдовательно, его

I, стр. 417 и 418) по слѣдующимъ соображеніямъ: нельзя допустить, чтобы императоръ и патриархъ константинопольскіе при тогдашнемъ значеніи московскаго великаго князя могли бы рѣшиться поставить въ митрополиты всея Руси кандидата, приеланнаго великимъ княземъ литовскимъ; свидѣтельства же лѣтописей (Новгородскихъ и Псковскихъ) имѣютъ тенденціозный характеръ, стараясь видѣть Герасима митрополитомъ московскимъ и всея Руси Митрополитъ Фотій напрасно старался послѣ м. Кипріяна добиться отъ Новгородцевъ возвращенія ему „мѣсячнаго суда“ и соединенныхъ съ нимъ пощлинь. Поставивъ имъ двухъ архіепископовъ (Симеона и Евѣмія 1-го (Брадатаго), Фотій отказался поставить имъ избраннаго Евѣмія 2-го (Вязицкаго), который будучи избранъ 13 ноября 1428 или 1429 года за два съ половиною или полтора года до смерти Фотія, все время оставался непопосвященнымъ при немъ. И самъ Евѣмій (2-й) и Новгородцы могли совершенно основательно опасаться, что и преемникъ Фотіевъ поставитъ посвященіе новгородскаго архіепископа въ зависимость отъ ихъ согласія предоставить митрополиту права „мѣсячнаго суда“; поэтому, воспользовавшись отсутствіемъ митрополита въ Москвѣ и существованіемъ особаго митрополита въ Литвѣ, Новгородцы старались достигнуть посвященія своего архіепископа не вполне законнымъ образомъ—посвященіемъ его не у своего, а у чужого митрополита литовскаго. Лѣтописцы новгородскіе и псковскіе и авторъ житія архіепископа Евѣмія старались оправдать этотъ незаконный поступокъ и придать ему вполне легальный характеръ настойчивымъ утвержденіемъ того, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты московскіе и всея Руси М. Макарій вполне вѣрить этимъ лѣтописнымъ сказаніямъ и говорить: „Впрочемъ, Герасимъ поставленъ былъ не для одной Литвы, а „на русскую землю“, и ему приписывали титулъ митрополита киевскаго и всея Руси и впоследствии даже московскаго и всея Руси. Онъ остановился въ Смоленскѣ и не пошелъ въ Москву потому только, что тамъ продолжались княжескія междоусобія“. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 104—105, примѣчаніе 111; тотъ же взглядъ высказываетъ еписк. Арсеній („Лѣтопись церк. событ“, стр. 532—533) А. Доброклонскій говоритъ, что Герасимъ былъ назначенъ не только для Литвы, но и для всея Руси А. Доброклонскій. Очерки исторіи русской церкви въ періодъ московской митрополіи. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1885, кн. VII, стр. 71. С. М. Соловьевъ (И. Р. Т. IV, столб. 1259) даетъ вѣру лѣтописнымъ сказаніямъ. Н. М. Карамзинъ правильно считаетъ Герасима митрополитомъ литовскимъ (а его попытки подчинить себѣ русскихъ епископовъ считаетъ незаконными). И. Г. Р. Т. V, столб. 161. вполне обстоятельный взглядъ на Герасима высказываетъ Антоній Петрушевичъ въ изслѣдованіи „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“, (помѣщенъ въ „Галицкомъ Историческомъ сборникѣ, издаваемомъ Обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. III, Львовъ, 1860). „По кончинѣ митрополита Фотія Литовскій князь Свидригайло отправилъ своего любемца Смоленскаго епископа Герасима въ Царыградъ, гдѣ онъ въ 1433 году посвященъ былъ патриархомъ въ митрополита Литовскаго, тогда какъ въ Москвѣ былъ нареченъ митрополитомъ Иона. Герасимъ, съ видами на оба престола русской

поставленіе не могло служить препятствіемъ къ тому, чтобы Іона шель въ Константинополь искать себѣ посвященія въ митрополиты всея Руси или московскіе¹⁾. Но происшедшія въ Москвѣ событія заставили его замедлить и даже отложить свое путешествіе. Сперва его задержала свадьба великаго князя, бывшая 8 февраля 1433 года; не успѣлъ затѣмъ Іона собраться въ дальній путь и приготовить достаточное количество денегъ, столь необходимыхъ для успѣха дѣла въ Константинополѣ, какъ произошли безпорядки и смуты въ великомъ княженіи. Спустя непродолжительное время послѣ свадьбы Василя Васильевича²⁾ возсталъ на него Юрій Дмитриевичъ и въ теченіе двухъ лѣтъ, 1433 и 1434-го, дважды удалялъ племянника съ великокняжескаго престола³⁾. Конечно, при такой усобицѣ и неурядицахъ трудно было „нареченному“ митрополиту Іонѣ рѣшиться ѣхать въ Константинополь⁴⁾, такъ какъ, отправившись при одномъ великомъ князѣ, онъ могъ возвратиться уже при другомъ и быть не принятымъ послѣднимъ. Но Юрій Дмитриевичъ, занявъ вторично великокняжескій престолъ 31-го марта 1434 года, умеръ на пемь спустя два съ небольшимъ мѣсяца—6 іюня⁵⁾; изъ трехъ оставшихся послѣ Юрія сыновей два младшихъ (Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный) желали видѣть великимъ княземъ лучше Василя Вацкеркви, избралъ мѣстомъ своей кафедры Смоленскъ, жилъ подъ покровительствомъ князя Свидригайла, опасаясь отъѣхать въ Москву для возникшихъ тамъ-же смутеній“. Стр. 46—47.

¹⁾ О митрополитѣ Герасимѣ см. сочиненіе А. Коцебу (въ русск. перев.)— „Свидригайло, великій князь Литовскій“ (СПб. 1835), гдѣ въ прибавл. II, стр. 22, 26, помѣщены папскія буллы къ Свидригайлу и Герасиму, которые замыслили принять участие въ начинавшемся тогда дѣлѣ соединенія церковей II С. Р. Л. Т. IV, стр. 209. Т. V, стр. 28; Лѣт. вел. кн. Лит., стр. 56 (въ „Запискахъ“ II отд. Акад. Наукъ Т. I); Псковск. лѣт., изд. М. Погодинымъ, стр. 70; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 105—106; V, стр. 338; VI, стр. 9, С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1259; „Галицкій Историческій Сборникъ, издав. Обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. III, Львовъ, 1860, стр. 46—47; Н. М. Карамзинъ И. Г. Р. Т. V, столб. 163. Прибавленія къ изданію твор. св. отцевъ. Годъ четвертый, стр. 227

²⁾ О свадьбѣ великаго князя II С. Р. Л. Т. VI, стр. 148 (7 февраля 1433 г.).

³⁾ II С. Р. Л. Т. VI, стр. 148—149; VIII, стр. 97—98 С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1258—1259; Н. М. Карамзинъ И. Г. Р. Т. V, столб. 150—156. А. И. Т. I, № 40; С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 49 и 50.—„Двѣ договорныя взаимныя грамоты князя Георгія (Юрья) Дмитриевича Галицкаго и сына его князя Дмитрія меньшаго, съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ...“ (1433 г.) стр. 99—104*

⁴⁾ Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 8—9; Т. IV, стр. 104.

⁵⁾ Архангелогородск. лѣт., стр. 119; С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1058. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 154.—См. также С. Г. Г. и Д. Т. I, № 51 („Духовная Грамота Георгія (Юрья) Дмитриевича Галицкаго...“), стр. 105—106.

силевнича, чѣмъ своего старшаго брата Василя Косого и, отрекшись отъ него, звали Василя Васильевича на великое княженіе въ Москву¹⁾ Вслѣдствіе этого Василий Васильевичъ возвратился на великокняжескій престолъ и спокойно сѣлъ на немъ²⁾.

Послѣ прекращенія смутъ въ великомъ княженіи Іона, наконецъ, былъ посланъ Василемъ Васильевичемъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты съ посломъ великаго князя, „честнѣйшимъ бояриномъ Василюемъ“, и съ прошеніемъ и грамотами „къ святому царю и святѣйшему патриарху“³⁾. Но долго откладываемое и, наконецъ, состоявшееся продолжительное путешествіе оказалось совершенно напраснымъ, такъ какъ не за много времени до прибытія Іоны въ Константинополь⁴⁾, тамъ былъ поставленъ въ рускіе митрополиты одинъ изъ мѣстныхъ кандидатовъ—грекъ Исидоръ, послѣдній русскій митрополитъ изъ грековъ, приобрѣвшій столь печальную извѣстность своей попыткой ввести на Руси флорентійскую унию, съ которымъ Іона, въ качествѣ простого спутника,

¹⁾ „Стоящимъ же княземъ Дмитриемъ в Володимери и прииде к нимъ вѣсть, что отецъ ихъ князь Юрьи преставися, а братья ихъ князь Василей стареншии сяде на великомъ княженіи на Москвѣ Посемъ же и самъ присла къ нимъ повѣдая отчю смерть, а свое здоровье и княженіе. Онижь отвѣщаща, аще не восхоте Богъ да княжить отецъ нашъ, а тебѣ и сами не хотимъ. И послаша в Новгородъ нижнии по великаго князя Василя Васильевича, и прииде князь великии, и смирившиися поидоша к Москвѣ, а князь Василей Юрьевичъ Косой побѣжа с Москвы во Орду сяде на великомъ княженіи мѣсяць одинъ. А князь великии Василий Васильевичъ пришедше сяде на своеи отчинѣ на великомъ княженіи на Москвѣ.“ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 117—118; Псковская лѣтописъ, изданная М. Погодинымъ, стр. 70; И. С. Р. Л. Т. VI, стр. 149; И. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 98—99. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 154—155. См. у С. М. Соловьева И. Р. Т. IV, столб. 1055—1059, у него же объ ослѣплении Василя Косого, возставшаго противъ великаго князя—Т. IV, столб. 1060—1061; Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, стр. 266—267. См. С. Г. Г. и Д. Т. I, примѣч. на стр. 107.

²⁾ С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 52 и 53, 54 и 55, 56 и 57, 58, 59

³⁾ А. И. Т. I, № 39, стр. 73, Р. И. Б. Т. VI, № 62, 1441 г. „Посланіе великаго князя Василя Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другаго митрополита, по избранію и рукоположенію русскіхъ епископовъ“, столб. 529. Тоже самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится во 2-й Софійской лѣтописи (И. С. Р. Л. Т. VI), стр. 162—167

⁴⁾ А. И. Т. I, № 39, стр. 73; № 41, стр. 84; № 47, стр. 95; № 262, стр. 493, Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 530; № 66, столб. 561; № 71, столб. 579 „Галицкій Историческій Сборникъ“, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы, Вып. III. Львовъ, 1860, стр. 47.

со скорбью въ душѣ¹⁾, и возвратился въ Москву (2 апрѣля 1437 года²⁾. Внутреннія неурядицы и смуты въ московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли выше, препятствовали избранному кандидату на митрополию своевременно отправиться для поставленія въ Константинополь; но намъ остается неизвѣстной и неясной причина столь продолжительнаго промедленія грековъ въ дѣлѣ назначенія русскаго митрополита изъ своихъ собственныхъ греческихъ кандидатовъ. Профессоръ Е. Е. Голубинскій высказываетъ тройкое предположеніе о причинахъ такого промедленія. Или, можетъ быть, греки были заняты своими тогдашними переговорами съ Западомъ по дѣлу о соединеніи церквей и потому не находили времени позаботиться о замѣщеніи каѳедры русской митрополіи; или они не торопились назначать митрополита въ Москву въ виду смуть, происходившихъ на московскомъ великокняжескомъ престолѣ; или, можетъ быть, причиной медленія было и единственно то, что они вообще не очень торопились съ поставленіемъ русскихъ митрополитовъ³⁾. Намъ кажется болѣе основательнымъ и вѣроятнымъ послѣднее предположеніе, такъ какъ небрежное до предосудительности отношеніе грековъ къ дѣламъ русской церкви можетъ быть многократно констатировано и въ предшествовавшее этому случаю время⁴⁾. Трудно предположить, что переговоры о соединеніи церквей настолько поглощали вниманіе императора и патріарха, чтобы они не могли улучшить немного времени для заботъ о русской церкви; что же касается второго предположенія о причинахъ медленности грековъ, — что смуты, происходившія на московскомъ великокняжескомъ престолѣ, удерживали ихъ отъ назначенія русскаго митрополита, — то этотъ взглядъ почтеннаго профессора имѣетъ за собой слишкомъ мало основаній. Если эти усобицы могли препятствовать тому или иному кандидату изъ русскихъ и ставленнику того или другого князя отправиться для посвященія въ Константинополь, такъ какъ было чрезвычайно рискованно отправиться въ путь при одномъ, расположенномъ къ кандидату на митрополию князѣ, а возвратиться при осилившемъ его противникѣ, который могъ враждебно отнестись къ митрополиту и не принять его, желая видѣть на митрополичьемъ

¹⁾ По личному признанію митр. Юны въ послани къ киевскому князю Александру Владимировичу: „А Исидора уже поставили на митрополию и о томъ велии поскорѣхомъ, что ся намъ не поспѣло“. А. П. Т. I, № 47, стр. 95.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100.

³⁾ Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 420.

⁴⁾ Объ этомъ мы скажемъ ниже (гл. II).

престолѣ угоднаго ему кандидата,—то онѣ совершенно не препятствовали грекамъ прислать изъ Константинополя первосвященника русской церкви изъ собственныхъ кандидатовъ. Скажемъ болѣе: если бы греки добросовѣстно относились къ дѣламъ русской церкви и радѣли бы о ея благѣ, то это обстоятельство (смуты на великокняжескомъ престолѣ) могло лишь заставить ихъ поторопиться присылкой въ Москву митрополита, какъ миротворца, могущаго утишить и прекратить усобицы и вражду между князьями. Не ставленникъ и приверженецъ того или другого князя, а присланный изъ Константинополя нейтральный митрополитъ, опирающійся на авторитетъ императора и патріарха, могъ явиться желаннымъ посредникомъ и примирителемъ враждующихъ князей. II, какъ увидимъ ниже, духовенство и особенно митрополиты съ честью и пользою для блага государства несли эту трудную обязанность миротворцевъ. Не даромъ покойный историкъ С. М. Соловьевъ, чутко и всесторонне осмыслившій внутреннія отношенія въ московскомъ государствѣ, описывая усобицы разсматриваемаго времени, говоритъ слѣдующее: „Усобицы между Василиемъ и Юриемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ... Мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности“¹⁾. Такъ мы видимъ, что князь Иванъ Можайскій, заключая договоръ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ, прямо говоритъ въ договорной грамотѣ: „А къ тобѣ ми, Господине, къ Великому Князю не ездити, доколе Богъ дастъ намъ отца нашего Митрополита въ землѣ нашей“²⁾.

Была ли та или другая причина медленности грековъ, но должно думать, что собственные интересы грековъ, наконецъ, потребовали того, чтобы кафедра русской митрополіи была замѣщена.

Уже давно греки вели переговоры съ Западомъ относительно соединенія церквей; еще со времени паденія латинской имперіи въ Константинополь и возстановленія византійской имперіи никей-

¹⁾ С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1258—1259 Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, столб. 192—193 Дѣятельность митр. Фотія въ ближайшее къ разсматриваемому періоду время можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ нашего взгляда.

²⁾ С. Г. Г. и Д. Т. I, № 66, „Договорная грамота князя Можайскаго Ивана Андреевича съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ“, стр. 148 (1447 г.).

скимъ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ (1261—1282)¹⁾, вслѣдствіе стѣсненнаго и затруднительнаго положенія возстановленной имперіи и лично ея государя начинаются переговоры съ римскими папами о соединеніи церквей. Сперва константинопольскіе императоры и всѣ люди политики страшились Запада и его притязаній на случайно доставшуюся и потомъ отнятую у него восточную имперію, и потому въ сближеніи съ папою императоры видѣли единственное средство удержаться на престолѣ, такъ какъ римскій первосвятитель одинъ могъ удержать западныхъ государей отъ новыхъ попытокъ завоевать Константинополь. Вскорѣ послѣ взятія Константинополя, Михаилъ Палеологъ вступилъ въ сношенія съ папою Урбаномъ IV, а потомъ Климентомъ IV, надѣясь получить помощь и поддержку отъ сильныхъ папъ и западныхъ государей. Эти переговоры окончились такъ называемою ліонскою уніею (1274)²⁾. Стѣсненное положеніе византійской имперіи заставило ея государя Михаила Палеолога искать помощи у римскихъ папъ; еще болѣе затруднительное положеніе Византіи побудило ея представителей—императоровъ вновь (въ концѣ XIV вѣка) искать въ Римѣ помощи и поддержки отъ надвигавшейся на нихъ страшной грозы. Византійской имперіи суждено было погибнуть отъ меча турокъ, которые,

¹⁾ О немъ смотри у проф. А. Лебедева Очерки истории визант.-восточной церкви. Стр. 168—169. Проф. А. Л. Катанскій Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтеніе. 1868. Ч. I, стр. 367—369.

²⁾ О ліонской уніи и ея судьбѣ см. въ изслѣдованіи Е. Е. Голубинскаго „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, Чт въ Общ. Ист. и Др. 1896, I, стр. 15; А. П. Лебедева. Очерки истории византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Москва. 1892. (II. „Взглядъ на взаимныя отношенія церкви греческой и латинской“), стр. 79 и слѣд.; Е. Смирновъ. Исторія христіанской церкви, (изд. 4-ое, Спб. 1886), стр. 403—409. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ. (1053—1453). (Христіанское Чтеніе 1867. Ч. II, стр. 751—764 1868, Ч. I, стр. 367—368) Иером. Владимиръ Никольскій. „Ліонская унія“, (Православное Обзорніе, 1867, №№ 5, 6, 8, 9); „Лѣтопись церковныхъ событій“ Епископа Арсенія (изд. 3, Спб. 1900), стр. 464—478. См. также у А. Попова. Историко-литературный обзоръ—„Пренія Панагіота съ Азимитомъ“, стр. 238—286; „Преніе Панагіота съ Азимитомъ“ (изд. Н. Красносельцевымъ, Одесса, 1896); „Посланіе съ исповѣданіемъ вѣры, посланное отъ всѣхъ Святогорцевъ къ царю Михаилу Палеологу“ (Чт въ Общ. Л. Д. П. 1894); А. С. Павловъ Критическіе опыты, гл. IV и друг.—Римско-католическіе правовѣды вносятъ въ списки вселенскихъ соборовъ не только семь соборовъ, признаваемыхъ православною церковью, но и нѣкоторые другіе (20 вс. соб.), не признанные за таковыя церковью православною. Въ числѣ ихъ находятся соборы Ліонскій I (1245), Ліонскій II (1274), Вѣнскій (1311), Констанцскій (1414—1418), Базельскій (1431—1449), Флорентійскій (1439) и друг.

начавъ ея завоеваніе въ концѣ XIII вѣка, къ концу XIV вѣка довели покореніе Византіи до того, что имперія начала ограничиваться лишь самымъ Константинополемъ съ весьма ничтожною его окрестностью, небольшимъ побережьемъ Чернаго моря и незначительными владѣніями въ Фессалии и Пелопонесѣ¹⁾. Въ минуту смерти императора Іоанна VI Палеолога (16 февр. 1391 года) имперія византійская состояла изъ самаго Константинополя съ ничтожною его окрестностью, которая заключалась внутри Анастасіевои великой стѣны, шедшей отъ Селимврии или Силливри на Мраморномъ морѣ до Деркоса близъ Чернаго моря²⁾, изъ небольшого владѣнія въ Фессалии, съ главнымъ городомъ Фессалоники, и изъ незначительнаго владѣнія въ южномъ Пелопонесѣ, съ главнымъ городомъ Спартой. Въ этой крайности единственной, хотя и слабой надеждой, представлялась императорамъ помощь Запада, помощь крестоносныхъ дружинъ и стало быть опять помощь паны, которыйи одинъ могъ вліять на западныхъ государей и располагать ихъ войсками. Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію проф. А. Л. Катанскаго, въ теченіе всего времени до паденія Константинополя въ 1453 году, — „папа представлялся константинопольскому двору центромъ, сосредоточивавшемъ на себѣ всѣ его надежды“. Въ виду этихъ надеждъ съ одной стороны и опасностей съ другой, императорамъ гибнущей Византіи казались неизбѣжными болѣе или менѣе важныя уступки папѣ и, по ихъ мнѣнію, это долженъ былъ сознавать всякій, кто дорожилъ счастьемъ и благомъ своего отечества и своею собственною безопасностью³⁾.

Состояніе византійской имперіи при ничтожномъ Мануилѣ II (съ 1391 г.)⁴⁾, которыйи открылъ сношенія съ римскимъ папою, было

¹⁾ Е. Е. Голубинскій. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, Чтенія въ Общ. Истор. и Древн., 1896, I, стр. 6. Означенная статья составляетъ продолженіе работы того же автора подъ тѣмъ же названіемъ, помѣщенной въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1892 г. Т. I, стр. 45—76, 277—312, 485—506. Т. II, стр. 34—72, 197—223. Ниже мы остановимся на этомъ капитальномъ трудѣ.

²⁾ Тамъ же, стр. 6—7, примѣч. 2. О состояніи имперіи въ это время см. Г. Ф. Герцберга. История Византіи. Переводъ П. Безобразова, (Москва 1897), стр. 501 и слѣд.

³⁾ А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной Христ. Чтеніе. 1867 Ч. II, стр. 746. У него же мы находимъ и обзорные попытки къ соединенію церквей отъ лійонской уни до флорент. собора Христ. Чт. 1868. Ч. I, стр. 386—399, 557—590. А. И. Садовъ Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ. Чт., 1882. Ч. I, стр. 105.

⁴⁾ Мы позволимъ себѣ привести сжатую и сильную характеристику послѣднихъ византійскихъ императоровъ, дѣлаемую проф. А. Лебедевымъ: „О

самое жалкое. Почти все было во власти турокъ. Самъ Мануилъ, еще при жизни отца, по требованію султана Баязета, долженъ былъ участвовать въ его походахъ; его отецъ по приказанію того же султана долженъ былъ разрушить начатыя укрѣпленія въ своей же собственной столицѣ. Отъ Мануила Баязеть потребовалъ, чтобы въ самомъ Константинополѣ были мечеть и свой кадіѣ для турокъ, въ случаѣ же неисполненія этого требованія султанъ угрожалъ запереть императора въ стѣнахъ его столицы¹⁾. Исполняя эту угрозу, онъ началъ опустошать всѣ города и селенія, лежавшіе близъ Константинополя и переселялъ жителей на другія мѣста. Въ то же время его войска опустошали Пелопонесъ и города при Черномъ морѣ. Возлѣ Константинополя расположены были войска, препятствовавшая подвозу хлѣба въ столицу, жители которой доходили до отчаянія отъ голода. Черезъ шесть лѣтъ императоръ Мануилъ, по требованію Баязета, долженъ былъ раздѣлить свою безсильную власть съ племянникомъ Андроникомъ, который призналъ себя дапникомъ султана, и лично искать помощи у государей западной Европы. Во время его отсутствія Константинополь едва не былъ взятъ Баязетомъ. Но появленіе Тимура и его побѣды надъ султаномъ отсрочили до времени паденіе имперіи, продливъ ея агонію, и возвратили единовластіе Мануилу. Сыпъ и преемникъ Баязета—Магометъ I хранилъ миръ съ греческимъ императоромъ. Но немного оставалось во власти византійскаго императора: въ Азіи онъ уже раньше лишился всѣхъ своихъ владѣній; Магометъ возвратилъ Мануилу разоренные города при Черномъ морѣ, Пропонтидѣ и въ Фессалии. Въ этихъ опустошенныхъ и разоренныхъ городахъ заключалась вся имперія. Даже и этими жалкими остатками императоръ владѣлъ только по благосклонности султана²⁾. Тотчасъ послѣ смерти Магомета I (1421) началась размолвка между преемникомъ

послѣднихъ византійскихъ императорахъ—Іоаннѣ, Мануилѣ, опять Іоаннѣ и Константинѣ Палеологахъ—едва ли стоитъ говорить. Они представляютъ собою печальные образы религиозно-нравственныхъ несовершенствъ. Достаточно прочесть двѣ страницы у Гиббона (VII, 166 — 167), на которыхъ говорится объ императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ (XIV в.) и его сынѣ Мануилѣ, чтобы убѣдиться, до какого нравственнаго паденія доходитъ послѣдніе Палеологи³⁾. Правда, проф. Лебедевъ добавляетъ, что „нѣкоторое исключеніе“ представляетъ собою лишь Константинъ Палеологъ, послѣдній императоръ Византіи. „Очерки истории византійско-восточной церкви“, стр. 173—174

¹⁾ История флорентійскаго собора (Москва, 1847), стр. 13.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

его Мурадомъ II и императоромъ Мануиломъ ¹⁾. Въ маѣ этого же года турецкіе отряды стали появляться подъ стѣнами Константинополя, а 10 юня султанъ лично повелѣлъ правильную осаду столицы. Всѣ окрестные города и селенія были разграблены и сожжены; толпы плѣнниковъ были уведены на продажу. Императоръ Мануиль лежалъ на одрѣ болѣзни, и дѣло защиты предоставилъ сыну Іоанну. Греки едва отражали штурмы турокъ и только извѣстіе о возмущеніи въ Азіи, полученное султаномъ, заставило его прекратить осаду Константинополя и на нѣкоторое время отсрочить паденіе Новаго Рима ²⁾. Императоръ Мануиль не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1425 году, имѣлъ, по вѣрному замѣчанію современнаго историка и государственнаго человѣка Георгія Францы (или Францеса) (*Chronicon lib. I, 40*) ³⁾, великое неблагоразуміе раздѣлить эти жалкіе остатки имперіи между шестью своими сыновьями на особыя владѣнія или деспотіи (удѣлы), такъ что послѣ этого самая имперія начала ограничиваться однимъ Константинополемъ съ прилежащей къ нему крохотной мѣстностью ⁴⁾. При преемникѣ Мануила, Іоаннѣ VIII Палеологѣ, границы имперіи (по плачевному для Византіи договору 22 февр. 1424 года) сократились еще болѣе и императоръ платилъ султану Мураду II по 100,000 аспровъ (30,000 дукатовъ). Султанъ распоряжался въ имперіи какъ самовластный государь, набиралъ войска изъ грековъ; турки грабили, опустошали области и разселяли жителей. Императоръ безсильный и без-

¹⁾ Объ этомъ см. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсени (изд. 3, Спб. 1900), стр. 526; Г. Ф. Герцбергъ. История Византіи (переводъ П. В. Безобразова Москва, 1897), стр. 534

²⁾ „Лѣтоп. цер. соб.“ стр. 526—527. Г. Ф. Герцбергъ. История Византіи, стр. 535—537.

³⁾ Migne. *Patrologiae cursus completus. S G T CLVI*, col. 736 О немъ см тамъ же, T. CLVI, col. 637—1022 Въ этомъ же томѣ и извѣстіи о жизни Г. Францы, col. 633—636 Проф. А. Лебедевъ Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. (Москва, 1892), стр. 77—78

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Чтен. въ Общ. Ист. и Др., 1896. I, стр. 7 Дальнѣйшія территориальныя измѣненія до окончательнаго завоеванія Византіи турками состояли въ томъ, что Фессалоника была продана Венеціанцамъ еще при жизни Мануила (1123 г.) и что деспотъ пелопонезскій Константинъ, послѣдній императоръ (съ 1449 г.) овладѣлъ было веѣмъ Пелопонесомъ и даже нѣкоторыми частями Аттики и Беотіи. Еще въ 1366 году султанъ Мурадъ I (1359—1389), завоевавъ европейскую часть имперіи за исключеніемъ владѣній, указанныхъ выше, перенесъ свою столицу изъ азіатской Врусы въ Адрианополь

помощный былъ лишь зрителемъ несчастій своего народа. Его многочисленныя войска были большею частію наемныя, флотъ ничтожный, финансы же находились въ ужасномъ разстройствѣ¹⁾. Развалины греческаго царства должны были перейти въ руки османовъ въ видѣ легкой добычи; паденіе одряхлѣвшей имперіи становилось очевидно съ каждымъ днемъ²⁾. Слабые и ничтожные императоры вполнѣ понимали это. Но они также знали, что, пока Константинополь находится въ рукахъ грековъ, они могутъ еще найти помощь у государей Запада и питать надежды на успѣхъ борьбы съ турками. Они понимали, что, пока не уничтожится раздѣленіе между церквами (западной и восточной), папы, имѣвшіе столь сильное влияние на ходъ политическихъ событій, и западные государи (подъ влияніемъ римскихъ первосвятителей) скорѣе допустятъ турокъ взять и разрушить Византію, нежели поднимутъ оружіе на ея защиту. Сознавая всю свою беспомощность и безсиліе, императоры пришли къ мысли о томъ, чтобы искать поддержки у государей Запада. Но схизматическимъ императорамъ (а таковыми въ глазахъ Запада были византійскіе императоры)³⁾ можно было получить эту помощь только съ соизволенія и содѣйствія папъ. Такъ какъ это соизволеніе и содѣйствіе римскихъ первосвятителей можно было пріобрѣсти лишь посредствомъ церковнаго союза съ ними или униі,—то императоры и прибѣгли къ этому средству спасенія изнемогающей и рушащейся имперіи, чтобы сохранить ея жалкіе остатки. Очень долгое время тянулись безрезультатные переговоры императоровъ съ папами; по вѣрному замѣчанію профессора Е. Е. Голубинскаго, пока опасность отъ турокъ не была слишкомъ настоятельно, императоры вели переговоры съ папами объ униі не столько для дѣйствительнаго устроенія послѣдней, сколько

¹⁾ История флорентійскаго собора стр. 14; „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 528—529; Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 537.

²⁾ О такомъ стѣсненномъ положеніи Византіи говоритъ и „Июна Симеона перел суждальца повѣсть како римскіи папа Евгени состави осмыи соборъ съ своими единомышленники“: „Тогда греческая власть божимъ поущеніемъ за грехи наша наипаче оскудеваше от варварскѣ(о) нахожденія и от турецкаго плѣненія грады і веси многи оустѣваху“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 344 „Греческая имперія находилась тогда въ крайней опасности. Она заключалась уже почти въ однѣхъ стѣнахъ столицы. Но Оттоманы готовы были сокрушить ее и въ стѣнахъ столицы“. Архіепископъ (Черниговскій) Филаретъ, И. Р. Ц. (изданіе 5-ое) Періодъ III, стр. 97.

³⁾ Объ этомъ см. у Е. Смирнова Истор. христіанск. церквей (4-ое изд. Спб. 1886), стр. 403.

для самых переговоровъ, чтобы устрашать ими турокъ, которые очень опасались помощи грекамъ со стороны западныхъ народовъ ¹⁾. Наконецъ, послѣ довольно продолжительной остановки переговоры были снова возобновлены въ 1415 году. Императоръ Мануиль рѣшился открыть ихъ и Іоаннъ VII продолжалъ, надѣясь придти къ соглашенію и воссоединить разрозненныя церкви. Они думали, что вселенскій соборъ (на основаніи св. писанія и отеческаго преданія) разрѣшитъ всѣ несогласія между церквами, примиритъ западъ съ востокомъ въ дѣлѣ вѣры, и тогда всѣ западныя державы, забывъ прежнюю религиозную вражду, единодушно возстанутъ противъ невѣрныхъ турокъ. Что именно надежда получить помощь тѣснимой имперіи чрезъ соединеніе церквей заставляла того или другого императора обращаться къ папамъ съ предложеніемъ о соединеніи церквей, это не было ни для кого тайной: всѣ знали, что византійское правительство искало союза съ Римомъ, желая этимъ защитить имперію отъ ея многочисленныхъ враговъ и предохранить ее отъ паденія.

До насъ дошелъ интересный документъ, свидѣтельствующій о стѣсненномъ положеніи Византіи во время, предшествовавшее флорентійскому собору. Это—„грамота патріарха Матѳея къ митрополиту Киприану съ просьбою о милостынѣ въ пользу Царяграда, тѣснимаго невѣрными“ ²⁾, еще лишній разъ доказывающая справедливость словъ Н. М. Карамзина, что „Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась жить милостью иноплеменниковъ“ ³⁾. Прося митрополита оказать помощь „христіанамъ и Великой церкви... стѣсненнымъ осадю и войною палегающихъ враговъ“, патріархъ пишетъ: „пусть онъ (архіепископъ вилеємскій, посланный патріархомъ на Русь въ качествѣ апокрисіарія), сколько можетъ содѣйствуетъ посланнымъ предъ нимъ апокрисіаріямъ въ

¹⁾ Е. Е. Голубинскіи. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. 1896, I, стр. 7. Что турки дѣйствительно боялись помощи западныхъ государей см. „Исторію флорентійскаго собора“, гдѣ имѣется ссылка на замѣчательныя слова изъ послѣдней, предсмертной бесѣды императора Мануила къ его сыну (Истор. Францы 3, 13 (Ed. Bonn 1838) p. 178), стр. 15 „Лѣтописъ церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 528—529.

²⁾ Изъ Acta Patriarchatus. Т. II, p. 359—361. Грамота сохранилась безъ даты, но изъ содержанія видно, что она писана въ то время, когда императоръ Мануиль, раздѣливъ власть съ своимъ племянникомъ Іоанномъ Палеологомъ, отправился на западъ искать помощи въ войнѣ съ турками; а это было въ 1400 г. Р. И. Б. Т. VI, приложения, № 46, столб. 311—316.

³⁾ Н. М. Карамзинъ. Н. Г. Р. Т. V, столб. 162.

принятіи того, что Богъ далъ собрать на помощь христіанамъ, пусть они соединятся вмѣстѣ и, какъ можно скорѣе, несутъ сюда эти [подаванія]: ибо мы находимся въ великой нуждѣ (εις μεγάλην γὰρ ἀνάγκην ἐσμέν). А врагъ и непріятель нашъ, прослышавъ о соединеніи святыхъ царей и о томъ, что высочайшіи и святой мой царь (ο κράτιστος καὶ ἅγιός μου βασιλεύς) кнрь Мануилъ вооружается въ странахъ Франковъ на защиту столицы (ὀπλίζεται ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς Φραγγίας ὑπὲρ φυλακῆς τῆς πόλεως), ярится и поощряется на насъ (μαίνεται καὶ διεγείρεται καθ' ἡμῶν). Итакъ мы нуждаемся въ значительныхъ расходахъ и издержкахъ для своей защиты.—нуждаемся гораздо больше, чѣмъ прежде (υρεία οὖν ἡμῖν ἐξόδου καὶ ἀναλωμάτων πολλῶν πρὸς φυλακὴν ἡμετέραν, καὶ πολλῶ πλεον ὄν παρὸ πρότερον); и хотя мы надѣемся на многія и значительныя [приношенія] изъ тѣхъ странъ, однако желаемъ, чтобы и твое святительство не осталось безъ участія въ добромъ дѣлѣ: за это, возлюбленный братъ, да будутъ на тебѣ молитвы святыхъ Отецъ. Если ты, какъ другъ Ромеевъ (ὡς φιλορρώμαις ἄνθρωπος), и въ прежнія времена подвизался [за насъ], то [еще болѣе] поусердствуй теперь: наставь, убѣди, расположи всѣхъ дѣлать такъ, какъ мы внушаемъ и просимъ, увѣрь ихъ, что подаваемое на защиту святаго града (ὑπὲρ φυλακῆς τῆς πόλεως τῆς ἁγίας) важнѣе, чѣмъ литургіи, милостыня бѣднымъ, искупленіе плѣнныхъ; и кто принесетъ такое подаваніе, получить отъ Бога большую награду, нежели тотъ, кто построитъ храмъ или нѣсколько монастырей и сдѣластъ на нихъ пожертвованія. Ибо этотъ святой градъ есть похвала, утверженіе, освященіе и слава всѣхъ христіанъ во вселенной (τὸ γὰρ καύχημα τῶν ἀπανταχοῦ τῆς οἰκουμένης χριστιανῶν, τὸ στήρημα, ὁ ἁγιασμός καὶ ἡ δόξα ἢ πόλις ἐστὶν αὕτη ἢ ἁγία), и—сколько пужно построитъ монастырей, сколько выкупить плѣнныхъ, чтобы достигнуть числа монастырей [Царя]града или его жителей! А для всѣхъ ихъ будетъ ктитормъ и освободителемъ тотъ, кто руководимый Богомъ, сотворитъ милостыню и приношеніе на помощь граду и христіанамъ...¹⁾

Стѣсненное положеніе государства, скудость его средствъ не могли не отражаться на духовенствѣ, матеріальное положеніе котораго замѣтно и сильно ухудшается еще съ двадцатыхъ годовъ XIV столѣтія. И это, по мнѣнію проф. А. Лебедева²⁾, происходитъ почти внезапно. Такой упадокъ матеріальнаго благосостоянія духовенства несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ оскуднѣніемъ государ-

¹⁾ Р И Б Т VI. Приложенія. № 46, столб. 313—316.

²⁾ Проф. А. Лебедевъ. „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка“, стр. 508.

ственной казны Известно, что уже къ концу царствования Андроника Старшаго финансы имперіи пришли въ большой безпорядокъ: послѣ они, кажется, уже не поправлялись. Историкъ Григора, описывая царствование Іоанна (Каптакузена), остроумно замѣчаетъ относительно государственной казны того времени. „Каптакузень совершенно опустошилъ государственныя сокровищницы, такъ что въ нихъ ничего не осталось, кромѣ воздуха, праха, да еще развѣ, пожалуй, Эпикуровыхъ атомовъ“¹⁾. Стало весьма сильно бѣднѣть государство, быстро оскудѣвала и церковь²⁾. „Чѣмъ ближе подходитъ время къ заключенію XIV вѣка, читаемъ мы въ „Очеркахъ“ проф. А. Лебедева³⁾, тѣмъ матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго,—не говоря уже о епископахъ,—становится хуже и хуже!“ Въ одной синодальной грамотѣ, писанной отъ имени патріарха Нила (1381 г.), и подписанной имъ, говорится: „ни одна (?) изъ митрополій не претерпѣваетъ такой бѣдности, въ какую впала великая церковь“⁴⁾. Нѣсколько позже патріархъ Матѳей (около 1400 г.) говоритъ отъ лица Константинопольскаго синода: „мы бѣдны и нищы, и живемъ мы и клиръ нашъ милостынею христіанъ“⁵⁾. Положеніе же простыхъ священниковъ, несомнѣнно, было еще хуже. Состояніе духовенства въ XV вѣкѣ оставалось такимъ же тяжелымъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію проф. А. Лебедева, „не было причинъ, которыя могли бы измѣнить къ лучшему... бѣдственное матеріальное положеніе византийскаго іерархіи. Оно могло быть только хуже“⁶⁾. Въ такомъ печальномъ положеніи находились государство и церковь въ Византии, накануне ферраро-флорентійскаго собора.

Современное состояніе церковныхъ дѣлъ на западѣ было также крайне благоприятно для задуманнаго греческими императорами соединенія церквей. Этимъ и объясняется то сочувствіе и необычно-

¹⁾ Gregorae Hist Byzant Lib. XV, cap. 11, p 790 (у Лебедева)

²⁾ Объ исключительныхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгали конет. патріархи для поправленія финансовой части см. у А. Лебедева. Очерки, стр 508—510. Право ставропигии—см. въ изслѣдованіи проф Т Варсова. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью (Спб. 1878), стр. 199—205. Miklosich et Müller Acta patriarch. Constantin. T I, p. 126—128. Проф. С. А. Терновскій Очеркъ изъ исторіи Констант церкви въ XIV вѣкѣ (въ „Трудъ Киевск. Дух. Акад.“ 1872, июль).

³⁾ Стр. 512

⁴⁾ Acta patriarch. T. II, p. 35.

⁵⁾ Ibid., II, 484.

⁶⁾ Очерки исторіи византийскаго-восточной церкви, стр. 512

венное усердіе, съ какимъ взялся римскій первосвятитель за вопросъ воссоединенія раздѣленныхъ церквей.

Еще со времени переселенія папъ въ Авіньонъ (1308) начались въ западной церкви большія замѣшательства, которыя произвели въ ней такъ называемый „великій расколъ“. Въ теченіе полу столѣтія западная церковь была раздѣлена между двумя папами, изъ которыхъ одинъ оставался въ Италіи, а другой въ то же время жилъ во Франціи. Осыпая другъ друга проклятіями, папы производили великій соблазнъ, такъ какъ народъ и государи не знали, кого признавать истиннымъ и законнымъ пастыремъ церкви. Партія одного папы преслѣдовала партію и сторонниковъ другого и придумывала новыя противозаконныя средства къ умноженію своихъ доходовъ¹⁾. Среди такихъ смуть и волненій появилось и окрѣпло среди государей и духовенства запада убѣжденіе, что западная церковь требуетъ преобразованія въ ея главѣ и членахъ, и что такого преобразованія нельзя ждать отъ самихъ папъ, но лишь отъ вселенскаго собора. Такимъ образомъ въ началѣ XV вѣка начали учреждаться на западѣ соборы, которые, объявляя притязаніе на названіе ихъ вселенскими, присвоили себѣ власть судить папъ, и заботились объ исправленіи безпорядковъ, произведенныхъ въ церкви ихъ честолюбіемъ и корыстолюбіемъ. Когда папы Григорій XII, поставленный итальянскими кардиналами, и Венедиктъ XIII, сидѣвшій въ то же самое время на папскомъ престолѣ въ Авіньонѣ, несмотря на убѣжденіе государей и епископовъ и на свое обѣщаніе не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній на римскую кафедру—тогда, созванный противъ нихъ многочисленный соборъ въ Пизѣ (1409), низложилъ ихъ обоихъ, какъ схизматиковъ, еретиковъ и клятвoprеступниковъ и избралъ на ихъ мѣсто папу Александра V. Но это избраніе не прекратило церковныхъ безпорядковъ, а лишь увеличило замѣшательство прибавленіемъ новаго, третьяго папы. По смерти Александра Іоаннъ XXIII подтвердилъ анаемому двумъ своимъ противникамъ Григорію и Венедикту.

Соборъ Констанцкій (1414), желая прекратить эти неурядицы, воскресилъ старинное воззрѣніе церкви на вселенскіе соборы, какъ на верховную судебную и законодательную инстанцію въ дѣлахъ церкви, и особымъ декретомъ („Frequens“) постановилъ періодиче

¹⁾ История флорентійскаго собора. стр. 15. См. также у Вышинскаго. „Папство и священная римская имперія въ XIV и XV в.“ (М. 1857); проф. Корелина. „Важнѣйшіе моменты въ исторіи средне-вѣкового папства“ („Рус. Мысль“, 1890) и др. Литература вопроса въ „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, Т. XXII А подъ словомъ „Папство“

скій созывъ этихъ духовныхъ парламентовъ. Онъ торжественно провозгласилъ, что „соборъ вселенскій имѣеть власть непосредственно отъ Господа Иисуса Христа, и всякій, даже папа, долженъ повиноваться ему во всемъ, что касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія церкви въ главѣ ея и членахъ. Если же папа или кто другой откажется слѣдовать постановленіямъ сего, или всякаго другого вселенскаго собора, подлежить приличной епитиміи, даже, въ случаѣ нужды, подвергается другимъ законнымъ наказаніямъ“¹⁾. Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе надъ самимъ Іоанномъ XXIII: соборъ осудилъ его и низложилъ за преступленія. На его мѣсто былъ поставленъ знатный Одонъ Колонна подъ именемъ Мартина V²⁾. Соборъ желалъ еще приступить къ преобразованію церкви, но ему не удалось достигнуть чего-либо значительнаго и важнаго, такъ какъ папа препятствовалъ осуществленію дальнѣйшихъ и болѣе существенныхъ исправленій, откладывая исполненіе общихъ требованій преобразованія отъ одного собора до другого. Вслѣдствіе этого въ короткій промежутокъ времени слѣдовали цѣлый рядъ соборовъ, не достигшихъ преслѣдуемой ими главной цѣли; при томъ же папѣ Мартинѣ V были соборы: Павійскій (1423), Сіенскій (1424) и, наконецъ, Базельскій (27 августа 1431 г. по 7 мая 1449 г.), домогавшійся широкихъ церковныхъ реформъ и ставшій особенно страшнымъ для преемника Мартина V—Евгенія IV (1431—1448)³⁾.

¹⁾ Исторія флорентискаго собора, стр. 17.

²⁾ 11 ноября 1417 г.—1431 г.

³⁾ Въ своихъ рѣшеніяхъ отцы Базельскаго собора проявили сильную вражду къ римской куріи. Съ января 1435 года соборомъ былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ противъ распущенности духовенства; въ дальнѣйшихъ же постановленіяхъ собора проглядывала тенденція ограничить папскую власть, расширивъ на ея счетъ власть духовной аристократіи и привилегій университетовъ. Въ 1436 г. (25 марта) былъ установленъ новый порядокъ избранія папы и весьма радикально преобразована коллегія кардиналовъ. Теперь папа долженъ былъ при вступленіи на престолъ принести присягу въ томъ, что онъ своимъ авторитетомъ будетъ содѣйствовать осуществленію принятыхъ вселенскимъ соборомъ рѣшеній и каждый годъ будетъ созывать его. Коллегія кардиналовъ была ограничена 24 членами изъ всѣхъ націй, съ соблюденіемъ того, чтобы ни къ одной не принадлежало болѣе трети этого числа. Переговоры же съ греками о церковной уни повели къ окончательному разрыву между соборомъ и папой, такъ какъ и римскій первосвятитель и соборъ всевозможными способами и интригами старались привлечь грековъ на свою сторону. Оппозиція папскому престолу отцовъ Базельскаго собора, особенно послѣ того какъ приверженцы папы съ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини покинули Базель, дошло до того, что 31 іюля 1437 г. папа съ своими кардиналами былъ приглашенъ явиться въ Базель, въ те-

Итакъ, мы можемъ видѣть, почему предложеніе византийскихъ императоровъ о соединеніи церквей было встрѣчено нами съ радостью и усердіемъ. Папы надѣялись, что предложенія императоровъ о соединеніи церквей доставятъ имъ удобный случай поддержать свою расшатанную и клонящуюся къ паденію власть и истребить распространившійся всюду духъ преобразованій церковныхъ. Они могли надѣяться на усиленіе своей власти, послѣ того, какъ вселенскій соборъ торжественно утвердитъ соединеніе церквей и ихъ власти будетъ подчинена обширная церковь восточная, и тогда преемнику апостола Петра удастся сдѣлаться верховнымъ главою всего христіанскаго міра, легко уничтоживъ всѣхъ, замышлявшихъ преобразование церкви и сомнѣвавшихся въ непогрѣшимости и самодержавіи римскихъ первосвященниковъ. Затруднительное положеніе римскихъ первосвятителей сдѣлало ихъ болѣе сговорчивыми въ переговорахъ о соединеніи церквей, и они уже не повторяли заносчивыхъ требованій, высказанныхъ въ 1267 г. Климентомъ IV въ его сношеніяхъ съ Михаиломъ Палеологомъ, что „римскій первосвященникъ, въ силу полноты власти даннаго ему Богомъ первенства, можетъ собственнымъ судомъ рѣшать возникающіе вопросы о вѣрѣ“ и что потому соборъ вовсе не нуженъ, даже онъ соблазнителенъ и неприличенъ. („Лѣтопись церк. соб.“, стр. 468). Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ главную роль въ попыткахъ къ введенію уніи игралъ расчетъ, и одно это не обѣщало имъ желаннаго успѣха. Искренности въ переговорахъ о соединеніи церквей не было ни со стороны грековъ, ни со стороны латинянъ, такъ какъ и тѣ, и другіе подъ предлогомъ соединенія церквей преслѣдовали совершенно постороннія цѣли.

Мы не станемъ подробно описывать исторію сношеній Константинополя съ Римомъ о соединеніи церквей, такъ какъ детальное

ченіе 60 дней, чтобы оправдаться предъ соборомъ по поводу послушанія его постановленіямъ; далѣе, папа былъ временно лишенъ власти (24 января 1438 г.) и когда онъ и послѣ этого не явился, то соборъ, на основаніи такъ называемыхъ восьми католическихъ правилъ, торжественно осудилъ папу какъ закоренѣлаго еретика, объявилъ его окончательно отрѣшеннымъ отъ власти (25 июня 1439 г.) и возвелъ на папскій престолъ герцога Амедея Савойскаго подъ именемъ Феликса V (5 ноября 1439 г.) О Базельскомъ соборѣ см. Wessenberg, Die allgemeinen Konzilien des XV und XVI Jahrhunderts. T. II; Binterim, Pragmatische Geschichte der deutschen National-Provincial und vorzüglichsten Diözesan-Synoden. T. III, Hefele, Konziliengeschichte. T. VII; Voigt, Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius II und sein Zeitalter. T. I и друг. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 165; „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 532.

изслѣдованіе этого вопроса выходитъ изъ рамокъ нашего труда¹⁾. Какъ мы уже сказали выше, сношенія эти начались при Мануилѣ Палеологѣ²⁾. Папа Мартинъ V, благосклонно принявшій предложеніе императора, послалъ письма къ нему и Константинопольскому патріарху Іосифу³⁾, поставленному (въ 1416 г.) изъ Ефескихъ митрополитовъ⁴⁾. Съ радостью привѣтствовали папу императоръ и патріархъ и благодарили его за попеченіе о соединеніи церквей, сообщая ему о томъ, что не находятъ другого средства къ утверженію мира, кромѣ вселенскаго собора. По ихъ мнѣнію этотъ соборъ долженъ быть, по выраженію великаго епископа и дикеофи-

¹⁾ Глава II. „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 18—38, представляетъ обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса. См. также и у митр. Макарія II Р. Ц. Т. V, стр. 339—347. Проф. А. Л. Катанскій. „Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной“. Христ. Чтен. 1868. Ч. I, стр. 599—592.

²⁾ Начало этихъ сношеній относится къ 1415 году. Императоръ Мануиль, занимаясь въ Моревъ постройкою укрѣпленія (ἑξαρτίων т. е. шестимильная стѣна), отправилъ оттуда своего посла въ Италію, который и былъ при избраніи Мартина V на папскій престолъ. Synod Florent T I, p. 531; Syropul. 2, 5. Истор. флор. соб., стр. 18.

³⁾ Въ Константинополь приняли за особенный знакъ расположенія папы къ примиренію то, что онъ назвалъ патріарха своимъ братомъ, разрѣшилъ бракъ двумъ принцессамъ римскаго вѣроисповѣданія съ сыновьями Мануила (Іоанномъ и Феодоромъ) и прислалъ индульгенцію въ пользу тѣхъ, кто будетъ защищать новопостроенное укрѣпленіе въ Моревъ. Истор. флор. собора, стр. 19.

⁴⁾ Извѣстный Іосифъ II (1416—1439), въ патріаршество котораго шли оживленные переговоры о созывѣ собора для соединенія церквей и состоялся ферраро-флорентійскій соборъ, не стоялъ по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и церковно-административнымъ способностямъ на высотѣ своего призванія; его отступничество отъ православія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Волѣе извѣстныя событія изъ его жизни тѣсно связаны съ исторіей флорентійскаго собора. Повидимому, онъ охотно отправился на этотъ соборъ въ Италію, во главѣ греческаго духовенства, сопровождавшаго Іоанна (Migne. Patr. C. C. S. G. T. CLVII, col. 1005. Ducae Historia Byzantina. Cap. XXXI) и былъ не мало польщенъ тѣмъ, что папа распорядился, чтобы Іосифа вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ (Migne. P. C. C. S. G. T. CLVI, col. 795 Frantzae. Chronicon, majus Lib. II, cap. 16). На соборѣ онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что патріархъ Іосифъ такъ ревностно стоялъ за унію, что рассчитывалъ при помощи папы освободить греческую церковь отъ порабоженія, въ кототомъ она находилась у деспотическихъ императоровъ Византіи (Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennung. B. I, s. 420). „Но если бы и дѣйствительно“, говоритъ проф. А. Лебедевъ, „Іосифъ руководился такою цѣлью, то онъ захотѣлъ выбрать изъ двухъ золъ не меньшее, а большее“. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка, стр. 433—434.

лакса Силвестра Сиропула¹⁾, свободно и непринужденно... изслѣдовать причины несогласія между церквами и, когда его рѣшенія, основанныя на ученіи древнихъ отцовъ церкви, будутъ всеми приняты искренно и несомнѣнно,—тогда послѣдуетъ соединеніе²⁾ На просьбу императора о помощи противъ турокъ папа немедленно издалъ буллу, которою призывалъ всѣхъ государей Европы къ изгнанію турокъ и предписывалъ епископамъ проповѣдывать противъ

¹⁾ Написанная Сиропуломъ исторія флорентійскаго собора издана въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ 1660 году англичаниномъ Робертомъ Крейгтономъ (Creighton) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive Concilii Florentini exactissima narratio“. Изд. Hagae Comit 1660 (in folio). Начало сочиненія Сиропула утрачено и подлинное названіе неизвѣстно; при раздѣленіи же на книги Сиропулъ называетъ свой трудъ — „Ἀπομνημονεύματα“. Мы къ сожалѣнію не имѣли возможности пользоваться этимъ источникомъ для исторіи флорентійскаго собора въ подлинникѣ, вслѣдствіе отсутствія его въ библіотекахъ ученыхъ учрежденій Кіева, но отсутствіе труда Сиропула было нами восполняемо „Исторіей флорентійскаго собора“ (М. 1847), написанной, по вѣрному отзыву проф. А. Попова, „по подлиннымъ, греческимъ и латинскимъ источникамъ, съ полнымъ безпристрастіемъ“ (А Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ М. 1875, стр 326). Сочиненіе Сиропула „Правдивая исторія неправеднаго соединенія“ появилось и въ русскомъ переводѣ, какъ кажется, не ранѣе 1756 года, и едва ли было распространено въ спискахъ. Въ настоящее время, по свидѣтельству А Попова, извѣстенъ лишь одинъ списокъ XVIII вѣка, на 265 листахъ Списокъ этотъ, находившійся въ рукописномъ собраніи г. Попова, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Истинная гісторія неправого соединенія между греками і латынами или собора флоренскаго подлинное сказаніе еллинеки списано чрезъ Силвестра Стуропула, великаго епископа и единаго отъ шти крестоносцевъ и тайныхъ совѣтниковъ патріарха константинопольскаго, который на томъ соборѣ самовидецъ былъ. Новопреведена на Россійскій діалектъ къ благополучное престоуправительство Святѣйшаго правительствующаго Всероссийскаго Синода члена великаго господина преосвященнаго Амвросія епископа Черыславскаго і Дмитровскаго і Ставропигиальнаго Воскресенскаго. Новый Іерусалимъ имянуемаго, монастыря. Въ той же святой обители глѣта Господня 1756-го. иудита 4“. Тамъ же, стр 327 См также Льва Алляція (Allacii) Exercitationes in Creighton Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor scriptam a Sguropulo.—Кромъ того, въ изслѣдованіяхъ проф. А. И Садова. „Виссаріонъ Никеискій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ“. Христіанск. Чтен 1882 Ч I, стр. 94—137; 309—337; 625—666 и проф. А. Л. Катанскаго. „Вопросъ о соединеніи церковей восточной и западной (въ первый его періодъ) на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ (1053—1453)“ Христіанск. Чтен. 1867. Ч. II, стр. 222 - 251, 374—416, 471—514; 744—764; 1868. Ч I, стр. 66—99; 367—399, 557—599—встрѣчаются обильныя цитаты изъ труда Сиропула

²⁾ Syropul. II, 8

нихъ крестовый походъ¹⁾. Сношенія эти продолжались успѣшно, и уже былъ посланъ въ Константинополь папскій нунцій Антоній Массана, чтобы условиться съ императоромъ относительно мѣста и времени собора и условій соединенія и даже былъ назначенъ день для выслушанія предлагаемыхъ условій, какъ вдругъ императоръ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, заболѣлъ и долженъ былъ передать бразды правленія сыну своему Іоанну²⁾. 22 іюля 1425 года скончался императоръ Мануилъ, въ монашествѣ Матѳеѣ и незадолго до смерти сказалъ сыну и преемнику своему: „Сынъ мой! Твердо и несомнѣнно знаемъ, что нечестивцы турки весьма опасаются, какъ бы мы не согласились и не соединились съ западными христианами. Имъ представляется, что въ такомъ случаѣ западные нанесутъ имъ великій вредъ изъ-за насъ. Посему ты не оставляй мысли о соборѣ и даже ищи его, особенно, когда будешь бояться нечестивцевъ, но не старайся приводить его въ исполненіе, потому что, какъ вижу, наши не согласны найти другого способа и образа единенія, согласія, мира, любви и единомыслія, какъ чтобы сами западные обратились и мы съ ними были въ тѣхъ же отношеніяхъ, какія существовали въ старину. Но это совершенно невозможно, и я боюсь, какъ бы не произошло худшее раздѣленіе, и такимъ образомъ мы будемъ выданы нечестивымъ“³⁾. Іоаннъ старался быть вѣрнымъ исполнителемъ политическихъ завѣтовъ своего отца.

Изъ дальнѣйшихъ переговоровъ выяснилось, что императоръ желалъ назначить мѣстомъ собора Константинополь, но не могъ точно опредѣлить времени, такъ какъ столицѣ Византіи угрожали турки⁴⁾. Послѣ путешествія къ нѣмецкому императору Сигизмунду за помощью противъ турокъ, побуждаемый его совѣтами—скорѣе приступить къ соединенію церквей, императоръ Іоаннъ возобновилъ сношенія съ Римомъ о соборѣ, но на этотъ разъ посланные императора не нашли прежняго согласія на учрежденіе собора въ Константинополь. Папскіе кардиналы увѣренно говорили имъ: „церковь римская—мать, а восточная—дочь; не мать должна идти къ дочери, а дочь къ матери“ и потому требовали, чтобы соборъ былъ созванъ

¹⁾ 10 іюля 1420 года.

²⁾ Епископъ Арсеній „Лѣтопись церковныхъ событій“ (изд. 3, Спб. 1900), стр. 528.

³⁾ „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, дѣлающ. ссылку на превосходное изложеніе жизни и дѣлъ Мануила: „Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue“, во 2 части 19 тома „Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres“ (Paris. 1853), стр. 528—529. Г. Ф. Гердбергъ. Исторія Византіи, стр. 537.

⁴⁾ Исторія флорентійскаго собора, стр. 21.

въ Италиі. Кромѣ того, папа обѣщаль прислать въ Константинополь суда и войско для охраненія города и выдать грекамъ до ста тысячъ флориновъ на проѣздъ и содержаніе во время собора ¹⁾. Послы греческіе отказались принять эти условія безъ согласія императора. Присланному папскому посланнику ²⁾ императоръ выражалъ согласіе ѣхать въ Италію, но послѣ совѣщанія съ патріархомъ сталъ говорить иное и, отпустивъ папскаго посла безъ отвѣта, отправилъ къ папѣ военачальника Ягариса и протосинкелла Макарія съ наказомъ, содержаніе котораго, равно какъ и содержаніе отвѣта на него папы,—скрыто отъ насъ ³⁾. Но дальнѣйшія завоеванія турокъ, дѣлая болѣе затруднительнымъ существованіе имперіи, принуждали императора быть болѣе стоворчивымъ ⁴⁾: стѣсненный императоръ отправилъ новое посольство въ Римъ съ согласіемъ на предложенія Мартина V.

Патріархъ Константинопольскій, хотя соглашался публично съ желаніемъ императора, и, повинаясь его волѣ, просилъ у папы содѣйствія соединенію церквей,—но въ тайныхъ бесѣдахъ съ близкими ему клириками, говорилъ, что онъ ни за что не согласится ѣхать на соборъ въ Италію. Получать отъ папы содержаніе, говорилъ патріархъ, значитъ подчиняться его власти. А рабъ, какъ осмѣлится не повиноваться своему владыкѣ? Представимъ еще и то, каково будетъ наше положеніе на чужой сторонѣ, когда намъ откажутъ тамъ въ содержаніи и въ средствахъ къ возвращенію въ отечество? Да и почему бы не созвать собора здѣсь, въ Константинополь? Кто приѣдетъ сюда съ запада, тотъ не будетъ имѣть пужды въ нашемъ вспоможеніи. Но если бы и потребовалось для того до ста тысячъ аспровъ, можно было бы собрать съ епископовъ. Митрополитъ русскій одинъ привезетъ такую сумму ⁵⁾; изъ нея импе-

¹⁾ Syropul. II, 12, 13.

²⁾ Папскій посланникъ—Андрей, архіепископъ Колосскій, грекъ, перешедшій въ латинство

³⁾ Syropul II, 14, 15.

⁴⁾ Въ апрѣлѣ 1430 года была завоевана Фессалоника; въ октябрѣ того же года Янина. Н. М. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 162: „Императоръ совѣтовался съ патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ уже измѣрялъ окомъ Царьградъ, какъ свою добычу: *предубѣжденія умолкли*“.

⁵⁾ Изъ этихъ словъ патріарха видно, что собственные интересы грековъ наконецъ заставили ихъ позаботиться о назначеніи русскаго митрополита, такъ какъ его деньги были очень нужны константинопольскому правительству. Эти денежные интересы заставляли византійскаго императора и патріарха не ставить чужихъ избранниковъ на каѳедрѣ русскои митропо-

раторъ можетъ взять до двадцати тысячъ; столько же можетъ онъ получить и съ архіепископовъ Грузинскаго и Пекскаго (Сербскаго); восточные патриархи могутъ дать по двѣ тысячи, или по крайней мѣрѣ по тысячѣ (флориновъ; изъ нашихъ богатые дадутъ по 1000, другіе по 600, иные по 300 и по 100 аспровъ ¹⁾

Императорскіе послы, прибывъ въ Римъ и не заставъ въ живыхъ Мартина V ²⁾, далеко не встрѣтили такого сочувственнаго отношенія къ дѣлу соединенія церквей у его преемника Евгенія IV ³⁾, который, хотя и соглашался созвать соборъ въ Италіи, но не выказывалъ особеннаго усердія въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, грековъ оскорбили нѣкоторыя его выраженія и требованія, которыхъ не высказывалъ его предшественникъ ⁴⁾. Но соборъ Базельскій скоро заставилъ новаго папу измѣнить свое отношеніе къ дѣлу соединенія церквей.

Уже вскорѣ послѣ открытія Базельскаго собора Евгеній IV могъ видѣть, что соборъ намѣренъ дѣйствовать въ духѣ независимости отъ папы; поэтому онъ поторопился закрыть его ⁵⁾ и назначить чрезъ полтора года соборъ въ Болоньѣ, подъ предлогомъ, что въ Италію должны прибыть греки для обсужденія вопроса о соединеніи церквей. Но отцы Базельскаго собора, сильные покровительствомъ могущественнаго императора Сигизмунда и участіемъ всѣхъ германскихъ государей и Франціи, съ твердостью объявили,

ли, а назначать туда *своихъ* надежныхъ ставленниковъ, отъ которыхъ надѣялись получить большую помощь. На это обстоятельство обратилъ вниманіе покойный С. М. Соловьевъ по поводу желанія Витовта свергнуть Фотія со стола Кіевского и поставить туда своего кандидата Григорія Цамблака. И. Р. Т. IV, столб. 1255—1256 и слѣд. Думается намъ, что соображенія такого свойства, вѣроятно, имѣлись въ виду и при назначеніи Исидора

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 23—24. Приведенныя цифровыя данныя о суммѣ, могущей быть внесенной на созывъ и устройство собора отдѣльными іерархами востока, свидѣлствуютъ еще лишній разъ о бѣдности и нищетѣ, господствовавшей на востокѣ и о томъ, что на богатую поддержку русскаго митрополита, могущаго своимъ взносомъ покрыть большую часть расходовъ по созыву собора, возлагались большія надежды. См. также у проф. В. С. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи, стр. 282, 290—292. М. Макарія И. Р. Ц. Т. V, стр. 286

²⁾ Папа Мартинъ V умеръ 20 февраля 1431 года.

³⁾ Съ 3 марта 1431 года.

⁴⁾ Самъ Евгеній IV былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Какъ узнаемъ мы изъ Fleury (Histoire Ecclésiastique, 102, 33, 34) суммы, собранныя Мартиномъ на пособіе грекамъ для созыва собора, были послѣ его смерти расхищены его родственниками и новый папа долженъ былъ вступить съ ними въ открытую войну. История флорентійскаго собора, стр. 24.

⁵⁾ 18 декабря 1431 года

что соборъ не намѣренъ перемѣнять мѣсто своего пребыванія и оставлять свое дѣло, но будетъ усердно дѣйствовать въ дѣлѣ истребленія ересей, исправленія нравовъ и водворенія мира. вмѣстѣ съ этимъ заявленіемъ соборъ выразилъ надежду, что и папа Евгенийъ будетъ благопріятствовать собору, который открытъ властью его предшественника и его собственною. Соборъ также подтвердилъ опредѣленіе Констанцкаго собора о повнновеніи власти соборной всякаго лица и самого папы; кромѣ того, соборъ требовалъ къ себѣ Евгения и угрожалъ, въ случаѣ его отказа, поступить съ нимъ по правиламъ церкви. Положеніе папы было критическое; опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій собора и тѣснимый недовольными подданными, которые заставили его тайно бѣжать изъ Рима—Евгений IV уступилъ требованіямъ отцовъ Базельскаго собора (15 декабря 1433 года) и прислалъ своихъ уполномоченныхъ для присутствования на соборѣ¹⁾.

Во время этихъ пререканій съ папою Базельскій соборъ началъ сношенія съ византійскимъ императоромъ; соборъ, узнавъ о желаніи грековъ единенія церквей отъ Андрея, архіепископа Колосскаго, приглашалъ грековъ къ себѣ, указывая, что его соборная власть выше папской, а потому можно успѣшнѣе достигнуть соединенія церквей. Такъ какъ на сторонѣ собора многіе короли и самъ императоръ Сигизмундъ, то, по словамъ отцовъ собора, греки могутъ получить болѣе вѣрную и большую помощь отъ собора, чѣмъ отъ папы, дѣла котораго находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи²⁾.

Находя предложенія собора выгодными для себя, императоръ, хотя уже и началъ переговоры съ Евгениемъ, посылаетъ въ Базель своихъ пословъ съ письмами отъ себя и патріарха, уполномочивъ ихъ согласиться отъ его лица на все то, что будетъ постановлено ими вмѣстѣ съ соборомъ для утвержденія мира церквей³⁾. Въ числѣ этихъ пословъ находился игуменъ монастыря св. Дмитрія, Исидоръ, впоследствии назначенный на кафедру русской митрополіи⁴⁾.

¹⁾ Исторія флорентійскаго собора, стр. 24—25.

²⁾ Syropul. II, 21 (И ф. с., стр. 26)

³⁾ См. изслѣдованіе проф. А. И. Садова. Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. (Христіанское Чтеніе. 1882. Ч. I), гдѣ изложена исторія борьбы между Базельскимъ соборомъ или—точнѣе большинствомъ собора и папою, изъ-за того, которую изъ этихъ сторонъ греки признаютъ истинною представительницею западной церкви. Стр. 101 и слѣд.

⁴⁾ Письма императора и патріарха находятся между дѣяніями Базельскаго собора *Vin. Council. T. VIII, p. 57, 297.* Тамъ же находится полномочіе данное посламъ (отъ 11 октября 1433 года), р. 57. Кромѣ Исидора въ составъ

Папа Евгений, узнавъ о посольствѣ императора къ Базельскому собору, немедленно измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и извѣстилъ императора, что онъ согласенъ на учрежденіе собора въ Константинополь. Эта перемѣна во взглядахъ Евгения объясняется тѣмъ, что, хотя онъ и примирился съ соборомъ Базельскимъ, но не оставлялъ желанія распустить его; а предстоящій соборъ въ Константинополь былъ самымъ удобнымъ поводомъ для закрытія собора въ Базелѣ. Не зная о результатахъ переговоровъ своихъ пословъ въ Базелѣ, императоръ согласился на папскія предложенія, о чемъ и увѣдомилъ Базельскій соборъ.

Въ это время послы императора, послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ депутатами Базельскаго собора, заключили съ нимъ договоръ¹⁾, по которому соборъ принималъ на себя всѣ расходы на проѣздъ, содержаніе и обратное отправленіе императора и епископовъ; соборъ обѣщалъ прислать суда и войска для охраненія Константинополя въ отсутствіе императора и рѣшался перенести свои засѣданія въ какое нибудь изъ предложенныхъ послами мѣстъ, но не въ Константинополь²⁾. Было, наконецъ, обѣщано согласіе папы на всѣ распоряженія. Для утвержденія этихъ условій самимъ императоромъ было послано отъ собора посольство³⁾, которое и привезло грекамъ 8000 флориновъ на приготовленія къ путешествію⁴⁾.

Вмѣстѣ съ послами Базельскаго собора прибылъ и посольство папы Христофоръ, потому что соборъ, узнавъ объ условіи, заключенномъ между папою и императоромъ, представилъ сильныя возраженія Евгению⁵⁾. Хотя въ своемъ письмѣ къ Базельскому собору

этого посольства входили: великій стратопедархъ Дмитрій Палеологъ и Іоаннъ Дисипать О посылкѣ Исидора на соборъ и его дѣятельности въ Базелѣ см. P. Pierling. „La Russie et le Saint-Siège“. Т. I, chap. prem., p. 10—12

¹⁾ 17 сентября 1434 года.

²⁾ Послы объявили, что а) если соборъ для соединенія церковей будетъ назначенъ въ Константинополь, то всѣ издержки императоръ приметъ на свой счетъ; въ противномъ случаѣ церковь западная должна оказать помощь грекамъ б) Соборъ можетъ быть открытъ кромѣ Константинополя, въ Калабріи, Анконѣ, или другомъ приморскомъ городѣ, въ Болоньѣ, Миланѣ или другомъ городѣ Италіи; вѣтъ Италіи—въ Вѣнѣ, Будѣ или Савойѣ. в) Послы обѣщали, что на соборъ прибудетъ императоръ, патриархъ Константинопольскій и, по возможности, прочіе патриархи, съ епископами. Истор. флор. соб., стр. 28.

³⁾ Посольство въ составѣ трехъ духовныхъ лицъ: Іоанна Рагузскаго, Генриха Мангера и Симона Фрейрона.

⁴⁾ Syropul. II, 23, 24

⁵⁾ См. „Исторію флорентійскаго собора“, стр. 29.

Евгеніи IV и настаивалъ на открытіи собора въ Константинополѣ, но, отпуская своего уполномоченнаго съ послами Базельскаго собора, папа поручилъ ему подтвердить сдѣланныя соборомъ распоряженія; кромѣ того, папскому послу были сдѣланы тайныя порученія—сколько возможно стараться вредить собору и употреблять все усилія къ тому, чтобы разстроить и прервать завязавшіяся сношенія собора съ греками, стараясь дѣйствовать на престарѣлаго патріарха Іосифа, который, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, весьма сочувствовалъ открытію собора въ Константинополѣ. Послы собора приложили все усилія, чтобы склонить императора къ тому, чтобы онъ выбралъ для собора вмѣсто указанныхъ раньше городовъ, Базель. Императоръ готовъ былъ принять ихъ предложеніе, но раньше окончательнаго рѣшенія этого вопроса назначилъ комиссію изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ для разсмотрѣнія договора или декрета Базельскаго собора¹⁾

Въ началѣ этого декрета была помѣщена, между прочимъ, слѣдующая фраза: „Hujus S. Synodi ab initio suae congregationis praecipua cura fuit, recens illud Bohemorum antiquumque Graecorum dissidium prorsus extinguere“²⁾. Сильно изумились греки, прочитавъ такія слова, оскорблявшія восточную церковь и ихъ религіозное чувство. Послы оправдывались тѣмъ, что обидныя для грековъ выраженія произошли отъ ошибки писавшаго декретъ, и всю вину слагали на самихъ грековъ, которые весь декретъ слышали на соборѣ и не протестовали противъ неудобныхъ выраженій. Наконецъ, было рѣшено сдѣлать новое вступленіе къ декрету, и, по одобреніи его греками, переписать декретъ и послать въ Базель для скрѣпы соборною печатью. Прочія статьи декрета были приняты безъ измѣненія; мѣсто же собора было рѣшено назначить только тогда, когда греки совершенно приготовятся къ отправленію. Папскій легатъ утвердилъ отъ имени папы все сдѣланныя распоряженія, показавъ собранію папскую грамоту, дававшую ему это полномочіе. Декретъ былъ исправленъ, переписанъ и отправленъ въ Базель съ письмами императора, его брата Константина и патріарха Іосифа; въ нихъ сверхъ прежнихъ условій непременно требовалось, чтобы на соборѣ присутствовалъ папа, какъ глава церкви римской и западной³⁾.

¹⁾ Syropul. II, 25, 26, 27.

²⁾ Можетъ быть въ переводѣ декрета на греческій языкъ „dissidium“ было выражено словомъ „αἰρέσις“. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе грековъ рядомъ съ Гусситами было оскорбительно для православныхъ „Исторія флорентійскаго собора“, стр 30.

³⁾ Эти письма находятся при дѣяніяхъ Базельскаго собора. Вѣнн. Т VIII, р. 301, 302

Наконецъ, въ слѣдующемъ году былъ высланъ изъ Базеля исправленный декретъ, скрѣпленный печатью собора¹⁾. Императоръ сталъ созывать епископовъ на соборъ, посылая съ письмами и дарами въ различныя области восточной церкви. Представители церкви стали собираться въ Константинополь.

Такъ какъ греки желали, чтобы на этомъ соборѣ присутствовалъ и русскій митрополитъ, на щедрую денежную помощь котораго они, какъ мы видѣли выше, возлагали большія надежды, то ихъ собственные интересы, наконецъ, заставили ихъ позаботиться о замѣщеніи вдовствующей катедры русской митрополитии. Былъ рукоположенъ въ митрополиты русскіе Исидоръ, бывший посолъ императора на Базельскомъ соборѣ, и ему при отправленіи въ Москву было поручено стараться, чтобы Русь приняла участіе въ дѣлѣ соединенія церквей и чтобы онъ привезъ съ собою пословъ и епископовъ на соборъ²⁾.

Вновь назначенный митрополитъ Исидоръ, по современнымъ и болѣе вѣрнымъ свидѣтельствамъ—природный грекъ, по свидѣтельствамъ же позднѣйшимъ и неизвѣстно откуда взятымъ—огречившійся болгаринъ³⁾, былъ несомнѣнно выдающійся человекъ съ

¹⁾ Онъ находится въ дѣяніяхъ этого собора (24 засѣданіе) Випі Т VIII, р 68.

²⁾ Здѣсь мы оначиваемъ описаніе сношеній византийскихъ императоровъ съ римскими папами и базельскимъ соборомъ по вопросу о соединеніи церквей; описаніе это мы считали не бесполезнымъ и даже необходимымъ, такъ какъ оно, рисуя картину состоянія восточной имперіи и уясняя характеръ предварительныхъ сношеній, способствуетъ правильному пониманію флорентійскаго собора, которому пришлось сыграть такую большую роль въ исторіи церковно-государственныхъ отношеній московской Руси. Кромѣ того въ предварительныхъ сношеніяхъ участвовалъ и Исидоръ, впоследствии митрополитъ русскій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ флорентійской уніи. Ср. „Сказанія князя Курбскаго“ Ч II (Спб 1833). „Объ исторіи о осьмомъ соборѣ и разорванію, или раздранію умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными“ стр 246. Впоследствии мы будемъ касаться исторіи флорент. собора, поскольку она необходима для всесторонняго освѣщенія и уясненія на шей основной задачи.

³⁾ О происхожденіи Исидора см. подробно у Е. Е. Голубинскаго П. Р. Ц. Т. II II I, стр. 421—422, примѣч. 3; его же, „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской (Москва 1871), стр. 1, 214.

Современные греческіе лѣтописцы Дука—(Сар XXXVI, ed Paris p 142) (о немъ см. Migne P. c. c. S. g T CLVII, col 749 — 1166; col. 741 — 742) называютъ его грекомъ „Ρομζιο. τὸ γένος“; Л. Халкокондила (или Χαλκοκονδύλα) (Laonicus Chalcocondyla, Atheniensis Historiarum de origine ac rebus gestis Turcarum libri decem Lib. VI, col. 291—292, Patrologiae cursus completus.

блестящимъ образованіемъ и большими талантами. Никоновская лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ былъ „многими языкомъ сказатель, і книжникъ“ ¹⁾, а суздалець Симеонъ, вѣдвшій впоследствіи съ нимъ на флорентійскій соборъ и написавшій повѣсть о послѣднемъ, говоритъ о немъ, что „болѣ всѣхъ грекове мнѣли

Series graeca posterior. T. CLIX -- называетъ его „φιλοπατρις“ по отношенію къ Греціи; почти современный польскій лѣтописецъ Длугошъ, Lib. XII, Лейпциг. изд (1711 г.), стр 727—„natione Graecus“; русское современное произведение: „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи оубогаго сбора латыньскаго.“: „И пришедшу нѣкогда *Сидору греку* митрополитомъ на русскую землю.“ (А Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ сочиненій противъ латинянъ, стр 362); Новгородская 1-ая и Никоновская лѣтописи подъ 1437 г. Такой же взглядъ высказываетъ его современникъ, лично и близко знавшій Исидора—Энеи Сильвій Пикколомини, бывшій съ 1458 г. по 1464 годъ папой подъ именемъ Пія II въ Запискахъ о своей жизни, изданныхъ подъ именемъ своего домашняго секретаря Іоанна Гобеллина—„Pii II Pontificis Maximi Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus ejus contigerunt libri XII a Ioanne Gobellino“ опредѣленно указываетъ на греческое происхождение Исидора и на мѣсто его родины, именно—онъ говоритъ, что Исидоръ былъ грекъ изъ Пелопонеса—„fuisse Graecum ex Peloponneso“. Болгариномъ Исидора называетъ Густинская лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. II, стр 354, подъ 1438 годомъ: „Исидоръ Болгаринъ посвященъ бысть на митрополию Кіевскую, отъ патриарха Іосифа.“ Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій, называетъ Исидора словакомъ, безъ достаточныхъ основаній по совершенно неизвѣстнымъ даннымъ—(Исторія русской церкви. Періодъ третій. Москва. 1888. Изданіе книгопродавца Феррапонтова). „Ватиканское (курсивъ подлинника) извѣстіе объ уни (слав. рук. № 12) называетъ Исидора словакомъ; это, вѣроятно, по его знанію славян. языка“. Стр. 93. прим 1, а также въ „Обзорѣ“, § 90. Митр. Макарій также считаетъ Исидора болгариномъ. Профес. В. С. Иконниковъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“ (Кіевъ. 1869) говоритъ, ссылаясь на м. Макарія, что м. Киприанъ и Исидоръ были „южные славяне“, стр. 53 Профес. О. Водянскій въ статьѣ „О поискахъ монахъ въ Познанской публичной библіотекѣ“, Ч. О. И. и Др Р, № 1 (М 1816), выражаясь неопредѣленно о происхожденіи Исидора, считая его или македонскимъ грекомъ или славяниномъ (далматскимъ сербомъ или болгаромъ), думаетъ что онъ былъ „много огречившимся“. Стр. 16. Совершенно справедливо мнѣніе профессора Е. Е. Голубинскаго, что, „если бы и не имѣли мы положительныхъ свидѣтельствъ, что Исидоръ былъ природный грекъ, а не огреченный болгаринъ, то рѣшительнымъ образомъ доказывали бы намъ его греческую природность—во-первыхъ, тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался между греками. во-вторыхъ—его греческій патриотизмъ, который извѣстенъ“... П. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 422—423.

¹⁾ Никонов лѣт. Ч. V, стр 123.

Исидора великимъ философомъ, да того ради ждаше его“¹⁾. Л. Халкокондила (Laonicus (т. е. Николай) Chalcocondyla, Atheniensis) въ своемъ сочиненіи „Historiarum de origine ac rebus gestis Turcarum libri decem“ называетъ его человѣкомъ ученымъ (ἐλλόγιμος)²⁾, а Дука говоритъ, что изъ присутствовавшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ Виссаріонъ никейскій и Исидоръ русскій были образованнѣйшими (λογιώτεροι)³⁾. Въ грамотѣ папы Евгенія IV, которой онъ возводитъ Исидора въ званіе папскаго легата, говорится: „Te, cujus virtus, et diligentia in hac sancta unione admodum cognovimus profuisse, et quem Dei benignitas preclaris virtutum dotibus illustravit, ac vitae integritate ac morum, nec non magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque, et sacrarum litterarum doctrina plurimum exornant...“⁴⁾ О блестящихъ дипломатическихъ способностяхъ Исидора свидѣтельствуеетъ посылка его Іоанномъ Палеологомъ на Базельскій соборъ⁵⁾, въ бытность его до поставленія въ митрополиты игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Дмитрія.

2-го апрѣля 1437 года, во вторникъ на святой недѣлѣ прибылъ въ Москву, назначенный вопреки желаніямъ великаго князя, митрополитъ Исидоръ, въ сопровожденіи епископа Іоны, великокняжескаго и императорскаго посла.

Отказъ въ поставленіи Іоны и назначеніе митрополитомъ своего кандидата-грека несомнѣнно должны были сильно обидѣть и оскор-

¹⁾ А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ Прилож. X, „Повѣсть Симеона Суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“, стр. 200

²⁾ Вотъ это мѣсто: „Τὸν δὲ Ἰσίδωρον, ἐλλόγιμόν τε ὄντα, καὶ φιλόπατριν, ἀλόντα τε ὑστερον ἐν Βυζαντίῳ ὑπὸ βερβέρων, ἐπκρύνοντα τῇ πατρίδι“. Col. 292; (Isidorum virum prudentem patriaeque amantem, cum Byzantu pro patria pugnaret, a Barbaris captum esse constat) Col. 291. De rebus Turcicis. Lib. VI, col. 291—292 Patrologiae cursus completus Series graeca posterior T. CLIX.

³⁾ Гл. XXXI, p. 119. О немъ см Migne. „Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior T. CLIX, col 13 — 556; проф. А. Лебедевъ. Очерки истории византийскаго-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка (Москва. 1892), стр 72—79

⁴⁾ Historica Russiae Monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab A. J. Turgenevio Tomus I. (Petropoli, 1841), CXXI. An. 1439 Eugenii P. IV ad Isidorum Metropolitam totius Russiae, Lithuaniae, Livoniae, etc. (Fit legatus apostolicus in dictis partibus) p. 120; также Monumenta Poloniae—Тейнера Т. II, p. 41.

⁵⁾ Смъ рѣчь его на Базельскомъ соборѣ у Ширлинга въ его трудѣ „La Russie et le Saint-Siège“. T. I, p. 11

бить великаго князя. Если въ прежнее время при избраніи кандидатовъ въ митрополиты въ самой Руси со стороны императора и патріарха было даваемо согласіе на ихъ поставленіе, то теперь, при усиленіи роста и могущества государства и авторитета великаго князя, и тогдашнихъ довольно дружественныхъ отношеніяхъ между московскимъ и константинопольскимъ дворами ¹⁾, такой неожиданный отказъ могъ показаться еще болѣе оскорбительнымъ. Вотъ какъ говоритъ о приходѣ и приѣмѣ имъ Исидора самъ великій князь въ своемъ посланіи въ Константинополь, писанномъ уже послѣ фerrarо-флорентійскаго собора: „Не вѣмы же убо, за кое дѣло нашего прошенія не пріали, ни грамотамъ нашимъ, ни послу нашему, ни нашимъ посланнымъ съ нимъ словесемъ не вняша, того намъ епископа Іону на митрополию не поставили, и тому есмы не в малѣ подивились... И о комъ ни посылахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку, сего Исидора. И Богу вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначальнаго православнаго христіаньства соблюдали и страха Божіа аще не быхомъ въ сердци имѣли, то никакоже не хотѣхомъ его пріяти отъи нудь: но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе, а за оногo сокрушеніе и многое покореше и челобитіе, едва едва пріахомъ его“ ²⁾. Но согласившись принять Исидора,

¹⁾ О дружественныхъ отношеніяхъ между дворами константинопольскимъ и московскимъ, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, можно судить потому, что въ 1414 году императоръ Мануиль женилъ своего сына Іоанна на дочери великаго князя Василя Дмитріевича, — Аннѣ. С. М. Соловьевъ И Р Т IV, столб. 1254, 1255, 1170. Объ этомъ повѣствуетъ Никоновская лѣтопись, указавъ, что такое рѣшеніе было предпринято послѣ совѣта великаго князя съ митрополитомъ Фотіемъ, причемъ это событіе относить къ 1411 году: „И по томъ совѣтъ сотвори князь великій Василей Дмитріевичъ со отцемъ своимъ Фотіемъ митрополитомъ о дщери своей Аннѣ, юже хотяше дати в Греки в Костянтинъ градъ за царевича Ивана Мануилова сына; Фотіеже митрополитъ благоволи ему тако быти, и благослови его Тогожъ лѣта (1411) князь великій Василей Дмитріевичъ отдаде дщерь свою княжну Анну в Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича“. Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 41. Н. М. Карамзинъ И. Г. Р. Т V, столб. 162. См. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія (изданіе 3-ье, исправленное и дополненное. Сиб. 1900), стр. 524 — О смерти княжны Анны см. тамъ же, стр. 523.

²⁾ „Посланіе великаго князя Василя Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану. объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другаго митрополита, по избранію и рукоположенію русскихъ епископовъ“. А. И. Т I, № 39, стр. 73, Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 530. То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится во второй софійской лѣтописи — П. С. Р. I. Т. VI, стр. 162—167.

„старинны изначальны не хотя рушити“¹⁾ великій князь принялъ его, какъ читаемъ дальше въ послани „яко отца и учителя, съ многою честію и благимъ усердіемъ, но пржежнему, якоже и онѣхъ преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ нашихъ русскихъ, мянше, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напредн хоцетъ отъ него кое дѣло быти“²⁾.

Приведенныя выше слова посланія великаго князя относительно признанія имъ м. Исидора дѣлають для насъ совершенно излишнимъ подробное опроверженіе ошибочнаго взгляда, высказываемаго профес В. И. Сергѣевичемъ во II томѣ „Русскихъ юридическихъ древностей“ Полемизируя съ профес. В. С. Иконниковымъ относительно высказаннаго этимъ ученымъ взгляда, что „до времени великаго князя Василія Дмитріевича государственныя грамоты обыкновенно подписывались: „По благословенію отца нашего митрополита“; но Василій Дмитріевичъ впервые употребилъ форму: „Божіею милостію“, и что „постоянно же эта форма употребляется со времени Василія Темнаго“³⁾;—профессоръ Сергѣевичъ говоритъ: „Можно подумать, что Василій Дмитріевичъ старую формулу замѣнилъ новою, которая съ Василія Темнаго вошла въ общее употребленіе. Ничего такого у насъ не произошло. Отъ царствованія Васи-

¹⁾ А. И. Т. I, № 262, стр 493.

²⁾ А. И. Т. I, № 39, стр 73; Р. И. В. Т. VI, № 62, столб 530;—„Галицкий историческій сборникъ“ Вып. III. Львовъ 1860, стр. 47 „Первоначальное рѣшительное нежеланіе Василія Васильевича принять Исидора нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что великій князь подозрѣвалъ въ присланномъ митрополитѣ латинника; но для такого объясненія дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанія ни аргюгі, ни въ положительныхъ свидѣтельствахъ“. Е. Е. Голубинскій II Р. И. В. Т. II, стр 429, примѣч. 1. Митрополитъ Іона въ послани къ епископу Смоленскому Мисаилу категорически утверждаетъ, что во время пребыванія Исидора на Руси до поѣздки его на соборъ никто не вѣдалъ, что онъ явится измѣнникомъ православію. „А помни, сыну“, пишетъ Іона, „еще въ началѣ Исидорова къ намъ приходженіе на митрополью, рекши по изначальству отъ Царствующаго града, а тогда же сокровено все лукавство въ сердци имѣя на наше великое православіе, еже бы привернути святую нашу зборную апостольскую церковь греческую къ римской церкви, и наше все великое православіе подати въ римская законоположенія и ученія о всемъ римския церкви (а никому еще тогда того вѣдущу)“. А. И. Т. I, № 62, стр. 110; Р. И. В. Т. VI, № 88, I, столб. 660 То же самое м Іона повторяетъ въ грамотѣ черниговскому епископу Еввенію; см. А. И. Т. I, № 273, стр. 504; Р. И. В. Т. VI, № 88, II, столб. 665—666—Ср В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. (Изд 2, Спб. 1900), стр. 524, прим. 1).

³⁾ Проф. В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи (Кіевъ. 1869), стр 360.

лія Васильевича, дѣйствительно, сохранилось пѣсколько договорныхъ грамотъ, которыя начинаются словами: „Божією милостію“ и о благословеніи отца митрополита не упоминають. Но это объясняется очень просто. Всѣ эти грамоты выпадаютъ на время съ 1433 по 1448 годъ. Въ 1433 году (!) митрополитомъ былъ поставленъ Исидоръ, сторонникъ флорентійской уніи, Василемъ Васильевичемъ *не признанный* (! курсивъ нашъ); въ 1441 г. опъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до поставленія въ митрополиты рязанскаго епископа Іоны, въ 1448 году, митрополита у насъ вовсе не было. Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1433 года по 1448 г., за *отсутствіемъ митрополита* (! курсивъ нашъ) не могло быть и его благословенія въ грамотахъ¹⁾.

Никоновская лѣтопись не говоритъ ничего о первоначальномъ нежеланіи великаго князя принять Исидора, но сообщаетъ лишь о томъ, что прибывшій митрополитъ былъ принятъ государемъ со всѣмъ почетомъ и благосклонностью²⁾. Митрополиту удалось примирить великаго князя съ фактомъ своего назначенія; будучи человекомъ очень умнымъ и надѣленнымъ отличными способностями дипломата, Исидоръ умѣлъ обходиться съ людьми и пріобрѣтать ихъ расположеніе; будучи же, по свидѣтельству лѣтописи, „многима языкомъ сказатель“³⁾ онъ, очень можетъ быть, зналъ и славянскій языкъ, и, такимъ образомъ, для бесѣды съ нимъ устранялась нужда въ переводчикахъ, что нерѣдко дѣлало для великихъ князей особенно неудобными митрополитовъ-грековъ⁴⁾.

¹⁾ Проф. В. П. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности Т II (изд. 2, Спб. 1900), стр. 524, прим. *)

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 123: „Тоежь весны (1437 г.) во вторникъ светлыи недѣли, повеліци дни, прииде на Москву из Царяграда отъ патриарха Іосіа на митрополью, Исидоръ митрополитъ Гречень многима языкомъ сказатель, і книжникъ, и пріять его князь великій Василей Васильевичъ честнѣ, и молебныи певше в святѣи и соборнои церкви пречистыи Богородицы, и сотвори нанѣ пиrowаніе велше князь великій Василей Васильевичъ, и даръ свѣтлыи и многими одари его“ Также Софійская 2-ая (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151) и Воскресенск. лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100) не упоминають о нежеланіи вел. князя принять непрощеннаго Исидора, а сообщаютъ лишь о томъ, что „пріять его князь великии честно“.

³⁾ Никон лѣт. Ч. V, стр. 123.

⁴⁾ Проф. В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культур. вліяніи Византии, стр. 54. Въ статьѣ Ѳ. Делекторскаго—„Флорентійская унія (по древнерусскимъ сказаніямъ) и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси“

Мы видѣли, что митрополитъ Исидоръ отправился въ Россію въ то время, когда вопросъ о соборѣ для соединенія церквей былъ окончательно рѣшенъ и императоръ Іоаннъ Палеологъ и престарѣлый патриархъ Іосифъ уже начали собираться на соборъ въ Италию, такъ какъ новому митрополиту было поручено всячески стараться склонить русскихъ къ участию въ предполагавшемся соборѣ, то Исидоръ, дѣйствительно, вскорѣ послѣ прибытія въ Москву сталъ возвѣщать, что въ Италиі готовится восьмой вселенскій соборъ для примиренія церквей ¹⁾, на которомъ необходимо быть и представителю русской церкви; вслѣдъ за этимъ онъ началъ приготовленія къ путешествію на соборъ ²⁾. Свое намѣреніе отправиться на соборъ митрополитъ Исидоръ оправдывалъ тѣмъ, что такова воля патриарха, которую онъ долженъ исполнить, если не желаетъ навлечь на себя за ослушаніе патриаршее проклятіе ³⁾. Кромѣ того онъ вручилъ великому князю Василю Васильевичу письма царя и патриарха, въ которыхъ тѣ просили „с великою любовію“ московскаго государя, чтобы онъ „послалъ (на феррарскій соборъ) утвержденія ради православныя вѣры московскаго митрополита Исидора“ ⁴⁾.

Московское правительство, такимъ образомъ, узнало, что замышляемое предпріятіе Исидора согласно съ желаніемъ греческаго

(„Странникъ“, 1893 Т. III, №№ 9, 10 и 11) сказано „много значило и то, что Исидоръ, какъ огречившійся болгаринъ ⁽³⁾, могъ говорить по славянски и, слѣдовательно, вести переговоры безъ толмача, непосредственно“, стр. 251. Источники нигдѣ не говорятъ, что Исидоръ зналъ именно славянской языкъ и г Делекторскій въ данномъ случаѣ повторяетъ старую ошибку архіепа Филарета, утверждавшаго, что Исидоръ „хорошо зналъ славянской языкъ“. (м. архіеписк. Филарета II Р Ц. Періодъ III, стр. 98, прим. 1; „Обзоръ“, § 90 О происхожденіи Исидора см. выше. Ср. мѣше П. Θ. Николаевскаго „Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ“. Журн. Мин Народн. Просвѣщ. Часть СXXXVII, стр 332, пр. 1

¹⁾ Проф. А. Л. Катанскій Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен., 1868 Ч. I, стр. 592.

²⁾ Митр. Макарій II Р Ц Т. V, стр. 343; Никоновск. лѣт. Ч V, стр. 124; П С Р. Л. Т. VIII, стр. 100, „Галицкій историческій Сборникъ“ Вып. III Львовъ 1860, стр. 47.

³⁾ А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р И Б Т. VI, № 62, столб. 531; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 165; VIII, стр. 100

⁴⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. „Инокъ Симеона іерея суждалца повѣсть како римски папа Евгеніи состави осмы соборъ съ своими единомышленники“ (по списку Хронографа русской редакціи XVII вѣка, л. 432—462), стр. 345.

императора и константинопольскаго патриарха. Но, бывшіи раньше въ глазахъ русскихъ столь высокимъ и сильнымъ авторитетъ грековъ, къ этому времени значительно ослабѣлъ. Русскіе, видя въ грекахъ продажность и полное равнодушіе къ дѣламъ русской церкви, стали смотрѣть на нихъ какъ на людей падшихъ въ нравственномъ отношеніи. О ближайшихъ причинахъ такого взгляда на грековъ мы скажемъ ниже (гл. II). Исидору не помогла ссылка на греческій авторитетъ, пошатнувшійся на Москвѣ, и ему оставалось—дѣйствовать самому.

Митрополитъ весьма настойчиво убѣждалъ великаго князя въ невинности своего предпріятія, клялся въ томъ, что ничего не принесетъ отъ латинянъ въ русскую землю „странна и чюжа“ и будетъ крѣпко стоять за православіе и „по святымъ правиламъ поборать о благочестіи“¹⁾.

Наши сказанія увѣряютъ, что великій князь встрѣтилъ намѣреніе новаго митрополита идти въ латинскую землю на феррарскій соборъ въ высшей степени неодобрительно и заявилъ рѣшительный протестъ противъ путешествія Исидора, и что онъ, наконецъ, далъ свое согласіе весьма неохотно, или, что онъ собственно и не давалъ своего согласія, а лишь не воспрепятствовалъ митрополиту ѣхать на соборъ, когда тотъ хотѣлъ отправиться въ путешествіе, не слушая его—государя²⁾.

¹⁾ Никоновск. лѣт Ч. V, стр. 125; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100

²⁾ Ѡ Делекторскій. Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси Странникъ. 1893. Т. II, стр. 251. Когда Исидоръ высказалъ великому князю свое намѣреніе идти на соборъ, Василий Васильевичъ краснорѣчиво отговаривалъ его отъ этого опаснаго намѣренія. Никоновск. лѣт Ч. V, стр. 124—125; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152. Особенно характерно это мѣсто въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100). гдѣ въ уста великаго князя влагаются цѣлая рѣчь (сочиненная, какъ увидимъ мы ниже, несомнѣнно уже послѣ ферраро-флорентійскаго собора) „Благовѣрный же великій князь Василей Васильевичъ, Богомъ вразумляемъ, глаголаше ему, да не поидеть на съставленіе осмаго събора латынскаго, ниже съблзвнтся въ ересѣхъ ихъ, и възбраняше ему о сихъ; къ сему же повелѣ и еще глаголаше ему, яко да останется таковыя мысли съврѣшати, и много глаголаше ему, и не послушаше сицевыхъ, но яко неистовъ ся дѣяше... Благочестна же ревнитель и спосѣшникъ истиннѣ, благовѣрный князь великій Василей Васильевичъ, сицевая рече къ нему: о Сидоре! дерзновенно дѣеши, въ Латынскую землю идешь, и съставленіе осмаго собора повѣдаеши, егоже отрекоша святини отци; нынѣ же аще и отстанешися мысли своя, то буди вѣдаа егда възвратитьсяя оттуду къ намъ, то принеси къ намъ изначалственнѣйшее благое

По лѣтописнымъ сказаніямъ (и другимъ современнымъ памятникамъ) великій князь будто-бы говорилъ Псидору, что святыя отцы, запечатлѣвъ святую вѣру православія на семи вселенскихъ соборахъ, „о осмомъ соборѣ составляющихся (вар. „составляющихъ“) проклятію предаша и анаѳемѣ ихъ нарекоша и съ еретики ихъ отлучиша, единословно Богу сопротивная дѣлающихъ“¹⁾ и что „при нашихъ прародителехъ и родителехъ соединенія закона не бывало с Римляны, и язъ нехощу, понеже не прияхомъ мы отъ Грекъ в соединеніе закона быти с ними“²⁾

Съ полною увѣренностью слѣдуетъ думать, что рассказы объ этомъ въ нашихъ сказаніяхъ сочинены и написаны уже послѣ ферраро-флорентійскаго собора, когда греки предали древнее отеческое православіе. Уговаривая Псидора не ѣздить на соборъ, великій князь, по свидѣтельству лѣтописца, произноситъ цѣлую рѣчь. Эта рѣчь, по вѣрному замѣчанію Делекторскаго, отъ начала до конца сочинена, носитъ всѣ признаки искусства книжнаго построения, тогда какъ великій князь былъ вообще человѣкъ некнижный и къ тому же въ это время (1437 г.) былъ еще очель молодъ³⁾. Конечно, великій князь не могъ предвидѣть, что соборъ окончится тѣмъ, чѣмъ онъ окончился; также онъ не могъ знать зарапѣе и

соединеніе, нынѣшнее всѣявшее въ насъ благочестіе и уставъ божественнаго закона и правленія святыя церкви“ См. также „Инокъ Симеона іерея суждальца повѣсть“ А Поповъ Историко-литерат. обзоръ, стр. 345. Антоній Петрушевичъ, авторъ изслѣдованія „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“ („Галицкій историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы“. Вып. III Львовъ 1860), даетъ вѣру этимъ сказаніямъ и такъ говоритъ объ отношеніи великаго князя къ повѣдкѣ Псидора: „едва пребывъ онъ четыре мѣсяцы въ Москвѣ, объявилъ в. князю, что ему нужно ѣхать въ Италію, гдѣ всѣ государи и іерархи востока и запада собрались для состязанія о вѣрѣ, и не прилично одной Руси не имѣти тамъ представителя Велик. князь съ негодованіемъ (?) отправилъ Псидора и далъ ему спутника суждальскаго епископа Авраамія, съ многими другими духовными и мірскими всего до 100 человѣкъ“. Стр. 47—48. Карамзинъ также вѣритъ этимъ сказаніямъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 163.

¹⁾ „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню.“ А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 362; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100; „Вивліюника“ Новикова. VI, стр. 48.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 124.

³⁾ Ф. Делекторскій Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть ССС. 1895, іюль, стр. 181; проф. В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, стр. 8

того, какъ онъ и самъ говоритъ въ своемъ послани къ патриарху Митрофану, что Исидоръ явится на соборѣ измѣнникомъ православію¹⁾. Можно думать, что великій князь едва ли могъ противиться путешествію Исидора на соборъ, результатомъ котораго предвидѣлось воссоединеніе латинянъ съ православною церковью и отреченіе ихъ отъ своихъ заблужденій. Надо полагать, что „краснорѣчивый Исидоръ“²⁾, этотъ выдающійся дипломатъ, нарисовалъ предъ молодымъ великимъ княземъ полную блеска грандіозную картину будущаго состязанія православныхъ съ латинянами, пораженія и посрамленія послѣднихъ, славнаго триумфа православія,— и въ душѣ отзывчиваго молодого князя родилось сочувствіе къ тому доброму дѣлу, результатомъ котораго могло явиться соединеніе церквей, о которомъ непрестанно молилъ православная церковь и чего ждетъ съ радостью и любовью.

Положительныя же данныя, которыя мы имѣемъ, напротивъ, свидѣтельствуютъ, что Исидоръ отправился на соборъ далеко не противъ воли великаго князя; съ полною вѣроятностью надо думать, что великій князь весьма и весьма позаботился о томъ, чтобы русское государство и русская церковь были бы представлены на соборѣ вполне достойнымъ образомъ. Митрополитъ отправился въ путь въ сопровожденіи великокняжескаго посла Ѳомы и блестящей свиты, которая состояла не менѣ какъ изъ ста человекъ³⁾; Исидора

¹⁾ А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 531. См. также Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II. I, стр. 430—431

²⁾ См. у архіеписк. Филарета возраженіе, сдѣланное Карамзину, надѣлившему Исидора эпитетомъ „краснорѣчивый“ (И. Г. Р. Т. V, столб. 161) и примѣч. 293 „Во все это время (на соборѣ въ Феррарѣ) Исидоръ ничего не говорил“. А въ примѣчаніи къ этимъ словамъ сказано: „Въ продолженіе 16 засѣданій, съ 8 октября по 10 января 1439 г., встрѣчаются только два или три неважныя замѣчанія. За что же было (Карамзину) называть его краснорѣчивымъ?“ Филаретъ (Гумилевскій), архіепископъ Черниговскій И. Р. Ц. Періодъ III, стр. 99 Свообразный и не вполне вѣрный способъ опредѣленія краснорѣчія статистическимъ методомъ, основанный на смѣшеніи понятій— истинное краснорѣчіе и неудержимая болтливость. Болѣе близкое знакомство съ дѣятельностью Исидора, одного изъ главныхъ виновниковъ флорентійской унии, подтверждаетъ правильность взгляда покойнаго историографа, да и въ Густинской лѣтописи въ описаніи исторіи флорентійскаго собора имѣется прямое подтвержденіе этого взгляда: „Пріѣхъ же тамо Исидоръ митрополитъ Кіевскій, во двусотъ коней, и честно отъ всѣхъ пріять бысть, понеже и во писаніяхъ *рѣчевистъ бѣ*“. П. С. Р. Л. Т. II (прибавлен. къ Ипатіевской лѣт.), стр. 355.

³⁾ Повѣсть Симеона Суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской по-

сопровождаетъ одинъ изъ русскихъ епископовъ¹⁾, который, конечно, не могъ отправиться на соборъ вопреки волѣ великаго князя; затѣмъ митрополитъ повезъ съ собою громадное количество „рухляди“ или товаровъ (преимущественно мѣховъ), которую по мѣрѣ нужды, какъ это дѣлали въ старину наши путешественники въ западную Европу, могъ превращать въ деньги; поѣздъ его, по свидѣтельству Густинской лѣтописи, состоялъ изъ двухъ сотъ копей²⁾. Блестящая обстановка этой поѣздки Исидора заставляетъ предполагать, что ему была оказана чрезвычайно значительная помощь со стороны великаго князя, такъ какъ онъ не могъ совершить поѣздки такъ пышно на собственные средства³⁾. Во время путешествія на

лемики противъ латинянъ: „А людей много было 100 съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣ всѣхъ, занеже славна бѣ земля та, и фрязове зовуть ся Великая Русь“. Прилож. X, стр. 199—200. Рукоп. М. П. М. № 939.

¹⁾ Епископъ Суздальскій Авраамій, по тому времени очень образованный человѣкъ. „Исидоръ, читаемъ мы у Ѡ. Делекторскаго („Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентинской уни“, журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. ССС. 1895, июль, стр. 132), считавшій всѣхъ русскихъ епископовъ „некнижными“, взялъ Авраамія съ собою, надѣясь впоследствии расположить его въ пользу своихъ униональных плановъ (?) и по возвращеніи на Русь опереться на него, какъ на свидѣтеля, имѣвшаго авторитетъ по своему образованію въ глазахъ некнижнаго русскаго духовенства“. Этому епископу сопутствовалъ іеромонахъ Симеонъ и другой неизвѣстный намъ по имени суздалецъ, оставивше въ своихъ трудахъ описаніе флорентинскаго собора. Объ этомъ см. ниже.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. П. (Густинская лѣтопись), годъ 1438 г., стр. 354: „Исидоръ Болгаринъ посвященъ бысть на митрополию Киевскую, отъ патриарха Іосифа, и едино лѣто токмо сидѣ на митрополи и поиде на соборъ Флорентинскій, яже естъ въ землѣ Влоской, во 200 коней, идѣже честно бысть пріять...“; тамъ же, стр. 355. Митрополитъ Іона въ посланіи къ литовскимъ епископамъ, помѣщенномъ въ Р. И. Б. Т. VI, № 87 (Посланіе къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кievскомъ митрополитѣ Григоріи) и въ П. Р. Ц. митрополита Макарія Т. VI, прилож. № 1—высказываетъ мнѣніе, что Исидоръ „грабитель и врагъ церковный, татвствомъ... пограбивъ, святую церковь пречистые Богородици здѣсе на Москвѣ, и поималъ безчисленное множество золота церковнаго, а покручаяся на путь неправды, къ составленію осмаго си збора, отреченнаго святыми правили бoгоуcтавнaго закона прежнего православіа греческаго“... Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 649—650; П. Р. Ц. Т. VI, прил. № 1, стр. 364.

³⁾ Такія большія средства къ путешествію могъ дать только великій князь, такъ какъ Исидоръ поѣхалъ на соборъ въ Феррару спустя лишь 5 мѣсяцевъ по прибытіи своемъ изъ Греціи (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151—152) и за столь короткій срокъ, конечно, не имѣлъ возможности накопить большихъ денегъ; пріѣхавъ же онъ на Русь спустя 6 лѣтъ по смерти митрополита Фотія (тамъ же, стр. 144) и не могъ найти накопленныхъ денегъ въ митрополиі

соборъ по Россіи онъ быть встрѣчаемъ и провожаемъ съ триумфомъ и явнымъ выраженіемъ сочувствія къ предпринимаемому имъ путешествію; едва ли можно было ожидать такого приѣма со стороны населенія, если бы Исидоръ предпринялъ путешествие противъ воли великаго князя.

Все сказанное выше заставляетъ насъ скептически отнестись къ позднѣйшимъ увѣреніямъ и самого великаго князя Василія Васильевича, будто онъ много „възбранилъ“ Исидору ходитъ на соборъ. Приведемъ это интересное мѣсто: „И якоже прииде къ намъ предиреченный сей Исидоръ, и отъ прьваго дне начять тщатися къ сборному путешествію; и колико възбранихомъ ему, да не поидеть, онъ же начять извѣты сицевы творити, глаголя: „яко не мощно ми есть, да не поиду; аще бо не поиду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха, вмѣсто благословенія, клятву приати; понеже убо прежьши азъ есмь ходатай бываемому сбору, и нужа имамъ всячески пошти, яко и рукописаніе дахъ на себе, еже поиду“. И яко не возмогохомъ увѣщати и отъ путнаго шествія възбранити, и много наки глаголахомъ ему о сихъ: „аще же убо поидеши, и наки аще имаши възвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже приахомъ отъ прародителя нашего, великаго оного Владимира, еже держитъ великаа сборнаа и апостольскаа Божія церковь гречьская: а ино, странно и ново и чуже отъ тоя сборныа церкви, не припоцай къ намъ; понеже аще и принесеши что ново, то неприатно будетъ намъ то“. Онъ же и съ клятвою обѣщася, якоже не припнести ему нова и странна ничтоже“ 1).

такъ какъ за столь значительный промежутокъ времени бояре и чиновники митрополю успѣли расхитить все, что было собрано его предшественникомъ, какъ они расхитили все и послѣ смерти м Кириана

1) Р. И. В. Т. VI, № 62, столб. 531—532; А. И. Т. I, № 39, стр. 73. См. также П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167, гдѣ находится это посланіе Василія Васильевича, обращенное къ лицу греческаго императора. Объ этомъ же великій князь такъ пишетъ и въ своемъ „Посланіи“ къ проту и инокамъ Аѳонской горы „Исидора, его не лѣбно есть митрополитомъ звати, и якоже прииде въ отечьство наше, начать готовитися съ сборному путешествію, и колико възбранихомъ и молихомъ его оставися събора оного, и не могохомъ утолити, ниже уставити помысль его; и глаголахомъ ему: аще ли идеши и наки възвратившиися къ намъ, ничтоже буди принося къ намъ ново и чужде съборныа церкви. Онъ же обѣщася намъ“. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года“. „Гѣтопись занятій Археографической Коммисси. 1864 годъ Выпускъ III. (Спб. 1865). Приложенія, стр 34

Сопровождаемый столь многочисленной свитой и огромнымъ товарнымъ обозомъ, Исидоръ отправился изъ Москвы въ путешествіе на соборъ 8 сентября 1437 года¹⁾, пробывъ на Руси послѣ приѣзда изъ Греции пять мѣсяцевъ²⁾. Остается въ подробностяхъ неизвѣстнымъ составъ его свиты; знаемъ только, что изъ духовныхъ къ ней принадлежали—епископъ суздальскій Авраамій, которому сопутствовалъ священникъ Симеонъ, авторъ повѣсти о флорентійскомъ соборѣ, архимандритъ неизвѣстнаго монастыря Вассианъ, а изъ свѣтскихъ лицъ, кромѣ собственныхъ бояръ митрополита, Исидора сопровождали княжескіи послы, по имени Ѳома, котораго нѣкоторые источники (описание „путешествія“, составленное неизвѣстнымъ)³⁾ называютъ посломъ тверскимъ, а другіе („Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты... Прил. X, стр. 199 и Матер. для ист. рус. церкв. Ч. I, стр. 61)—посломъ великокняжескимъ, и который, какъ нужно думать, былъ именно посолъ великаго князя, но взятый или же перешедшій на службу къ великому князю изъ бояръ тверскихъ⁴⁾.

¹⁾ Никоновская лѣтоп. (Ч. V, стр. 125), говоритъ о погребеніи митрополитомъ княгини Евпраксии 15 сентября; Софійская 2-ая лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152) погребеніе этой княгини относитъ болѣе правильно къ 15 августа: „Того же лѣта, мѣсяца августа 15 день, поиде Сидоръ въ Римъ, на осмый соборъ, похоронивъ княгиню Еупраксею“.

²⁾ Степенная книга (II, стр. 72) ошибочно считаетъ четыре мѣсяца

³⁾ Древн. Росс. Вивлюэ Новикова (изд. 1). Ч. IV, стр. 297-298; Сахаровъ. Сказан. русс. нар. Т. II, кн. 8, стр. 82-83

⁴⁾ Профессоръ Е. Е. Голубинскій это противорѣчіе въ названіи посла пытается объяснить слѣдующимъ образомъ: „По всей вѣроятности, дѣло нужно понимать такъ, что великій князь, желая оказать любезность тверскому князю и сдѣлать его соучастникомъ въ представительствѣ передъ папою, распорядился, чтобы его—великаго князя посолъ назначенъ былъ изъ бояръ тверскихъ и чтобы, такимъ образомъ, онъ былъ одновременно посломъ и его—великаго князя и князя тверскаго“. И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 433, прим. 1. Болѣе вѣроятный характеръ носить объясненіе этого вопроса у Ѳ. Делекторскаго, который высказываетъ мысль, что „здѣсь впрочемъ могло и не быть существеннаго противорѣчія: Ѳома могъ быть тверскимъ бояриномъ, отъѣзжавшимъ отъ своего князя къ великому князю московскому и сдѣлавшимся, такимъ образомъ, великокняжескимъ бояриномъ“. Нѣкоторые источники могли называть Ѳому по его прежней тверской службѣ и происхожденію—тверскимъ бояриномъ, а другіе—великокняжескимъ по его московской службѣ Ѳ. Делекторскій. Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Журн. Министерства Народн. Просвѣщ. Часть CCC 1895, июль, стр. 164-165, примѣч. 4-ое.

Бывъ „честно“ провоженъ изъ Москвы собравшимися епископами¹⁾, Исидоръ отправился въ путь на Тверь, Новгородъ, Псковъ, Юрьевъ Ливонскій (Дерпт) и Ригу. Въ одномъ изъ списковъ „Повѣсти“ инока Симеона²⁾ говорится, что Исидоръ поѣхалъ изъ Москвы въ Италию чрезъ Царьградъ. Надо думать, что наши книжники этимъ отклоненіемъ отъ дѣйствительности желали еще болѣе рельефно и наглядно выставить и отбѣнить ту мысль, что Русь была замѣшана въ унию греками³⁾.

Въ задачу нашу не входитъ подробное описаніе путешествія на соборъ митрополита Исидора; скажемъ лишь кратко, что вездѣ на Руси встрѣчали его въ высшей степени сочувственно, торжественно, съ великою честью, щедро надѣляя его средствами на столь доброе и богоугодное дѣло какъ путешествіе на соборъ, куда митрополитъ ѣдетъ сражаться съ латинянами. „Теперь“, говоритъ одинъ изъ повѣвшихъ изслѣдователей флорентійской униі, описывая путешествіе Исидора, „жители Твери, Новгорода и Пскова видѣли митрополита, окруженнаго пышной и громадной свитой, видѣли подлѣ него великокняжескаго посла и, охваченные народно-религиознымъ энтузіазмомъ, они привѣтствовали Исидора, какъ борца за православіе, будущаго побѣдителя и посрамителя еретиковъ—латинянъ“⁴⁾. Даже свободолюбивые и своевольные новгородцы, которые систематически отказывали митрополитамъ въ судѣ и пошлинахъ (митрополиты Кипріанъ и Фотій напрасно добивались получить ихъ), по свидѣтельству лѣтописи „даша ему судъ по старинѣ, і все пошлины его даша ему по старинѣ, и многими дары дариша его“⁵⁾, желая поддержать матеріально митрополита въ столь добромъ общецерковномъ дѣлѣ, отъ котораго они могли ожидать благихъ результатовъ. Несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ большую

¹⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 127.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 591, л. 131. „И поиде митрополитъ Исидоръ съ Москвы во Царьградъ, съ собою же поимъ суждальскаго епископа Аврамя“ А. С. Павловъ Критическіе опыты, стр. 104.

³⁾ Этотъ же рассказъ помѣщенъ и въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку (1888), стр. 418, П. С. Р. Л. Т. III, стр. 112.

⁴⁾ Ѡ. Делекторскій. Флорентійская униа (по древне-русскимъ сказаніямъ) и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси. Странникъ, 1893. Т. III, стр. 253.

⁵⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 127. Новгородская 1-ая лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. III, стр. 12), повѣствуя о пріѣздѣ Исидора въ Новгородъ, не говоритъ, что митрополиту дали судъ и пошлины. Вотъ относящееся сюда мѣсто лѣтописи: „Тои осени приде съ Москвы въ Новгородъ митрополитъ Исидоръ“

поддержку и помощь Исидору оказать архіепископъ новгородскій Евѣимій, который прибылъ къ нему въ Москву 7-го іюля¹⁾ и, проживъ при митрополитѣ до отъѣзда изъ Москвы, выѣхалъ съ нимъ въ путь на соборъ 8 сентября²⁾. Такое дѣятельное участіе архіепископа Евѣимія, котораго во время пребыванія его въ Москвѣ Исидоръ успѣлъ расположить въ свою пользу, его желаніе повлечь на новгородцевъ,—все это еще лишній разъ свидѣтельствуесть о томъ, что великій князь былъ далеко не противъ путешествія Исидора на соборъ. Изъятіе же Исидоромъ, при его дальнѣйшемъ путешествіи, Пскова съ его областію изъ-подъ вѣдѣнія новгородскаго архіепископа и подчиненіе его собственной власти, о чемъ мы читаемъ въ лѣтописяхъ³⁾, еще болѣе вѣско подтверждаетъ нашъ взглядъ на отношеніе великаго князя къ путешествію митрополита на соборъ, такъ какъ указанное выше дѣйствіе митрополита не находилось исключительно въ компетенціи лишь духовной власти и, несомнѣнно, зависѣло отъ согласія великаго князя, къ которому въ то

Гречинъ, октября въ 9, и почтиша его владыка, и посадники и бояре и купци, и весь Великій Новгородъ; а на зимѣ поиде митрополитъ въ Плесковъ и къ Царюграду.“; точно также объ этомъ ничего не говорится въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку (1888): „Той осени прииха с Москвы в Новгородъ митрополитъ Сидоръ Гречинъ октября въ 9, и почестиша (вар. „почтиша“) его владыка и посадники и боярѣ и купчи и весь великій Новѣградъ; и на зимѣ поиха митрополитъ въ Псковъ къ Царюграду“. У насъ нѣтъ основаній сомнѣваться въ правдивости сообщенія Никоновской лѣтописи; умолчаніе же объ этомъ новгородскаго лѣтописца должно быть объясняемо какъ умолчаніе умышленное, какъ нежеланіе зарегистрировать въ лѣтописномъ сказаніи фактъ предоставленія митрополиту права суда и пошлинъ, такъ какъ лѣтописецъ-новгородецъ могъ находить умолчаніе полезнымъ „на всякій случай“ (по образному выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 435, прим. 1-ое).

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. III, стр. 112; Никоновская лѣтоп. (Ч. V, стр. 124) ошибочно относитъ это событіе къ 7 іюня.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 127; архіепископъ потомъ опередилъ Исидора на пути для встрѣчи его въ Новгородѣ.

³⁾ П. С. Р. Л. Т. V (Псковская 2-ая лѣтоп.), стр. 29: „Прѣѣха въ Псковъ Сидоръ митрополитъ Русскій, декабря въ 6, и въ святѣй Троици литургію сверши, и пребысть въ Псковѣ 7 недѣль; и отъя судъ и печать, и воды и землю, и вси пришлны владычии, и на тѣхъ оброцѣхъ посади намѣстника своего Геласія архимандрита, а самъ поѣха на осмый соборъ“; П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 1-ая лѣт.) стр. 112 Т IV (Новгородская 4-ая лѣт.) стр. 122; Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 127; Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 418; Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (Москва, 1837), стр. 72.

время стать тянуть Псковъ въ политическомъ отношеніи¹⁾ Здѣсь мы считаемъ нужнымъ коснуться одного эпизода изъ путешествія митрополита, который изложенъ въ нашихъ сказаніяхъ; рассказъ объ этомъ хочетъ дать знать, что Исидоръ, прѣѣхавъ въ Россію и бывъ въ ней до отправления на соборъ тайнымъ латинникомъ, клятвенно завѣряя великаго князя, что будетъ „крѣпцѣ стояти по православи и по святымъ правиломъ поборати.—во сердци своемъ злую мысль скры, хотя люди Божіа совратити со истиннаго пути“²⁾,—обнаружилъ свою неискренность и притворство, сталъ явнымъ отступникомъ, переступивъ лишь границы Руси, именно, что, когда въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ) вышли встрѣчать его латинскіе священники и православные, то онъ отдалъ предпочтеніе „латинскимъ крѣжамъ“, а крестамъ православнымъ оказалъ явное пренебреженіе. Мы вполне раздѣляемъ взглядъ на этотъ эпизодъ профессора Е. Е. Голубинскаго, который говоритъ, что „должно быть принимаемо болѣе чѣмъ за вѣроятное, что рассказъ этотъ есть позднѣйшее сочиненіе объ Исидорѣ“³⁾.

¹⁾ Въ это время псковичи находились во враждѣ съ новгородцами (см. П. С. Р. Л. Т. V, съ 1432 года), и Псковъ въ политическомъ отношеніи сталъ замѣтно тяготѣть къ Москвѣ; митрополитъ Исидоръ несомнѣнно имѣлъ разрѣшеніе великаго князя перечислить Псковъ съ его областью изъ новгородской епархіи въ свою собственную; можно думать, что великій князь, давая такое разрѣшеніе Исидору, удовлетворялъ и желанію псковичей, которое также вполне соответствовало его личнымъ политическимъ планамъ. Объ этомъ см. С. М. Соловьевъ П. Р. Т. IV, столб. 1090—1092; И. Д. Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи. Т. III, стр. 291 и слѣд.

²⁾ Рукопись XVI вѣка Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукоп. № 1464, л. 370—371 В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 116; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 426. Рассказъ этотъ находится въ описаніи путешествія на фerrarо-флорентійскій соборъ, которое составлено неизвѣстнымъ изъ числа спутниковъ митрополита, (но не Симеономъ Суздальскимъ, которому оно обыкновенно приписывается. См. А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 92—99; объ этомъ мы скажемъ ниже). Описаніе извѣстно въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна напечатана въ Д. Р. Виллюэикѣ Новикова (изд. 2) Ч. VI, стр. 27—48, другая — въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова (Т. II, кн. 8, стр. 79—88). Рассказъ читается въ болѣе позднѣйшей Сахаровской редакціи (см. у А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр. 92, 95) и не находится въ болѣе ранней—Новиковской. А. Д. Щербина. Литературная исторія русскихъ сказаній о флорентинской уніи (Одесса. 1902), стр. 3—26, 47—48. Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. VIII. 159 засѣд. 17 ноября 1901 г., стр. 1—4. Вотъ этотъ рассказъ въ Сахаровской редакціи: „И прѣѣхалъ владыка (Исидоръ) къ Юрьеву, и срѣгоша его посадники и ратманы далече и священники

Послѣ продолжительной, восьми-недѣльной остановки въ Ригѣ, гдѣ митрополитъ получилъ любезное письмо отъ великаго магистра нѣмецкаго, въ которомъ тотъ предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго пути чрезъ владѣнія Ордена¹⁾, Исидоръ отпра- со кресты и живуще въ немъ люде православнии, латыни же и Нѣмцы крыжъ занесоша противу его почести ради; онъ же, преступивъ тяжкую клятву свою, ею же клятея о благочестии великому князю Василью Васильевичу всея Руси, по реченному пророкомъ: яко забы Бога, спасающаго ѿ, и прежь бо возрѣ и поклонися и притече и любезно цѣлова и значенася на крыжъ латинскій, а по сихъ приде ко святымъ крестамъ православнымъ, послѣдоваше же и провожаще и чтише крыжъ латинскій и иде съ нимъ до костела, сирѣчь до церкви нхъ, а о святыхъ крестѣхъ православия не брежаше ни провожаще; видѣвъ же ся боголюбивый Авраами, владыка суздальскій, и вси на томъ пути бывшии съ нимъ православные христіане, еже таковая нечестія отъ него святымъ крестамъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ одержима быша, зане бо, не дошедъ Рима, таковая богоотступная дѣяша“. Этотъ разсказъ помѣщенъ въ Никоновской лѣтописи. Ч. V, стр. 127—128, П. С. Р. II Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101 и въ „Историческомъ описаніи Флорентійскаго собора“. Д. Р. Вивлюенка Ч. VI, стр. 50—51. Рукопись Сиб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей № 1464, л. 371 В. Н. Малининъ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Приложения, XIX, стр. 16. Въ первоначальной же редакціи (Новиковской) мы читаемъ: „И прѣгъчалъ господинъ (митрополитъ) къ Юрьеву и срѣтоша его посадники тутъ и ратманы далече и священники со кресты и множество народа града того и даша ему честь велию“;—здѣсь говорится лишь о встрѣчѣ Исидора православными священниками, такъ какъ католическое духовенство встрѣтило его, по своему нѣмецкому праву, со всеми „строи нѣмецкими, съ трубами и со свирѣльми“, въ Костерѣ (Коспирѣ) Митрополитъ Іона, говоря въ одномъ изъ своихъ посланій о разсматриваемомъ нами поступкѣ Исидора съ крестами, называетъ Ригу вмѣсто Юрьева ливонскаго и тѣмъ еще болѣе даетъ основаній заподозрить правдивость всей этой исторіи. (См. „Посланіе митрополита Іоны литовскимъ князьямъ, сановникамъ и мірянамъ, о непоколебимомъ пребываніи въ православной вѣрѣ и удаленіи отъ Исидоровыхъ единомышленниковъ“. А. II. Т. I, № 66, стр. 118) Историки русской церкви, начиная съ митрополита Платона („Краткая церковная российская исторія“, (изд. 2-ое). Т. II. стр. 291), повторяютъ этотъ разсказъ безъ всякихъ оговорокъ: Филаретъ, архіепископъ черниговскій. И Р. Ц. Періодъ III, стр. 99, „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 70; митроп. Макарій И. Р. Ц. Т. V, стр. 344; Ф. Делекторскій. Флорентійская унія.. Странникъ, 1803 Т. III, стр. 253. Историки: Карамзинъ (Т. V, столб. 161, 162, 164; С. М. Соловьевъ (Т. IV, столб. 1259—1260) также даютъ вѣру этому разсказу.

¹⁾ Письмо великаго магистра нѣмецкаго къ Исидору было сообщено Н. М. Карамзину изъ Кенигсбергскаго архива (подъ № 736). Вотъ содержаніе этого документа: „Свѣдавъ отъ вашего посланнаго и маршала Ливонскаго, что вы ревностно желаете способствовать единомыслію въ христіанствѣ, спѣшите на соборъ Италійскій, но доселѣ не могли безопасно проѣхать черезъ Самогитію, писалъ я о томъ къ вел. герцогу Литовскому Сигизмунду, который и доставилъ мнѣ пропускъ и другую, по-русски писанную бумагу,

вился изъ нея 5-го мая моремъ на Любекъ, а оттуда сухимъ путемъ чрезъ Германію на города: Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аусбургъ, Инспрукъ и Падуя въ Феррару, куда онъ и прибылъ 18 августа 1438 года ¹⁾.

вмѣстѣ съ нѣмецкимъ письмомъ: что все къ вамъ посылаю Увидите, что герцогъ не ручается за Самогитію. И такъ посоветуйтесь съ маршаломъ и иными орденскими чиновниками, а особенно съ архіепископомъ рижскимъ, какъ вамъ лучше ѣхать, берегомъ ли (*obig den Strant*) или другимъ путемъ Архидіаконъ Вашего Высокопреосвященства, отправленный вами напередъ въ Италію, получилъ отъ насъ оберегательную грамоту на путь“, и проч. П Г Р Т. V, примѣч 296.

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 69. „Повѣсть“ Симеона Суздальскаго (см. А. С. Павловъ Критическіе опыты Прилож X, стр. 199 А. Поповъ Историко-литературный обзоръ, стр. 345; Матеріалы для исторіи рус церкви Ч I, стр. 61, 62) относить время прибытія Исидора въ Феррару къ 15 августа: „Въ лѣто 6946-е, пришедшу митрополиту Исидору киевскому на зборъ во ерязскую землю на Успеніе пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріа, во градъ ерязскомъ, рекомомъ Фераръ.“, а „Путешествіе“ [въ редакц. Повик. (36) и Сахар. (85)] полагаетъ, что прибытіе Исидора въ Феррару состоялось по „Госпожинѣ дни на третьей день“, т е 18 авг. Епископъ Арсеній въ „Лѣтописи церковныхъ событій“ ошибочно говоритъ: „Императоръ прибылъ туда (въ Феррару) въ мартъ 1438 г.. Митрополитъ русскій Исидоръ съ епископомъ Аврааміемъ прибылъ туда *еще раньше*“ (1) Стр. 533. „Путешествіе это, какъ упоминали мы выше, описано однимъ изъ спутниковъ митрополита, остающимся неизвѣстнымъ по имени, (но не Симеономъ Суздальскимъ) и ведено въ формѣ дневника. См. о немъ у А. Попова. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. (Глава III, стр 326—398) и особенно въ блестящемъ критическомъ трудѣ А. С. Павлова—„Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. (Глава V, стр. 87—114). См. также Ѡ. Делекторскій Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уни. Журналъ Министерства Народн Просвѣщ. Часть ССС 1895, іюль, стр. 132 — 138, гдѣ мы находимъ предположенія о личности этого неизвѣстнаго суздальца: по мнѣнію г. Делекторскаго, епископъ суздальскій Аврааміа, какъ человекъ образованный, любознательный и любитель всякаго рода описаній, (о чемъ можно судить по его литературному труду „Исхожденіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ лѣто 6945“, которое напечатано у А. Попова, въ „Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. Прилож., стр 400—406), собирався въ неизвѣстныя страны, выбралъ изъ своихъ подчиненныхъ двухъ книжниковъ, способныхъ къ писательской дѣятельности и поручилъ имъ вести дневникъ путешествія и пребыванія въ заморскихъ государствахъ. „Это были иеромонахъ Симеонъ и другой неизвѣстный намъ по имени суздалецъ—вѣроятно, свѣтскій чиновникъ архіерейскаго суздальскаго двора—попросту архіерейскій дьякъ“. Этотъ же взглядъ въ болѣе осторожной и сдержанной формѣ высказалъ еще раньше покойный

Такимъ образомъ русскій митрополитъ провель въ дорогѣ годъ безъ двадцати дней

профессоръ А. С. Павловъ въ „Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ „Кому же принадлежитъ, спрашиваетъ почтенный ученый, описание городовъ и всего пути русскихъ въ Италию? *Наверное* (курсивъ подлинника) можно сказать только одно: земляку Симеона—суздальцу, ибо „Путешествіе“, какъ мы видѣли, доведено было вплоть до Суздаля. Кромѣ того, съ *вѣроятностію* можно полагать, что авторъ былъ не инокъ, а мірянинъ, — кто нибудь изъ дьяковъ или бояръ суздальскаго владыки Авраамія. Это подтверждается не только вышеуказаннымъ характеромъ сочиненія, но и нѣкоторыми содержащимися въ немъ положительными извѣстіями. Такъ, напримѣръ, трудно допустить, чтобы монаху принадлежала слѣдующая замѣтка: „въ томъ же градѣ (Феррарь) ясти кунихомъ яловица 20 золотыхъ, боровъ 5 золотыхъ; а баранъ 2 золотыхъ, гусь 3 гроша, кура 3 гроша“ (Новикъ 38; Сазар. 85). Православный инокъ не сталъ бы, конечно, покупать себѣ мясныхъ яствъ и живя во „Фризѣхъ“—тѣмъ болѣе, что употребленіе такой пищи всегда ставилось у насъ въ особую вину латинскому монашеству“ Критическіе опыты Стр. 97. „Принадлежность „Путника“ суздальцу изъ свиты Исидора или вѣроятноже Авраамія, епископа суздальскаго, утверждается существованіемъ епископы, въ которыхъ описаніе путешествія доведено до Суздаля. Авторъ, можно думать, принадлежалъ къ свѣтскимъ чиновникамъ суздальскаго владыки Авраамія, съ которымъ онъ и возвратился обратно изъ поѣздки за границу“ Проф. В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія“, стр. 447. 448.—Въ видахъ удобства епископъ Авраамій раздѣлилъ между ними трудъ: дьяку поручилъ описывать путь во Флоренцію и обратно на Русь, вести официальный дневникъ, іеромонаху—описывать самый соборъ, записывать соборныя пренія. На это условленное раздѣленіе литературнаго труда ясно намекаетъ и самъ Симеонъ въ своей повѣсти: „и мнѣ ту бывшу, говоритъ онъ въ началѣ своего сочиненія, и писавшу ми въ тои часѣ ихъ словеса и прѣнія“ (Рукопись Московскаго Публичнаго Музея. № 939, л. 9), или же въ другой редакціи: „бывшу съ ними и мнѣ иноку Симеону, иже писаше пренія святительская съ папою“ (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 345). Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто повѣсти, гдѣ авторъ, начавши было описывать Флоренцію, съ поспѣшностію оговаривается: „и того всего не могу деписати, но ее о сборъ пишу“ (Рукопись Московскаго Публичн. Музея. № 939, л. 15; А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 97). Что же касается самого Авраамія, то онъ, по мнѣнію Ѡ. Делекторскаго, взявъ на себя трудъ описывать особенно поражавши его диковины, помогая своимъ книжнымъ спутникамъ. Изъ этихъ записей, которые, вѣроятно, составляютъ одно цѣлое подъ общимъ заглавіемъ „Исхожденіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ глѣто 6945“, сохранился до нашего времени только одинъ отрывокъ, посвященный описанію сценическаго представленія Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 400—406). О принадлежности „Исхожденія“ Авраамію см. у митроп.

Хотя Исидоръ прибылъ въ Феррару на пять съ половиною мѣсяцевъ позже грековъ¹⁾, однако, онъ засталъ соборъ не только не

Евгенія въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина“. Т. I, стр. 4, и у арх. Филарета въ „Обзорѣ русской духовной литературы“. Т. I, стр. 133, также и у А. Попова. Историко-литературный обзоръ, стр. 399. Такимъ образомъ, епископъ Авраамій, іеромонахъ Симеонъ и неизвѣстный суздалецъ, предполагаемый архіерейскій дьякъ или бояринъ - составили изъ себя нѣчто въ родѣ литературнаго товарищества, описывавшаго флорентійскій соборъ и путешествие на него. См. также А. Н. Пыпина. История русской литературы. Т. II, стр. 264—265; В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоен и его посланія, стр. 450—А. Д. Щербина („Литературная история русскихъ сказаній о флорентійской уни“ Одесса 1902) высказываетъ предположеніе, что „Путешествіе“ вышло изъ-подъ пера духовнаго лица или лица, стоявшаго близко къ интересамъ церкви и религіи, стр. 16—20, 47—48. Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ VIII. 159 засѣданіе (Византійско-славянское отдѣл.) 17 ноября 1901 г., стр. 2—3. Впрочемъ, это довольно гадательное предположеніе г. Щербины не заставляеть насъ отказаться отъ весьма вѣскихъ и обоснованныхъ взглядовъ покойнаго профес. А. С. Павлова.

¹⁾ Греки прибыли въ Феррару 4-го марта 1438 года. Императору былъ оказанъ блестящій пріемъ. „Византизмъ, по образному выраженію Г. Ф. Герцберга, выступилъ еще разъ въ своемъ древнемъ торжественномъ видѣ“. История Византии, стр. 547. При селеніи Франколинѣ, которое отстоитъ отъ Феррары на полтора часа пути, императоръ 3-го марта 1438 года былъ встрѣченъ папскимъ легатомъ, начальникомъ города и другими почетными лицами свѣтскими и духовными. На другой день (4-го марта) императоръ, въ сопровожденіи своей свиты, папскихъ епископовъ и чиновъ Феррары, торжественно вступилъ въ городъ. Папа съ кардиналами, епископами и аббатами ожидалъ его въ своемъ дворцѣ. При входѣ императора онъ всталъ, облобызалъ его и, подавъ руку, которую тотъ поцѣловалъ, посадилъ его рядомъ съ собою. Послѣ тайной бесѣды съ папою императоръ удалился въ назначенный ему дворецъ (Synop. 4, 17. S. Syn. Flor. 8—11). История флорентійск. собора стр. 45. Проф. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флор. соборѣ Хр. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 107. Патріархъ прибылъ въ Феррару позднѣе императора. Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на чрезвычайно характерномъ и интересномъ моментѣ—встрѣчѣ константинопольскаго патріарха съ гордымъ римскимъ первосвященникомъ и пререканіяхъ о порядкѣ этой встрѣчи. Какъ только Іосифъ присталъ къ селенію Франколину, ему была выслана великолѣпная шляпка, на которую онъ перешелъ съ епископами и всѣмъ клиромъ. На другой день императоръ извѣстилъ патріарха, что папа требуетъ отъ него земнаго поклона и цѣлованія туфли. Патріархъ былъ сильно пораженъ этой вѣстью; онъ ожидалъ далеко не такого приема отъ своего собрата. Еще въ Венециі онъ говорилъ одному изъ близкихъ лицъ къ папѣ: „Если папа старше меня, я почту его какъ отца; если равенъ мнѣ по лѣтамъ, буду обращаться съ нимъ какъ съ братомъ; если же моложе, то буду считать его за сына“. Около полудня папа прислалъ шесть епископовъ, которые поздравили Іосифа съ пріездомъ и требовали, чтобы онъ воздалъ папѣ обычное покло-

конченнымъ, но и почти что не начавшимся. Въ своей повѣсти о соборѣ Симеонъ суздальскій говоритъ, что „болѣ всѣхъ грекове мнѣли Исидора великимъ епископомъ, да того ради и ждаша его“¹⁾. Этотъ же взглядъ мы находимъ и въ нашихъ лѣтописяхъ. Его же раздѣляетъ и Карамзинъ въ „Исторіи государства русскаго“ (Т. V, столб. 165). Но дѣйствительною причиною такого медленія были совершенно другія обстоятельства, ускользнувшія отъ взгляда и пониманія суздальскаго іерея.

Сперва устройство мѣстъ для членовъ собора въ назначенной для того кафедральной церкви Св. Георгія подаю поводъ къ про-

неніе. Патриархъ прямо отвѣчалъ посланнымъ, что согласенъ только на братское цѣлованіе, и, созвавъ своихъ епископовъ, съ негодованіемъ объявилъ имъ о требованіи папы. Митрополитъ трапезунтскій напомнилъ, что патриарху еще въ Константинополѣ давали совѣтъ внимательное размыслить объ этомъ, но онъ тогда говорилъ только одно, что папа приметъ всѣхъ ихъ съ любовью и честью. Митрополитъ же практически сообщилъ, что когда онъ и митрополитъ монемвасійскій представлялись пацѣ, то, не боясь его гнѣва, не лобызали папской туфли. Между тѣмъ императоръ опять прислать вѣстника, что онъ продолжаетъ спорить съ папою о сохраненіи патриаршаго достоинства. Тогда престарѣлыи Іосифъ рвнительно отвѣчалъ вторично присланнымъ отъ папы епископамъ: „Скажите, откуда папа присвоилъ себѣ это право? Какой соборъ, какимъ правиломъ утвердилъ этотъ обычай? Если папа преемникъ апостола Петра, то и мы преемники другихъ апостоловъ. А прочіе апостолы лобызали ли ногу Петра? Кто слышалъ это?“ Посланные отвѣчали, что это—древнее обыкновеніе и ему слѣдуютъ епископы, короли, императоръ германскій и сами кардиналы, которые выше императора. Но патриархъ настоятельно требовалъ, чтобы папа принялъ его какъ брата, грозя, что въ противномъ случаѣ онъ не сойдетъ на берегъ и не позволитъ выйти никому изъ епископовъ. Папа, наконецъ, уступилъ требованію патриарха, подѣ предложомъ желанія мира (Syropul. 4, 18—21) и 8-го марта патриархъ торжественно прибылъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, въ Феррару и немедленно былъ принятъ папою въ его келли; папа и патриархъ обмѣнялись братскимъ цѣлованіемъ. История флорентійскаго собора, стр. 45—47. А. П. Садовъ. Виссаріонъ Ник. Хр. Чт. 1882 Ч. I, стр. 108—109.

¹⁾ Рукопись Московск. Публичнаго Музея XVII в. № 939; „И не собораваша долго, ожидаючи отъ великаго Руен митрополита Сидора, по совѣту его“. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101; Рукопись Спб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464, л. 372 об. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовеи и его посланія. Прилож. XIX, стр. 117. Данное мѣсто по списку рукописи XVII в. Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ, № 518/1304 читается не такъ: вмѣсто слова „ждаша его“, находится „избраша его“, что имѣетъ свое основаніе, такъ какъ разсматриваемое мѣсто повѣсти непосредственно слѣдуетъ за повѣствованіемъ о выборѣ уполномоченныхъ со стороны грековъ для преній съ латинянами на соборѣ

должительнымъ спорамъ¹⁾; эти мѣстническія пререканія, конечно, оттягивали начало соборныхъ засѣданій. Но были и другія, болѣе серьезныя причины того, что собравшіеся представители церкви не приступали къ соборованію. Имѣя цѣлью устроить дѣла рушащейся имперіи при помощи западныхъ государей, которые должны были оказать ему военную помощь противъ страшныхъ турокъ, императоръ Іоаннъ началъ просить папу, чтобы на этомъ вселенскомъ соборѣ присутствовали не одни епископы и духовные, но чтобы онъ призвалъ и государей западной Европы, вмѣсто которыхъ, въ крайнемъ случаѣ, на соборѣ должны бы были присутствовать ихъ посланники²⁾. Папа сперва отказывался удовлетворить этой просьбѣ подѣ предлогомъ раздоровъ и войнъ между государствами, но потомъ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ императора, обѣщалъ отправить своихъ легатовъ къ королямъ и герцогамъ съ приглашеніемъ ихъ прибыть на соборъ или же прислать вмѣсто себя уполномоченныхъ. Вслѣдствіе этого было положено отложить торжественныя засѣданія собора и разсужденія о предметахъ вѣры на четыре мѣсяца. Но чтобы не терять времени и публичнымъ объявленіемъ о началѣ сношеній съ греками привлечь еще нѣсколькихъ членовъ антипапскаго базельскаго собора и расположить общественное мнѣніе и тѣмъ подкрѣпить себя, папа, съ согласія императора, рѣшилъ открыть соборъ немедленно, съ тѣмъ, чтобы избранные изъ грековъ и латинянъ, занимались въ течение означеннаго срока частными разсужденіями о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ восточная церковь не согласна съ западной.

Въ то же время императору не безъ труда удалось убѣдить папу, чтобы послѣдній, исполняя свой договоръ съ греками, выдавалъ имъ на содержаніе деньги, вмѣсто ежедневной пищи, которою папа одѣлялъ ихъ какъ нищихъ³⁾.

Выдача суммъ на содержаніе грековъ въ продолженіе всего собора въ Феррарѣ и затѣмъ во Флоренціи была предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны грековъ. По вѣрному выраженію автора „Исторіи флорентійскаго собора“, папа всегда находилъ въ этомъ лучшее средство преклонять грековъ къ покорности⁴⁾. Дѣй-

¹⁾ Объ этихъ спорахъ см. „Исторію флорентійскаго собора“. Глав. IV, стр. 48

²⁾ А. И. Садовъ Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ. Чтеніе 1882. Ч I, стр. 111.

³⁾ Папа опредѣлилъ выдавать ежемѣсячно императору по 30 флориновъ, патриарху по 25, деспоту по 20, лицамъ императорскаго и патриаршаго двора по 4 флорина и слугамъ по 3. „Исторія флорент. собора“, стр. 49

⁴⁾ Тамъ же, стр 50

ствительно, изъ описаній исторіи этого собора мы можемъ наблюдать, какъ была замедляема выдача денегъ на содержаніе, когда греки упорствовали и не желали согласиться на предложеніе папы, доведенные до крайности нѣкоторые изъ епископовъ, не получая содержанія, принуждены были продавать свои одежды. Но какъ скоро греки принимали рѣшенія, благоприятныя для римскаго первосвятителя, имъ выдавали деньги, какъ награду и поощреніе за послушаніе¹⁾.

9-го апрѣля, въ великую среду, папа назначилъ открытіе собора. Патріархъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался присутствовать, но далъ свое согласіе на открытіе. Папа первый вошелъ въ храмъ и занялъ свой престолъ на сѣверной сторонѣ; затѣмъ заняли мѣста на южной сторонѣ императоръ, его братъ, мѣстоблюстители патріаршіе (въ назначеніи которыхъ не задолго до открытія собора, по волѣ императора произошли перемѣны) и епископы съ низшимъ клиромъ. Со стороны западной церкви собралось 8 кардиналовъ, множество епископовъ и низшаго духовенства²⁾. Предъ алтаремъ, на срединѣ храма, на особомъ мѣстѣ положено было Евангеліе, а по сторонамъ поставлены изваянія первоверховныхъ апостоловъ³⁾. Когда въ храмѣ водворилась тишина, папа возгласилъ: „Благословенъ Господь Богъ израилевъ!“ Началось славословіе и были прочитаны нѣкоторыя молитвы. Потомъ греческій архидіаконъ читалъ съ амвона воззваніе патріарха, въ которомъ всѣ приглашались къ участию на соборѣ. „Всѣ знатныя лица ду-

¹⁾ Это мы можемъ видѣть и въ самомъ началѣ собора. Во все продолженіе споровъ о мѣстахъ на соборѣ грекамъ не выдавали денегъ на содержаніе; когда же споръ прекратился, они получили мѣсячное содержаніе. О спорѣ между папою, желавшемъ, какъ глава церкви, сидѣть посреди церкви, и императоромъ, стремившимся, подобно Константину В., быть предсѣдателемъ собора—см. у Карамзина И Г Р Т V, столб 165.

²⁾ О числѣ латинскихъ епископовъ на соборѣ встрѣчаются различныя показанія. У Дороея митиленайскаго предъ описаніемъ открытія собора упоминается о 150 кардиналахъ и епископахъ (р. 17); а въ описаніи самаго открытія говорится о 200 (р. 20). У Сиронула упоминается при открытіи собора 11 кардиналовъ и 150 епископовъ (5,3). Но подъ актомъ соединенія подписались только 141 чел.; въ числѣ ихъ—папа, императоръ, патріаршіе мѣстоблюстители, кардиналы, епископы греческіе и латинскіе, игумены, аббаты и іеромонахи Григорій трапезунтскій упоминаетъ о 400 отц. (Graec Orthod. 1, 579); но считая однихъ восточныхъ до 200 человекъ, этимъ самымъ подрываетъ вѣру къ своимъ словамъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 51.

³⁾ Въ русскомъ описаніи путешествія Исидора на соборѣ говорится: „И тогда внесше поставиша Святаго Петра и Павла, литы сребренны позлащены“ Д Р Виллювика, VI, стр. 52

ховные, короли и герцоги, гласила эта грамота патриарха, должны прислать отъ себя мѣстоблюстителей и пословъ, если сами не могутъ явиться. Кто же не явится къ означенному сроку и потомъ не приметъ опредѣлений сего собора, тотъ подвергнется церковному отлученію¹⁾. Загѣмъ читанъ былъ декретъ папы объ открытіи въ Феррарѣ вселенскаго собора, и непродолжительное собраніе было заключено духовнымъ пѣшемъ¹⁾.

Папа разослалъ списки декрета объ открытіи собора западнымъ государямъ, побуждая ихъ прислать пословъ на соборъ. Но не сбылись надежды папы. Базельскій антипапскій соборъ продолжалъ свои угрозы низложить папу и отлучить отъ церкви всѣхъ, кто осмѣлится ѣхать на соборъ въ Феррару. Правда, имперскіе чины, по смерти Сигизмунда, объявили, что они не принимаютъ ни соборныхъ декретовъ противъ папы, ни папскихъ—противъ базельскаго собора, но признаютъ и соборъ и папу²⁾; но всѣ другіе западные государи, не одобрявшіе собора феррарскаго, а сочувствовавшіе (базельскому) антипапскому собору и потому не желавшіе противодействовать ему, не только не явились сами на феррарскій соборъ, но даже, за исключеніемъ герцога бургундскаго³⁾, не прислали и своихъ пословъ, несмотря на приглашенія папы и его строгое предписаніе закрыть базельскій соборъ и перенести его въ Феррару⁴⁾.

Эти обстоятельства и были причиной того, что торжественныя засѣданія собора были отложены и не начинались до прибытія русскаго митрополита Исидора. Но русскій книжникъ, современникъ и участникъ описываемаго событія, иначе смотритъ на причины отсрочки торжественныхъ засѣданій феррарскаго собора и высказываетъ по этому поводу собственныя думы о величии русской земли и ея главы—московскаго государя. Въ своей повѣсти (2-ой

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 51—52.

²⁾ История флорентійскаго собора, стр. 52—53.

³⁾ Уже подъ конецъ соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ явились посланники герцога бургундскаго; введенные на соборъ, они цѣловали папскую туфлю и не оказали никакого почтения императору, какъ будто его и не было на соборѣ. Wessenberg I H. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh. (1840) 2 Band, p. 372.

⁴⁾ Митрополитъ Макарій И. Р. Ц. Т. V. стр. 347—348. См также Густинскую лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355) О проклятіи папою опредѣлений враждебнаго ему базельскаго (въ лѣтоп „Вазмейскаго“, а у Новикова „Арбазмейскаго“) собора см. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 153; Древн. Росс. Вивліое. Новикова. Ч. VI, (изд. 2-ое), стр. 44—45.

редакции) Симеонъ суздальскій утверждаетъ, что до прибытія Исидора были отложены соборныя засѣданія: „ожидаху царь и патриархъ московскаго митрополита Исидора, занеже *славна земля русская*“, а когда Исидоръ прибылъ въ Феррару, то „царь и папа и патриархъ повелѣ встрѣтити его честно, и воздаша ему честь велию славнаго ради имени великаго князя Василія Васильевича всея Руси“¹⁾.

Авторъ лѣтописной повѣсти о флорентинскомъ соборѣ влагаетъ въ уста императора Іоанна Палеолога слѣдующую рѣчь: „Царь же тогда киръ Іоанъ извѣствоваше сицево слово Евгению папѣ Римскому и всѣмъ бывшимъ ту: „яко восточнии земли суть большее православіе, высшее хрестіанство Вѣлая Русь, въ нихъ же есть государь братъ мой Василей Васильевичъ, ему же восточнии прислухаютъ и велиции князи съ землями служатъ ему: по смиренна ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ Рускихъ земель православія: того ради ожидающе не собороваша мѣсяць шесть“²⁾. Влагая въ уста императора византийскаго похвалу славѣ и величію русскоіи земли и русскаго князя, авторъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: „по смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ Рускихъ земель православія“. Выводъ этотъ является

¹⁾ Рукопись Сиб. дух. Академіи. № 1245 В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоевъ и его посланія“ Прилож. XVIII, стр. 103 П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 153: „Того ради ожидающе не собороваша мѣсяць шесть. Егда Сидоръ пришеъ къ нимъ и тако срѣтоша его людей множество велики съ великою честію, славы ради имени великаго царя Василія Васильевича всея Руси; тогда по малѣхъ днехъ начаша соборовати тамо“. „Инокъ Симеона іерея суздальска повѣсть“ А. Поповъ. Историко-литерат. обзоръ, стр. 315

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152 — 153; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101 „И не собороваша долго“, читаемъ мы въ одной изъ рукописей Сиб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, „ожидающе отъ великия Руси митрополита Исидора по съѣзду его Царь же тогда киръ Іоанъ извѣствоваше сицево слово Евгению папѣ римскому и всѣмъ бывшимъ ту, яко восточнии земли суть рускіи и болшее православіе и вышшее хрестіанство Вѣлые Русь, въ нихъ же есть государь великій братъ мой Василей Васильевичъ, ему же вѣсточнии царіе прислухаютъ и велиции князи съ слезами (вар. съ землями) служатъ ему. Но смиренна ради благочестія и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ руськимъ своихъ земель православія. И того ради ожидающе не собороваше мѣсяцей шесть“. Рукоп. Сиб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей № 1464, лл. 372 — 373. В. Н. Малининъ Старецъ Елеазарова монастыря Филоевъ и его посланія. Прилож. XIX, стр. 117 Д. Р. Вивлюевка. Ч. VI, стр. 51—52.

еще тѣмъ болѣе многозначительнымъ, что лѣтописная повѣсть, по вѣрному замѣчанію проф. В. Н. Малинина, несомнѣнно стоитъ въ связи съ правящими сферами государственными и церковными. Конечно, не одно христіанское смиреніе было причиною того, что великій князь не могъ воспользоваться титуломъ царя: на лицо еще оставался ордынскій царь, верховный повелитель всей Руси. Это мѣсто лѣтописной повѣсти исполнено національнаго самосознанія, горячею вѣрою въ силы государства и великое, свѣтлое будущее, которое представляется автору не какъ что либо отдаленное и недостижимое, но какъ вполне естественное, соотвѣтствующее быстрому политическому росту московской Руси. То же самое мы встрѣчаемъ и въ „Словѣ“, гдѣ авторъ также заставляетъ самого греческаго *царя* Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на титулъ царя и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару¹⁾. Конечно, эти слова не могъ сказать греческій императоръ, а они несомнѣнно принадлежать составителю и изобличаютъ его собственныя думы о величій русской земли. Русскому книжнику, увлеченному національнымъ самомигненьемъ, могло дѣйствительно показаться, что греки и латиняне не открывали торжественныхъ соборныхъ засѣданій, ожидая митрополита Псидора; на самомъ дѣлѣ, какъ мы могли видѣть выше, были совершенно другія причины такой отсрочки.

Послѣ пасхи (13 апрѣля) папа началъ требовать отъ грековъ, чтобы были начаты частныя совѣщанія собора. Ожидая прибытія отцовъ базельскаго собора²⁾, греки медлили и не начинали засѣданій, но послѣ троекратныхъ напоминаній со стороны папы, было наконецъ избрано по десяти человекъ съ той и другой стороны (со стороны грековъ и латинянь), съ тѣмъ, чтобы они собирались по три раза въ каждую недѣлю въ одной монастырской церкви для разсужденія о спорныхъ предметахъ³⁾. Со стороны грековъ были

¹⁾ А. Поновъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянь. „Слово избрано отъ святыхъ писаній...“, стр. 364—365; А. С. Павловъ Критическіе оцѣты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемикѣ противъ латинянь, стр. 100—101.

²⁾ Synod. Flor., р. 29. Исторія флорентійскаго собора, стр. 53.

³⁾ Здѣсь между исторіей Сиропула и повѣствованіемъ Дороея (митиленскаго) есть незначительныя разногласія. Одинъ говоритъ, что назначалось по три собранія въ каждую недѣлю, другой — по два. Одинъ говоритъ,

избраны митрополиты: ефесскій, монемвасійскій, пикейскій, лакедемонскій, анхіахальскій и пять другихъ членовъ собора. Вмѣстѣ съ ними было назначено присутствовать императорскому чиновнику Мануилу Ягарису

Для насъ является чрезвычайно интереснымъ отношеніе императора къ дѣламъ церковнымъ, его вмѣшательство въ внутреннюю жизнь собора. Извѣстно, что императоръ отдалъ строгое приказаніе, чтобы только Маркъ Евгеникъ, митрополитъ ефесскій и юный Виссаріонъ никейскій¹⁾ вступали въ пренія съ латинянами,—но въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгали къ совѣщанію съ прочими членами собора; чтобы они не вступали въ разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ спора, и, наконецъ, чтобы, по окончаніи каждаго засѣданія, давали отчетъ ему, императору, о ходѣ дѣлъ²⁾. Вообще императору не хотѣлось, чтобы непримиримость ученія греческаго съ латинскимъ обнаружилась раньше, нежели ему удастся достигнуть своихъ политическихъ цѣлей³⁾. „И теперь, говоритъ авторъ „Исторіи флорентійскаго собора“, поручая избраннымъ вести споры съ латинянами, онъ внушалъ не отвергать мнѣній латинскихъ потому только, что они не согласны съ собственнымъ ученіемъ грековъ, но на всякій вопросъ смотрѣть, какъ бы еще не было никакого рѣшенія, и потомъ общими усиліями, постепенно доходить до

что было избрано по десяти членовъ собора съ каждой стороны, другой—по двѣнадцати, считая впрочемъ и двухъ нотаріевъ. Одинъ еще говоритъ, что собранія были назначены въ церкви монастыря св. Андрея, другой же указываетъ на церковь св. Франциска какъ на мѣсто этихъ совѣщаній. Последнее противорѣчіе можетъ быть лишь кажущееся, такъ какъ эта церковь, по справедливому замѣчанію автора „Исторіи флорентійскаго собора“, могла быть въ андреевскомъ монастырѣ. Syropul. 5, 3 Synod. Flor., p. 29. Исторія флорентійскаго собора, стр. 53, прим. л

¹⁾ Проф. А. И. Садовъ полагаетъ, что Виссаріонъ родился, какъ кажется въ 1403 г. (см. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris. 1878, p. 2), въ Трапезунтѣ, отъ простыхъ родителей. „Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ“. Христіанское Чтеніе. 1882 Ч. I, стр. 94—95

²⁾ Syropul. 5, 3. Исторія флорентійскаго собора, стр. 54

³⁾ Извѣстно, что вскорѣ по прибытіи въ Феррару Маркъ ефесскій, по внушенію кардинала Юліана, рѣшился написать папѣ благодарственное письмо за учрежденіе собора; въ этомъ посланіи онъ высказалъ взглядъ, что римская церковь, къ довершенію добраго дѣла, должна отказаться отъ своего ученія объ исхожденіи свят. Духа и отъ совершенія литургии на оирѣнокахъ. Когда императоръ узналъ объ этомъ, то едва не подвергъ Марка суду греческаго собора за то, что онъ осмѣлился высказывать латинянамъ такія мысли. Syropul. 5, 2. Исторія флорентійскаго собора, стр. 54.

его разрѣшенія, принимая за послѣдній выводъ въ этомъ изслѣдованіи то, что будетъ всеми принято¹⁾.

Со стороны же латинянъ были назначены для преній кардиналы Юліанъ Чезарини и Николаѣ Албергати, Андрей—епископъ колосскій, или родосскій и еще нѣсколько аббатовъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, въ третье засѣданіе, кардиналъ Юліанъ Чезарини указалъ, что главные предметы спора и разногласій между греками и латинянами заключаются въ ученіи: объ исхожденіи Духа святаго, о хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистилищѣ и о первенствѣ папы²⁾ Затѣмъ онъ предложилъ собравшимся вопросъ, съ чего начать разсужденія Греки заявили, что обсужденіе перваго вопроса (объ исхожденіи Духа св.) они отлагаютъ до торжественныхъ засѣданій вселенскаго собора; относительно же прочихъ спорныхъ вопросовъ обѣщали вскорѣ дать отвѣтъ по совѣщаніи съ императоромъ. Послѣдній, по свидѣтельству источниковъ, назначилъ избрать для изслѣдованія который нибудь изъ двухъ послѣднихъ³⁾; латиняне согласились разсуждать о чистилищѣ.

Въ задачу нашего изслѣдованія не входитъ описаніе внутренней исторіи ферраро-флорентійскаго собора, изложеніе и анализъ споровъ между представителями восточной и западной церкви⁴⁾; но мы должны замѣтить, что эти продолжительныя пренія нисколько не подвинули впередъ главнаго вопроса о соединеніи церквей и каждая изъ состязавшихся сторонъ осталась при своемъ прежнемъ

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 54—55 (Syropul 7, 8).

²⁾ История флорентійскаго собора, стр. 55.

³⁾ Synod Flor, p. 30, Syropul 5, 7, 8 История флорентійскаго собора, стр. 55

⁴⁾ Описаніе предварительныхъ преній о чистилищѣ и блаженствѣ праведныхъ на частныхъ засѣданіяхъ мы находимъ у Сиропула, въ его „Vera histor. unionis non verae“, а также въ „Исторіи флорентійскаго собора“,—„S. G. Florentina Synodus“ Последній трудъ (въ двухъ том. in 4°) считается лучшимъ изъ описаній собора, изданныхъ римскою церковью. Трудъ этотъ, написанный на греческомъ языкѣ, безъ означенія имени автора, приписывается члену собора Дороею, митрополиту митиленскому Алліацій приписывалъ его Феодору Ксанѳопулу, но Бертрамъ („Abhandlung vom Dorotheo von Mitilena, einem ungenannten Geschichtschreiber“. Hal. 1759, in 4°) доказалъ, что авторъ его Дороей митиленскій. Важнѣйшую часть этого труда и составляетъ изложеніе соборныхъ преній. См. также Thisman. Unionsverhand. seit d. Anf. d. XV Jahrh. zum Conc. v Ferrara (1858). „Исторію флорентійскаго собора“, гл IV, изслѣдован. проф. А. П. Садова, проф. А. Л. Катанскаго и другіе источники.

убѣжденіи, не будучи въ состояннн склонить другую спорящую сторону къ принятію своего учешя¹⁾.

Еще во время предварительныхъ преній въ небольшомъ обществѣ грековъ обнаружилось разномысліе и раздѣленіе, не предвѣщавшія добраго исхода задуманнаго дѣла; обнаружилось печальное соперничество и зависть краснорѣчиваго Виссаріона никейскаго къ стойкому и ревностному защитнику православія Марку ефесскому²⁾. Лишь только приступили къ дѣлу, какъ стало видно, что среди грековъ найдутся люди готовые принести въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ и страстямъ интересы церкви, представителями которой они состояли.

Частныя засѣданія собора прекратились; прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ со времени открытія собора. Испытывая недостатокъ въ средствахъ³⁾, находясь въ бездѣйствиц, греки стали скучать и сожалѣть, что оставили родину. Императоръ Іоаннъ, боясь,

¹⁾ Во время споровъ главный вопросъ раздробился на столько мелкихъ и отдаленныхъ отъ цѣли, что по необходимости его рѣшеніе осложнялось и затруднялось еще болѣе. Представители западной церкви спрашивали напр.: гдѣ и какъ летаютъ ангелы? Каково свойство геенскаго огня? На послѣдній вопросъ императорскій чиновникъ Ягарисъ замѣтилъ: „спрашивающій получить удовлетворительное разрѣшеніе на свой вопросъ развѣ тогда только, когда самъ испытаетъ свойство этого огня“. Sygor. 5, 16, 18 Synod Flor., p 35, 37. „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 64.

²⁾ Объ отношеніяхъ Виссаріона никейскаго къ Марку ефесскому см. у А. И. Садова. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882 Ч I, стр. 115—126. Виссаріонъ никейскій, если по временамъ и вступалъ въ споръ съ латинянами, то болѣе для того, чтобы выказать свой талантъ краснорѣчія; достойно вниманія, что когда греки, видя упорство латинянъ противъ ихъ доводовъ, хотѣли прекратить всѣ пренія, Виссаріонъ одинъ настаивалъ на продолженіи спора, перемѣнивъ только предметъ. „Мы еще много, говорилъ онъ, можемъ сказать прекраснаго“ („πολλά καὶ καλά“). Sygorul. 7, 6. „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 66.

³⁾ Выдача денегъ на содержаніе нуждавшихся грековъ производилась крайне неаккуратно. Первая выдача была 2-го апрѣля; грекамъ было выдано по расчету за одинъ мѣсяць 691 флоринъ, между тѣмъ какъ слѣдовало получить за полтора (Sygorul. 4, 28); вторая—12 мая, 689 флориновъ (Sygorul. 5, 9); третья—30 іюня, 689 флориновъ (Sygorul. 5, 18); четвертая—21 октября за два мѣсяца, 1218 флориновъ (Sygorul. 6, 20) Пятая (послѣдняя въ Феррарѣ)—12 января 1439 года за четыре мѣсяца 2412 флориновъ (Sygorul. 7, 14). А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чтеніе. 1882 Ч I, стр. 330 Обиднѣвшее греческое духовенство и во время собора, вслѣдствіе полного отсутствія собственныхъ средствъ и неаккуратной выдачи содержанія папою,—нуждалось даже въ самомъ необходимомъ. Изъ источниковъ мы узнаемъ, что у одного греческаго архіерея того времени ничего не имѣлось, кромѣ трехъ старыхъ одеждъ. Знаменитый же ученый Виссаріонъ, м. никейскій, въ тече-

чтобы недовольные не покинули Феррары и не удалились съ собора преждевременно, отдать приказъ градоначальнику не выпускать ни одного грека изъ города и не выдавать никому билетовъ безъ его разрѣшенія и подписи. Самъ же, позаботившись о болѣе надежномъ заключеніи грековъ въ Феррарѣ, поселился въ загородномъ монастырѣ и проводилъ время въ полѣ, занимаясь охотою, какъ будто не хотѣлъ и вспомнить о дѣлѣ, ради котораго оставилъ свое государство¹⁾.

Когда прошелъ срокъ, назначенный для открытія торжественныхъ засѣданій собора, представители греческаго духовенства просили императора, чтобы онъ, возвратясь въ городъ, сдѣлалъ бы какія нибудь распоряженія относительно соборныхъ дѣлъ. Но императоръ отвѣчалъ, что безъ пословъ отъ государей западной Европы и безъ болѣе многочисленнаго собранія епископовъ, чѣмъ настоящее,—онъ не хочетъ думать о началѣ собора, который долженъ быть дѣйствительно вселенскимъ. Но вмѣсто увеличенія соборъ началъ уменьшаться въ числѣ своихъ членовъ, такъ какъ губительная болѣзнь (морозная язва) однихъ лишила жизни, другихъ же заставила бѣжать изъ города, спасаясь отъ заразы²⁾. И лишь прибылъ только, какъ сказали мы выше, русскій митрополитъ Исидоръ въ сопровожденіи многочисленной свиты.

Торжественныя засѣданія собора еще не начинались: папа Евгений ожидалъ своего посла изъ Франціи. Но и оттуда были получены неблагопріятныя извѣстія, такъ какъ Франція оградила себя отъ вліянія папы прагматическою санкціею (изданной въ Буржѣ 7 іюля 1438 г.), основанной на постановленіяхъ базельскаго собора³⁾. Король Карлъ VII запретилъ своимъ епископамъ ѣхать въ Феррару⁴⁾. Послѣ полученія столь неутѣшительныхъ свѣдѣній съ за-

не цѣлыхъ двадцати лѣтъ давалъ уроки юношеству на родинѣ, — и за это время могъ всего на всего приобрести лишь сорокъ золотыхъ флоринновъ. (Ducæ. Historia Byzantina, cap XXXI.—Migne. P C C S. G. Tom CLVII, col. 1013. Гиббонъ. Исторія. Т. VII, стр. 254. А Лебедевъ. Очерки исторіи Византійско-восточной церкви, стр 513).

¹⁾ Syropul 6. 1, 2 Исторія флорентійскаго собора, стр. 68.

²⁾ При началѣ торжественныхъ засѣданій вмѣсто одиннадцати кардиналовъ нашлось только пять, а вмѣсто полтораста епископовъ — только пятьдесятъ.

³⁾ О „Прагматической санкціи“ Карла VII см Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus Von D Carl Mirbt. Zweite Auflage. Tübingen und Leipzig. 1901. № 257, стр 160, гдѣ указана и литература вопроса.

⁴⁾ Wessenberg J. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh. 2 Band, S. 379.

пада, папа стала настоятельно требовать от греков, чтобы начались торжественные соборные разсуждения о соединении церкви. „Уже семь мѣсяцевъ вы въ Италіи,—говорилъ онъ грекамъ, а и всего подписали мнѣ одну бумагу—объявленіе объ открытии собора“¹⁾. Наконецъ, императоръ возвратился въ городъ и послѣ многократныхъ переговоровъ было постановлено открыть торжественныя засѣданія собора 8 октября.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ между греками было постановлено, чтобы споры между представителями церкви восточной и западной были рѣшаемы не большинствомъ голосовъ, которыхъ на сторонѣ латинянъ всегда могло быть болѣе, нежели у грековъ, но общимъ согласіемъ той или другой стороны²⁾.

Потомъ, созвавъ шесть старшихъ митрополитовъ, хартофилакса, епископа, двухъ игуменовъ съ іеромонахомъ и трехъ греческихъ ученыхъ³⁾, императоръ, выслушавъ ихъ мнѣнія, условился съ ними о началѣ преній на соборѣ объ исхожденіи св. Духа. Наконецъ, императоръ объявилъ, что, по совѣщанію съ кардиналами, онъ рѣшилъ, чтобы въ недѣлю было непременно по три соборныхъ засѣданія и, чтобы, въ случаѣ отсутствія императора, патріарха, или кого либо изъ лицъ, назначенныхъ для преній, засѣданіе не откладывалось бы до другого времени. Мѣсто же отсутствующаго на соборѣ члена долженъ занимать другой, слѣдующій за нимъ по старшинству. Соборныя засѣданія должны были начинаться чрезъ полтора часа послѣ разсвѣта и продолжаться до шестого часа дня⁴⁾.

Для преній на соборѣ со стороны грековъ были избраны слѣдующіе представители: Маркъ Евгенікъ, м. ефесскій, Исидоръ, митрополитъ русскій⁵⁾, Виссаріонъ никейскій, философъ Гемистъ,

¹⁾ Syropul 6, 5.

²⁾ Иначе,—говорили греки,—противъ нашихъ тридцати голосъ у латинянъ будетъ болѣе двухсотъ. Нужно, чтобы голоса одной стороны безъ отношенія къ ихъ числу, взятые вмѣстѣ, имѣли силу равную голосамъ другой стороны. Тѣмъ же, кто перейдетъ отъ грековъ къ латинянамъ, или отъ латинянъ къ грекамъ, должно объявить строгое наказаніе. Syropul 6, 9, 10. Исторія флорентійскаго собора, стр. 71.

³⁾ Схоларія, Гемиста и Амируца.

⁴⁾ Греки выразили свое согласіе на эти условія каждый собственноручною подписью и требовали, чтобы имъ было предоставлено право предлагать вопросы латинянамъ. Syropul 6, 13.

⁵⁾ Какъ извѣстно, Исидоръ дѣйствовалъ на соборѣ не только въ качествѣ архипастыря Руси, но и въ качествѣ представителя антиохійскаго патріарха—Дородея. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 534.

хартофилаксъ и скевофилаксъ¹⁾. Но на самомъ дѣлѣ императоръ поручилъ вести всѣ пренія съ представителями западной церкви Марку ефесскому и Виссаріону никейскому, запретивъ участвовать въ дѣлахъ собора свѣтскимъ чиновникамъ²⁾. Въ преніяхъ иногда принималъ участіе и русскій митрополитъ, изрѣдка высказывавшіи свои замѣчанія (Садовъ Виссар Ник. Христ. Чтеніе 1882. Ч. I, стр. 137). По желанію папы засѣданія собора происходили въ его дворцовой капеллѣ³⁾.

Всѣхъ соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ было 15⁴⁾, два мѣсяца прошло въ преніяхъ (о прибавленіи къ символу вѣры), которыя не привели къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ они, подобно и прежнимъ спорамъ, кончились ничѣмъ: каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи

Греки, видя полную невозможность убѣдить въ правотѣ своихъ мнѣній представителей западной церкви, стремились возвратиться въ отечество и только, благодаря пастойчивости императора, надѣявшагося получить помощь запада рушащейся имперіи, удалось склонить духовенство перейти къ разсмотрѣнію другого вопроса (о самомъ догматѣ исхожденія св. Духа). Видя упорство латинячь и ихъ нежеланіе принимать очевидныя доказательства грековъ при обсужденіи спорныхъ вопросовъ, нѣкоторые изъ греческаго духовенства указывали императору на безполезность продолжать пренія и по другимъ вопросамъ, но послѣдній, имѣя въ виду помощь, обѣщанную ему папой, отвергалъ всякія возраженія. Митрополитъ русскій Исидоръ и Виссаріонъ никейскій стали сильно поддерживать императора, стараясь вліять и на другихъ представителей духовенства. Но тутъ встрѣпилось и другое препятствіе къ

¹⁾ Екклезиархъ Сиропулъ также былъ назначенъ въ число уполномоченныхъ для преній, но усиленными просьбами самъ уклонился отъ этого назначенія. Syropul. 6, 13.

²⁾ Латиняне съ своей стороны назначили для преній кардиналовъ Юліана Чезарини Николая Албергати, Андрея епископа родосскаго и Іоанна еп. форлейскаго, двухъ докторовъ богословія—монаховъ, изъ которыхъ одинъ—Іоаннь, провинціаль ордена Доминиканцевъ, принималъ живое участіе въ спорахъ и др. лицъ. Synod. Flor., p. 43, 44 Syropul. 6, 13. Исторія флорентійскаго собора, стр. 73.

³⁾ Объ этомъ см. Syropul. 6, 14; Synod. Flor., p. 41. Исторія флорентійскаго собора, стр. 73.

⁴⁾ О разногласіи между Сиропуломъ и Дороеемъ во времени и числѣ соборныхъ засѣданій см. Истор. флорент. собора, стр. 73—74, прим. и О содержаніи соборныхъ преній въ Феррарѣ, а затѣмъ Флоренціи см. вышеуказанные источники: Syropul., Synod. Flor., „Исторія флорент. собора“ и др.

продолженію начатаго дѣла. Папа отказался дальше содержать грековъ въ Феррарѣ, говоря, что его надежды на помощь отъ этого города не оправдались, а изъ своихъ городовъ онъ, по ихъ отдаленности и по военнымъ обстоятельствамъ, не можетъ получать доходовъ; поэтому онъ предлагалъ перенести засѣданія собора въ другое мѣсто—въ Флоренцію, богатые граждане которой обѣщали ему матеріальную помощь¹⁾, гдѣмъ болѣе, что оставаться въ Феррарѣ было и небезопасно, такъ какъ, съ наступленіемъ весны, опасались появленія моровой язвы.

Предлагая перенести засѣданія собора, папа съ своей стороны обѣщаль грекамъ, кромѣ обычнаго содержанія во Флоренціи, дать еще двѣнадцать тысячъ червонцевъ и двѣ галеры въ помощь Константинополю, и надѣялся, что дѣло соединенія церквей можетъ быть окончено въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Императоръ прилагалъ всѣ усилія, чтобы повліять на грековъ и убѣдить ихъ переѣхать во Флоренцію²⁾ Но полный недостатокъ въ средствахъ и способахъ отправиться въ Константинополь и отказъ въ удовлетвореніи денежнымъ пособіемъ за послѣдніе мѣсяцы, заставили грековъ покориться власти римскаго первосвященника и отправиться во Флоренцію. Императоръ ручался, что папа исполнитъ

¹⁾ Граждане Флоренции обѣщали папѣ взаймы до сорока тысячъ золотыхъ, если соборъ будетъ перенесенъ въ ихъ городъ. Карамзинъ. П. Г. Р. Т. V, столб. 166. Во Флоренции тогда главою республики были Медичи (Косимо Старый (il vecchio), 1389 — 1464). одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, извѣстный своимъ богатствомъ и любовью къ просвѣщенію, дворецъ котораго былъ первымъ крупнымъ гуманистическимъ центромъ. См. также изслѣдованіе проф. Н. А. Осокина—„Савонарола и Флоренція“. (1864) О гуманистическомъ движеніи во Флоренции см. капитальное критическое изслѣдованіе проф. М. С. Корелина. „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“. Вып. I и II (Москва, 1892) Глава III, стр. 777—876.

²⁾ Императоръ еще ранѣе зналъ о намѣреніи папы перенести соборъ и дважды самъ посылалъ пословъ во Флоренцію объ устройствѣ этого дѣла; но отъ духовенства онъ скрывалъ это. Когда же онъ сообщилъ это предложеніе папы греческому духовенству, указавъ, что въ случаѣ ихъ согласія отправиться во Флоренцію, они получатъ слѣдующую имъ сумму на содержаніе ихъ за пять мѣсяцевъ, греки сначала рѣшительно отказывались отъ путешествія, опасаясь, что во Флоренціи папа будетъ обходиться съ ними еще самовластнѣе. Возражая имъ, императоръ между прочимъ говорилъ: „Вамъ извѣстно, что теперь намъ остается избрать одно изъ двухъ: ѣхать во Флоренцію или въ Константинополь,—потому что здѣсь папа не хочетъ и не можетъ продолжать собора. Вы болѣе желаете возвратиться на родину? Но благоразумно ли будетъ бросить безъ окончанія начатое дѣло? Разсудите еще, какъ и съ чѣмъ отправимся въ Константинополь? Гдѣ у насъ средства къ путешествію? И кто поможетъ злосчастной имперіи, когда прогнѣ-

свои обѣщанія¹⁾. 10 января 1439 года была прочитана въ кафедральной феррарской церкви папская булла о перенесеніи собора во Флоренцію; причиною перенесенія собора была объявлена язва, которая, несмотря на зимнее время, свирѣпствуетъ въ городѣ, а къ веснѣ можетъ еще болѣе усилиться²⁾.

Послѣ переѣзда во Флоренцію³⁾ и непродолжительнаго отдыха засѣданія собора возобновились (26 февраля); первое же засѣданіе во Флоренціи обнаружило, что императоръ уже обѣщалъ папѣ принскать какіе то тайные способы соглашенія помимо публичныхъ преній.

Торжественныя засѣданія собора продолжались до 24 марта 1439 года и, подобно предыдущимъ, не привели рѣшительно ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ каждая сторона относительно спорныхъ пунктовъ вѣроученія осталась настойчиво при своемъ и ни та ни другая не хотѣли уступить ни въ чемъ. Послѣ окончанія торжественныхъ засѣданій, папа приказалъ сказать патриарху, что ваемъ папу своимъ упорствомъ?⁴⁾ История флорентійскаго собора, стр. 101. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной Христианское Чтен. 1868 Ч. I, стр. 593. А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ Христианское Чтен. 1882. Ч. I, стр. 330, 331 и слѣд.

¹⁾ Synod. 7, 12; Synod. Flor. 308—315 История флорентійскаго собора, стр. 101—102

²⁾ Митр. Макарій И. Р. Ц. Т. V, стр. 350. Папская булла помѣщена въ Synod. Floren., p. 316. Густинская лѣтопись такъ повѣствуетъ о переносѣ засѣданій собора во Флоренцію: „Но потомъ, попушеніемъ Божиимъ, нача морь великій быти въ томъ градѣ Феррару, сего ради принесеса сей соборъ до града Флоренци.“ И С. Р. Л. Т. II, стр. 355. Но на самомъ дѣлѣ прошло уже два мѣсяца какъ зараза прекратилась Synod. 7, 14. Ист. флор. собора, стр. 103 Авторъ „Повѣсти“ объ осьмомъ (флор.) соборѣ Симеонъ суздальскій такъ объясняетъ перенесеніе засѣданій собора изъ Феррары во Флоренцію: „И тогда нѣщны отъ собора греческаго священники приложишася единодушно къ папѣ, злата довольно взявше, и честь велику получивша, и придумаша папѣ дати царю много злата, да изведеть папа царя за горы и всѣ грекове, къ Риму близъ, въ Флорентіи: „аще ли не злата ради, но нужди ради, предавшися тобѣ будутъ, честный папа“. Тогда тѣ отъ папы великую честь и отъ всѣхъ ерязовъ получивша, а грекомъ многимъ скорбящимъ, что царю и патриарху злата много обѣща папа. И приложиша ити ко граду флорентію, и поидоша отъ града Феррары мѣсяца генваря, на память святаго Іоанна Златоустаго, на возвращеніе честныхъ его мощей“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты Прилож. X, стр. 203—204.

³⁾ Императоръ принялъ мѣры, чтобы никто изъ грековъ не могъ уйти во время путешествія и раньше времени возвратиться въ Константинополь Synod. 6, 141—142, 151—153. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882 Ч. I, стр. 330, прим. 4.

такъ какъ греки отказались отъ дальнѣйшихъ преній¹⁾, то къ наступающей пасхѣ (5 апрѣля) они должны или изъявить согласіе на ученіе римской церкви, или же возвратиться въ отечество²⁾.

Съ этого времени начинается продолжительная и тяжелая борьба между совѣстью императора и настойчивыми требованіями папы, между надеждами и планами на помощь гибнущей имперіи и боязнью подвергнуться общему осужденію за измѣну православію. Императоръ уже не становится преградой между православными и латинянами, какъ во времена лонской уніи; онъ начинаетъ дѣйствовать нерѣшительно, не беретъ всего на себя предъ греками и латинянами; не увѣряетъ первыхъ, что отъ него все зависить, что ему ничего не стоитъ подчинить греческую церковь папѣ и не просить послѣднихъ (грековъ) также во всемъ полагаться на него, не мѣшать ему имѣть дѣло самому съ римскимъ первосвятителемъ, но, напротивъ, видимо боится отвѣтственности предъ народомъ и духовенствомъ, особенно послѣ смерти патриарха Іосифа, избѣгаетъ по возможности принужденія, явныхъ насильственныхъ мѣръ и поспѣшности при окончательномъ рѣшеніи вопроса³⁾. „Надежда на

---

¹⁾ Такъ какъ послѣ продолжительныхъ и безрезультатныхъ споровъ (объ исхожденіи св. Духа) между Маркомъ ефесскимъ и Іоанномъ de Monte Nigro, доминиканскимъ провинціаломъ, славившимся своимъ искусствомъ въ диалектикѣ, латиняне хотѣли, чтобы послѣднее слово осталось за ними, то они настаивали на продолженіи соборныхъ засѣданій. Императоръ съ неудовольствіемъ снова явился на соборъ и, чтобы не вступать опять въ пренія, запретилъ Марку ефесскому и Антонию праклійскому, этимъ ревностнымъ защитникамъ православія, являться на соборныя засѣданія (Synod Florent p 554). Вслѣдствіе чего на двухъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданіяхъ (21 и 24 марта), когда Іоаннъ, замѣтивъ отсутствие своего сильнаго противника, съ кичливостью требовалъ, чтобы Маркъ явился на засѣданіе, императоръ отвѣчалъ хвастливому схоластику: Мы теперь не хотимъ снова начинать пренія; поэтому сюда не явился Маркъ. Мы пришли сюда для того только, чтобы удовлетворить вашимъ просьбамъ. Говорите, что хотите. мы не дадимъ никакого отвѣта („Исторія флорент. собора“, стр. 132). А потому въ оба послѣднія засѣданія Іоаннъ ораторствовалъ одинъ, такъ какъ никто изъ грековъ не возражалъ ему. Уже подъ конецъ послѣдняго засѣданія митрополитъ Исидоръ замѣтилъ Іоанну, что „текущій одинъ на поприщѣ напрасно считаетъ себя побѣдителемъ, когда съ нимъ никто не состязается“ Synod. Florent. p 555—562 „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 133.

²⁾ Synod Flor. p 563. „Ист. флор. соб.“, стр. 133.

³⁾ Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церковей восточной и западной (въ первый его періодъ) на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ (1053—1453). Христіанское Чтен. 1868 Ч. I, стр. 591—592, 593.

истинный христианский миръ церковей, читаемъ мы у историка флорентійскаго собора¹⁾, была потеряна. Надобно было купить его уступкою. Какъ сдѣлать эту уступку болѣе благовидною, какъ менѣе принять на себя отвѣтственности въ ней предъ своею церковію, предъ своимъ народомъ?—вотъ чтò составляло главную задачу для тѣснямаго отвсюду императора²⁾! Императоръ говорилъ въ частныхъ собраніяхъ грековъ: „Я защитникъ церкви. Обязанность защитника въ настоящемъ случаѣ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы охранять и защищать догматы церковные, давать свободу всякому желающему защищать ихъ, и удерживать людей, склонныхъ къ спорамъ и противорѣчіямъ; во-вторыхъ, держать всѣхъ нашихъ въ единомыслии“³⁾. Когда же утомленные греки просили его о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, императоръ отвѣчалъ: „Это зависитъ не отъ меня, а отъ церкви. Если я поступлю рѣшительно, и выйдетъ что нибудь непріятное, тогда все неудовольствіе падетъ на меня. Это дѣло церковное и требуетъ большой осмотрительности

¹⁾ „Исторія флорентійскаго собора“ (Москва, 1847)—надана безъ указанія имени автора и долгое время приписывалась (иногда приписывается и теперь) перу профессора протоіерея А. В. Горскаго. На самомъ дѣлѣ этотъ трудъ представляетъ собою магистерскую диссертацию студента XV курса Московской духовной Академіи Івана Остроумова, написанную только подъ руководствомъ прот. А. В. Горскаго См С. К. Смирновъ Исторія Академіи, стр. 241. Е. Е. Голубинскій. И Р Ц. Т. II. II. I, стр. 421.

²⁾ Исторія флорентійскаго собора стр 133—134. „Нельзя безъ удивленія читать въ „Исторіи“ о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога“, говоритъ Карамзинъ, идеализируя нѣсколько императора, „въ концѣ сей несчастный государь заливалъ свою душу предъ святителями греческими и вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ правовѣрью, а съ другою бѣдствія имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія церковей“. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб 166 и прим. 300, гдѣ приводится рѣчь Іоанна по рукописи Синод. библ., № 364.

³⁾ Syropul. 8 5 См изслѣдованіе проф. В. С. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр 23 и слѣд., гдѣ мы находимъ указанія на примѣры вмѣшательства византійскихъ императоровъ въ дѣла церкви В Савва Московскіе цари и византійскіе василевсы Къ вопросу о влияніи Византіи на образование идеи царской власти московскихъ государей (Харьковъ, 1901) Глава II, стр 58—93 А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христианск. Чтен 1882. Ч. I, стр. 114—115, прим. 6, 116, 123, 137, 328, 335, 336 Ѡ. Кургановъ Отношеніе между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи (Казань, 1880). Гефеле. Conciliengeschichte, VII, p. 676. В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Сиб. 1897. Гл. VII, VIII и друг. изслѣдованія

и совѣщанія церковнаго¹⁾. А когда папа или заносчивые кардиналы²⁾ говорили ему о скорѣйшемъ соединеніи церквей, Іоаннъ отвѣчалъ: „Я не господинъ надъ соборомъ; не хочу насильственнаго присоединенія“³⁾.

Такъ говорилъ колеблющійся императоръ, дѣлая видъ, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать безъ совѣта и согласія духовенства; но, желая достигнуть соединенія церквей и получить помощь Византіи, онъ употреблялъ всѣ мѣры и способы къ достиженію намѣченной цѣли, вмѣшиваясь въ соборныя дѣла. По свидѣтельству Сироиула,—онъ приблизилъ къ себѣ самыхъ преданныхъ дѣлу соединенія церквей членовъ собора: митрополита Писидора, Виссаріона никейскаго и духовника Григорія, совѣтуясь съ ними и стараясь чрезъ нихъ направить умы прочихъ къ желанной цѣли⁴⁾. И съ этого времени указанные выше сторонники соединенія выдвигаются на первый планъ, играя выдающуюся роль въ окончаніи флорентійскаго собора. Надежда на помощь папы и западной Европы безсильной Византіи заставила императора и сторонниковъ соединенія достигнуть полезной для нихъ унии во что бы то ни стало; и они, по вѣрному выраженію современнаго историка церкви,—„задались мудреною задачею: нельзя ли достигнуть соглашения и устроить соединеніе помимо богословскихъ преній“⁵⁾. Когда нѣкоторые изъ духовенства, недовольные такимъ оборотомъ дѣлъ, просили у императора разрѣшенія возвратиться домой, Іоаннъ никого не выпускалъ даже изъ города (Syropul. 9, 5), упрекалъ ихъ въ малодушии, въ нерадѣніи объ общемъ благѣ, грозилъ имъ своимъ гнѣвомъ (Syropul. 8, 7; 9, 1); въ частныхъ же собраніяхъ грековъ указывалъ имъ на всѣ выгоды соединенія церквей, па свои труды и хлопоты. Нерѣшительный императоръ то призывалъ на совѣтъ свѣтскихъ чиновниковъ, требуя ихъ мнѣнія, то воспрещалъ

¹⁾ Syropul 8, 7

²⁾ О высокомѣрномъ отношеніи представителями высшаго латинскаго духовенства къ грекамъ повѣствуетъ авторитетное свидѣтельство Марка ефесскаго въ его „Мнѣніи о флорентійскомъ соборѣ“. Migne Patrol. C. C. S. G. CLIX, col 1028, и друг. источники.

³⁾ Synod. Florent, p. 590, 595. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен. 1868 Ч. I, стр. 591, 592, 596.

⁴⁾ Syropul. 8, 4.

⁵⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 440

пмъ подавать голоса¹⁾. Естественнымъ выходомъ изъ такого труднаго положенія—была безусловная и полная уступка со стороны стѣсненныхъ грековъ и ихъ согласіе на подписаніе акта соединенія церквей²⁾ на всей волѣ римскаго первосвятителя. Греки соединились съ латинянами, принявъ ихъ ученіе объ исхожденіи св. Духа, о совершеніи литургіи на опрѣснокяхъ и о чистилищѣ и признавъ надъ собою верховную власть папы³⁾. Это и произошло 5 іюля 1439 года, послѣ трехмѣсячныхъ⁴⁾ тщетныхъ попытокъ грековъ побудить папу, хотя бы и къ небольшой уступчивости⁵⁾.

6-го іюля въ флорентійскомъ кафедральномъ соборѣ, при безчисленномъ стеченіи народа, по совершеніи благодарственного мо-

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 136—137 А. И Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент соборѣ Христ Чтен. 1882. Ч. I, стр. 330—331; 626—627

²⁾ Актъ о соединеніи церквей издавъ нѣсколько разъ. Последнее и лучшее изданіе его въ „Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, edita ab Augustino Theiner et Francisco Miklosich“ Vindobonae, 1872, p. 46—56

³⁾ Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Чтен въ Общ. Ист. и Др. 1896, I, стр. 6. P. Pierling La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 41. О верховной власти римскаго первосвятителя было сказано такъ. (§8). „Item definimus, sanctam apostolicam sedem et Romanum pontificem in universum orbem tenere primatum et ipsum pontificem Romanum successorem esse beati Petri principis apostolorum, et verum Christi vicarium, totiusque ecclesiae caput et omnium christianorum patrem ac doctorem existere, et ipsi in beato Petro pascendi, regendi ac gubernandi universalem ecclesiam a domino nostro Iesu Christo plenam potestatem traditam esse, quemadmodum etiam in gestis oecumenicorum conciliorum et in sacris canonibus continetur (§9). Renovantes insuper ordinem traditum in canonibus caeterorum venerabilium patriarcharum, ut patriarcha Constantinopolitanus secundus sit post sanctissimum Romanum pontificem, tertius vero Alexandrinus, quartus autem Antiochenus et quintus Hierosolymitanus, salvis videlicet omnibus privilegiis et iuribus eorum“

⁴⁾ Апрель, май, июнь.

⁵⁾ См. „Истор. флорент. собора“, гл. VII и VIII Императоръ Іоаннъ такъ жаловался на настойчивость латинянъ „Вотъ люди упорные; всегда любятъ поставить на своемъ“, а въ другой разъ онъ признавался предъ епископами, что „греки уступили латинянамъ болѣе, нежели сколько должно. Латинянамъ слѣдовало бы удовольствоваться этимъ и довершить соединеніе церквей. Но они не заботятся о мирѣ, и объявляютъ намъ новыя требованія? Если папа не удовольствуется тѣмъ, на что мы согласились, то намъ остается вступитъ въ переговоры съ флорентійцами, нанять суда и увѣхать отсюда. История флорентійскаго собора, стр. 168—169

лебствія, соборное опредѣленіе о соединеніи церквей, подписанное наканунѣ императоромъ, а затѣмъ всѣми греками¹⁾, папою и латинскимъ духовенствомъ, было торжественно прочитано съ кафедръ на латинскомъ и греческомъ языкахъ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини и Виссаріономъ никейскимъ: „Да веселятся небеса и земли. Разрушилось средостѣніе между восточною и западною церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вождельннаго согласія сіяетъ паки. Да ликуетъ мать наша, церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вповь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія о нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра христіанскаго, благодарите мать вашу, церковь каволическую, за то, что отцы Востока и Запада не утрашились опасностей пути

¹⁾ Братъ императора Дмитрія въ собраніи (2-го июня) для окончательнаго заключенія о принятіи латинскаго догмата объ исхожденіи св. Духа и соединеніи съ западною церковью, отказался подать свой голосъ, подѣ предлогомъ, что онъ не имѣетъ нужныхъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ и охоты въ него вмѣшиваться, и черезъ десять дней оставилъ соборъ. История флорентійскаго собора, стр. 157. См. изслѣдованіе А. И. Садова Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 106. Соборное опредѣленіе о соединеніи церквей не было подписано Маркомъ ефесскимъ и тремя митрополитами восточной церкви. „Блаженнѣйшему же Марку не вписавшемуся съ ними въ суетмысленная ихъ преложенія (вар „прелестная положенія“), также Иверьскому митрополиту Григорію, Нитрійскому Псакию и Газьскому Софронію, побѣгоша отъ нихъ изъ града въ путь свой. Царю же съ пути къ себѣ ихъ възвратившу, а Григорію Иверьскому къ своему царю утекшу въ Венецію на море тако избѣжавшу, възвращеніи же назадъ къ нимъ пришедше ничтоже помогаша царю“ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 159, П. С. Р. I. Т. II (Густинская лѣтопись), стр. 355. См. „Слово избрано отъ святыхъ писаній“, А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 371. По мнѣнію современника этихъ событій, только одинъ грекъ изъ тысячи бывшихъ на соборѣ („И иныхъ много христіанъ было грековъ съ царемъ и с патриархомъ тысяща“. Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464, л. 410. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія. Приложения XVII, стр. 90) оказывается истиннымъ поборникомъ православія. Это былъ Маркъ, митрополитъ ефесскій, къ которому молчаливо примкнули три вышеупомянутые митрополита. Всѣ же остальные, по мнѣнію Симеона суздальскаго, съ царемъ и патриархомъ константинопольскимъ во главѣ прельстились папскимъ золотомъ и продали истинную вѣру. См. Г. Ф. Герцбергъ. „Исторія Византии“, стр. 548; еп. Арсеній „Лѣтопись церковныхъ событій“, стр. 534. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен. 1868. Ч. I, стр. 593. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 655, прим. 1.

дальняго. и великодушно спосили труды, дабы присутствовать на семь святомъ соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между христианами“¹⁾ Затѣмъ налагалось ученіе объ исхожденіи св. Духа, опрѣснокахъ, чистилицѣ и папской власти, какъ согласились признавать это греки и латиняне. Торжество было закончено литурגיעю по латинскому обряду²⁾. Во время совершенія этой литурגיעи, по свидѣтельству Сиропула (10,10), при тоекратномъ умовеніи рукъ папы, во второй разъ подавалъ воду посолъ русскій (вѣроятно, бояринъ Ѳома); это было сдѣлано по настоянію Исидора, изъ уваженія, какъ говорилъ онъ, къ достоинству русскаго князя.

Чрезвычайно характерно повѣствуетъ русскій книжникъ о заключительномъ соборномъ богослуженіи, на которомъ были прочитаны соборныя грамоты о соединеніи церквей. „И начаша радоватися (весь соборъ латинскій и народъ), *зане бѣше прощете пріяли отъ грекъ*“³⁾.

Если во время торжественныхъ богословскихъ преній митрополить русскій Исидоръ не принималъ почти никакого участія, предоставляя спорить съ латинянами Марку ефесскому и Виссаріону никейскому, этому „краснорѣчиво-неудержимому болтуну“, по образной и мѣткой характеристикѣ профессора Е. Е. Голубинскаго⁴⁾;—то послѣ окончанія торжественныхъ засѣданій (24 марта 1439 г.), когда возникъ вопросъ о томъ, какъ устроить соглашеніе

¹⁾ Мы беремъ отрывокъ этой буллы („*Laetentur coeli*“) въ художественномъ переводѣ Карамзина (II Г Р. Т V, столб 167—168), у котораго тамъ же имѣется картинное описаніе торжественнаго папскаго богослуженія 6-го юля (столб 167) Г Ф Герцбергъ. История Византии, стр. 548 Грамота о соединеніи церквей читается и у Длугоша „*Historiae Polonicae*“, Lib. XII, sub anno 1440, col 728—729 Quellen zur Geschichte des Papsttums und des romischen Katholizismus. Von D Carl Mirbt Zweite Auflage Tübingen und Leipzig. 1901. № 258, стр. 161—162.

²⁾ „Это была блестящая сцена, говоритъ историкъ Византии, когда 6-го юля 1439 года въ флорентинскомъ соборѣ въ присутствіи царя Іоанна, папы и высшаго духовенства различныхъ народовъ договоръ на латинскомъ и греческомъ языкахъ былъ прочитанъ кардиналомъ Юлианомъ Чезарини (правой рукой папы Евгения) и архіепископомъ Виссаріономъ“ Г. Ф Герцбергъ. История Византии Стр 548. P Pierling La Russie et le Saint-Siège T I, p. 40—41.

³⁾ Рукопись Слб духовной Академіи изъ собр Софійск. рукоп., № 1464, XVI в (л. 491 об. и 492). В Н Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоевъ и его посланія. Приложения, XV, стр. 85.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II, II I, стр. 440. Ср. изслѣдованіе А. И. Садова. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ Чт. 1882 Ч. I. стр. 336—337.

безъ торжественныхъ преній, Исидоръ выступилъ виднымъ дѣйствующимъ лицомъ и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ и творцовъ флорентійской уніи. Дѣйствительно, когда начались разсужденія о способахъ достигнуть соединенія церкви безъ торжественныхъ преній, не приведшихъ ранѣе къ желательнымъ результатамъ, и 30 марта (въ понедѣльникъ страстной недѣли) императоръ и греческое духовенство собрались въ келліяхъ больного патриарха Іосифа¹⁾, то лишь только начались рѣчи о соединеніи, митрополитъ Исидоръ первый подавъ свой голосъ: „Лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели, не кончивши дѣла, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно; но какъ возвратиться, куда, когда“²⁾? И лишь только Виссаріонъ никейскій поддерживалъ мнѣніе Исидора. Когда же (послѣ 15 апрѣля) было рѣшено устроить комиссію изъ двадцати членовъ, по десяти съ каждой стороны, для изложенія догмата объ исхожденіи св. Духа въ такой формулѣ, которая могла бы быть принята латинянами и греками—Исидоръ назначается въ эту комиссію³⁾

Когда колеблющійся императоръ не рѣшался уступить всемъ требованіямъ римскаго первосвятителя послѣ увѣщанія послѣднимъ греческаго духовенства⁴⁾—Исидоръ и Виссаріонъ съ митрополитами лакедемонскимъ и митиленскимъ, явились къ императору и объявили ему рѣшительно, что „если онъ не хочетъ соединенія, то они соединятся и безъ него“⁵⁾. Еще недавно императору, повиди-

¹⁾ Патриархъ умеръ во Флоренціи 10 июня 1439 г. О его смерти и предсмертномъ писаніи см. „Исторію флорентійскаго собора“, стр. 162—166.

²⁾ Исторія флорентійскаго собора, стр. 137—138

³⁾ Члены комиссіи должны были собираться въ папскомъ дворцѣ; императоръ самъ присутствовалъ въ этихъ собраніяхъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 142—143

⁴⁾ 27 мая епископы явились къ папѣ. Принявъ ихъ, окруженный девятью кардиналами, папа напоминалъ имъ о своихъ трудахъ и усердіи въ дѣлѣ соединенія церкви, о своихъ уступкахъ на ихъ требованія (?) и о ихъ медленности въ исполненіи его желаній въ Феррарѣ и Флоренціи; онъ грозилъ имъ бѣдствіями безпомощности, если они не позаботятся о соединеніи съ римскою церковью и говорилъ имъ о пособіи Византии со стороны государей западной Европы въ случаѣ ихъ соединенія. А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христ. Чтен. 1882 Ч. I, стр. 651—652.

⁵⁾ „Ἐάν ἡ βασιλεία σοῦ οὐ θέλει ἐνωθῆναι, ἡμεῖς ἐνοούμεθα“. Harduin, IX, 389. A.; Mansi, XXXI, col. 985. E.; А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент. соборѣ Хр. Чт. 1882 Ч. I, стр. 647, прим. 6.

тому, приходилось „подталкивать членовъ собора къ униі“, (по вѣрному выраженію проф. А. И. Садова. Виссаріонъ Никейскій Христ. Чт. 1882. Ч I, стр. 647—648); теперь обстоятельства и роли перемѣнились: названныя выше лица сами производили давленіе на царя¹⁾ Эти слова, по свидѣтельству источниковъ, сильно подѣйствовали на императора и онъ велѣлъ духовенству собраться на совѣщаніе²⁾, на которомъ (28 мая) говорилъ о потребности и необходимости примиренія между церковью восточной и западной. Впрочемъ, императоръ внушалъ и осторожность при заключеніи союза съ римскою церковью. Вслѣдъ за этимъ епископы произнесли проклятіе на тѣхъ, кто не хочетъ церковнаго соединенія³⁾.

Когда въ засѣданіи 30 мая приступили къ собиранію голосовъ въ пользу римскаго ученія и оказалось, что изъ двадцати семи лицъ греческаго духовенства десять подали свой голосъ въ пользу соединенія, а семнадцать противъ него, тогда группа лицъ, желавшихъ соединенія, видя немногочисленность голосовъ въ пользу ихъ мнѣнія, убѣдила патриарха пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ несогласившихся епископовъ и личными увѣщаніями склонить ихъ къ союзу. Митрополитъ же Исидоръ, какъ горячій сторонникъ соединенія, рекомендовалъ даже примѣнить къ противникамъ соединенія самое радикальное средство: онъ предлагалъ отлучить непокорныхъ отъ союза съ церковью⁴⁾. И патриархъ, и императоръ старались лично повліять на противниковъ соединенія; извѣстно, что патриархъ призывалъ къ себѣ нѣсколькихъ митрополитовъ⁵⁾ и кротко началъ укорять ихъ въ неблагодарности и непослушаніи и совѣтовалъ имъ послѣдовать его мнѣнію; въ то же время и императору разными обѣщаніями удалось привлечь въ пользу соединенія нѣкоторыхъ членовъ собора⁶⁾. Русскій митрополитъ энергично дѣй-

¹⁾ Harduin IX 389: „ἀλλὰ τοῦτον (т е императора) ἠνάγκασαν περὶ τῆς ἐνώσεως.“ Mansi. XXXI, 985 E.: „ἀλλὰ καὶ πολλὰ τοῦτον ἠνάγκασαν περὶ τῆς ἐνώσεως.“; также и въ римскомъ издан. 1864 г. См. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій Христ. Чт. 1882 Ч I, стр. 648, прим. I

²⁾ Synod. Flor., p. 589 — 601; Syropul 9, 1 — 6; Исторія флорент. собора, стр. 150 — 151 Harduin. IX, 389. А; А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій. Хр. Чт. 1882. Ч I, стр. 648.

³⁾ Исторія флорент. собора, стр. 151.

⁴⁾ Патриархъ не рѣшился прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Исторія флорент. собора, стр. 153.

⁵⁾ Молдовлахійскаго, торновскаго и амазійскаго.

⁶⁾ См. Историю флорент. собора, стр. 154.

ствовалъ въ томъ же направленіи: Исидоръ устроилъ богатое угощеніе митрополитамъ меленикскому, дристрскому, драмскому и нѣкоторымъ другимъ, и ему удалось за столомъ склонить ихъ къ согласію на соединеніе¹⁾ и здѣсь же „выманить“ у нихъ согласіе на принятіе уніи²⁾

Мало того: Исидоръ, Виссаріонъ и ихъ единомышленники, не только уступали требованіямъ латинянъ, но даже, повидимому, поддерживали ихъ въ этихъ требованіяхъ. Изъ изложенія Сиропула³⁾ слѣдуетъ, что Исидоръ съ Виссаріономъ дали поводъ латинянамъ особенно усиленно настаивать на внесеніе въ соборное опредѣленіе особаго пункта о томъ, что папа можетъ принимать апелляціи на царя и патріарховъ. На это даже открыто жаловался самъ императоръ, а онъ, несомнѣнно, больше всѣхъ былъ заинтересованъ въ заключеніи уніи „Если бы, говорилъ онъ, наши не подстрекали латинянъ, то послѣдніе не говорили и не желали этого; я даже знаю, кто ихъ подстрекаетъ къ этому“⁴⁾. Изъ сопоставленія съ вышеприведенными словами Сиропула легко догадаться, кто были эти горячіе защитники дѣла латинянъ⁵⁾.

Исидоръ играетъ роль посредника между императоромъ и римскимъ престоломъ, исполняя важныя и довольно щекотливыя порученія. Стараясь вліять на членовъ собора, склоняя ихъ къ союзу съ Римомъ, императоръ хотѣлъ также удостовѣриться и въ помощи отъ папы. Его посланный митрополитъ Исидоръ привелъ къ нему трехъ кардиналовъ, которые именемъ папы увѣряли императора въ той помощи, которую обязывается ему оказать римскій первосвященитель⁶⁾. Въ слѣдующій разъ, на другой день по обнародованіи со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 155.

²⁾ А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 649

³⁾ Syropul. X, 3, p. 281. А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 653.

⁴⁾ „Εἰ οὐκ εἶχον οἱ λατίνοι τὰς εἰρηγήσεις παρὰ τῶν ἡμετέρων, οὐκ ἂν ἔλεγον οὐδὲ ἐξήτουν τὰ τοιαῦτα. Ἐγὼ δὲ οἶδα καὶ τινες εἰσὶν οἱ ἀρατέζοντες ἕκαστους“. Тамъ же.

⁵⁾ А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 653.

⁶⁾ Вотъ эти обѣщанія.—Папа беретъ на свой счетъ возвращеніе грековъ въ отечество; обѣщаетъ содержать на своемъ иждивеніи триста воиновъ въ Константинополѣ и двѣ галеры на водахъ его, для всегдшняго охраненія города; богомольцамъ, отправляющимся на Востокъ, вмѣнить въ обязанность заходить въ Константинополь; въ случаѣ особенной нужды готовъ прислать императору совѣмъ снаряженные двадцать галеръ на полгода, или десять на годъ; наконецъ,—если откроется нужда, то будетъ стараться о приглаше-

борнаго акта о соединеніи церквей, императоръ отправилъ къ папѣ митрополитовъ русскаго и никейскаго просить о торжественномъ совершеніи греческой литургии, чтобы латиняне могли видѣть обряды и священнодѣйствіе восточной церкви¹⁾. Императоръ велѣлъ передать папѣ свое желаніе, чтобы въ день провозглашенія унии, послѣ латинской литургии, сряду же была совершена греческая литургия въ присутствіи папы, всѣхъ латинянъ и грековъ. Цѣль, которую при этомъ имѣлъ императоръ, заключалась въ томъ, „чтобы въ присутствіи и папы, и всѣхъ окружающихъ его и латинскаго народа былъ прочтенъ святой символъ безъ прибавки, чтобы узнали и они нашу литургію,—и послужить это въ честь намъ“ („καὶ ἔσται τοῦτ' εἰς τιμὴν ἡμῶν.“. Syropul. X, 6, 286—287). Такимъ образомъ императоръ добивался отъ латинянъ фактическаго и публичнаго признанія равноправности грековъ съ латинянами. Судя по разсказу Сиропула, другіе греки, повидимому, не возражали противъ намѣренія царя, но Исидоръ и Виссаріонъ сразу показали свое желаніе затормозить это дѣло. „Латиняне, говорили они императору, хотя въ этотъ день) совершить молебствіе (εὐχαριστία),—затѣмъ пѣть гимнъ Духу Утѣшителю и затѣмъ уже совершить литургію; за всѣмъ этимъ время (и безъ того) протянется дольше полдень, и папа, не будучи въ силѣхъ вынести такой трудъ, естественно воспрепятствуетъ совершенію нашей литургии Поэтому лучше было бы отложить нашу литургію до слѣдующаго дня“²⁾.

Послѣ смерти престарѣлаго патріарха Іосифа³⁾, императоръ Іоаннъ, оставшійся одинъ опорой собора, сталъ болѣе неуступчивъ въ сношеніяхъ съ папою. „Пока живъ былъ Іосифъ, читаемъ мы у историка флорентійскаго собора, императоръ видѣлъ въ немъ первенствующаго пастыря восточной церкви, который обязанъ дать ей отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ епископовъ греческихъ на соборѣ. Когда же его не стало, то императоръ увидѣлъ, что теперь на немъ

ни европейскихъ государей съ сухопутными войсками на помощь греческой имперіи. Исторія флорентійскаго собора, стр. 155.

¹⁾ Исторія флорентійскаго собора, стр. 176. „Лѣтопись церковныхъ событій“ еп Арсенія, стр. 534

²⁾ Syropul. X, 6, 286. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій Христ. Чтен 1882 Ч. I, стр. 657—658

³⁾ Ср. „Сказанія князя Курбскаго“, Сиб 1833. Ч II,—„Объ исторіи о осьмомъ соборѣ и о разорваніи, или раздраніи умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными“, гдѣ ошибочно повѣствуется о смерти патр. Іосифа и императора Іоанна Палеолога, стр. 252.

лежитъ отвѣтственность предъ церковью во всѣхъ сношеніяхъ съ папою¹⁾. Благодаря боязни отвѣтственности за дѣйствія собора и за полную уступку латинянамъ, императоръ сдѣлался болѣе несговорчивымъ и упрямымъ и, доведенное всѣми правдами и неправдами почти до конца дѣло соединенія церквей, висѣло нѣкоторое время буквально на одномъ волоскѣ. Не дать оборваться этому волоску и погибнуть всему дѣлу—удалось немногимъ болѣе горячимъ и влчательнымъ сторонникамъ соединенія церквей съ русскимъ митрополитомъ во главѣ. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ авторъ „Synod. Florent.“ Дороеѣ митиленскій, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ этого собора, описывая положеніе дѣлъ на соборѣ, когда произошли разногласія и пререканія между императоромъ и папою, и императоръ, выведенный изъ терпѣнія настойчивымъ требованіемъ со стороны папы дальнѣйшихъ уступокъ²⁾, вмѣсто согласія на эти требованія сказалъ присланнымъ папою кардиналамъ: „позаботьтесь же о нашемъ отправленіи“³⁾. „Наступилъ праздникъ, который флорентійцы отправляютъ съ великою торжественностью. Но мы погружены были въ скорбь, потому что не стало надежды на соединеніе. Однако же, продолжаетъ Дороеѣ митиленскій, Промыслитель всѣхъ Богъ не оставилъ насъ; но возбудилъ русскаго, никейскаго и митиленскаго и нѣкоторыхъ другихъ употребить свое посредство“. Одни расположили папу, другіе императора согласиться на послѣднюю мѣру: избрать по четыре человѣка изъ грековъ и латинягъ для разсужденій о спорномъ вопросѣ (о власти папской). Результатомъ этого было устраненіе возникшихъ пререканій и разрѣшеніе вопроса въ угодномъ для папы смыслѣ⁴⁾.

Во время составленія соборнаго опредѣленія о соединеніи церквей наиболѣе ревностные сторонники соединенія митрополитъ Иси-

¹⁾ История флорентійскаго собора, стр. 167. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной Христ. Чтен. 1868. Ч. I, стр. 592.

²⁾ „И потомъ начатъ папа посылати ко царю со гнѣвомъ, да бы въ концѣ дѣло было“, говоритъ въ своей „Повѣсти“ Симеонъ суздальскій. А. Поновъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 352.

³⁾ Это произошло наканунѣ дня рождества Іоанна Предтечи.

⁴⁾ Synod. Florent., p. 641—645 Греки рѣшились написать, что признаютъ папу верховнымъ первосвященникомъ, намѣстникомъ и мѣстооблюстителемъ Іисуса Христа, пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ, который управляетъ церковью, съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ восточныхъ патріарховъ, такъ что константинопольскій патріархъ есть второй по немъ, затѣмъ слѣдуетъ александрійскій, потомъ антиохійскій и наконецъ іерусалимскій.

доръ и Виссаріонъ предложили было императору присоединить къ соборному акту отлученіе на непринимающихъ этого соединенія, несомнѣнно, имѣя въ виду горячаго противника соединенія—Марка ефесскаго; но императоръ не согласился на это предложеніе¹⁾.

Такое дѣятельное и вліятельное участіе въ дѣлахъ собора и та выдающаяся роль, которая выпала на долю русскаго митрополита въ дѣлѣ соединенія церквей, его близость къ императору и папѣ, его большой авторитетъ среди греческаго духовенства—выдвигало Исидора послѣ смерти патріарха на первое мѣсто и дѣлало его естественнымъ кандидатомъ на патріаршій престолъ Новаго Рима²⁾. И только, благодаря ловкой интригѣ духовника Григорія, умѣвшаго повліять на Іоанна и мечтавшаго о патріаршемъ тронѣ для себя, не осуществилось вѣроятное избраніе Исидора, такъ какъ извѣстно, что, когда папа настаивалъ на избраніи патріарха во Флоренци, то императоръ, по совѣту того-же Григорія, который опасался, что въ патріархи будетъ избранъ Исидоръ, отпустилъ въ Венецію нѣсколькихъ старшихъ митрополитовъ, и послѣ того объявилъ папѣ, что за отсутствіемъ епископовъ, нельзя сдѣлать надлежащаго избранія въ патріархи³⁾.

Отъ русскаго очевидца и описателя ферраро-флорентійскаго собора не могла укрыться дѣятельность русскаго митрополита: о выдающейся роли Исидора на соборѣ Симеонъ суздальскій говоритъ въ своей „Повѣсти“. Папа, по мнѣнію суздальскаго іерея, отлично

¹⁾ Synod Florent, p 647- 652; Syropul. 10, 5, 284 А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 654 Справедливость требуетъ замѣтить, что подобное предложеніе, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, еще прежде дѣлалъ и Георгій Схоларій. Migne P. C. C. S. G. CLX, 413. D Описывая акты подписанія соборнаго опредѣленія о соединеніи церквей (5 июля 1439 года), авторъ „Исторіи флорентійскаго собора“, говоря о лицахъ, подписавшихся вслѣдъ за императоромъ, замѣчаетъ: „Исидоръ, Виссаріонъ и протосинкелль, какъ первые виновники уни, съ радостью подписались“. (Исторія флорент. собора, стр. 173) О характерѣ самой подписи Исидора мы скажемъ ниже).

²⁾ А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ Христ. Чт. 1882 Ч. I, стр. 654.

³⁾ Syropul. 10, 15, 16, Исторія флорентійскаго собора, стр. 178. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 654. Въ преемники Іосифа былъ избранъ въ Константинополь (4 мая 1410 г.) Митрофанъ (кизическій). Послѣ его внезапной смерти (1 августа 1443 г.), 7 июля 1446 года на патріаршій престолъ былъ возведенъ Григорій (Мамма), духовникъ императора, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ флорентійскаго соединенія. О немъ см главу III

зналъ цѣну Исидора: онъ даетъ ему много золота¹⁾ и окружаетъ знаками особеннаго вниманія, такъ какъ, по мнѣнью суздальскаго іерея, Исидоръ „бысть же папѣ *великій помощникъ*“. Когда соборъ былъ перенесенъ изъ Феррары во Флоренцію, папа окружаетъ его путешествіе выраженіемъ исключительнаго вниманія: „Исидору митрополиту съ великою честью идущу, съ приставы напежевыми и со слугами, занеже бо воединаго возлюбилъ папа митрополита, якоже Исидора“²⁾. Дѣятельность Исидора на соборѣ стала впослѣдствіи извѣстной русскимъ. „Слово избрано отъ святыхъ писани, еже на латыню, и сказаніе о сътавленіи осмаго сбора латыньскаго“... такъ говоритъ о дѣятельности русскаго митрополита: „Ты же о Исидоре прелестниче и богоотступниче .. вѣру свою погубилъ еси, царя оболъстилъ еси, патриарха смутилъ еси, и царствующій градъ ихъ къ погибелю исполнилъ еси“³⁾. Митрополитъ Іона, преемникъ Исидора на кафедрѣ русской митрополи, въ посланіи къ литовскимъ епископамъ такъ отзывается о дѣятельности Исидора: „Облести царя же и патриарха греческаго и створи имъ, якоже Юден Христу створиша. воздающе за манну желчь, за воду же оцетъ, и распенша и кресту пригвоздиша. Сидоръ же прельстивъ царя и патриарха, разлучи отъ закона ихъ святаго и погибеша исполни ихъ“⁴⁾

Намъ неизвѣстны причины, побудившія митрополита Исидора стать горячимъ и дѣятельнымъ сторонникомъ униі и измѣнникомъ отеческой вѣрѣ, такъ какъ онъ не сдѣлалъ относительно этого никакой исповѣди, не оставилъ оправданій и объясненій своего от-

¹⁾ См рукопись Спб. духовн Академіи изъ Софійскаго собранія, № 1464, л 427 В. Н. Малининъ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Прилож XVII, стр 98 и др. Объ ошибочности взглядовъ Симеона на подкупъ Исидора папой мы скажемъ ниже.

²⁾ Повѣсть о соборѣ Симеона суздальскаго А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 204: „Инокъ Симеона іерея суждаща повѣсть како римскіи папа Евгени состави осмыи соборъ съ своими единомышленники“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр 350, 351.

³⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянь, стр. 384

⁴⁾ Р. И. В. Т. VI, № 87. Посланіе митроп. Іоны къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ киевскомъ митрополитѣ Григоріи. 1460 г., столб. 648; митрополитъ Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прил. № 1, стр 363 Говоря объ отъѣздѣ Исидора изъ Флоренціи, лѣтописная повѣсть добавляетъ: „Сій же Сидоръ злочестивый принмъ отъ папы велию честь“. П. С. Р. I. Т. VI (2 Софійск. л.), стр. 159.

ступничества. Вопросъ этотъ до настоящаго времени остается далеко не вполне разрѣшеннымъ, такъ какъ почти совсѣмъ не выяснены ближайшія побужденія, руководившія дѣятельностью русскаго митрополита. Трудно предположить, чтобы личное честолюбіе, желаніе занять блестящее и выдающееся положеніе въ іерархіи западной церкви, (которое онъ потомъ и занялъ), было главной причиною дѣятельности Исидора, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для такого сужденія; кромѣ того однимъ только тщеславіемъ нельзя объяснить сильное и горячее служеніе Исидора интересамъ католической церкви, его дѣятельность въ уніональномъ направленіи. Надо думать, что Исидоръ могъ предвидѣть громадныя трудности, препятствія и борьбу противъ унии въ московскомъ государствѣ. „Нужно допустить, справедливо замѣчаетъ извѣстный византинистъ профессоръ *Θ. Π. Успенскій*¹⁾, говоря о побужденіяхъ, руководившихъ дѣятельностью м. Исидора и Виссаріона никейскаго, что они пришли къ мысли объ унии не по легкомыслию, но были убѣжденными поборниками идеи соединенія церквей“ Соединившись съ Римомъ, они словомъ и дѣломъ неуклонно служили интересамъ Рима и католической церкви, совмѣщая съ этимъ горячую любовь къ своей несчастной родинѣ и надежду на политическое возрожденіе Византіи. Несомнѣнно, что горячій патриотизмъ грека-Исидора, его искреннее и сильное желаніе спасти гибнущее отечество посредствомъ союза съ римскимъ престоломъ и надежда на помощь западной Европы,—составляли одну изъ главныхъ причинъ его рѣшенія измѣнить отеческой вѣрѣ. Профессоръ *Θ. Π. Успенскій* склоненъ видѣть въ Исидорѣ убѣжденного представителя новаго политическаго и религіознаго направленія, проявившагося въ Византіи—направленія, которое раздѣляли и Палеологи; почтенный ученый думаетъ, что всего легче мы поймемъ смыслъ этого направленія, если сравнимъ его съ нашимъ западническимъ²⁾. Что же касается предположенія о подкупѣ русскаго митрополита папою³⁾, то такой взглядъ является

¹⁾ Проф. *Θ. Π. Успенскій*. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 692.

²⁾ Проф. *Θ. Π. Успенскій*. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 693.

³⁾ См. „Повѣсть“ Симеона суздальскаго объ восьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ, А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207, 209. „Если это правда, справедливо замѣчаетъ *Е. Е. Голубинскій*, то тутъ необходимо разумѣть не взятку, данную папою Исидору, а заемъ денегъ у банкировъ,

вполнѣ неосновательнымъ, такъ какъ Исидоръ совершенно не нуждался въ деньгахъ, да и не особенно богатый Евгеній былъ бы не въ состояніи подкупить человѣка, получавшаго громадные доходы русской митрополіи¹⁾. Подтвержденіемъ высказаннаго выше взгляда, что горячіи патриотизмъ Исидора былъ однимъ изъ главныхъ побужденій, заставлявшихъ его искать союза съ Римомъ, служатъ его краснорѣчивыя слова, сказанныя имъ при подачѣ голоса, послѣ того какъ пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и папа, давъ срокъ грекамъ, предложилъ имъ, или изыскать способы къ соединенію церквей, или же безрезультатно возвратиться домой; на первомъ совѣщаніи грековъ лишь только начались разсужденія. Исидоръ первый изъ собравшихся категорически заявилъ, что „лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели, не кончивши дѣла, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно, но какъ возвратиться, куда, когда“²⁾.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ остановиться подробнѣе на личности, образѣ мыслей, нравственномъ направленіи и политической дѣятельности русскаго митрополита, этого несомнѣнно далеко незауряднаго человѣка, въ связи съ общимъ направлениемъ той эпохи. Дѣятельность Исидора на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, его выдающаяся роль въ дѣлѣ соединенія церквей—вызываютъ желаніе попытаться осмыслить и объяснить характеръ послѣдняго русскаго митрополита изъ грековъ, тѣмъ болѣе, что общес направленіе господствующихъ у насъ возрѣній на Исидора носитъ не вполнѣ правильный, тенденціозный характеръ. Сравнительно скудный печатный матеріалъ для сужденія о личности этого іерарха въ недавнее время пополненъ обнародованіемъ въ печати шести писемъ Исидора, прекрасно изданныхъ историкомъ В. Э. Регелемъ, редакторомъ журнала „Византійскій Временникъ“³⁾.

заключенный Исидоромъ при посредствѣ и содѣйствіи папы“. Е. Е. Голубинскій II Р. Ц. Т. II, II, I, стр 442, прим 1.

¹⁾ Достаточно вспомнить приведенныя нами выше слова патриарха Иосифа, по поводу его нежеланія (тайнаго) ѣхать на соборъ о соединеніи церквей въ Италію и пользоваться тамъ денежною помощію отъ папы и заявленія о томъ, что, если бы въ случаѣ созыва собора въ Константинополь, понадобилось до ста тысячъ аспровъ, то *одина* русскій митрополитъ могъ привезти такую сумму. (Ист флор собора, стр 23 -24) „Если папа могъ дѣйствовать посредствомъ подкупа на другихъ епископовъ, то потому, что другіе епископы были совсѣмъ нище“. Е. Е. Голубинскій II Р. Ц. Т. II, II, I, стр 442.

²⁾ Исторія флорентійскаго собора, стр. 137—138.

³⁾ *Analecta Byzantino-Russica. Edidit W. Regel Petropoli. A. MDCCCXCI. [V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis)].*

Мы не можем не согласиться съ взглядомъ ученаго издателя переписки русскаго митрополита, что для того, чтобы имѣть возможность произнести правильное сужденіе о личности Исидора, необходимо прежде всего освѣтить его жизнь, его преобладающія идеи и его стремленія до его прибытія изъ Константинополя въ Россію ¹⁾. Какъ было упомянуто нами выше, мы встрѣчаемъ Исидора въ первый разъ въ 1484 году, когда онъ будучи игуменомъ монастыря св. Дмитрія въ Константинополѣ ²⁾, былъ посланъ въ качествѣ одного изъ уполномоченныхъ на базельскій соборъ ³⁾. Уже и тогда греческое духовенство жаловалось на излишнюю уступчивость греческихъ делегатовъ. Исидоръ въ особенности не проявлялъ себя ревностнымъ представителемъ греческой церкви и не поколебался сдѣлать болѣе или менѣе важныя уступки латинянамъ, съ цѣлью достигъ соединенія съ римскою церковью.

Греческихъ делегатовъ попрекали тѣмъ, что они позволили надуть себя на соборѣ и имъ было выражено неудовольствіе ⁴⁾. Немного времени спустя Исидоръ назначается преемникомъ митрополита Фотія на кафедрѣ русскои митрополіи. И дѣйствительно въ данный моментъ онъ, вѣрный сторонникъ императора, въ своей роли посредника между двумя церквами, былъ наиболѣе подходящимъ лицомъ, которое могло подвинуть на Руси вопросъ объ униі. Мы также видѣли, что митрополиту удалось добиться отъ великаго князя Василя Васильевича, что его отправили на унитарный соборъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о печальной судьбѣ, постигшей въ Москвѣ Исидора и принесенную имъ унию, такъ какъ это предстоитъ намъ сдѣлать въ слѣдующей главѣ нашего изслѣдованія, а обратимся къ интересному матеріалу, изданному В. Э. Регелемъ, характеризующемъ личность Исидора и его взгляды до времени его назначенія на кафедру русскои митрополіи

Многочисленные письма Исидора сохранились въ различныхъ бібліотекахъ Италіи; но они не могутъ имѣть такого интереса для русскои истории, относясь всѣ къ послѣдующей эпохѣ, когда Исидоръ, бѣжавъ изъ Москвы, жилъ въ Италіи. Напротивъ большое

¹⁾ В. Э. Регель. *Analecta Byzantino-Russica. V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). Prooemium*, p. XLI.

²⁾ Объ этомъ монастырѣ, построенномъ Палеологами и называемомъ ихъ именемъ — *μονή τῶν Παλαιολόγων* см. у профессора Е. Е. Голубинскаго. *И. Р. Ц. Т. II. П. I*, стр. 423, прим. 2, гдѣ приведена и литература вопроса.

³⁾ Объ этомъ см. стр. 31—34 нашего изслѣдованія.

⁴⁾ В. Э. Регель. *Analecta Byzantino-Russica*, p. XLII.

значение имѣють шесть писемъ, изданныхъ В. Э. Регелемъ, относящихся къ болѣе ранней и менѣе извѣстной эпохѣ, когда Исидоръ жилъ еще въ Греціи. Они заключаютъ въ себѣ указанія на его предыдущую дѣятельность и, по справедливому замѣчанію ихъ издателя, важны въ томъ отношеніи, что они рисуютъ болѣе симпатичный образъ Исидора, чѣмъ русскія описанія ¹⁾.

Для насъ представляютъ особенный интересъ два первыхъ письма, изданныхъ въ этомъ сборникѣ и адресованныхъ къ знаменитому итальянскому гуманисту Гуарино (Guarinus, Guarino da Verona) ²⁾. Извѣстно, что Гуарино учился сначала на родинѣ, потомъ въ Венеціи, а затѣмъ съ венеціанскимъ нобилемъ Paolo Zane и на его счетъ отправился въ Константинополь, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ учился въ домѣ Хризолора, желая изучить греческій языкъ и литературу. Въ 1410 году онъ вернулся въ Италію. Изъ двухъ писемъ, которыя написалъ ему Исидоръ видно, что во время своего пребывания на востокѣ Гуарино посѣтилъ острова Хіосъ и Родосъ. Очевидно, что Исидоръ и Гуарино познакомились и подружились въ Константинополь. Съ этого времени они состоятъ въ перепискѣ, что доказываютъ разсматриваемыя нами два письма Исидора ³⁾, которыя заключаютъ въ себѣ отвѣты на посланія полученные имъ отъ Гуарино.

Отношенія, существовавшія между Исидоромъ и Гуарино, по справедливому мнѣнію В. Э. Регеля, не ограничивались простою корреспонденціей; между ними были литературныя отношенія, такъ какъ они посылали другъ другу манускрипты греческихъ классическихкихъ авторовъ ⁴⁾. Гуарино привезъ уже изъ своего путешествія

¹⁾ О времени написанія этихъ писемъ см въ „Analecta Byzantino-Russica“. V Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). Prooemium, p. XLIV, гдѣ приведены соображенія В. Регеля по этому вопросу.

²⁾ Объ этомъ знаменитомъ гуманистѣ, прожившемъ на свѣтъ 90 лѣтъ (1370—1460) и находившемся съ ранней юности до глубокой старости въ сношеніяхъ почти со всѣми дѣятелями Ренессанса и его произведеніяхъ см изслѣдованіе проф. М. С. Корелина. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историография. Вып. II, стр 921—933, гдѣ находятся богатые указанія на литературу вопроса.

³⁾ Analecta Byzantino-Russica. V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). 'Ισιδώρου ἱερομονάχου ἐπιστολαί. α' Γουαρίνου. Ρ 59—61. β. Τῷ αὐτῷ. Ρ 61—62.

⁴⁾ Les relations existant entre Isidore et Guarinus ne se bornaient pas à une simple correspondance; il y avait entre eux de rapports littéraires. car ils s'envoyaient des manuscrits des auteurs classiques grecs. Ibid., p XLIV.

въ Константинополь большую коллекцію греческихъ книгъ. Изъ ихъ переписки мы узнаемъ, что друзья посылали другъ-другу различныя классическія произведенія ¹⁾. Исидоръ восхваляетъ еще глубокое знакомство Гуарино съ латинскимъ и греческимъ языками, которыми послѣдній владѣлъ въ совершенствѣ; языкъ Цицерона былъ ему также родствененъ, какъ и языкъ Аристиды и Демосоена и въ такой степени, что его можно было принять какъ за итальянца, такъ и за грека.

Для насъ эти два письма имѣютъ особенное значеніе, такъ какъ они проливаютъ новое освѣщеніе на стремленія и памфленія Исидора. Въ русской исторической литературѣ Исидоръ заклеимленъ именемъ отступника и измѣнника русскимъ интересамъ, за принятіе имъ постановленій ферраро-флорентійскаго собора. „Такое сужденіе было бы вполне основательно, читаемъ мы у В. Э. Регеля ²⁾, если бы Исидоръ былъ духовнымъ лицомъ строго православнымъ, какимъ его хотѣли видѣть традиціи греко-русскаго духовенства. Но изъ двухъ писемъ, адресованныхъ Гуарино видно, что Исидоръ не только задолго до своего прибытія на Русь митрополитомъ въ 1437 году, велъ оживленныя сношенія съ итальянскими гуманистами, и естественно также съ греческими, но и самъ былъ гуманистомъ по своимъ убѣжденіямъ и образованію“ ³⁾ (курсивъ нашъ). Дѣйствительно, мысли и взгляды Исидора отличались отъ взглядовъ православнаго духовенства и не имѣли ничего общаго съ христіанскимъ духомъ. Онъ предпочиталъ чтеніе стиховъ Гомера и Софокла чтенію Псалмовъ и находилъ болѣе вкуса въ изящныхъ рѣчахъ Цицерона нежели въ сухихъ писаніяхъ отцовъ церкви ⁴⁾. Хотя Исидоръ и не осмѣлился, какъ и ни одинъ изъ гуманистовъ, открыто высказаться противъ христіанства и церкви, и напасть на ихъ условныя формы, онъ „остался не менѣе язычникомъ, посвящая церкви свое перо, но не свое сердце“ (по образному и вѣрному выраженію В. Э. Регеля). Его индифферентизмъ ко всякой духовной доктринѣ и теологич. достаточно объясняетъ то участіе, которое Исидоръ принялъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, политическая цѣль котораго была вполне очевидна. Мы имѣемъ прекрасное доказательство религіознаго индифферентизма представителей гуманистическаго движенія въ лицѣ его соплеменника и современника знаменитаго гуманиста

¹⁾ Объ этомъ см. у В. Э. Регеля. *Analecta. Prooemium*, p. XLIV.

²⁾ *Ibid.*, p. XLV.

³⁾ *Ibid.*, p. XLV.

⁴⁾ *Ibid.*, p. XLV.

Георга Гемиста Плетона (Georges Gémiste Pléthon), который, как и Исидоръ принималъ участіе въ ферраро-флорентійскомъ соборѣ¹⁾. Вполнѣ естественно, что и русскій митрополитъ, представитель того же самаго гуманистическаго направленія, высказывалъ полный индифферентизмъ во всѣхъ догматическихъ спорахъ²⁾, такъ какъ вопросъ о соединеніи церкви занималъ его настолько, насколько имѣлъ политическую сторону. Грекъ по происхожденію и горячій патріотъ, онъ былъ воодушевленъ пламеннымъ желаніемъ спасти гибнущую родину. Въ своей роли близкаго наперсника греческаго императора онъ былъ призванъ представлять интересы послѣдняго за границей; на соборѣ въ Базелѣ онъ былъ далеко не ревностнымъ представителемъ восточной церкви, а преслѣдовалъ политическія цѣли, для достиженія которыхъ не поколебался сдѣлать латиняномъ значительныя уступки, тѣмъ болѣе, что различія, разъединившія обѣ церкви, казались ему несущественными и мало-значительными³⁾. На ферраро-флорентійскомъ соборѣ м. Исидоръ, горячій патріотъ и вѣрный сторонникъ византійскаго императора, проявилъ такое же равнодушіе къ духовнымъ вопросамъ и велъ себя не какъ усердный защитникъ греко-русскаго православія.

Думая лишь о спасеніи элленизма отъ гнета варваровъ, Исидоръ, какъ гуманистъ, не интересовался догматической стороной вопроса о соединеніи церкви и не соблюдалъ интересы русскои церкви, представителемъ которой онъ состоялъ. Взгляды русскихъ патріотовъ на дѣятельность Исидора хорошо выражены въ „Повѣсти“ Симеона суздальскаго, гдѣ митрополитъ изображенъ какъ

¹⁾ Въ своемъ ученіи (νόμος) Гемистъ II проектировалъ основаніе новой философской религии и реформу общественнаго строя, онъ собралъ вокругъ себя маленькій кругъ лицъ, раздѣлявшихъ его идеи: къ числу ихъ принадлежалъ Виссаріонъ никейскій, который впоследствии составлялъ въ Римѣ центръ кружка гуманистовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Гемистъ II проповѣдывалъ мистическую теологию, имѣвшую въ основаніи неоплатонизмъ и противопологавшуюся христіанству, тогда какъ политическая и социальная жнзнь должны быть измѣнены по примѣру древней Спарты. В. Э Регель. *Analecta*. P. XLV—XLVI. Проф. Ф. И Успенскій Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр 692

²⁾ Объ отношеніи гуманистовъ къ религии и религіознымъ вопросамъ см IV главу изслѣдованія проф М. С. Коредина Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. II, стр 1061—1087. Ср скептическое отношеніе проф. Е. Е Голубинскаго къ взгляду (правильному) В Э Регеля, что Исидоръ былъ гуманистъ. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 442, прим. 3.

³⁾ В Э. Регель *Analecta*. P XLVI.

слуга папы, которому онъ проданъ за презрѣнный металл. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ ученаго издателя писемъ Исидора, что взглядъ Симеона суздальскаго на Исидора господствуетъ въ главныхъ частяхъ и въ современной русской исторіи¹⁾. Но это слишкомъ строгое и тенденціозное сужденіе должно быть значительно смягчено и измѣнено, если мы будемъ разсматривать Исидора, какъ греческаго патріота и горячаго представителя гуманистическаго движенія, которое, конечно, не могло быть понято православному русскому духовенству первой половины XV вѣка²⁾.

Будучи ревностѣйшимъ сторонникомъ уніи и ея главнѣйшимъ устроителемъ, приступая къ ней, какъ онъ предлагалъ другимъ, „душою и сердцемъ“, Исидоръ постарался выразить свои чувства даже въ самой подписи подъ актомъ уніи. Подпись эта, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Е. Е. Голубинскій³⁾, „отличается отъ всѣхъ другихъ подписей своею выразительностью“ и гласитъ: „στέργων καὶ συναίνων ὑπέγραφα“ т. е. съ любовью соглашаясь и соодобряя подписую⁴⁾. вмѣстѣ съ собою Исидоръ заставилъ подписаться и

¹⁾ В Э Регель. *Analecta P XLVII*. Не свободенъ отъ упрека въ тенденціозномъ освѣщеніи личности и дѣятельности Исидора и почтенный авторъ прекраснаго труда „*La Russie et le Saint-Siège*“. Какъ истинный католикъ, отецъ П. Ширлингъ, желаетъ видѣть и въ Исидорѣ убѣжденнаго, искренняго сына и сторонника римской церкви.

²⁾ Къ разсмотрѣнію шестого и послѣдняго письма, помѣщеннаго въ цѣннаго сборникѣ В. Э. Регеля („*Analecta Byzantino-Russica*“), адресованнаго Исидоромъ Фотію, своему предшественнику на кафедрѣ русской митрополіи, — мы обратимся въ слѣдующей главѣ нашего труда.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. *И. Р. Ц. Т. II. I*, стр. 448.

⁴⁾ Первый изъ подписавшихся митрополитъ пракійскій [не явившійся по болѣзни во дворецъ, но подписавшій актъ уніи на одрѣ болѣзни (см. Исторію флорентійскаго собора, стр. 172)] сдѣлалъ такую подпись: „ὄρισας ὑπέγραψα“, — утверждая подписуюсь; одна половина остальныхъ архіереевъ (въ томъ числѣ Виссаріонъ никейскій) подписались: „στοιχῆρας ὑπέγραψα“, — соглашаясь подписую, другая: „ὑπέγραψα“. О подписи Исидора см. Исторію флорентійскаго собора, стр. 173. Оригиналъ соборнаго акта находится въ Флорентійской (Медицейской, Лаврентинанской) библиотекѣ. Съ подлинника онъ напечатанъ въ изданіи Тейнера и Миклошича. *Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, Vindobonae. 1872*, р. 51—56. Въ древне-русскомъ переводѣ опредѣленіе флорентійскаго собора, но безъ подписи членовъ, въ П. С. Р. Л., Т. VI, стр. 156—158, въ рукописномъ же Сборникѣ Синодальной библиотеки, XVII в., № 177 (по прежн. катал. № 46) приведены и подписи членовъ собора, но съ опущеніемъ именъ м. Исидора и Авраамія суздальскаго. А Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 327.

епископа суздальскаго Авраамія, подпись котораго читается: „Смирный епископъ Авраамію (е) суждальскый подписую“¹⁾).

Греческіе епископы начали разъѣзжаться съ собора еще въ іюль мѣсяцѣ, послѣ подписанія акта уніи; императоръ выѣхалъ изъ Флоренціи 26 августа²⁾). Вотъ какъ повѣствуетъ русская лѣтопись объ отъѣздѣ императора и грековъ изъ Флоренціи. „По сихъ пребыша у нихъ не мало дній гостяще, до 26 дне мѣсяца августа, разидошася тмою невѣрія покрывшеся. Увы, увы прельсти сіа! иже злата ради вѣры православныя отвергъшеся и во тму невѣрія видоша, преже овци быша Божія, нынѣ же волки претворишася; хотѣша же и прочіи овци совратити съ праваго пути и въ волки неразумія превратити, но Богъ соблюде отъ таковыя прельсти“³⁾

Награжденный за свои старанія объ устроеніи уніи саномъ кардинала-пресвитера⁴⁾), пользуясь величайшею благосклонностью

¹⁾ Авторъ „Повѣсти“ объ осьмомъ (флорент) соборѣ Симеонъ суздальскій такъ говоритъ о подписаніи акта уніи Аврааміемъ: „И митрополитъ русьскій Псидоръ подписа ся и всю землю свою. Тогда же потомъ присла папа бискупа своего Христофора къ епископу Аврамію суздальскому, аще бы подписался. Ему же не хотящу, митрополитъ же Псидоръ я его и веади въ темницу, и сѣдѣ недѣлю полну,—и тому подписавшуся не хотѣнемъ, но ну-жею“ А. С. Павловъ Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206; „Инокъ Симеона іерея суждальца повѣсть како римскій папа Евгеній состави осмыи соборъ съ своими единомышленники“ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 354.

²⁾ Выѣхавше ранѣе греческіе епископы должны были ожидать императора въ Венеци, чтобы оттуда вмѣстѣ ѣхать домой

³⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 159 Оканчивая описаніе флорентійскаго собора, Густинская лѣтопись приводитъ чрезвычайно характерное объясненіе причинъ неудачи уніи: „Потомъ же неблагоугоднѣ скончаша его Сего ради и ваги жадной мѣти не можетъ, для многихъ причинъ. Первое: яко въ то время въ Базилей градѣ вся Заходняя страна другии соборъ собраша, на немъ же низложиша и проклиаша Евгения папу яко недостойна, иже тогда собороваше въ Флоренціи, а на его мѣсто посвятиша себѣ иного папу Феликса четвертого, сего ради и соборъ отъ Евгения учиненъ не можетъ ваги мѣти жадной. Второе: яко на томъ соборѣ глава всей Восточной церкви Іосифъ патріарха прежде времени преставился, а Марко ефескій со иными преимуществими едва утече, иные же епископы со царемъ дарами прелщенны бывше, изволиша подписатися на сей соборъ, и власть папѣ признавати, и унѣю зъ нимъ держати, отъ нихъ же бѣ Исидоръ митрополитъ Рускій, его же папа и кардиналства саномъ почтивъ отпусти; прочіи же и принуждены быша на се“. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355.

⁴⁾ По „Vitae et gesta summorum Pontificum“ Альфонса Чиаконія, (Romae, 1601), р. 894, папа возвелъ Исидора и Виссаріона въ кардиналы-пресвитеры

папы, Исидоръ оставался при немъ долѣе всѣхъ грековъ¹⁾; разбѣжавшіеся ранѣе члены собора оставили папу бороться съ непокорнымъ базельскимъ соборомъ, повторившемъ десятью днями раньше подписанія акта флорентійской уніи (25 іюня 1439 г.) и признанія греками верховенства римскаго первосвятителя—свое прежнее постановление, что вселенскій соборъ выше папы, и осудившемъ папу Евгенія, какъ еретика, за непризнаніе этого постановленія. Кромѣ того базельскій соборъ объявилъ папу Евгенія низложеннымъ и избралъ ему преемника въ лицѣ Феликса V²⁾. И только Исидоръ съ немногими другими пробылъ во Флоренци до той поры, когда папа Евгенийъ взаимно произнесъ въ храмѣ торжественное осужденіе и проклятiе базельскаго собора³⁾. Русскій митрополитъ отправился въ обратный путь 6-го сентября; при его отъѣздѣ изъ Италіи папа облекъ его высокимъ званіемъ своего апостолическаго полномочнаго легата отъ ребра апостольскаго (de latere) на провинціи Литвы, Ливоніи и на города, діоцезы, земли и мѣста Лехиц, т. е. Польши. Вотъ что гласила эта грамота⁴⁾.

будто бы еще въ публичной консисторіи 15 января 1439 года. Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 443, примѣч. 4-ое Ср. Карамзина, И. Г. Р. Т. V, примѣч. 305, относящаго это событіе къ 18 дек. 1439 г. — А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій (Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 660—661), гдѣ изложена предшествующая переписка Амвросія Траверсари по этому вопросу. Проф. Ф. И. Успенскій Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ. 1887, № 12, стр. 692.

¹⁾ „А Сидору митрополиту выѣхавшу опослѣ всѣхъ грековъ“. Повѣсть симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206: „Сій же Исидоръ злочестивый примъ отъ папы велику честь“, говоритъ лѣтописная повѣсть о флорент. соборѣ. П. С. Р. Л., Т. VI, стр. 159.

²⁾ 5 ноября 1439 года былъ возведенъ на папскій престолъ герцогъ Амедей Савойскій подъ именемъ Феликса V.

³⁾ История флорентійскаго собора, стр. 182.

⁴⁾ Мы сочли нужнымъ цѣликомъ привести эту грамоту, какъ несомнѣнное и краснорѣчивое признаніе Евгениемъ выдающихся заслугъ русскаго митрополита въ дѣлѣ соединенія церкви и выраженіе высокаго довѣрія къ его будущей дѣятельности; тѣмъ болѣе, что этотъ актъ, имѣя весьма важное значеніе для правильной оцѣнки дѣятельности Исидора, помѣщенъ въ изданіяхъ, ставшихъ въ настоящее время довольно рѣдкими. Грамота о назначеніи Исидора папскимъ легатомъ помѣщена у А. И. Тургенева въ „Historia Russiae Monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta“. Т. I, CXXI, р. 120—121 (Petropol., 1841) и у Тейнера въ „Vetera monumenta Poloniae et Lituaniae gentiumque finitimarum“. Tomus Secundus. (Romae, Typis Vaticanis, 1861), LVI, р. 41; въ послѣднемъ изданіи она напечатана вмѣстѣ съ подорожнымъ листомъ м. Исидору. (Тамъ же, LVII, р. 41—42: „Salvus conductus pro eodem metropolitа“).

„Eugenius Episcopus servus servorum Dei venerabili fratri Isidoro Kyenu¹⁾, ac totius Russie Mitropolite in Lithuame, Lyvonie et Russie provinciis, ac in civitatibus, diocesibus, terris et locis Lechie, que tibi jure metropolitico subesse nascuntur, Apostolice sedis Legato salutem etc“. „Salvator noster Dominus Iesus Christus filius Dei vivi ex alto celorum throno descendens exemplum nobis reliquit, ut quemadmodum discipulos quos elegerat in universas mundi partes destinavit, ut omnibus creaturis evangelium predicarent, et sacre christiane fidei institutis humanum genus edocerent, ita nos, qui licet immeriti, ejus vices in terris gerentes christiano generi presidemus, quantum ab ipso nobis conceditur per suas semitas incedentes, ad absentes fideles nostre considerationis intuitum dirigimus, mittendo ad ipsos personas idoneas, que executionem voluntatis et sollicitudinis nostre per suas bonas operationes, Deo propitio, exequi valeant, et etiam adimplere. Cum itaque juxta desiderium cordis nostri, et diutinam operam per nos impensam per ineffabilem Dei misericordiam, et Spiritus Sancti gratiam, qui ubi vult spirat, Grecorum Ecclesia nobiscum unita sit. ita ut deinceps unum ovile, et unicum eis pastorem oves Christifidelium recognoscere habeant. Nos cupientes ut longinque, ex extere nationes hujus unitatis suavitatem sentiant et odorem, et ut in ea, Deo auctore, edificentur, utque in vera fide Christi in melius reformatur, et illa in eis fiant, per que exaltatio fidei orthodoxe, animarum salus, pax et concordia populorum, ac disciplina morum uberius subsequenter, et unioni ipsi proveniat incrementum, Te, cujus virtus, et diligentia in hac sancta unione admodum cognovimus profuisse, et quem Dei benignitas preclaris virtutum dotibus illustravit, ac vite integritate ac morum, nec non magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque, et sacrarum litterarum doctrina plurimum exornant, in Lithvanie, Livonie, ac totius Russie provinciis, nec non in civitatibus, diocesibus, terris, et locis Lechie, que tibi jure metropolitico subesse nascuntur, de venerabilium fratrum nostrorum Sancte Romane Ecclesie Cardinalium consilii pro statu universalis Ecclesie, atque nostro nostrum, et Apostolice Sedis Legatum de Latere cum plena potestate auctoritate apostolica facimus, constituimus, et etiam ordinamus. Tibi nihilominus in eisdem Provinciis, et locis edificandi, plantandi, reformandi, corrigendi, et statuendi omnia et singula que ad extirpationem heresum, exaltationem, atque augmen-

¹⁾ „Кувені“—у А. Тейнера,—„Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum.“ Tomus Secundus. (Romae, Typis Vaticanis, 1861), LVI. p. 41.

tum catholice fidei, pacem atque unitatem Christifidelium, status universalis Ecclesie conservationem, auctoritatis nostre et Apostolice Sedis ecclesiasticam libertatem, morum reformationem profutura cognoveris, prout celestis gratie infusio, tuaque tibi sapientia ministrabunt facultatem et potestatem plenariam concedentes, firma spe, fiduciaque conceptis, quod actos tuos, dirigente eo, qui novit prava in directa, et aspera convertere in vias planas, in dictis Provinciis subsequetur fructus Deo laudabilis, quem speramus, ita ut a nobis et Sede Apostolicam meritam gratiam, et a Deo eterna premia consequaris. Contradictores quoslibet, et rebelles auctoritate nostra, appellatione postposita, compescendo Datum Florentie anno incarnationis dominice millesimo quadringentesimo tricesimo nono. Sextodecimo Kal. Septembris Pontificatus nostri anno nono¹⁾. An. IX. Tom. VI. pag. 227. (Ex Reg. orig. An. IX Secret. Tom. VI. fol. 227).

Римская церковь въ лицѣ своего первосвященника выразила этимъ почетнымъ назначеніемъ свою искреннюю признательность русскому митрополиту за его горячее участіе и содѣйствіе дѣлу соединенія церквей. Еще многого и многого ждали отъ него вперед: ему предстояло привести русскихъ и поляковъ къ принятію актовъ флорентійскаго собора, подчинить въ духовномъ отношеніи московское государство власти гордыхъ преемниковъ апостола Петра.

Въ обратный путь русскій митрополитъ отправился уже не тою дорогою, которой онъ пріѣхалъ на соборъ. Изъ Флоренціи онъ направился въ Венецію, гдѣ пробылъ довольно долгое время съ императоромъ и греками, еще не успѣвшими отъѣхать въ Константинополь; изъ Венеціи бѣжалъ отъ него или просто ушелъ впе-

¹⁾ Какъ сказали мы выше, Исидоръ отправился въ обратный путь 6-го сентября, грамота же датирована 16 сент. Надо думать, что грамота была, вѣроятно, выслана Исидору, когда онъ былъ въ дорогѣ. Извѣстно, что русскій митрополитъ пробылъ въ Венеціи съ находившимися здѣсь императоромъ и греками болѣе трехъ мѣсяцевъ (съ 15 сент по 22 декабр). Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 444 См. также „Повѣсть“ Симеона суздальскаго А. С. Павловъ Критическіе опыты. Прилож. X, стр 206: „А Сидору оставшу въ Венецыѣ, а къ папѣ посылающесе..“

„Salvus conductus pro eodem metropolita“. А. Тейнеръ. „Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae“. Т. II. LVII. p 41—42.

„Eugenius episcopus etc. Universis et singulis, ad quos presentes littere nostre pervenerint, salutem etc Cum venerabilis frater noster Isidorus metropolita Kyevi ac totius Russie, sedis apostolice legatus, accedat de presenti ad ecclesiam suam: Nos cupientes eundem metropolitam et legatum cum omni sua comitiva ac equis, salmis, vasillis, libris, auro, argento, iocalibus ac aliis omnibus et singulis rebus et bonis suis in eundo, stando et redeundo plena ubique

редь великокняжескіи посоль бояринъ Ѳома¹⁾. Причиною столь долгаго пребыванія русскаго митрополита въ Венеціи была, какъ видно изъ дошедшей до насъ буллы Евгенія IV къ византійскому императору Іоанну Палеологу, нерѣшительность Исидора, какимъ

securitate atque immunitate gaudere, universitatem vestram et vestrum singulos requirimus et hortamur in domino, subditis vero et gentium armorum capitaneis nostris districte precipiendo mandamus, quatenus eundem metropolitam et legatum cum sociis et familiaribus, equestribus et pedestribus quibuscunque, necnon salmis, vasillis, auro, argento, localibus, rebus et bonis suis aliis quibuscunque per civitates, terras, castra, oppida, villas, territoria, districtus, passus, portus, pontes et loca alia tam nostra quam vestra, et tam per aquam quam per terram cum sociis, familiaribus, salmis, vasillis, rebus et bonis predictis ire, transire, morari et redire pro nostra et sedis apostolice reverentia sine aliqua daci, telonei, pedagii, fundi navis et gabelle, aut alterius oneris cuiuscunque exactione et solucione libere permittatis, nullam sibi, sociis et familiaribus huiusmodi in personis, equis, rebus aut bonis predictis inferatis iniuriam, molestiam vel offensam, nec ab aliis, quantum in vobis fuerit, permittatis inferri; sed eis potius de libero et securo transitu, receptu et salvo conductu, si opus fuerit, sic liberaliter providere curetis, quod vestra exinde devotio veniat apud nos et sedem predictam merito commendanda Datum Florencie Anno Incarnationis dominice Millesimo quadringentesimo tricesimo nono, sextodecimo Kalendas Septembris, Anno Nono. (Ex. Reg. orig An IX Secret Tom. VI. fol 227).

¹⁾ Симеонъ суздальскій, поссорившійся съ Исидоромъ и бѣжавшій отъ него изъ Венеціи, сообщаетъ, что и Ѳома также бѣжалъ отъ митрополита: „Мнѣ же видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу ми изъ Венеціи, и послу Ѳомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыхъ Анны, егда зачать святую Богородицу, декабря въ 9 день“. Повѣсть Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр 206. См также „О презвитерѣ, и о мужѣхъ бывшихъ в латынскихъ странахъ“. А. Поповъ. Историко-литер. обзоръ, стр. 340 Есть основаніе предполагать, что и у боярина Ѳомы были не вполне хорошия отношенія съ митрополитомъ, такъ какъ извѣстень охранный листъ или паспортъ, выданный ему папою во Флоренціи въ мартъ мѣсяцъ 1438 (1439?) года. (Н. М. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, прим. 296; Описаніе рукописи Толетого, отд II, № 341, стр. 486), изъ чего видно, что посоль еще и тогда желалъ возвратиться домой, и слова Симеона, сказанныя имъ быть можетъ въ оправданіе своего поступка, имѣють нѣкоторое основаніе. Приводимъ переводъ этой опасной грамоты, находящейся между рукописями Іосифова Волоколамскаго монастыря № 665, л. 352, данной папою послу Ѳомѣ для его возвращенія въ Россію: „Езгеній . веѣмъ и коимуждо. къ нимъ же настоящая сіа писанія придуть, Св. Апостъ благословеніе. Какъ возлюбленный сынъ, благородный мужъ Ѳома, русскій посоль, благоговѣнія виною въ Римъ нынѣ приходиль, и къ нѣкоимъ міра частемъ, также и къ своимъ возвращаяся, доити умышляеть, и мы хошемъ того Ѳому съ товарищи и со служебники его, числомъ съ десятми, и съ рухлядми ихъ всякими итти и стояти полнымъ вездѣ безбоязніемъ и опасеніемъ радоватися.. Подвластнымъ убо нашимъ заповѣдаемъ.. того Ѳому съ товарищи . свободно пропусати.. не да-

путемъ возвратиться ему на Русь, такъ какъ путешествіе по Германіи внушало опасенія вслѣдствіе смерти императора Альбрехта¹⁾ Венеціанская синьорія и другіе, знающіе дороги Венгрии и Германіи, которыми хотѣлъ ѣхать на Русь Исидоръ, дали ему такой совѣтъ, что вѣрнѣе будетъ „предпочестъ даль и опасности морского плаванія, чѣмъ, пускаясь этимъ сухимъ путемъ, небезопаснымъ по причинѣ междоусобій и разбоевъ, подвергать себя гораздо большимъ и неизбѣжнымъ случайностямъ“. Въ этой буллѣ папа, извѣщая императора о томъ, что въ Константинополь имѣетъ прибыть митрополитъ Исидоръ, проситъ принять его благосклонно и содѣйствовать его возвращенію въ Россію. Здѣсь мы еще лишній разъ находимъ краснорѣчивую и сильную оцѣнку дѣятельности русскаго митрополита Евгеніемъ IV. „Итакъ, пусть идетъ, хранимый Господомъ и Богомъ нашимъ, въ Константинополь, чтобы возвратиться въ отечество тѣмъ путемъ, который тебѣ и ему представится болѣе безопаснымъ и удобнымъ. Посему, хотя мы убѣдились, что твое величество отлично понимаетъ великую доблесть этого мужа и хотя не сомнѣваемся въ сердечной любви твоей къ нему, тѣмъ не менѣе, любя его по личному знакомству и *такъ какъ онъ въ дальнѣйшіи трудился съ великою ревностью и прилежаніемъ и надѣемся, что будетъ весьма полезенъ въ охраненіи ея* (курсивъ нашъ), мы не могли преминуть дать къ тебѣ эту буллу, рекомендуя означеннаго архіепископа нѣкоторымъ особеннымъ образомъ, ибо ничто намъ теперь не было бы такъ приятно, какъ твое благорасположеніе къ означенному архіепископу во время его путешествія“²⁾.

вайте обидѣти, но паче ему о опасномъ путешествіи и о принманіи въ дома и о провожаніи ихъ.. тако же ласкою промыслити чтобы онъ возмогъ нами ему порученная совершити, да отъ того къ намъ и къ сѣдалищу апостольскому придетъ благоговѣніе... Данъ въ Флорентии, въ лѣто отъ воплощенія Господня 1438“

¹⁾ Р И Б Т. VIII, № 3, столб. 11 — 16 1839 г. ноября 28. „Булла папы Евгения IV къ византійскому императору Іоанну Палеологу“. Подлинникъ находится въ рукописи, содержащей въ себѣ сочиненіе Дюнисія Галикарнасскаго „Археологія“. Альбрехтъ IV австрійскій, зять венгерскаго короля Сигизмунда и наслѣдникъ его, умеръ 27 октября 1439 года. Syropul., p. 286, 305. Traversari, liv. VII, ép XIII. Bibl. du Vatican, fonds grec., n° 133, lettre originale d'Eugène IV à Jean Paléologue—y П. Пирлинга „La Russie et le Saint-Siège“ T. I (Paris, 1896), p. 50.

²⁾ „Nihil enim hoc tempore nobis acceptius facere poteris, quam si predictum Archiepiscopum in hac sua profectioe necessariis favoribus prosequaris“ Р. И. Б. Т. VIII, № 3, столб. 11—16.

Остается неизвѣстнымъ, почему Исидоръ не воспользовался рекомендательнымъ письмомъ папы и не отправился въ Константинополь.

Здѣсь (въ Венеціи) митрополитъ сѣлъ на корабль (22 декабря) и плылъ Адриатическимъ моремъ до Сѣни (Zengg, Segna) въ Кроацию или Хорватию, откуда, высадившись въ ней на берегъ 7 января 1440 года, шелъ на Загребъ или Аграмъ, на Будинъ или Офень-Пешть въ Венгрію, на Краковъ въ Польшу и далѣе на Русь ¹⁾.

---

¹⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 444; Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, стр. 289.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Изъ Будина, столицы Венгрии, куда митрополитъ Исидоръ прибылъ 5-го марта (1440 года), онъ отправилъ во всю область своего легатства,—Польшу, Литву, Ливонію и Русь.—пастырское посланіе, въ которомъ извѣщаль о совершившемся великомъ событіи—соединеніи церквей¹⁾.

„Милостью Божіею Сидоръ, пресвященный архіепископъ всея Руси, (вар. „киевскій и всея руси Св.“) легатось отъ ребра апостольскаго сѣдалища Ляцкого и Литовскаго и Нѣмецкаго²⁾, всемъ и всякому христовѣрнымъ съ прибавленіемъ вѣры своей

---

¹⁾ „Оттуду посла своя писания въ лятцкую и литовскую и немѣцкую землю, и на всю Русь православнаго христіанства“ Ник лѣт. Ч. V, стр. 148; П С Р Л Т VIII, стр. 106. Означенное посланіе читается въ Никоновской лѣтописи Ч. V, стр. 148—150, „Софійскомъ Временникъ“ (Строева). Ч. II, стр. 31—39; въ П. С. Р. Л. Т. VI (Соф 2 лѣт.) 159—160. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 106. Мы беремъ его изъ „Софійской 2 лѣтописи“, будучи вполне согласны съ взглядомъ, высказаннымъ въ предисловіи къ ней, что „Софійская вторая лѣтопись, по полнотѣ и подробностямъ описанныхъ въ ней событий, составляетъ превосходный матеріалъ для исторіи московскаго государства въ XV и XVI вѣвѣ. Въ ней изображаются дѣла русскаго церкви, послѣднія удѣльныя смуты, волновавшія Россію при великомъ князѣ Василии Темномъ... Составитель этого лѣтописнаго сборника извлекъ изъ бывшихъ въ его рукахъ современныхъ памятниковъ такія извѣстія, которыхъ не находится въ другихъ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ. Сверхъ того онъ включилъ въ означенный сборникъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе любопытны: а) Описаніе флорентійскаго собора“ .. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 117.

²⁾ Въ Никоновской лѣтописи титулъ Исидора читается нѣсколько иначе: „Исидоръ милостию божіею пресвященный митрополитъ киевскій, і всея Руси легатось, и отъ ребра апостольскаго сѣдалища лятцкаго и литовскаго і немѣцкаго.“ Ч. V, стр. 148.

вѣчное спасеніе въ Господа. Възрадуітеся и возвеселитесь вси нынѣ, яко церковь восточная и западная колпко время раздѣленіи быша и едина ко единой враждебны; а нынѣ истиннымъ соединеніемъ соединившася въ изначальное свое соединеніе, и миръ, и единачество древнее, безо всякого раздѣленія. Все же христоименитиі людіе, какъ Латыни, такъ Грекове, и ти вси, иже подлежатъ соборнѣй церкви Костянтинопольстѣй, еже суть Руси (вар. „русь Св.“), и Серби, Вляхи и иніи вси христьянстии родове! прииміте тое же святопресвятое единачество съ великою духовною радостію и съ честію. Напредъ молю васъ въ Господа нашего Ісуса Христа, иже съ нами милость сотворшаго, чтобы никакова раздѣленіа у васъ съ Латыною не было; занеже вси раби есте Господа Ісуса Христа и во имя его крещени. Вы же Латынстии родове, тѣхъ всѣхъ, иже въ вѣрѣ Гречестѣй суть, истинно вѣруйте безо всякого размышленія; суть бо вси крещени, и крещеніе ихъ свято есть и испытно отъ Римьскыя церкви, еже истинно и равно есть якоже и тое церкви крещеніе; и далѣ бы межі васъ никаково злое размышленіе не было о тыхъ дѣлѣхъ, но како Латыни, тако прежеречениі Грекове ко единой церкви смотрѣніе имѣли, еже бы единымъ едина есть. И когда Греки въ земли суть Латынстѣй, или гдѣ въ ихъ земли Латынская церковь (вар. „латынскія церкви“), чтобы естя всѣ къ божественнѣй службѣ прибѣгали и тѣла Ісусъ Христова смотрили, сокрушеніемъ сердца ихъ честь воздавали, якоже во своихъ церквахъ чинять; а на покаяніе да приходятъ къ Латынскимъ попомъ и тѣло Божіе отъ нихъ приемлють. А Латыне должни въ ихъ церковь ити и божественныя службы слушати, съ теплою вѣрою поклонятися тому Ісусъ Христову тѣлу, понеже истинно Ісусъ Христово тѣло такоже священно отъ Греческа попа въ кисломъ, а Латынскимъ попомъ священно во прѣсномъ хлѣбѣ; и того ради достойно есть обое дръжати, прѣсное и кислое. А Латыни такоже да приходятъ на покаяніе къ Грецкимъ попомъ и причастіе Божіе отъ нихъ взимають, понеже обое то едино есть. Тако бо соборъ (вар. „вселенскій съборъ“) кончалъ въ явленомъ посидѣніи ¹⁾, въ честнѣй Божіи (вар. „болшей“) церкви служивши, во градѣ Флорентіи, подъ лѣты воплощенія Господня тысяща и четыреста и тридесять девятого лѣта, мѣсяца іюня 6 день.“ ²⁾

¹⁾ Въ торжественномъ засѣданіи, ἐν δημοσίᾳ συναλεύσει, in sessione publica. Е. Е. Голубинскій, И Р. Ц. Т. П. П. I, стр. 445.

²⁾ Последняя фраза читается въ Никоновской лѣтописи въ болѣе подробномъ видѣ: „Тако бо вселенскіи соборъ кончалъ есть в явленномъ поси-

Изъ Будина митрополитъ направился (14 марта) ¹⁾ въ столицу Польши Краковъ, чтобы повидаться съ королемъ Владиславомъ III. Въ первомъ на пути польскомъ городѣ Сандецъ (Sandecz), находящемся въ Карпатахъ, Исидоръ былъ встрѣченъ въ великую пятницу (25 марта) краковскимъ епископомъ Збигнѣвомъ (Олесницкимъ) ²⁾ этимъ ревностнымъ поборникомъ католицизма и полонизма, и принять имъ, по свидѣтельству Длугоша, гостеприимно и предупредительно и, какъ воссоединенный съ римскою церковью и вѣрный, („Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis“), былъ допущенъ къ служению по своему греческому обычаю (more suo Graeco) въ Сандецъ и въ Краковскомъ кафедральномъ соборѣ ³⁾. Направляясь въ Краковъ къ королю Исидоръ, вѣроятно, желалъ обрадовать его прият-

дени во многомъ совопрошани, и испытани божественныхъ писани в чести и в большей церкви, служивше во граде Флорентии...“ Часть V, стр. 150. Въ летописи ошибочно датированъ актъ унии—6 июня. Эта ошибка перешла затѣмъ и во все наши сказанія.

¹⁾ Исидоръ выѣхалъ изъ Будина 14 марта, какъ значится въ ненапечатанной части путешествія. Рукопись Московск Публичн и Рум Муз № 939 См. А. С Павловъ, Критические опыты, стр. 91; А. Д Щербина Литературная история русскихъ сказаній о Флорентійской унии (Одесса, 1902), стр. 4, 5, 19—20, 47—48; „Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. VIII. 159 засѣданіе (Византійско-славянское отд.) 17 ноября 1901 г., стр. 1—4. О И. Делекторскій Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской унии. Журн. Мин. Нар. Просв. Часть CCC, 1895, VII, стр. 135, 161, 162 и слѣд

²⁾ Збигнѣвъ-Олесницкій (Oleśnicki, 1389—1455), кардиналь и епископъ краковскій, польскій политическій дѣятель—враждебно относился къ замысламъ Витовта на отдѣльную корону противодѣйствовалъ сепаратистическимъ стремленіямъ южной Руси и сильно хлопоталъ о введеніи въ ней флорентійской унии. С. М. Соловьевъ, И. Р. Т. IV, столб. 1093, 1904, 1095—1097. Д. И. Иловайскій. Исторія России. Т. II, стр. 216—221, 268, 269, 270, 280—281, 283.

³⁾ Ioannis Długossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae Libri XII. Lipsiae, anno MDCCXI Liber duodecimus, (1440), col. 727: „Intravitque praefatus Isidorus Cardinalis et Legatus, primum in Sandecz, feria sexta Parasceve, ubi per Sbigneum Episcopum Cracoviensem fuit hospitio exceptus, et omnibus in Curia Episcopali procuratus et ornatus expensis, et ad celebrandum divina in Ecclesia parochiali S Mariae in Sandecz exposit Cracoviae in Ecclesia Cathedrali more suo Graeco, tanquam Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis admissus“. „Rediens in Russiam (пишетъ Кульчицкій), Chelmae sanctam Unionem promulgavit; Sandeci vero sacram liturgiam in templo Latino solemniter celebravit, summo exceptus honore a Zbigneo, episcopo Cracoviensi Decretis concilii Florentini per Russiam, regno Poloniae unitam promulgatis, profectus est Isidorus in Moscoviam“. Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 122.

нымъ извѣстіемъ о столь великомъ событіи—соединеніи церкви, слившемъ теперь въ одно духовное стадо подданныхъ короля Польши; надо думать, что легать—митрополитъ желалъ испросить у короля согласіе на изданіе соответствующихъ государственныхъ распоряженій относительно реального соединенія въ одно цѣлое его подданныхъ русскихъ и вообще православныхъ и католиковъ. Но политическія обстоятельства не благопріятствовали уніональнымъ планамъ русскаго митрополита: польскій король Владиславъ III, сынъ и преемникъ Ягайлы, незадолго предъ тѣмъ избранный въ король венгерскіе ¹⁾, долженъ былъ торопиться выѣхать изъ Кракова и спѣшить въ Венгрію (Угрію), такъ какъ, присланные къ нему венгерскіе депутаты, настоятельнымъ образомъ побуждали его скорѣе ѣхать въ свое новое королевство. „Соображая вѣроятное время пріѣзда Исидора въ Краковъ, читаемъ мы у современнаго отечественнаго историка церкви, и время отъѣзда изъ него короля, получимъ, что митрополитъ успѣлъ захватить въ немъ Владислава не болѣе, какъ дней за 5 до отъѣзда и вообще когда онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать, кромѣ предстоявшей поѣздки“ ²⁾.

Вскорѣ затѣмъ Исидоръ вступилъ въ предѣлы своей паствы; легать—митрополитъ не спѣшилъ въ Москву, но на очень долгое время остался въ Литвѣ. По прибытіи въ литовскую Русь митрополитъ не замедлилъ распространить въ спискахъ подлинное опредѣленіе флорентійскаго собора ³⁾. На пути изъ Кракова въ Перемышль въ городъ Тарновъ (Tarnow) онъ освятилъ католическій костель вмѣстѣ съ однимъ польскимъ епископомъ ⁴⁾.

¹⁾ См П С Р Л Т II (Густинская лѣт.), стр 356. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ Русская история. Т II, стр 49.

²⁾ Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц Т II. П. I, стр. 446 (См. также прим. 2-е на той же стр. Ср. у Длугоша „Historiae Polonicae“, Lib XII, col. 727: „Imminente tempore quo Wladislaus Rex versus Regnum Ungariae egredi Cracovia debebat, quindecima videlicet die post festum Paschae.“ Въ описаніи путешествія не сказано, когда Исидоръ прибылъ въ Краковъ и насколько времени засталъ въ немъ короля, а сказано только, что „ту (въ Краковѣ) видѣхомъ короля Владислава и брата его Казимира“. Рукоп. Московск. Публ. Музея, № 939, л. 56. об

³⁾ Кульчицкій. „Specimen ecclesiae Ruthenicae“, р 122, А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 328

⁴⁾ А. Петрушевичъ въ статьѣ: „О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“, помѣщенной въ „Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ, издав обществомъ Галицко-русской Матицы“ (Выпускъ III, Львовъ, 1860), описывая путь митрополита Исидора (на Русь) съ Флорентійскаго собора,

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ Исидоръ провозгласилъ унію въ Перемышлѣ, этомъ первомъ русскомъ мѣстѣ, и какъ русское населеніе приняло здѣсь унію. Изъ Перемышля митрополитъ направился въ столичный городъ Галиціи Львовъ, гдѣ оставался довольно продолжительное время¹⁾; здѣсь легатъ-митрополитъ совершалъ литургію въ латинскомъ храмѣ, а не въ русскомъ²⁾. Изъ Львова Исидоръ отправился въ Вильну, столицу великаго княжества литовскаго, куда прибылъ 13-го или 14 августа³⁾.

По дорогѣ въ Вильну митрополитъ былъ въ Холмѣ, о чемъ свидѣтельствуется сохранившееся посланіе его къ Холмскимъ старостамъ и воеводамъ, писанное въ Холмѣ 27 июля 1440 года, въ которомъ Исидоръ проситъ ихъ не обижать нѣкоего „попа Вавилу у Святаго Спаса отъ Столна (близъ Холма)“, жаловавшагося ему на то⁴⁾. Послѣ прибытія въ Вильну Исидоръ оставался въ

писать: „Митрополитъ Исидоръ въ сіе время или возвращаясь изъ Руси (?) въ Римъ посвящалъ также въ городѣ Терновѣ (Tarnow) Костелокъ Пресвятой Богородицы на Бурку (на Burku) въ содѣйствіи другаго польскаго кардинала Николая (см. Kościółek Najśw. Maryi Panny na Burku w Tarnowie przez X Michała król Tarnów 1854) Прим. 52. Стр. СХХVI.

¹⁾ Въ Львовѣ Исидоръ прибылъ не позднѣе 15 мая и оставался въ немъ (съ посѣщеніемъ Галича) до 10 июля. Въ описаніи путешествія не указано время прѣзда въ Львовъ, а затѣмъ говорится: „а отъ Львова до Галича 14 миль и придохомъ въ Галичъ мѣсяца Мая въ 21 день; а оттолъ опять придохомъ во Львовъ по Петровѣ дни назаутрее, и поѣхали есмь изъ Львова июля въ 10-й день“

²⁾ „Галицкій Историческій Сборникъ“ Вып. III, (Львовъ, 1860), стр. СХХVI. Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. V, стр. 365.

³⁾ Митрополитъ ѣхалъ на Вельзъ, Грубешовъ, Холмъ, Влодаву, Брестъ-Литовскій, Волковыскъ и Троки. Въ описаніи путешествія не указано точно время прибытія въ столицу Литвы, но сказано, что изъ Трокъ, отъ которыхъ до Вильны 26 верстъ, отправились 13 августа. Объ отдѣленіи части свиты отъ Исидора см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II П 1, стр. 447. прим. 3-е и особенно у А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр. 91, гдѣ также приводятся остроумныя соображенія по поводу противорѣчя между „Путешествіемъ“ и „Повѣстію“ Симеона суздальскаго, высказанныя въ Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung von Theodor Frommann (Halle, 1872, s. 115): не былъ ли продолжателемъ путевыхъ записокъ послѣ побѣга Симеона изъ Венеціи, суздальскій владыка Авраамій? Предположенію этому до нѣкоторой степени благоприятствуетъ списокъ Моск. Публич. Музея, № 939, въ которомъ путешествіе не прекращается на Будинѣ, но доводится вплоть до Суздаля. Мы имѣли возможность ознакомиться и пользоваться этимъ спискомъ.

⁴⁾ Чтенъ въ Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1842. № 1. „Галицкій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы“.

предѣлахъ юго-западной, (польско-литовской) Руси еще въ продолженіе шести мѣсяцевъ, но о его пребываніи и путешествіяхъ за это время не имѣется положительныхъ свѣдѣній. Псковская 2-ая лѣтопись сообщаетъ, что на Покровъ Богородицы (1-го окт.) 1440 года Исидоръ пріѣхалъ въ Литву¹⁾; если это свидѣтельство лѣтописи справедливо, то надо думать, что митрополитъ послѣ 14 августа опять ѣздилъ въ Галицію или киевскую Русь. Отъ 5-го февраля 1441 года сохранилась грамота Исидору киевскаго князя Александра Владиміровича, изъ которой видно, что во время написанія ея, митрополитъ находился въ Киевѣ²⁾. О пребываніи Исидора въ Киевѣ, безъ обозначенія времени, говорятъ и Симеонъ суздальскій³⁾ и Густинская лѣтопись⁴⁾. У Симеона суздальскаго, также безъ обозначенія времени, говорится о пребываніи митрополита въ Смоленскѣ⁵⁾, присоединенномъ къ Литвѣ Витовтомъ въ 1395 году. Пробывъ въ галицко-литовской Руси одиннадцать мѣсяцевъ⁶⁾, митрополитъ Исидоръ въ воскресенье третьей недѣли великаго поста—19 марта 1441 года—пріѣхалъ въ Москву.

Флорентійская унія, подчинившая православныхъ жителей Галиции и литовской Руси высшей духовной власти римскаго первосвятителя, была чрезвычайно желательна для короля польскаго и для великаго князя литовскаго, въ видахъ и цѣляхъ чисто полити-

---

Вып. III, (Львовъ, 1860), стр. СХХIII—СХХVI. О посѣщеніи Холма Исидоромъ сохранилась запись въ ненапечатанномъ спискѣ „Путешествія“ (Рукоп. Моск. Публ. Музея, № 939), л. 57

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. V, стр. 29: „Тоя же осени, на Покровъ святѣй Богородици, пріѣха въ Литву митрополитъ Сидоръ отъ Римскаго папы Евгениа, съ осмаго сбора Флоренскаго, и присла въ Псковъ своя грамоты и благословеніе“.

²⁾ Грамота дана въ Киевѣ. А. И. Т. I, № 259: „А коли отецъ нашъ Сидоръ, Митрополитъ Киевскій и всея Руси, отъѣдетъ далѣ въ свою митрополию, оправляя церкви Божии: и его намѣстнику, по его приказу и по сему нашему листу, держати и отправляти тое всее церковное, какъ есмо отдали господину отцу своему Сидору, митрополиту Киевскому и всея Руси.“, стр. 488.

³⁾ Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207. „и тою областію папезскою преиде (Исидоръ) всеѣ земли и литовскую землю, донде и до Киева и до Смоленска“; стр. 208: „...яко же поминалъ въ Киевѣ, такоже и въ Смоленскѣ“.

⁴⁾ П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355

⁵⁾ „Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207, 208.

⁶⁾ Съ половины апрѣля 1440 года по вторую половину Марта 1441 года.

ческихъ. „И однако эта унія, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, бывъ устроена на соборѣ флорентійскомъ и бывъ принесена Исидоромъ въ Польшу и Литву, вовсе не была введена и вводимъ здѣсь между русскими, такъ что предъ нами странное явленіе: съ одной стороны, люди весьма усердно желали уніи, а съ другой стороны—когда эта унія дѣйствительно устроенная, была принесена къ нимъ, они какъ будто не обратили на нее никакого вниманія“¹⁾. Такой, повидимому, совершенно неожиданной неудачѣ, постигнувшей флорентійскую унію въ Польшѣ и Литвѣ, православное русское населеніе было обязано весьма счастливымъ для него обстоятельствамъ, благодаря которымъ унія была представлена себѣ и тѣмъ духовнымъ мѣрамъ, которыя могъ употребить для ея введенія только самъ Исидоръ²⁾. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ Польшѣ и Литвѣ первоначально даже не дѣлается и попытокъ къ введенію уніи, такъ какъ ни король польскій, ни великій князь литовскій не могли взять на себя почину въ дѣлѣ введенія уніи среди своихъ подданныхъ. Одной изъ самыхъ важныхъ причинъ этого было то обстоятельство, что во время прибытія Исидора въ Польшу, тамъ не признавали папы, отъ котораго она была принесена. Какъ извѣстно, въ это время было два папы: Евгений IV, устроившій флорентійское соединеніе, и Феликс V, избранный базельскимъ соборомъ; поляки, не находя удобнымъ признавать какого-нибудь одного папу, не признавали ни того ни другого³⁾. Стѣ-

¹⁾ Е. Е. Голубинскій И Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 448; С. М. Соловьевъ И. Р. Т. IV, столб 1262—1263

²⁾ Говоря о томъ, что флорентійская унія въ Польшѣ и Литвѣ не была вводимъ правительствами этихъ государствъ, профессоръ Е. Е. Голубинскій замѣчаетъ, что „если бы унія и была вводимъ и введена, то, какъ со всею вѣроятностію нужно думать, она вовсе не была бы тѣмъ кровавымъ дѣломъ, какимъ явилась въ концѣ XVI—въ началѣ XVII вѣка. Въ первой половинѣ XV вѣка польскіе короли, польское католическое духовенство и вообще всѣ поляки еще вовсе не были такими крайними фанатиками, какими они стали къ концу XVI вѣка, ибо они еще не прошли воспитательной школы иезуитовъ и не стояли подъ руководствомъ людей, подобныхъ симъ послѣднимъ“. И Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 448—449

³⁾ Длугошъ *Historiae Polonicae*, Lib. XII, (1442), col. 768, 769. („Schisma Pontificum“). Объ этомъ повѣствуетъ и Густинская лѣтопись (подъ 1442 годомъ): „Въ се же лѣто прислаше два папезове пословъ до Владыслава до короля, и до академіи Краковской, и до всего духовенства, си есть: Евгений, или яко искусѣйшіе глаголють, еже и синодъ въ Флоренци собралъ баше, другіи Феликсъ четвертый, иже въ Базилей избранъ бысть, каждый просячи короля и всего духовенства, абы его за папежа правдивого мѣли и

довательно, уния, представлявшаяся крайне желательной для политических цѣлей польскаго короля, являлась въ то же время неудобной для принятія и примѣненія ея, такъ какъ была приписана отъ непризнаемаго папы. Кромѣ того польскій король Владиславъ III, какъ уже говорили мы выше, незадолго до прибытiя Исидора въ Польшу, 6 марта 1440 года, былъ избранъ королемъ венгерскимъ. Отправившись въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Венгрію ¹⁾, онъ, уже не возвращаясь въ Польшу до конца своего царствованiя, поручилъ ее управленію намѣстниковъ а самъ 10 ноября 1444 года палъ въ битвѣ съ турками при Варнѣ ²⁾.

Отсутствуя изъ Польши, Владиславъ былъ занятъ венгерскими дѣлами—борьбой съ Елизаветой, вдовой своего предшественника ³⁾, и войной съ турками, начатой имъ тотчасъ же послѣ своего избранiя на престолъ Венгріи. Правда, уже въ 1443 году онъ призналъ папу Евгенія II, находясь въ Венгріи, уже послѣ осужденiя и бѣгства Исидора изъ Москвы, издалъ, благодаря влiянію бывшаго при немъ папскаго легата—кардинала Юліана, погибшаго съ нимъ въ послѣдствіи въ варнской битвѣ,—жалованную грамоту греко-русскому духовенству ⁴⁾. Въ этой грамотѣ, уравнивающей правос-

---

приняли Но король, и все духовенство, и академія рекоша имъ: „нмиѣ шединаго признаемъ, донели же видимъ конецъ межи вами“. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356

¹⁾ Длугошъ *Historiae Polonicae* Lib. XII, col. 727, 729.

²⁾ Длугошъ *Historiae Polonicae* Lib. XII (1444), col. 808, Карамзинъ Т. V, столб. 169 С. М. Соловьевъ II. Р. Т. IV, столб. 1103, 1263 Д. П. Иловайскій, *Исторія Россіи* Т. II, стр. 234 О вѣроломномъ нарушеніи мира съ турками Владиславомъ (подъ влiяніемъ папы Евгенія IV), смерти короля и гибели кардинала Юліана Чезарини см. „Исторію Русовъ или Малой Россіи“ Георгія Конискаго, (Москва, 1846), стр. 12, 13. „Лѣтописи церковныхъ событiй“ еп. Арсенія, стр. 537 Г. Ф. Герцбергъ *Исторія Византии*, стр. 554—558

³⁾ Длугошъ *Historiae Polonicae*. Lib. XII (1440, 1441); только въ 1442 году между Владиславомъ и Елизаветой былъ заключенъ миръ,—тамъ же, col. 770, 771—(„Pax inter Wladislaum et Elisabetham concluditur“). Г. Ф. Герцбергъ, *Исторія Византии*, стр. 547.

⁴⁾ Акты, относящiеся къ исторіи западной Россіи, (СПб 1846), Т. I, № 42, стр. 56—57. „Жалованная грамота Польскаго и Венгерскаго короля Владислава III-го Ягелловича Греко-Русскому духовенству, о сравненіи его въ свободѣ Вѣры и правахъ съ духовенствомъ Римско-католическимъ, и о представленіи ему въ управу духовныхъ судовъ и прежнихъ церковныхъ отчинъ“ См. о ней у К. Вестужева-Рюмина. *Русская исторія*. Т. II, стр. 49—50. Грамоту эту Е. Е. Голубинскій ошибочно относитъ къ марту 1441 года (II Р. Ц. Т. II П. I, стр. 449), если это только не простая опечатка Въ концѣ грамоты мы читаемъ: „Дѣяло се и дано въ Будымѣ, въ пятницу близкую передъ недѣлю

лавное духовенство въ правахъ и привилегіяхъ съ духовенствомъ католическимъ, съ радостью сообщаетъ, что „ласкою и справою Духа Светого, церковь Восточная набоженства Греческого и Руского... теперъ вже за милосердьемъ Божиимъ и сузнаемъ (decretis) светѣйшого пана, Евгенія папы четвертого, и иныхъ многихъ отецъ вѣры светоѣ горливыхъ, зъ оною светою Римскою и Вселинскою церквю приведена есть до единости давно пожеданоѣ... А для того-жъ, гласитъ далѣе грамота, абы тая церковь Восточная и еѣ преложеныя (praelatiq̄ue) и все духовенство набоженства Греческого и Руского, въ широкости панствъ нашихъ и панованью нашему подлеглыхъ кдѣ-колвекъ мешкаючи, которыи и первѣи, за тою разностью и разорваньемъ, нѣяко утисненье поносили,—абы за приверненьемъ имъ волности... на честь и на память Бога Вседержителя, который насъ откупилъ дорогою своею кровію, всимъ церквамъ и ихъ епископомъ албо владыкамъ, преложенымъ духовнымъ и инымъ особамъ церковнымъ тогожъ набоженства Греческого и Руского, тые вси права, волности, способы, звычайи и всякіе свободы вѣчными часы дати позволили есмо, и тымъ листомъ нашимъ позволяемъ, такыи жъ, яковыхъ въ королевствахъ нашихъ Польскомъ и въ Венгерскомъ вси костелы и ихъ арцибискупове, бискупове, преложеные и иные особы костелныя, звычайу Римскоѣ церкви, заживаютъ (fruuntur) и зъ нихъ веселятся“¹⁾.

Если дѣятельность Владислава по введенію униі въ Польшѣ выразилась единственно въ изданіи приведенной выше грамоты, когда Исидоръ, принесшій унию, уже былъ осужденъ въ Москвѣ и бѣжалъ оттуда;—то дѣятельность великаго князя литовскаго въ этомъ направленіи не выразилась даже и въ запоздаломъ изданіи одного акта: въ Литвѣ ничего не сдѣлали, да и не могли сдѣлать. для униі. Князь литовскій былъ въ положеніи, совершенно исключавшемъ возможность рѣшиться даже на попытку введенія униі

третью великаго посту, року Божого 1443-го“ О точномъ времени написанія этой грамоты см. тамъ же, примѣч 38, стр 13: „Въ русскомъ, безъ сомнѣнія переводномъ, спискѣ этой Владиславовой грамоты, datum поставлено такъ: „въ пятницу близкую передъ недѣлею третьею великаго посту“, а въ латинскомъ подлинникѣ „feria sexta proxima ante dominicam Oculi“ Это одно и то же. Пасха въ 1443 г. приходилась 21 апрѣля, а великій постъ по обряду римской церкви начинался 6 марта, въ среду (porieles): слѣдовательно пятница второй недѣли великаго поста (dominica Reminiscere, по польски niedziela głucha) соотвѣтствовала 22-му марта Dominica Oculi то же, что у насъ третья великопостная недѣля“. С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1262—1263.

¹⁾ Акты, относящіеся къ Исторіи западной Россіи. Т. I, № 42, стр. 56

въ своемъ государствѣ, если бы даже онъ былъ горячимъ ея сторонникомъ. 20 марта 1440 года, за пять дней до прибытія Исидора въ Польшу (изъ Венгріи) князь литовскій Сигизмундъ Кейстутевичъ былъ убитъ¹⁾, а на его мѣсто былъ избранъ Казимиръ²⁾, братъ Владислава III. Будучи очень юнымъ возрастомъ и духомъ, Казимиръ еще къ тому же далеко не твердо сидѣлъ на великокняже-

¹⁾ Длугошъ. *Historiae Polonicae. Lib. XII, (1440), col. 724, 725* („Sigmundus Lituaniae dux occiditur“). Новгородская лѣтоп. по Синодальн. харатейному списку (1888), стр. 419; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 113. О дѣятельности Сигизмунда и его убійствѣ см. у Д. Н. Иловайскаго П. Р. Т. II, стр. 272—274; Н. М. Карамзина. И. Г. Р. Т. V, столб. 147.

²⁾ Длугошъ. *Historiae Polonicae. Lib. XII, (1440), col. 750—754*. Объ избраніи Казимира на великокняжескій престолъ, рисуящемъ общее состояніе дѣлъ въ Литвѣ, профессоръ Д. Н. Иловайскій говоритъ: „Въ мѣстечкѣ Ольшанахъ (нынѣ Ошмян. уѣзда) у князя Юрія Семеновича собрались знатнѣйшіе литовскіе сановники, каковы Гаштольдъ, намѣстникъ смоленскій, Кезгайло, намѣстникъ жмудскій, Николай Немировичъ, староста Виленскій, Николай Радивиль, маршалъ литовскій, и нѣкоторые другіе. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили отстранить обоихъ соперниковъ, Свидригайла и Михаила, и призвать на литовскій престолъ младшаго Ягайлова сына Казимира еще очень юнаго; литовскимъ вельможамъ представлялась надежда воспитать его въ обычаяхъ страны и пока самимъ управлять ею. А главное, этотъ выборъ упрочивалъ тѣсный союзъ съ Польшою и въ то же время давалъ Литвѣ, особаго отъ Польши, самостоятельнаго государя. Польскіе вельможи съ своей стороны полагали, что ближайшее наследственное право на литовскій престолъ принадлежало ихъ королю Владиславу III; но случилось такъ, что сей послѣдній незадолго предъ тѣмъ соединилъ на своей головѣ съ польскою короною и корону угорскую“. Такъ какъ венгерскія дѣла и война съ турками отвлекали Владислава въ другую сторону, то онъ охотно согласился уступить княжество брату, но, по настоянію польскихъ пановъ, Казимиръ былъ отправленъ въ Литву не какъ самостоятельный государь, а лишь какъ намѣстникъ польскаго короля, пользующійся титуломъ просто князя, т. е. не великаго. Такъ какъ это очень не нравилось литовскимъ вельможамъ, то они, если вѣрить лѣтописному разсказу, прибѣгнули къ слѣдующей хитрости. Казимиръ прибылъ въ Вильну въ сопровожденіи нѣкоторыхъ польскихъ сенаторовъ и блестящей свиты; литовскіе вельможи устроили роскошное угощеніе для своихъ гостей и такъ напоили ихъ, что польскіе сенаторы крѣпко проспали все слѣдующее утро. Въ это же утро совершилось торжественное коронованіе Казимира въ виленскомъ кафедральномъ соборѣ; его посадили на великокняжескій престолъ, надѣли на него шапку Гедимина, подали мечъ и покрыли великокняжескою мантией (3 іюля 1440 г.). И только восторженные клики, которыми народъ привѣтствовалъ новаго государя, разбудили польскихъ сенаторовъ и имъ ничего не оставалось, какъ, получивъ богатые подарки по случаю коронаціи, скрыть свое неудовольствіе и принести поздравленія новому великому князю. И. Р. Т. II, стр. 274—275. Объ этомъ см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1102.

скомъ столѣ, такъ какъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ Михаила, сына убитаго Сигизмунда¹⁾. Такое положеніе вещей въ Польшѣ и Литвѣ было причиной того, что флорентійская унія, предоставленная себѣ и духовнымъ мѣбрамъ Исидора, не была введена въ этихъ государствахъ, такъ какъ православное населеніе, по свидѣтельству Длугоша, не желало принимать ея²⁾.

Теперь мы коснемся вопроса о томъ, какое впечатлѣніе произвела принесенная Исидоромъ флорентійская унія на православное населеніе въ кievской (юго-западной) Руси³⁾, которой вскорѣ суждено было сдѣлаться передовымъ постомъ въ горячей борьбѣ славянскаго православія съ латинствомъ. Какъ мы видѣли раньше изъ описанія путешествія легата—митрополита, юго-западная Русь, уже и тогда зависѣвшая въ политическомъ отношеніи отъ Польши, на первыхъ порахъ отнеслась къ унії, по вѣрному выраженію покойнаго проф. А. С. Павлова,—«если не сочувственно, то довольно равнодушно»⁴⁾. Исидоръ спокойно проживалъ въ Кіевѣ, служилъ въ латинскихъ костелахъ, дѣлалъ зависящія отъ него распоряженія по церковному управленію⁵⁾, и, наконецъ, достигъ того, что православный кievскій (удѣльный) князь Александръ (Олелько) Влади-

¹⁾ О затруднительномъ положеніи Казимира см у Иловайскаго П. Р. Т. II (Изд. II М. 1896), стр. 275.—О судьбѣ Михаила у Н. М. Карамзина И. Г. Р. Т. V, столб. 147, и прим. 264, гдѣ приводится свидѣтельство Кромера (гл. XXII, стр. 337) и Стриковскаго (кн. XVII, гл. 5—8) о его смерти. См. также Никоновск. лѣт. Ч. V (подъ 1440 г.), стр. 137.

²⁾ Длугошъ. *Historiae Polonicae*. Lib. XII, (1440), col. 727. „Unio tamen illa Ecclesiae cum Graeca brevisculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis, qui circa illam praesentes non erant, eam irridentibus et contemnentibus“.

³⁾ См. повѣствованіе о свиданіи и переговорахъ въ Трокахъ (1430 г.). Когда зашла рѣчь о соединеніи православной церкви съ западною, папскій легатъ, бывший на этомъ съѣздѣ, и его спутники потратили много краснорѣчія, но литовскіе сенаторы, а за ними и польскіе, сказали: „мыслишь объ этомъ въ настоящее время нѣтъ никакой надобности, потому что исповѣдающие греческую вѣру гораздо многочисленнѣе (то есть въ Литвѣ) римскихъ католиковъ, а въ святости догматовъ одна вѣра не уступаетъ другой“ „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія (Изд. 3. Сиб. 1900), стр. 529.

⁴⁾ А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 88. Говоря о прибытіи Исидора въ западную Россію, проф. Д. И. Иловайскій пишетъ: „Здѣсь первымъ дѣломъ его (Исидора) было обнародованіе акта флорентійской унии, которое, повидимому, не встрѣтило немедленнаго противодѣйствія, можетъ быть по своей неожиданности и естественному недоумѣнію“. *Исторія Россіи* Т. II, стр. 233

⁵⁾ Митроп. Макарій. И. Р. Ц. Т. V, стр. 365.

мировичъ,—„государь отчичь Киевскій, и съ своими князьми, и съ паны, и съ всею полною своею радю“—въ грамотѣ, данной Исидору 5 февраля 1441 года, подтвердилъ „господину и отцу своему Сидору, митрополиту Киевскому и всея Руси“ обладание митрополичьими вотчинами, доходами, судомъ и всѣми его правами въ области киевской ¹⁾).

Мы также знаемъ, что и князь смоленскій Юрій Семеновичъ-Лугвеньевичъ ²⁾ выдалъ митрополиту враждебнаго ему спутника на флорентійскій соборъ—Симеона суздальскаго ³⁾).

Мы не имѣемъ свѣдѣній, вполне заслуживающихъ довѣрія, относительно того, какъ принималъ простой православный народъ митрополита-уніата въ Галиціи и Литвѣ; правда, въ статьѣ Антонія Петрушевича „О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“ мы находимъ указание на свидѣтельство Зиморовича о томъ, что, когда Исидоръ, пріѣхавъ въ Львовъ, „литургисать въ латинской каедрѣ, по здѣшняя Русь не хотѣла присутствовати его богослуженію“ ⁴⁾),—по свидѣтельству это, какъ принадлежащее писателю позднѣйшей эпохи (XVII в.), должно быть принимаемо съ

¹⁾ А. П. Т. I, № 259, стр. 488 „Грамота киевскаго князя Александра Владиміровича митрополиту Исидору, о неприкосновенности митрополичьей отчины и въ ней угодьевъ и доходовъ, о правахъ намѣстника его и о неподсудности Софійскихъ людей княжескимъ судьямъ“.

²⁾ Лугвений, по христіанскому православному имени Симеонъ, сынъ Ольгерда и братъ Владиміра—отца киевскаго князя Александра (Олелька), ни Симеонъ, ни Владиміръ не перешли въ католицизмъ вмѣстѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ.

³⁾ Убѣжавъ изъ Венеціи 9 декабря 1439 года, Симеонъ пришелъ къ новгородскому архіепископу Евѣмїю. Когда же Исидоръ прибылъ въ Литву, князь Юрій зазвалъ Симеона къ себѣ въ Смоленскъ; „и мнѣ, говоритъ суздальскій іерей, пошедшу къ Смоленъску, надѣющесе яко христіанинъ есть, не предасть меня въ нужду правды ради и вѣры“. Принявъ и обласкавъ Симеона, онъ, по свидѣтельству послѣдняго, далъ ему обѣщаніе, „яко „ничтоже ти будетъ, токмо честь тобѣ будетъ отъ мене и отъ всѣхъ христіанъ“. И мнѣ у него пребывшу не много дней, и ту быша грекове митрополичьи черныцы, и выдасть мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сидѣвшу во двоихъ желѣзѣхъ въ величій нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ и гладомъ и жаждою и повезоша мя изъ Смоленска въ Москву“. „Повѣсть“ Симеона суздальскаго А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206—207. Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464 (л. 425—426). В. Н. Малининъ. Тарецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Прилож. XVII, стр. 97—98.

⁴⁾ „Галицкій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ галицко-русской Матицы“. Вып. III, (Львовъ, 1860), прим. 52, стр. СХХVI—СХХVII

большой осторожностью. Относительно же православнаго населенія Кіева есть свидѣтельство Густинской лѣтописи, увѣряющей (дважды) въ томъ, что „егда прійде (Исидоръ) въ Кіевъ, не пріяша его, но паче изгнаша...“ (и въ другомъ мѣстѣ: „Исидоръ, митрополитъ Кіевскій, пришедъ во одеждѣ кардинальской въ Кіевъ, но оттуду изгнаша его“) ¹⁾. Эти свѣдѣнія, не подтверждаемая данными другихъ источниковъ, находятся въ противорѣчїи съ грамотой Александра (Олелька) Владиміровича, такъ какъ трудно допустить, чтобы князь позволилъ это сдѣлать народу, да и врядъ ли могъ народъ такъ отнестись къ митрополиту, признанному и обласканному ихъ православнымъ княземъ.

Профессору О. М. Бодянскому во время его заграничнаго путешествія удалось открыть въ Познани въ частной библиотекѣ графа Эдуарда Рачинскаго интересный документъ, касающійся митрополита-унїата и его дѣятельности въ литовской Руси. Это—грамота, данная Исидоромъ въ Холмѣ 27 іюля 1440 года и обращенная къ „старостамъ Холмскимъ и воеводамъ кто коли ни есть, также и заказникомъ и всимъ православнымъ“ съ увѣщаніемъ не обижать нѣкоего „попа Вавилу къ святого Спаса отъ столпа“ (близъ Холма) и не отбирать у него церковнаго сада ²⁾. Такъ какъ въ этой грамотѣ

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. II (подъ 1438 и 1441 г.), стр. 355. Проф. О. М. Бодянскій въ статьѣ „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библиотекѣ“ безъ критической провѣрки придаетъ вѣру крайне сомнительнымъ свидѣтельствамъ о томъ, что митрополитъ Исидоръ не былъ принятъ православнымъ населеніемъ въ Галицкой Руси и Вѣлорусїи. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846 г., № 1, стр. 13. Такой же взглядъ высказываетъ Генн. Карповъ въ изслѣдованїи „Св. Іона, послѣдній митр. Кіевскій и всея Руси“. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р., 1864, 4, стр. 177 (Ср. приводимое нами ниже свидѣтельство Новгородской лѣтописи по синодальному харатейному списку, стр. 420; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 113).

²⁾ Мы позволимъ себѣ привести этотъ важный и интересный документъ, носящій въ найденной профессоромъ Бодянскимъ рукописи польское названіе „List Sidora Mitropolita“. „Благословенное Исидора митрополита Кіевскаго и всея Росїи лагатога и отъ робра апостолскаго седалища Лятъскаго и Литовскаго и Немецкаго в Холмъ о светомъ дусе сыномъ нашего смиреня старостамъ Холмскимъ и воеводамъ кто коли ни есть, также и заказникомъ и всимъ православнымъ. Пишемъ вашей милости ижъ билъ намъ челомъ попу Вавила къ светог(о) Спаса отъ столпа, а сказываетъ что же дей обид(а) чинитеа ему вельми мног(а) да и сад дей церковный у нег(о) отбираютъ, а чимъ то онъ у тое церкви живеть и Бога молить о всемы хрестиянствѣ, и благословю вашу милост, штобы есте ктому опекане мели, какъ бы церковъ Божая и тотъ попъ никимъ былъ необидный, и садовъ бы церковныхъ у нег(о) не отбивали, и ничго церковного не брали, занже (занеже) дей изъ старины тое

находится слѣдующее мѣсто: „а нам сущымъ православнымъ Христіяномъ Ляхомъ и Русіи достоитъ исполнять Божья церкви священниковъ а не обидити, есмобо ни не (нынѣ) далъ Богъ одина брата Христіяне Латиники и Рус“, то приведенное выше мѣсто даетъ основаніе профъ Бодянскому думать, что, „вѣроятно, преслѣдованіе попа Вавилы было со стороны Холмскаго начальства ...за преждевременную и поспѣшную попытку его послѣдовать верховному своему іерарху“;—онъ полагаетъ, что священникъ Вавила, узнавши „о соединеніи церквей, торжествахъ и прославленіи его въ столицѣ польскаго королевства и окрестныхъ городахъ и, по сердечному ли убѣжденію, или корыстному расчету, поспѣшилъ самымъ дѣломъ обнаружить свое сочувствіе къ нововведенію, что однако же .не обошлось ему даромъ“, такъ какъ холмскіе граждане въ наказаніе за признаніе имъ уніи и Исидора, отнимали у него церковную землю¹⁾. „Видя такое радушіе Холмскаго попа, продолжаетъ умозаключать г. Бодянский, митрополитъ, естественно, счелъ нужнымъ подкрѣпить его въ этомъ дѣлѣ личнымъ присутствіемъ и бесѣдою, явился въ Холмъ и тамъ написалъ это заступительное посланіе къ его начальникамъ, гнавшимъ отступника прочь отъ церкви“ (?!)²⁾ Трудно допустить, чтобы это было такъ, что священникъ былъ наказанъ именно за свою приверженность къ уніи

Божие церкви и попомъ ее ни отъ ког(о) обидне чынилося, и штобы и нине вашимъ оеканемъ та богомоля стояла спокоюемъ, и тотбы попь отъ нее прочкиной церкви не шол, жыл бы тутю и молил Бога никымъ необижен, занже кто обидитъ церковь Божию тотъ самому Божию закону противляется, а намъ сущымъ православнымъ Христіяномъ Ляхомъ и Русіи достоитъ исполнять Божья церкви и ихъ священниковъ а не обидити, есмобо ни не (нынѣ) далъ Богъ одина брата Христіяне Латиники и Рус, и тог(о) ради прымете отъ вседержытеля Бога благодатъ и милост, а нашог(о) смиреня благословенее и молитву, А писанъ листь въ Холме мсца іюля во двадцать семьй денъ влитю 3 тисечи 4 и индикта во 5^а. Внизу подписано по польски: „A tego listu podpis ręki po grecku taki: Cardinalis Isidorus A data listu tego tak się ma rozumieć, iż to było in a^o (anno) Dni 1440 Julii 27 dz. A Synodu Florenskiego decretum a^o dni 1439 Julii 6 d Wrok prawie y we dwadziescia dni po synodzie Florenskim. Pieczęć zwieszista na sznurze po obu stron napisy, po jednej obraz pany Marj z dzieciątkiem a po drugiej te słowa po Ruski: Милостю Божею Сидор Митрополитъ Киевський и всея Росей“. О. Бодянский. О поискахъ моихъ въ Познанск. Пуб. библ. Чтенъ въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846, № 1, стр. 13 14. Этотъ же актъ (но не вполне точно) напечатанъ въ III вып. Галицк. Истор. Сборн. прим. 52, стр. СХХІV—СХХV.

¹⁾ О. М. Бодянский. О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библиотекѣ Чтенъ въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846, № 1, стр. 12, 14, 15.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

отнятіемъ у него церковнаго сада, такъ какъ въ самомъ актѣ нѣтъ на то данныхъ; гораздо проще и правдоподобнѣе видѣть въ этомъ обычный споръ между священникомъ и жителями о кускѣ церковной земли; если же допустить, что холмскіе граждане были недовольны священникомъ за принятіе имъ униі, то имъ было бы, какъ справедливо замѣтилъ проф. Е. Е. Голубинскій ¹⁾, гораздо естественнѣе совсѣмъ прогнать священника отъ церкви. Что же касается указанія (безъ ссылки) профессора Голубинскаго на то, что „какъ узнаемъ изъ описанія путешествія или дневника, принадлежащаго неизвѣстному, Исидоръ былъ въ Холмѣ и всего одинъ день, именно—наше 27-е іюля“ ²⁾, то такое мнѣніе почтеннаго ученаго надо признать совершенно ошибочнымъ, такъ какъ въ этомъ же описаніи имѣется мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, что митрополитъ пробылъ въ Холмѣ не одинъ день. Вотъ это мѣсто: „Пріѣхали есмь въ Холмъ въ недѣльный день. Въ Пантелѣймоновъ же день, въ среду, мѣсяца іюля въ 27 день бысть буря велика з дождемъ и храмы потрясаше. Наутрѣя же въ четвертокъ, въ 28 день того же мѣсяца, выѣхавомъ ис Холму и ночевахомъ у пана у Ондрюшка въ Угрушкѣхъ на рѣцѣ на Вузѣ“ ³⁾.

Итакъ, мы видимъ, что флорентійская униа въ юго-западной Руси была принята довольно равнодушно и далеко не встрѣтила того энергическаго отпора и сильнаго протеста, какой, какъ мы узнаемъ ниже, она вызвала въ Москвѣ, гдѣ принесенная митрополитомъ-униатомъ „новизна“ глубоко возмутила всѣхъ. Но фактъ индифферентнаго отношенія южной, кievской Руси къ флорентійской униі требуетъ объясненія, такъ какъ не тупое равнодушіе къ (православной) вѣрѣ отцовъ было причиною этого сложнаго явленія. Причины такого отношенія къ униі надо прежде всего видѣть уже въ томъ обстоятельстве, что южно-русская церковь не имѣла на флорентійскомъ соборѣ своихъ непосредственныхъ представителей ⁴⁾; она знала объ униі только отъ высшей греческой іерархіи—митрополита Исидора, а позднѣе—отъ константинопольскаго патріарха Григорія Маммы, этихъ сильныхъ сторонниковъ униі, настоятельно требовавшихъ религіознаго союза православныхъ съ католиками. Но несомнѣнно еще болѣе сильное вліяніе оказала

¹⁾ Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 451.

²⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 451, прим. 6-ое.

³⁾ Рукопись Моск. Публичн. Музея, № 939, л. 57. Это же мѣсто помѣщено и у пр. А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр. 91, прим. 2.

⁴⁾ А. С. Павловъ Критическіе опыты, стр. 89.

здѣсь политическая зависимость кievской Руси отъ Польши. На это обстоятельство, какъ на главную причину „молчанія“ юго-западныхъ князей противъ нововведеній Исидора, обратили вниманіе и современные московскіе писатели; въ „Повѣсти“ Симеона суждальскаго („Инокъ Симеона іерея суждалца повѣсть како римскій папа Евгени состави осмыи соборъ со своими единомышленникъ“) ¹⁾ мы читаемъ при описаніи перваго богослуженія Исидора въ Москвѣ: „помянувъ (Исидоръ) в первыхъ папу Евгения, а православныхъ патриархъ не помяну“, яко же обѣщася папѣ тако и сотвори, яко же поминал в Кіевѣ и в Смоленску при тѣхъ князехъ. Тѣмъ бо (князья Кіевскій и Смоленскій) пмѣюще надъ собою область латинскую и не смѣша въпреки глаголати“ ²⁾.

Новгородская первая лѣтопись (по синодальному харатейному списку) ³⁾, повѣствуя о возвращеніи Исидора съ флорентійскаго собора и о пребываніи его въ Литвѣ и южной Руси еще лишній разъ подтверждаетъ фактъ равнодушнаго отношенія южной Руси къ принесенной уни. „Той же зимѣ (1441 года), гласитъ она, приѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого сбора на Русь изъ Рима, и нача зватися легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римьскыя власти и митрополитомъ Римьскимъ, и нача поминати папу Римьскаго въ службѣ, и инныя вещи новыя, ихже николѣже слышахомъ отъ крещенія Рускыя земля, а повелѣ в лячкыхъ (вар. „лядскихъ“) божищахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а в рускыхъ церквахъ капланомъ; *Литва же и Русь (южная) за то не изымашася*“ ⁴⁾.

Но если принесенная Исидоромъ униа не встрѣтила никакого противодѣйствія въ средѣ южно-русскаго православнаго общества и духовенства и митрополитъ-униатъ—былъ даже признанъ православнымъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Здѣсь „Повѣсть“ помѣщена по списку хронографа русской редакціи XVII вѣка (л. 432—462), стр. 344—359. О. Делекторскій. Флорентійская униа и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси. „Странникъ“ 1893 Т. III, стр. 254.

²⁾ А. Поповъ Тамъ же, стр. 356

³⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1888; П. С. Р. II. Т. III.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку, стр. 420. П. С. Р. I Т. III, стр. 113.

своими князьями, панами и всею радю, „господиномъ и отцомъ“, за которымъ были утверждены всѣ его привилегіи¹⁾;—то, на основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ, мы можемъ утверждать, что эта унія далеко не была принята сознательно, и что благодушное признаніе Исидора и принесенной имъ „новизны“ заключало въ себѣ не малую долю легкомыслія и нежеланія вникнуть въ дѣло флорентійскаго соединенія. Только послѣдующее строгое осужденіе унии въ Москвѣ, заключеніе и бѣгство Исидора изъ русскихъ предѣловъ—возбудили невольные толки и недоумѣнія и въ южной Руси; только тогда мы можемъ видѣть тамъ попытки осмыслить принесенную и уже признанную унію²⁾. До какой степени простиралось это легкомысленное благодушіе можно видѣть изъ того, что даже кievскій князь Александръ Владиміровичъ, давшій вышеупомянутую грамоту Исидору и, конечно, читавшій соборное опредѣленіе о соединеніи церквей, совершенно не зналъ—на чемъ состоялась унія, и за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія послалъ отъ себя своего „вѣрнаго слугу Стецко“ къ константинопольскому патріарху Григорію (Маммѣ). Къ сожалѣнію, это княжеское посланіе не дошло до насъ, извѣстенъ лишь отвѣтъ ему константинопольскаго патріарха. Но для исторической оцѣнки этой интересной переписки мы должны прежде всего приять во вниманіе слѣдующія данныя. Князь кievскій Александръ (Олелько) Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, родоначальникъ князей Слуцкихъ, былъ, подобно отцу своему, воспитанъ въ православной вѣрѣ и оставался вѣренъ и преданъ ей. До насъ дошло сравнительно немного свѣдѣній объ этой, какъ видно, въ свое время выдающейся, личности³⁾.

Какъ извѣстно, онъ былъ въ родствѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, такъ онъ былъ женатъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василя Дмитріевича (сестрѣ Василя), и имѣлъ сыновей Симеона⁴⁾, Михаила и дочь Θεодору.

¹⁾ А. П. Т. I, № 259, стр. 488.

²⁾ Всѣ эти соображенія даютъ намъ основаніе не согласиться съ мнѣніемъ проф. Е. Е. Голубинскаго, что „грамота Александра Владиміровича даетъ знать, что православные князья литовские, не признавая въ Исидорѣ папскаго кардинала и легата (?), хотѣли видѣть въ немъ только то, чѣмъ онъ былъ и до флорентійскаго собора,—православнаго митрополита“ (I). (И. Р. Ц. Т. II. I, стр. 451). Взглядъ почтеннаго ученаго отличается своеобразностью и внутреннимъ противорѣчіемъ.

³⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 329.

⁴⁾ Симеона, старшаго сына Александра, крестилъ въ 1420 году въ Слуцкѣ митрополитъ кievскій Фотій См. Даниловича Latorisies Litwy, p. 94 A.

Кромѣ грамоты, выданной митрополиту Исидору въ 1441 году (А. И. Т. I, № 259) сохранилась и другая грамота, данная княземъ Александромъ Лаврошевскому православному монастырю. Въ этой жалованной грамотѣ, выданной княземъ вмѣстѣ съ женой монастырю на десятину, говорится: „Се язъ князь Александръ Володимировичъ, и съ своею княгинею Московскою и своими дѣтми, далъ есмь десятину св. Богородицы у Лаврошевъ монастырь, изъ Турця у вѣкъ...“¹⁾

Недоумѣніе, возникшее у кievскаго князя послѣ непринятія уніи въ Москвѣ, заключенія и бѣгства оттуда уніата-митрополита, лучше всего свидѣтельствуешь о его преданности родной вѣрѣ и объ искреннемъ желаніи добиться истины относительно флорентійской уніи; но, къ сожалѣнію, онъ, по вѣрному выраженію А. Попова, „неудачно избралъ себѣ руководителя“²⁾; такъ какъ патриархъ Григорій (Мамма), къ которому онъ обратился, былъ ревностный уніать³⁾.

Поповъ Историко-литературный обзоръ, стр 330, прим. 1; А. И. Т. I, № 47, стр. 94; Прибавленія къ изданію творений святыхъ отцовъ, въ русскомъ переводѣ Годъ четвертый. (Москва, 1857), стр. 245. Одинъ изъ дѣтей Александра—Симеонъ въ 1450 году прѣвзжалъ въ Москву, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ: „былъ князь Симеонъ Алешковичъ (Олельковичъ) у своей бабы, великой княгини Софин, и у великаго князя, дяди своего“ Карамзинъ И. Г. Р. Т. V, пр. 386, подъ 1451 г. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II, стр 276, 286

¹⁾ Акты, относящ къ истор западной Россіи. Т. 1, № 28, стр. 41.

²⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 330

³⁾ Здѣсь мы не будемъ останавливаться на „Посланіи Григорія патриарха константинопольскаго къ князю кievскому Александру Владиміровичу о соединеніи церковей на соборѣ флорентійскомъ“, этомъ замѣчательномъ по своему значенію историческомъ документѣ, впервые напечатанномъ А. Поповымъ въ его капитальномъ трудѣ—„Историко-литературн. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“, стр. 332—334, такъ какъ изложеніе этого вопроса входитъ въ задачу одной изъ послѣдующихъ главъ нашего изслѣдованія (III гл.), гдѣ мы будемъ касаться вопроса объ избраніи митрополита Іоны и о характерѣ взаимныхъ отношеній московской Руси и Византии. Какъ мы видѣли выше, на флорентійскомъ соборѣ Григорій, въ званіи духовника Іоанна Палеолога, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ пользу уніи и за свои заслуги въ дѣлѣ соединенія церковей былъ избранъ на патриаршій престолъ (7 іюля 1446 г.), на которомъ и оставался до августа 1451 года. Онъ извѣстенъ своимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ Марка Ефесскаго. См. Фабриція. Bibliotheca Graeca, vol. X, p. 381—382. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 330.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланій митрополита Іоны къ тому же князю о поставленіи своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ его охранять въ Литвѣ православную вѣру и содѣйствовать древнему союзу митрополи кievской съ московскою¹⁾, имѣются весьма вѣскія доказательства того, что князь Александръ Владиміровичъ не только былъ православнымъ въ глазахъ московскаго святителя, но даже считался имъ главнымъ охранителемъ православія въ литовской Руси, на котораго м. Іона возлагалъ особыя надежды. „А тебе, своего сына (вар „господина“), гласитъ краснорѣчиво эта грамота, вѣдаю и о всемъ знаю, отъ многихъ про тебе про великаго челоуѣка слышу, якоже еси предней православный христiанинъ и церкви Божьей сынъ, и поборатель по Божьей церкви и по законѣ, и заступникъ всему православному христiянству, и тоя державы литовскія земля всѣмъ христiаномъ тутощимъ похвала и поможение; якоже ты Богъ вразумить, въ всѣхъ скорбныхъ и радостныхъ вещехъ, въ всяко время ты еси начальникъ всему доброму: и о томъ тебе, своего сына, и благодарю и благословляю, и прошу, якоже тая твориши, а и напередъ бы еси таяже дѣялъ; и надѣяніе имѣю, сыну, на челоуѣколюбіе Божье, да и въ семъ временномъ благоденствіи наипаче о томъ въспрославить Богъ вашего благородія, а вѣщше въ будущемъ вѣчномъ благородіи, и сторичную отъ Бога въспрiимши въ вѣки пребывающую маду“²⁾.

Принесенная и провозглашенная митрополитомъ Писидоромъ унія, принятая спокойно и равнодушно въ юго-западной Руси, еще довольно долгое время держалась здѣсь (въ продолженіе XV в.), такъ какъ извѣстно, что она завѣдомо существовала при ближай-

¹⁾ А. И. Т. I, № 47, стр. 94 — 96; Р. И. В. Т. VI, № 66, столб. 555 — 564. Проф. А. С. Павловъ полагаетъ, что это посланіе написано „прежде 31 января 1451 г.“ Въ „Актахъ Историческихъ“ это посланіе напечатано изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Посланія Россійскихъ Митрополитовъ, хранящейся въ Московскон синодальной библиотекѣ подъ № 562. Въ заглавіи акта находится слѣдующая отмѣтка киноварью: „Посланіе отъ Митрополита Князю Александру Володимировичю, на Кіевъ, что поставленъ на митрополью на Москвѣ, а не на Кіевѣ“.

²⁾ А. И. Т. I, № 47, стр. 96; Р. И. В. Т. VI, № 66, столб. 562—563. „Еще же о томъ тебе, своего сына, благословляю, читаемъ мы дальше, да имаши о томъ попечене, яко да въспрiиметь Божія церковь древнее свое благоулюбіе, и да совъкушится, попережнему, святѣйшая кievская и всея Руси митрополія въ едино, и нашего смиренія дѣло, Божьею благодатію и вашего благородія попеченіемъ и споспѣшеніемъ и пристояніемъ, да исполнится свершенъ“

шихъ преемникахъ Исидора на кафедрѣ кievской митрополи¹⁾; и лишь только позднѣе, въ XVI и XVII вѣкѣ, когда юго-западная Русь пробудилась къ новой жизни, возникли здѣсь горячіе споры и оживленная полемика по поводу флорентійской уніи, которыя вызвали рядъ сочиненій, посвященныхъ разбору этого важнаго события и возникшихъ изъ него послѣдствій, появились даже исторіи флорентійскаго собора русскаго сочиненія²⁾.

¹⁾ Унія существовала при ученикѣ Исидора—м. Григоріи, рукоположенномъ въ Римѣ патріархомъ Григоріемъ Маммою, при м. Мисаилѣ и др.

²⁾ См. „Сказанія князя Курбскаго“. Ч. II. (С-Петербургъ 1833) — „Объ исторіи о осемомъ соборѣ и разорваніи, или раздраніи умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными“ („Написано въ Вильнѣ отъ нѣкогдаго субдіакона, недостатку ради Исторіи той: въ Римскомъ сраму ради не написано, въ Русской же исторіи, яко мнѣ, невѣденія ради, или тогдашняго ради гоненія незападнаго и прелютаго А нынѣ предреченное мало изъяснимъ, Богу намъ помогающе, изъясляюще всякому Христіанину, како и которыя вины та трагедія достоятельная въ конецъ злыи и жалостныи приде, всемъ Христа чествующимъ во вселенной на уничтоженіе и скорбѣи, а безвѣрнымъ Жидомъ и Туркомъ на радость и на руганіе Христіанское“), стр. 243—256 „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ“. Исслѣдованіе кандидата (нынѣ профессора Юрьевскаго Университета) А. Н. Ясинскаго (Кіевъ. 1889), стр. 79, прим. 6 Обслѣдованіе сочиненія князя Курбскаго съ критико-библиографической стороны, написаннаго имъ въ послѣднюю пору его жизни, во время пребыванія въ польско-литовскомъ королевствѣ, см. въ статьѣ Ф. П. Делекторскаго. „Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Часть XXX. 1895 Июль. Стр. 172—184), гдѣ приводится литература вопроса. О пребываніи Курбскаго въ польско-литовскомъ королевствѣ см. статью профессора Н. Д. Иванішева: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ“ (Сочиненія Н. Д. Иванішева, изданныя издженіемъ Университета Св. Владимира, подъ редакціей профессора А. В. Романовича-Славянскаго и бібліотекаря К. А. Царевскаго Кіевъ, 1876 Стр. 151—197). Статья почтеннаго ученаго составляетъ предисловіе къ изданію: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ Акты, изданные временною комиссіею, Высочайше утвержденною при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ Т. I—II Кіевъ. 1849“ См. также „Исторію о листрійскомъ, то есть о разбойническомъ, ферарскомъ або флорентійскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списанную“, изд. въ Острогѣ, 1598 г. Н. Д. Иванішевъ „Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кievскаго центрального архива“ Сочиненія, стр. 336, 337 („Свѣдѣнія о началѣ уніи.“ перепечатаны изъ „Русской Бесѣды“ за 1858 г., № 3, и помѣщены также въ „Архивѣ югозападной Россіи, издаваемомъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кievскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ Ч. I. Т. I. Кіевъ. 1859“, стр. XI—LXXXVII Здѣсь это исслѣдованіе составляетъ объяснительную статью къ изданнымъ актамъ и носитъ заглавіе: „Содержаніе актовъ перваго тома“).

Но въ разсматриваемую нами эпоху горячую и упорную борьбу за православіе и древнее благочестіе вела одна московская Русь, не признавшая, какъ увидимъ мы ниже, уніата-митрополита и съ негодованіемъ отвергнувшая принесенную имъ „новизну“, какъ „мерзость“, „мракъ тьмы“ и „злочестіе“¹⁾.

Въ третье воскресенье великаго поста, 19 марта 1441 года, какъ было упомянуто выше, Исидоръ возвратился въ Москву²⁾. Лѣтописецъ такъ представляетъ намъ приходъ митрополита и случившееся послѣ его возвращенія. Какъ папскій кардиналъ и легатъ. Исидоръ вошелъ въ Москву въ преднесеніи латинскаго креста³⁾ и трехъ палицъ или жезловъ⁴⁾. Придя въ Кремль, онъ отправился

¹⁾ „Слово“ Поповъ, стр. 372; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 105; Ник. лѣт. Ч. V, стр. 146, Д. Р. Вивлюевка, VI, стр. 62.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154: „и приде на Москву въ недѣлю третью святого великаго поста“. Пековская 1-ая лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 211) ошибочно относитъ прибытіе Исидора въ Москву къ вербному воскресенью. „Тоя же весны митрополитъ Исидоръ прѣхалъ на Москву, на вербницу, изъ Литвы“. Ср. у м. Макарія II Р. Ц. Т. V, стр. 365. Н. М. Карамзинъ (И. Г. Р. Т. V, столб. 171) полагаетъ, что Исидоръ прѣхалъ въ Москву весною 1440 года (?).

³⁾ О крестѣ, который носили предъ митрополитомъ Исидоромъ великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ проту и инокамъ Аѳонской горы пишетъ: „Повѣмъ же вамъ, о святолюбное събраніе, каковый змѣи приползе въ отечество наше, хотя ядъ свой изліати на православіе наше, и съ коликою гордостію приде къ намъ, крестъ велиае носити предъ собою високо въдруженъ латыньскимъ именованемъ“. „Послание великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года“ „Лѣтопись занятій Археографической коммисіи“. 1864 годъ. Выпускъ III. (Сиб. 1865) Приложенія, стр. 35 Въ посланіи же къ константинопольскому патріарху Митрофану великій князь такъ говоритъ о формѣ креста: „и предъ собою повелѣваше распятіе латыньски изваанно носити, объ нози единѣмъ гвоздемъ пригвоздѣнъ“. Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 534. А. П. Т. I, № 39, стр. 74. (То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167). Д. П. Пловайскій. II Р. Т. II, стр. 233. Объ отличіи креста латинскаго отъ православнаго см. у проф. Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II II. I, стр. 452, примѣч. 1-ое.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-ая лѣт.), стр. 113; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109; „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню. И сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго...“ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 376,—говорятъ, что Исидоръ повелѣлъ носить предъ собою „крыжъ латинскій да три палицы серебряны

въ Успенскій соборъ и здѣсь „молебная пѣль“ за великаго князя и все православное христіанство, а потомъ совершалъ литургію, во время которой велѣлъ поминать „во первыхъ“ папу римскаго Евгенія ¹⁾, а не имя константинопольскаго патріарха ²⁾. По окончаніи литургіи митрополитъ велѣлъ своему протодіакону выйти въ стихарѣ съ ораремъ на амвонъ и „чести велегласно“ грамоту восьмого собора ³⁾, или актъ соединенія церкви. Послѣ этого онъ представилъ великому князю грамоту, присланную къ нему римскимъ папою ⁴⁾. Въ ней Евгеній IV льститъ самолюбію великаго князя, относя и къ его „славѣ и хвалѣ“ флорентійское соединеніе, на которомъ „честнѣйшій братъ нашъ Исидоръ“ такъ много потрудился „И къ сему единачеству и согласію, гласила папская булла, многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего Исидора, митрополита твоего кіевскаго и всея Руси, и отъ апостольскаго престола посла, пажъ за свое благое потрудился о соединеніи крѣ-

про честь фряскаго права“. Симеонъ суздальскій въ своей „Повѣсти“ („Инокъ Симеона іерея суздальца повѣсть како римскій папа Евгеній состави осьмин соборъ съ своими единомышленники“) сообщаетъ, что Исидоръ послѣ предъ собою „крыжъ и палицу сребряну крыжъ нося во креста мѣсто, являя латиньскую вѣру, а палицу нося—гордость и буйство латиньское. Аще кто не приклякнетъ [„Przyklekać“ (польск.)—стать на колѣна] ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велить, якоже у папы тако творять“ А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемикѣ противъ латинянъ Прилож. X. Повѣсть Симеона суздальскаго („Исидоровъ сборъ и хоженіе его“), стр. 207; А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 355.

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-ая лѣт.), стр. 421; П. С. Р. Л. Т. IV* (Пековск. 1-ая лѣт.), стр. 211—212. П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣт.), стр. 161. „Егда же въ молитвенны реченіи святыхъ службы и вмѣсто патріархъ вселенскихъ поминаетъ въпервыхъ и блажитъ Еутеша папу Римскаго, смуже бо на златѣ отдаде святую вѣру Гречскаго православіа...“ Пековская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 73—74.

²⁾ А напередъ имени великаго князя—имя „кесаря“ императора западнаго. П. С. Р. Л. Т. XV* (Тверск лѣт.), стр. 491.

³⁾ Лѣтописецъ прибавляетъ „суемысленнаго и отреченнаго“. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154 и друг.

⁴⁾ „Посланіе Евгенія папы римскаго къ великому князю объ Исидорѣ митрополитѣ“. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 160—161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 108—109. По Длугошу—и отъ императора константинопольскаго Lib XII, col. 727: „Aduenerat in illis diebus ex Italia ab Eugenio Papa quarto Isidorus natione Graecus, Archi-Episcopus Kiuouiensis, Cardinalis nouiter creatus, et Legatus in Russiam missus, vir prudens, maturus et industrius, ferens secum Apostolicas literas seu bullas eiusdem Eugenii, sub plumbea, et Constantinopolitani imperatoris sub aurea, bullis munitas, unionem Latinae et

чайшии имѣль“¹⁾. За такія заслуги Исидора римскій первосвященитель просилъ великаго князя принять митрополита съ честью и оказывать ему всякую помощь въ дѣлахъ церковныхъ. „Да будѣши помощникъ ему усердно всею своею мышцею, еже да будетъ хвала и слава отъ людей, а отъ насъ благословеніе, а отъ Бога вѣчное дарованіе да имаши“, такъ заканчивалъ папа свое краснорѣчивое посланіе²⁾.

„Сія жъ вся слышавъ князь великій Василей Васильевичъ, продолжаетъ лѣтописецъ, что въ божественной службѣ помнаеть папу римского, а не патриарха Царяграда, и пныхъ вещей много слышавъ и видѣвъ не по обычаю русскія земли, и дивися; и рече князь великій Василей Васильевичъ, при нашихъ прародителѣхъ и отцѣхъ, и при нашей братьѣ, великихъ князехъ русскія земли сего не бывало, и язъ (азъ) нехощу; и повеле ему жити въ монастырѣ у Чуда, а помнаше его въ среду крестопоклонную святаго великаго поста, и сѣде въ томъ монастырѣ лѣто все“³⁾.

Столь смѣлое поведеніе и дерзкое провозглашеніе уни Исидоромъ и какъ бы фактическое введеніе ея посредствомъ поминования имени папы вмѣсто патриарха константинопольскаго, удивило, по свидѣтельству лѣтописныхъ сказаній, великаго князя и привело въ крайнее смущеніе и замѣшательство всѣхъ епископовъ, собравшихся въ Москву для встрѣчи митрополита, а также и великокня-

Occidentalis Ecclesiae cum Graeca et Orientali continentes, lingua quidem Latina scriptas, sed Graeca Ruthenica subscriptas „Гардиналь“ Исидоръ оскорбляетъ слухъ набожныхъ русскихъ людей поминаніемъ папы Евгенія и торжественнымъ чтеніемъ его посланія, въ которомъ „богумръзско и богоотступно... Латиньстїи прелести“ написаны. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; Рукопись Спб. дух. Академіи изъ Софійск. собр. рукоп. № 1464, лл. 388—389 Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Приложенія, XIX, стр. 124.

¹⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 160—161.

²⁾ Ibid; см у А. Попова Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ („Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню“), стр. 376—377, гдѣ читается посланіе папы.

³⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156. „Богомъ вразумляемый“ великій князь, „сія вся слышавъ.. позна Сидора волкохыщнаго ересь. и тако не пріать и благословенія отъ руки его и латынскимъ прелестникомъ нарече, и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя волкомъ назва его; и скоро повелѣ съ митропольскаго стола съвреци его, яко безумна прелестника и отступника вѣры“. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—162; Рукопись Спб. дух. Академіи изъ Софійск. собр. № 1464, лл. 390—391. Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 125.

жескихъ бояръ. Епископы и бояре до такой степени смутились и растерялись, что были не въ состояніи давать государю какіе либо совѣты относительно того, что надо дѣлать и предпринять. „Достоитъ же удивитися разуму и великому смыслу великаго князя Василя Васильевича“, говоритъ лѣтописецъ, „понеже о семъ Исидорѣ митрополитѣ вси умолчаше князи и бояре и инші мнози; еже паче и епискупы рускіа вси умолчаше и воздремаша и уснуша; единъ же сей богомудрый и христолюбивый государь великій князь Василей Васильевичъ позна Исидорову прелесть пагубную, и скоро обличивъ посрамн его, и вмѣсто пастыря и учителя—злымъ и губительнымъ волкомъ назва его“¹⁾.

И только тогда „вси епискупи... возбудшася; князи и бояре и велможи и множество христіанъ, тогда вспомянувши и разумѣша законы греческіа прежнія, и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ“²⁾.

„Эта рисуемая лѣтописцемъ картина всеобщаго крайняго смущенія въ Москвѣ, говоритъ проф. Голубинскій, произведеннаго Исидоромъ, и скоро послѣдовавшаго затѣмъ, благодаря твердости великаго князя, всеобщаго рѣшительнаго воспрянутія и пробужденія, есть ни что иное, какъ картина, сочиненная въ позднѣйшее время“³⁾. Такой взглядъ мы должны признать безусловно правильнымъ. До прибытія въ Москву, какъ упоминали мы выше, Исидоръ, по возвращеніи съ флорентійскаго собора, долго жилъ въ Польшѣ и сосѣдней Литвѣ; ясно, что о неожиданности и внезапномъ смущеніи не могло быть рѣчи. Когда до Москвы стали доходить первые слухи объ униі, когда быть можетъ туда попалъ и списокъ окружной грамоты, которую митрополитъ-легатъ разослалъ изъ Будина⁴⁾, и когда въ Москвѣ стало извѣстно, что греки не только не возвратили латинянъ съ своему древнему православію, но, напротивъ, сами отступили отъ православія и предали его латиня-

¹⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156. Надо думать, что это мѣсто лѣтописи послужило основаніемъ для слѣдующихъ словъ проф. А. Рамбо, описывающаго возвращеніе Исидора съ флорентійскаго собора: „Василій, считавшій себя богословомъ, возвысилъ голосъ, вступилъ въ преніе съ Исидоромъ...“ Проф. А. Рамбо. *Исторія Россіи* (Москва, 1898), стр. 171. Ср. у проф. В. С. Иконякова. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи въ русской исторіи“, стр. 8.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. *И. Р. Ц. Т. II. II. I*, стр. 453.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 148; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 159—160; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 106.

намъ, признавъ ихъ вѣроученіе;—тогда, несомнѣнно, такое отступничество грековъ весьма изумило и тяжело смутило московское правительство. О величайшемъ смущеніи, которое нѣкоторое время господствовало вначалѣ въ Москвѣ, говоритъ самъ великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ проту и инокамъ Аѳонской горы. „Сего (ради) по достоинству благодаримъ честную святыню вашу, пишетъ великій князь, и благодать велию исповѣдуемъ, понеже и намъ не малу дѣрзость¹⁾ подасте симъ посланіемъ вашимъ, занеже бяху *многихъ душа якоже волны морскыя колеблющися*, паче же простыхъ сердца недоумѣваахуса“²⁾. Но затѣмъ смущеніе должно было смѣниться горячею и твердой рѣшимостью выступить крѣпкими защитниками и охранителями отеческаго православія. Быть можетъ Исидоръ нарочно не спѣшилъ въ Москву, чтобы дать русскимъ возможность свыкнуться съ мыслью встрѣтить его папскимъ кардиналомъ и легатомъ, но это промедленіе не только не приготовило русскихъ къ принятію уніи, но, напротивъ, дало время московскому правительству совершенно придти въ себя, оправиться отъ первоначальнаго смущенія и принять твердое рѣшеніе относительно уніи и отступника-митрополита. Возвращеніе боярина Ѳомы, посла великаго князя, который, какъ извѣстно, ушелъ отъ Исидора изъ Венеціи, прибытіе въ Москву другого спутника митрополита — епископа суздальскаго Авраамія съ частью свиты, не оставшейся въ Литвѣ съ Исидоромъ³⁾,—давало великому князю полную возможность получить самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ уніи, объ ея истинномъ характерѣ и о поведеніи русскаго митрополита на соборѣ⁴⁾.

¹⁾ „Дѣрзость“ написано на полѣ, вмѣсто „силу“.

²⁾ „Посланіе великаго князя Василя Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года.“ „Лѣтопись занятій Археографической Коммисіи“. 1864 годъ. Выпускъ III. (Спб. 1865). Приложенія, стр. 33. (Изъ сборника XVI в. Новгородской Соф. бібліотеки, № 1454, л. 443—445 об.).

³⁾ Епископъ суздальскій Авраамій съ частью спутниковъ Исидора, оставивъ митрополита въ Литвѣ, прибылъ въ Москву 19 сентября 1440 года и 29-го того же мѣсяца въ Суздаль. Объ этомъ см. Рукопись Московскаго Публичн. Музея. № 939, гдѣ описаніе путешествія не прекращается на Будинѣ, но (на листахъ 48—58) доводится до Суздаля. О прибытіи спутниковъ Исидора въ Москву см. листъ 58.

⁴⁾ „Не имѣемъ прямыхъ указаній, пишетъ проф. Е. Е. Голубинскій, но со всею вѣроятностію нужно предполагать, что великій князь, получивъ принесенныя извѣстія о флорентійскомъ соборѣ, поспѣшилъ навести въ Константинополь справки, какъ тамъ принята унія“. (И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 455).

Оживленные сношенія русскихъ съ Аеономъ въ то время ¹⁾ давали возможность узнать, какъ приняли унію старцы этой святой горы, пользовавшіеся исключительно-великимъ уваженіемъ и громаднымъ авторитетомъ въ православномъ мірѣ. Отъ нихъ великій князь могъ узнать, что монахи эти не только отвергли ненавистную имъ унію, какъ и большинство греческаго народа и духовенства (въ Константинополѣ), но и выступили горячими и ревностными

Нельзя вполнѣ согласиться съ приведеннымъ выше взглядомъ. Получивъ свѣдѣнія о принятии унии на соборѣ императоромъ и большинствомъ духовенства, великій князь могъ составить собѣ вполнѣ опредѣленный взглядъ на грековъ, какъ на отступниковъ и измѣнниковъ православію, впавшихъ въ латинскую „прелесть“, сношенія съ которыми даже и не безопасны для чистоты отечественнаго православія, великій князь зналъ, что уніа принята на соборѣ императоромъ и духовенствомъ, а потому и справки о томъ, „какъ тамъ (въ Константинополѣ) принята уніа“ (къмъ²⁾) были излишни. Предположенія о необходимости сношеній съ Константинополемъ носятъ довольно гадательный характеръ и нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія и неточности въ словахъ почтеннаго ученаго, что ихъ „со всею вѣроятностію *нужно* предполагать“. См. также у Ѳ. Делекторскаго. „Флорентійская уніа и вопросъ о соединеніи церкви въ древней Руси“. Странникъ 1893 Т. III, стр. 255, высказывающаго взглядъ, что „вѣроятно великій князь, послѣ того какъ получилъ отъ епископовъ Пондора опредѣленные свѣдѣнія объ унии, немедленно (?) навелъ справки о томъ, какъ отнеслись къ унии въ Царградѣ, и узнать, что большинство народа и духовенства съ негодованіемъ отвергло эту унію“. Проф. Н. С. Суворовъ совершенно справедливо говоритъ: „Но уже и за нѣсколько лѣтъ раньше паденія Константинополя, послѣдній потерялъ весь свой религиозный авторитетъ въ глазахъ русскихъ, влѣдствіе того, что византійскій императоръ, вмѣстѣ съ большинствомъ восточной духовной іерархія, вступилъ въ унію съ латынянами на соборѣ во Флоренціи“. Проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ церковнаго права. Т. I (Ярославль, 1889), стр. 136

¹⁾ См. „Послание прота и пноковъ Аеонокской горы къ великому князю Василию Васильевичу, о правотѣ вѣри восточной церкви и еумудрии западной, по случаю флорентійскаго собора“ „Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи“. 1864 годъ. Выпускъ III (СПб 1865), стр. 28—32. Сношенія древней Руси съ востокомъ, въ особенности съ Константинополемъ и Аеономъ, были весьма нерѣдкія. Они обуславливались главнымъ образомъ общими административными отношеніями русской церкви къ церкви константинопольской. Но существовали связи и болѣе частнаго характера. Въ теченіи всего древняго періода русской исторіи (X—XV в.) аеонокскіе и константинопольскіе монастыри были предметомъ стремленій русскихъ пноковъ, какъ центры самаго строгаго иночества. Но особенными симпатіями русскихъ людей пользовался Аеоны. Профессоръ В. С. Иконниковъ, давшій въ своемъ трудѣ „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“ прекрасный очеркъ отношеній Руси къ православному востоку, говоритъ слѣдующее: „Высшимъ образцомъ духовной жизни была Аеонокская гора. Тамъ уже въ

противниками уніи среди православныхъ ¹⁾). Всѣ эти данныя даютъ намъ основаніе утверждать, что великій князь при возвращеніи

1052 г. встрѣчается русскій Пантелеймоновъ монастырь, ктиторами котораго называютъ Владимира св. и Ярослава I. Въ 1080 г., по указу царя Алексея Комнена, въ распоряженіе русскихъ былъ отданъ монастырь Коилургу. Въ XI вѣкѣ русское иночество на Аѳонской горѣ было уже весьма значительно и имѣло самостоятельный бытъ. Въ XIII вѣкѣ, архимандритъ Печерскаго монастыря Доспѣей рекомендовалъ своимъ монахамъ строгую жизнь Аѳонской горы. Въ это время оттуда брали въ Россію даже епископовъ (Приб. къ твор. св. Отцовъ. Т. VI, кн. I, стр. 134). На Аѳонѣ, говоритъ почтенный ученый, приобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стремленіи къ пустынножительству въ сѣверо-восточной Россіи. Отсюда русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонъ, и приносили съ собою правила полнаго отрѣшенія отъ міра". (В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи“, стр. 76). Книжныя богатства Аѳона были обильными источниками русской письменности. Рядъ русскихъ иноковъ, путешествовавшихъ на востокъ, начинается съ X вѣка; въ XIV и XV вѣкахъ хожденія эти становятся довольно частыми, дѣлаются потребностью, входятъ въ обычай. Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго, въ своей похвалѣ этому святому замѣчаетъ „ради пужды пѣнія не взыска (пр. Сергій) царствующаго града ни св. Горы, ни Іерусалима, яко же азъ окаланный и лишенный разума—о лютѣ мнѣ—ползая съмо и овамо и преплывая сюду и оводу и съ мѣсто на мѣсто преходя“. („Прибавл. къ твор. св. от.“ VI, стр. 137) о подвизавшихся на Аѳонѣ кромѣ Епифанія въ XIV и XV в. см. у проф. В. С. Иконникова. „Опытъ“, стр. 76—77. См. также изслѣдованіе А. С. Архангельскаго. „Нилъ Сорскій и Вассанъ Патрикѣевъ Ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I, стр. 19 и слѣд. О вліяніи Аѳона на русскую письменность и содѣйствіи его русскому православію—А. Н. Пышинъ. Исторія русской литературы Т. I Древняя письменность. (Спб. 1898), стр. 193, 306, 307. С. А. Бѣлокуровъ. „О библиотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи“ (М. 1898), стр. 194. А. В. Горскій „О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями“. Прибавл. къ твор. св. отцевъ. VI, стр. 123—168; „Русскіе иноки на горѣ Аѳонской“. Христіанск. Чтен. 1853 Ч. II, стр. 290—317; Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II, стр. 413 и друг.

¹⁾ „Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ великому князю Василію Васильевичу, о правовѣрїи восточной церкви и суетумудрїи западной, по случаю флорентійскаго собора“. Лѣтописъ занятій Археографической Коммисіи— 1864 годъ Выпускъ III (Спб. 1865), стр. 28—32. Посланіе это, какъ видно изъ текста его, писано уже послѣ изгнанія Исидора изъ Москвы. „Слышахомъ (бо) отъ инокъ, иже отъ вашихъ странъ пришедшихъ и исповѣдавшихъ о благочестїи вашему, яко крѣпцѣ съхраняете вѣру непорочную, отъ 7 съборъ Богомъ сътавлену, нескверну и нерушиму, и того волка, а не святителя, въ кожу овчю одѣвшася, Богомъ вамъ показаннаго, отъ среды себе и стада Христова изринувше, яко сквернителя непорочныя вѣры и смутителя вамъ православнымъ христіаномъ“. См. также „Степенную книгу“ „съ присовокупленіемъ новаго лѣтописца“. ССССХІІІ „Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума“, гдѣ помѣщена „Исторія о ливонскомъ... соборѣ“, стр. 641, столб. 1.

Исидора въ Москву уже не смущался вопросомъ, какъ отнестись ему къ униі, принесенной митрополитомъ-легатомъ, этимъ измѣнникомъ православію,—а сразу выступилъ рѣшительнымъ и горячимъ защитникомъ православія и обличителемъ Исидора, этого „волка, а не святителя“, по образному выраженію знаменитыхъ аѳонскихъ анахоретовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, можно съ полною увѣренностью думать, что рѣшеніе поступить съ Исидоромъ такъ, какъ и было поступлено, принято было раньше его прибытія въ Москву и что слова автора „Исторіи флорентійскаго собора“, описывающаго возвращеніе Исидора въ Москву и его дѣйствія по введенію униі и слѣпо вѣрящаго словамъ лѣтописца, что „всѣ сии новости сильно изумили и духовныхъ и мірянъ; никто не зналъ, что и думать о видѣнномъ и слышанномъ“ ²⁾—далеко не соответствуютъ дѣйствительному положенію вещей.

Взятый подъ стражу на четвертый день послѣ своего прибытія въ Москву (въ среду крестопоклонной недѣли), Исидоръ былъ помѣщенъ на житье „за пристава“ (по выраженію Псковской лѣтописи) въ Чудовомъ митрополичьемъ монастырѣ ³⁾. Вотъ какъ описываетъ свои дѣйствія и распоряженія самъ великій князь Василій Васильевичъ въ посланіи къ константинопольскому патриарху Митрофану: „Мы же убо сѧ слышавше и видѣвше, подвигохомся преже, потомъ же надежу възложивше на неизреченныя судьбы Божія и благодаривше челоувѣколюбіе его, созвахомъ боголюбивыя епископы отечества нашего, елици обрѣтошася въ тое время близъ насъ, ростовскаго Ефрема, суздальскаго Аврамія, рязаньскаго Іону, коломеньскаго Варлама, сарайскаго Іова, пермьскаго Герасима, также архимандритовъ и игуменовъ и прочихъ священноинокъ и инокъ земля наша не мало, и повелѣхомъ имъ възрѣти въ таа божественная и священная правила святыхъ Апостоль и богоносныхъ Отець, еже пріахомъ отъ святыхъ великіа сборныа апостольскія Божія церкви греческіа, вашего истиннаго православіа, и тое принесенное его отъ папы посланіе повелѣхомъ прочитати намнозѣ. И явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игуменомъ и про-

¹⁾ „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“. 1864 годъ. Вып. III (Спб. 1865), стр. 29.

²⁾ „Исторія флорентійскаго собора“ (Москва, 1847), стр. 206.

³⁾ П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 212; Длугошъ. *Historiae Polonicae*, Lib. XII, p. 723; И. Забѣлинъ. *Исторія города Москвы*. (Москва, 1902), стр. 297.

чимъ священноинокомъ и инокомъ, и всему нашему православному христанству, яко чюже и есть и страчно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорова все дѣло и прихождение“¹⁾. Убѣдившись въ неправослави Исидора, соборъ, по приказанію великаго князя, обличалъ ересь его, „яко да усрамится и отложить латынскія соединенія и согласія ересная, и повинется и покается, и милость получить“²⁾. Но митрополитъ остался вѣренъ уни: „Исидоръ же злая ереси латынскія насытився никакожь не восхотѣ отлучитися отъ латынского согласія и соединенія, и ни мало повинутися восхотѣ, и непослуша великаго князя и всего священнаго собора“³⁾. Видя твердость и нераскаянность Исидора, его по прежнему оставили подъ стражей въ Чудовомъ монастырѣ, рѣшившись еще ждать отъ него покаянія и возвращенія на лоно православія. „И пристави къ нему князь великій приставовъ своихъ, повѣствуетъ намъ Никоновская лѣтопись, и повелѣ его стрѣщи, егда како отлучится отъ латынского соединенія и согласія, и обратится и покается и милость получить“⁴⁾. На него старались подѣйствовать и угрозами, о чемъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи, акты и сказанія: грозили ему, въ случаѣ его дальнѣйшей нераскаянности созывомъ новаго великаго собора⁵⁾ и тѣмъ, что опъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни чрезъ сожженіе⁶⁾ или засыпаніе живымъ въ землю⁷⁾. Просидѣвъ въ Чудовомъ мо-

¹⁾ А. И. Т. I, № 39, стр. 74—75; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 584—Митрополитъ Иона въ своемъ посланіи къ смоленскому епископу Мисанду такъ пишетъ о созывѣ собора на Исидора великимъ княземъ. „Господинъ же сынъ мой благочестивый великий князь созва своее все великое державы архіепископовъ и епископовъ, и честиѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, и все великое Божіе священство, и возрѣвъ въ божественная и священная правила и изыскавъ святыхъ богоносныхъ Отецъ писаніе, уразумѣша все лукавое Исидорова къ намъ прихождение, и тому всему, что Исидоръ принеслъ, не внять и не приаша“. А. И. Т. I, № 62, стр. 111; Р. И. Б. Т. VI, № 88, столб. 661.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156—157; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109.

³⁾ Тамъ же, Ч. V, стр. 157; Т. VIII, стр. 109.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 157.

⁵⁾ Степен. кн. II, стр. 75.

⁶⁾ Густинская лѣтопись (въ двухъ мѣстахъ) повѣствуетъ о томъ, что митрополитъ Исидоръ былъ даже осужденъ духовнымъ соборомъ на сожженіе: „Онъ же шедъ въ Москву, идѣже Василій Василевичъ емъ всади его въ темницу, а отъ священнаго собору осужденъ быть на сожженіе“. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355—356

⁷⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109. Говоря о бѣгствѣ Исидора изъ Москвы, митрополитъ Иона въ своемъ посланіи къ литовскимъ епископамъ добавляетъ:

настырь подъ стражей весну и лѣто, Исидоръ въ ночь на 15 сентября 1441 года бѣжалъ изъ Москвы ¹⁾. Великій князь не приказалъ его преслѣдовать, предоставивъ ему полную свободу уйти изъ Руси, куда онъ знаетъ: „Никакоже не посла по немъ възвратити его, ни въсхотѣ удержати его“ .. „да не приступятся грѣси его“ ²⁾. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора Е. Е. Голубинскаго, что бѣгство Исидора изъ Москвы было, безъ сомнѣнія, пріятно великому князю, такъ какъ ятимъ способомъ Исидоръ самъ разрѣшилъ и покончилъ весьма трудный для московскаго правительства вопросъ, какъ съ нимъ быть на будущее время и что „очень можетъ быть, что и грозили ему смертью за тѣмъ, чтобы заставить его бѣжать, при чемъ, конечно, ослабили и надзоръ такъ, чтобы дать полную возможность бѣжать“ ³⁾. Убѣжавъ изъ Москвы въ Тверь и будучи тамъ задержанъ тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ, Исидоръ, просидѣвъ здѣсь подъ стражей, былъ великимъ постомъ выпущенъ на свободу (не безъ согласія на то великаго князя) и бѣжалъ отсюда въ Новгородокъ къ великому князю литовскому Казимру ⁴⁾, гдѣ, пробывъ недолго, отиравился

„Благовѣрный же князь великій Василій Васильевичъ не посла за нимъ възвратити его, ни въсхотѣ удрѣжати его, яко несмыслена и богомерзка, да не приступится къ ереси (вар „грѣси“) его, зане бо святаа правила божественнаго закона свитыхъ Апостолъ повелѣвають таковаго церкви развратника огнемъ сжещи, или живого въ землю засыпати“. Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—162; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109. А. Поповъ Историко литературный обзоръ. „Слово избрано отъ святыхъ писаній“, стр. 378—379.

¹⁾ „Сидоръ же тогда бѣснуется.. тмою своего безвѣрна оболжся, пощю бездверіемъ изшедъ, татствомъ бѣгуется и со ученикомъ своимъ съ Григоріемъ черницею“. Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367; П. С. Р. Л. Т. IV (Псковск. 1-ая лѣт.), стр. 212; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; Т. VIII, стр. 109; Псковск. лѣт., изданъ М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 74; Новгородск. 1-ая лѣт., подъ 1442 г., стр. 421. И. Забѣлинъ. История города Москвы 1902, стр. 297. Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II, стр. 233

²⁾ „Слово избрано отъ святыхъ писаній“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 378; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 159; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367.

³⁾ Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 457, прим. 6. Митрополитъ Платонъ еще раньше высказалъ такой же взглядъ на отношеніе великаго князя къ бѣгству Исидора. См. „Краткую церковную російскую историю“ (Изданіе 2, Москва 1823), Т. I, стр. 296

⁴⁾ Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837): „Въ лѣто 1442 убѣжа Митрополитъ Сидоръ съ Москвы на Тверь, Тверскій Борисъ прия его, и за приставы посади, и потомъ его отпусти въ Великій постъ на средо-

къ своему покровителю—папѣ въ Римъ ¹⁾. „И тако, говоритъ лѣтописецъ, бѣжа къ Риму, отнюду же злаго еретичества сѣмя принесе“ ²⁾.

Таковъ былъ конецъ неудачныхъ и дерзкихъ попытокъ Исидора ввести флорентійскую унію въ московской Руси и такъ печально окончилось пребываніе его на каедрѣ русской митрополитии. Отправляясь съ флорентійскаго собора въ Россію, Исидоръ, по словамъ Симеона суздальскаго, обладеживалъ папу увѣреніями, что ему непременно удастся ввести унію въ Москвѣ, такъ какъ, по мнѣнію русскаго митрополита „все въ моеѣ руцѣ, все и князи и епископи: ни одинъ со мною не можетъ глаголати“ ³⁾ и что „князь великій младъ есть ⁴⁾, а епископи ихъ не князи суть и боятся мене; не смѣти имъ со мною о томъ вопреки глаголати: азъ волю свою возму, а твою сотворю, латинскую вѣру примуть“ ⁵⁾. Тѣмъ болѣе смущеннымъ и пристыженнымъ долженъ былъ чувствовать себя Исидоръ, бѣжавъ какъ преступникъ въ Римъ, послѣ такихъ смѣлыхъ и пышныхъ обѣщаній, совершенно не сбывшихся на дѣлѣ ⁶⁾. Описаніе флорентійской уніи мы закончимъ словами лѣтописца, повѣствующаго о томъ же событіи и дѣлающаго такую общую характеристику: „Но отъ таковаго злохитраго врага соблюде Господь

крестной недѣли, и онъ поѣде въ Литву къ Великому князю Казимиру въ Новый Городецъ“. Стр. 74. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 159.

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. V, стр. 30; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—163; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 87 столб. 654—655; М. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367; „Слово избрано отъ святыхъ писаній“ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 378. О пребываніи Исидора въ Литвѣ см. у митрополита Макарія. II. Р. Ц. Т. V, стр. 367 и проф. Голубинскаго II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 458.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161.

³⁾ „Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207.

⁴⁾ Великій князь Василій Васильевичъ родился 10 марта 1415 г. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 87. („О роженіи великаго князя Василя“).

⁵⁾ „Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 208. „Митрополитъ бо Исидоръ тако рекъ папѣ, яко все князи руски и люди въ моеѣ руцѣ суть, и епископи не одинъ со мною не можетъ глаголати, а самъ князь великій младъ есть, но и той въ моеѣ волѣ есть, а иные князи все боятся мене“. Сборникъ Сиб. духовной Академіи изъ собранія Соф. рук. XVI в. № 1245. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоеѣи и его посланія. Прилож. № XVIII, стр. 111.

⁶⁾ О дальнѣйшей судьбѣ Исидора послѣ его бѣгства изъ Россіи см. въ трудѣ о Пирлинга: „La Russie et le Saint-Siège, Études diplomatiques (Paris, 1896), Chapitre II, p. 60—107.

Богъ и Пречистая Богородица святую церковь въ Русіи безнавѣтну и безмятежну обличеніемъ премудраго и Богомъ вразумляемаго великодержавнаго Василія Васильевича во благочестіи цвѣтущаго, великаго и премудраго *царя* всеа Русіи, ему же о семъ откры Господь Богъ велеумиѣ разумѣвати, и вся мудрствовати, и творити волю Божию, и вся заповѣди его хранити“¹⁾.

Благодаря дѣятельности великаго князя Василія Васильевича, явившагося въ почетной роли блюстителя и охранителя отеческаго правовѣрія, которое въ его державѣ было не только непоколебимо сохранено, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, флорентинская унія была торжественно отвергнута.

Еще въ предшествующее время русскіе вполнѣ усвоили себѣ то воззрѣніе на латинянь, по которому они являлись злѣйшими еретиками и исконными врагами православія²⁾. Унія же еще больше укрѣпила въ сознании русскихъ людей того времени предосудительныя взгляды на латинянь, распространенныя въ русскомъ обществѣ до нея и способствовавшія ея отверженію, и еще болѣе воспламенила въ сердцахъ русскихъ ненависть и вражду къ латинству. „Чтобы понять все это, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей флорентійской уніи, нужно перенестись мыслию въ тотъ вѣкъ, стать на точку зрѣнія русскаго человѣка того времени. Всѣ были согласны въ томъ, что латины злые, поганые еретики, всѣ чувствовали къ нимъ крайнюю ненависть; и вдругъ эти поганые латины чрезъ

¹⁾ Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 159; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—163; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109 Въ Степенной книгѣ (Ч. II, стр. 11), соответственно этому сказано: „Милосердый же Господь Богъ не попусти сему единому волку погубити безчисленное стадо Христова словесныхъ овецъ истиннаго православія, и обличися безумие того отъ богоразумнаго и Богомъ вразумляемаго, истиннаго благочестія держателя, отъ премудраго царя Русскаго и великаго князя Василія Васильевича“. См. также Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійск. собр. рукоп. № 1464, л. 392 об В Н. Малининъ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія Приложенія, XIX, стр. 126. Митрополитъ Платонъ такъ заканчиваетъ описаніе флорентійской уніи: „Таковъ былъ Нендоръ! Таковы были покушенія на Россійскую церковь! Тако мы Божиимъ милосердіемъ избавились отъ папаста, яко птица отъ сѣти ловящихъ. За что буди благодареніе благодѣтелю Богу, и вѣчная память великому князю Василію Васильевичу!“ М. Платонъ. Краткая церковная російская исторія. Т. I, стр. 297.

²⁾ См. А. Поповъ. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянь“. Гл. I, II, стр. 1—325; А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянь“. Гл. I—IV, стр. 1—86.

унию хотять поработить себѣ русскую церковь, искони сіяющую православіемъ и благочестіемъ. Какъ это обидно и горько было для начинавшаго тогда развиваться національнаго самосознанія! Писидоръ является въ Москву не какъ митрополитъ, а какъ папскій легатъ и кардиналъ; своды храма пречистыя и святыя Богородицы оглашаются именемъ архіеретика папы и его нечестивымъ посланіемъ; великому князю вручается грамота, въ которой этотъ еретикъ папа, какъ бы насмѣхаясь надъ петинными чувствами московскаго государя, проситъ его содѣйствовать дѣлу введенія унии—этого позорнаго рабства, предлагаетъ ему самому возложить на себя это ярмо¹⁾. Дѣйствительно, насильственная и дерзкая попытка введенія унии, оставила глубокий слѣдъ въ сознаніи и чувствахъ русскаго человѣка. Эти послѣдствія флорентійской унии прекрасно формулировалъ С. М. Соловьевъ „Флорентійскій соборъ и поведеніе Писидора, говоритъ знаменитый историкъ, имѣють важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверо-восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ: понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы“²⁾.

Рѣшительное непріятіе унии въ Москвѣ и твердое, непоколебимое намѣреніе остаться при древнемъ благочестіи есть „одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбу народовъ“³⁾. „Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила надолго судьбы западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, условленная отринутіемъ флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши.

¹⁾ Ф. И. Делекторскій. „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси“. Страницы. 1893. Т. III, стр. 256—257.

²⁾ С. М. Соловьевъ И. Р. Т. IV, столб. 1265.

³⁾ Тамъ же, столб. 1345

могущество России и связь последней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова“¹⁾.

Въ приведенныхъ выше словахъ покойнаго историка указаны главнѣйшія (внѣшнія) послѣдствія этой неудачной попытки привлечь московскую Русь къ принятію флорентійскаго соединенія, но они далеко не могутъ быть названы ближайшими. Измѣненіе церковныхъ отношеній къ Константинополю, окончившееся полною независимостью и автокефальностью русскои церкви (сперва *de facto*, а потомъ и *de jure*), преобразование и измѣненіе церковно-государственныхъ отношеній по новому типу, результатомъ чего является перевѣсъ государства надъ церковью и теократическій характеръ московскаго государства—вотъ ближайшія послѣдствія флорентійской унии, имѣвшая несомнѣнно громадное вліяніе на создание (при благоприятныхъ историческихъ условияхъ) тѣхъ конкретныхъ, внѣшнихъ фактовъ, которые перечисляетъ С. М. Соловьевъ

Время, слѣдовавшее за флорентійскою уніею (и послѣ вскорѣ случившагося паденія Константинополя), когда постепенно обнаруживались и сказывались ея послѣдствія, по справедливости можно назвать—эпохой подъема и роста политическаго самочувствія и церковнаго самосознанія московскаго государства. Проф. В. Н. Малининъ справедливо замѣчаетъ: „самыя обстоятельства политической жизни тогдашней Руси были особенныя, исключительныя. Флорентійская унія и паденіе Византии произвели сильное впечатлѣніе на умы русскихъ людей и совпали съ тѣмъ возбужденіемъ политическаго самосознанія, которое явилось слѣдствіемъ государственнаго роста России“²⁾. Флорентійская унія была толчкомъ, вы-

¹⁾ Тамъ же, столб. 1345. См также проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій „Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Сравнительно съ государственнымъ правомъ Западной Европы“ Ч. I. (Кіевъ, 1886), стр. 165 „Православная вѣра, столь отличная отъ западно-европейскихъ—латинской и нѣмецкой, составляетъ одну изъ глубокихъ коренныхъ основъ нашей русской народности.“ Ю. Θ. Самаринъ такъ опредѣляетъ значеніе флорентійской унии: „Несчастный выборъ Исидора, совершившійся вопреки в. князю, и временное отпаденіе отъ православія одной части греческой церкви, ускорили давно готовившуюся и необходимую эмансипацію нашей церкви“. Сочиненія, т V, стр. 192. См у него же стр. 191—192, гдѣ высказывается взглядъ, что зависимость русской церкви отъ Константинополя и подчиненіе ея непосредственно татарскимъ ханамъ—дѣлали нашихъ перво-святителей независимыми отъ князей;—что отношенія къ Константинополю и монгольское иго—двѣ опоры, на которыхъ держалась независимость церкви“

²⁾ Проф. В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія“. Стр. 511

заваншимъ на Русь появленіе историко-полемическихъ сочиненій, это литературное движеніе было однимъ изъ могучихъ факторовъ въ духовномъ развитіи русскаго народа ¹⁾.

Остановимся на разсмотрѣніи другихъ ближайшихъ послѣдствій флорентійской уніи, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ изслѣдуемому нами вопросу „Въ человѣческой исторіи, говорить современный историкъ церкви профессоръ Е. Е. Голубинскій какъ извѣстно, очень не мало совершенно неожиданнаго. Флорентійская унія имѣетъ весьма неожиданное и въ тоже время весьма важное значеніе въ исторіи русской церкви: отъ нея ведетъ свое начало новое мнѣніе русскихъ о православіи грековъ,— мнѣніе столько же съ перваго взгляда невѣроятное, сколько невѣроятно то, что именно отъ нея ведетъ начало“ ²⁾.

Какъ мы видѣли выше, императоръ византійскій Іоаннъ рѣшился принести православіе въ жертву политическимъ выгодамъ и спасенію гибнущаго отечества. При содѣйствіи своихъ ближайшихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ ему удалось достигнуть того, что греки 5 іюля 1439 года подписали актъ уніи съ папою, на требуемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Дѣйствительно, греки соединились съ латинянами на флорентійскомъ соборѣ, не выказавъ религиозной стойкости и гражданскаго мужества. Но соединеніе это „было не искреннее, а только притворное или наружное и, продолжавшись весьма недолгое время, не только не повредило православія у гре-

---

¹⁾ Проф. А. С. Павловъ „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ (СПб 1878), стр. 3. 6) Делекторскій „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церкви въ древней Руси“ (Странникъ. 1893. Т. III, стр. 258. Дальнѣйшее развитіе полемической литературы противъ латинянъ послѣ флорентійской уніи было, по справедливому и авторитетному мнѣнію проф. А. С. Павлова, обусловлено двумя „побочными обстоятельствомъ“— постоянными усиліями папскаго престола подчинить себѣ русскую церковь и вѣковой политической враждою Руси московской съ соседними „латинскими“ народами—Литвою и Польшою. Эти два условія особенно сильно проявились въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка. Типичнымъ юридическимъ выраженіемъ духа нетерпимости къ латинянамъ служить соборное опредѣленіе патриарха Филарета Никитича (1620 г.) о перекрещиваніи католиковъ, какъ „злѣйшихъ еретиковъ изъ всѣхъ, сущихъ подъ солнцемъ“; литературнымъ же памятникомъ этого направленія служатъ раскольниковыя сочиненія XVII и XVIII вѣка. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты“, стр. 3. Его же. „Происхожденіе раскольниковскаго ученія объ антихристѣ“. Православн. Собесѣдн., 1858. Ч. II, стр. 138, 262; И. М. Добротворскій. „Взглядъ русскихъ раскольниковъ на римскую церковь“. Православн. Собесѣдн., 1860. Ч. I, стр. 297.

²⁾ И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 458.

ковъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ привязанности къ нему“ 1) Великій епископъ и дикоофилакъ Сильвестръ Сиронутъ, присутствовавшій на соборѣ и написавшій его исторію, говоритъ, что большинство членовъ собора подписалось подъ актомъ уни съ стenanіемъ и плачемъ въ глубинѣ сердца (*en rhoicis cordias stenontes kai dakryontes oi pleious upegraphomen* 2) Уже на другой день послѣ подписанія уни, 6 юля, когда совершено было торжественное обнародованіе акта соединенія въ флорентійскомъ соборномъ храмѣ, послѣ чего папа служилъ торжественную литургію, никто изъ греческихъ епископовъ, несмотря на желаніе римскаго первосвященника, не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ латинянами и никто изъ грековъ не приобщался опрѣсноковъ 3). Когда же греческіе епископы, возвращаясь съ собора домой, прибыли въ Венецію, дождь котораго изъяснилъ желаніе видѣть чинъ греческаго богослуженія,—императоръ, удовлетворяя это желаніе дожа, только послѣ многочисленныхъ просьбъ могъ принудить старшаго изъ епископовъ—митрополита пракійскаго совершить литургію въ соборѣ св. Марка. Но митрополитъ совершалъ службу на греческомъ антифонѣ и съ греческими церковными сосудами, при чемъ во время богослуженія не было упоминаемо папское имя и символъ вѣры былъ читанъ безъ прибавленія 4). А когда епископы возвратились съ собора въ Константинополь (1 февраля 1440 года), то первымъ вопросомъ къ нимъ, когда они, сойдя съ галеръ, вступили на берегъ, было: „чѣмъ кончился соборъ, одержали ли мы верхъ“? Митрополитъ пракійски и за нимъ всѣ другіе отвѣчали: „мы продали нашу вѣру, промѣняли благочестіе на нечестіе и, предавъ чистую жертву, сдѣлались азимптами: да отсѣчется рука, подписавшая, да исторгнется языкъ, изрекшій исповѣданіе“ 5). Въ приведенныхъ фактахъ нельзя не видѣть того обстоятельства, что представители духовенства восточной церкви, ѣздившіе на ферраро-флорентійскій соборъ, засвидѣтельствовали, что ими дано было согласіе на унию не искреннимъ, но лишь притворнымъ образомъ и что большинство ихъ вскорѣ отка-

1) Проф. Е. Е. Голубинскій. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. Чтенія въ И. О. И. и Д. 1896 К. I, стр. 9. Настоящая статья почтеннаго ученаго принадлежитъ къ ряду статей, напечатанныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ издаваемомъ при Московскои Духовнои Академіи „Богословскомъ Вѣстникѣ“, 1892. К. I—V.

2) Syropul X, VIII, 292. (Цитировано у Голубинскаго).

3) „Исторія флорентійскаго собора“, стр 175—176.

4) Syropul. XI, IV, 318. Чт. въ И. О. И. Д. 1896, I, стр. 10, прим. 2.

5) P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col 1013.

залось отъ этой уни¹⁾. Но императоръ Іоаннь Палеологъ, видѣвшій въ уни и союзъ съ римскимъ папою единственную надежду спасенія для гибнущей имперіи, до самой своей смерти²⁾ не отказывался отъ уни и всѣми средствами способствовалъ тому, чтобы на патриаршій престолъ Константинополя ставились бы сторонники флорентійскаго соединенія³⁾.

Профессоръ Е. Е. Голубинскій, ссылаясь на Спропула (X. VI, 288), думаетъ, что императоръ содержалъ унию, „несомнѣнно притворнымъ образомъ“, лишь съ своими патриархами, и съ нѣсколькими епископами, которыхъ могли поставить послѣдние, и съ немногими изъ своихъ приближенныхъ⁴⁾; большинство же духовенства и народа враждебно относилось къ ненавистой уни. Извѣстно, что, когда епископы возвратились съ собора домой, то духовенство Константинополя не соглашалось служить даже съ тѣми изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своемъ согласіи на соединеніе, представляли въ свое оправданіе, что были увлечены къ тому неволею⁵⁾. Патриархи же александріискій, антиохійскій и іерусалимскій, узнавъ

¹⁾ Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 10

²⁾ Іоаннь умеръ 31 октября 1448 года

³⁾ На мѣсто патриарха Іосифа, умершаго во Флоренціи (10 июня 1439 г.), былъ императоромъ поставленъ въ патриархи 4 мая 1440 года Митрофанъ физическій, изъявившій свое согласіе на признаніе уни, а послѣ его смерти (1 августа 1443 г.) протосинкеллъ Григорій Мамма, о которомъ было упомянуто нами выше. Въ одномъ изъ списковъ „Повѣсти“ Симеона суздальца (въ спискѣ Ундольскаго № 711, л. 20) разсказывается о судьбахъ флорентійской уни въ Греціи. Между прочимъ здѣсь говорится „Царя Івана не замедли Божія мечь живота лишити: идый бо отъ богомерзкаго противнаго того собора на корабли, и ту вскорѣ умре, его же земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ песь съѣдено бысть. И тако прообщающихся латинстемъ црелести, не попустилъ имъ (патриарху и императору) Богъ и Царьскаго града видѣти“. О кончинѣ же патриарха Іосифа выше сказано такъ „Патриарха же Іосифа Божій судъ постиже, и жити не попусти на томъ проклятомъ соборѣ и живота лишися, идѣже и погребенъ бысть въ латынскомъ костелѣ...“ Проф. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, стр. 104—105; Ѡ. Н. Делекторскій: „Критико-библиографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уни“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Часть CCC, 1895, июль, стр. 168. ⁴⁾ мѣстъ погребенія патриарха Іосифа см. также „Бумаги флорентинскаго центрального архива касающіяся до России. Итальянскіе и латинскіе подлинники, съ русскимъ переводомъ графа М. Д. Бутурлина“. Ч II (Москва, 1871), № XCV. „Копія буллы папы Евгенія IV, отъ 6 июля 1439 г. о присоединеніи восточной и западной церквей“, стр. 329, прим. 3.

⁵⁾ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, стр. 11.

⁶⁾ Syropul. XII, I и друг. источн. (Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 11, прим. 2). Объ отношеніи народа къ уни мы отчасти можемъ судить по той

о принятии унии съ папою епископами. Въздившими на соборъ и о томъ, что возведенный импораторомъ на патриаршую кафедру Константинополя горячій сторонникъ унии Митрофанъ ставитъ въ епископы своихъ единомышленниковъ, собрались въ началѣ 1443 года на соборъ въ Иерасалимѣ и произнесли свое осужденіе унии и объявили всѣхъ митрополитовъ, епископовъ и прочихъ духовныхъ, поставленныхъ Митрофаномъ по единому мыслию съ нимъ въ ереси, лишенными своихъ церковныхъ степеней и всякаго права священнодѣйствовать¹⁾. Унія въ Константинополѣ находилась въ такомъ положеніи, что даже не была обнародована въ немъ формальнымъ образомъ во все правленіе императора Іоанна. Преемникъ наша Евгенія IV—Николай V писалъ въ октябрѣ 1451 года послѣднему византійскому императору Константину Палеологу: „Ессе jam tot annos transiere, ex quo ista facta sunt, (т е заключена унія) et tamen apud Graecos unionis hujusmodi decretum silentio tegitur“²⁾ Изъ дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ видно, что даже въ Москвѣ было извѣстно, что въ Константинополѣ унія съ Римомъ была признаваема и содержима императоромъ и патриархомъ съ весьма немногими ихъ единомышленниками. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи (писанномъ по мнѣнію проф. А. С. Павлова прежде 31 января 1451 г.) кievскому князю Александру Владиміровичу о поставленіи своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ охранять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать воссоединенію кievской митрополіи съ московскою³⁾, замѣчаетъ: „А самъ, сыну въси, чтоже Божією милостію и благодатію, oprично зборныи церкви Святѣя Софѣя и царевы полаты, въ Цариградѣ ни въ монастырѣхъ, ни въ единой ни въ которой Божьей церкви, въ всемъ Цариградѣ, и во всеи Святѣй горѣ, нигдѣже не помняется папши имя, а держать вси милостію Божьей ту добрую старину, еже по Божью повелѣнію отъ святыхъ Апостолъ и отъ богопосныхъ Отець, по священнымъ правиламъ и по всему божественному писанію намъ преданную; а наиболше, сыну, вамъ то слышится отъ отуду приходящихъ къ вамъ человекъ, понеже сыну, къ вамъ ближе естъ отъ насъ та страна“⁴⁾.

враждѣ, съ которою онъ встрѣтилъ ея возобновленіе спустя 12 лѣтъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Исторія флорент. собора, стр. 190.

²⁾ Послание папы Николая V (въ латинскомъ подлинникѣ съ греческимъ переводомъ) находится въ Р. С. С. S. G. P. T. CLX, col. 1208—1209.

³⁾ А. И. Т. I, № 47, стр. 94—96. Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 555—564.

⁴⁾ А. И. Т. I, № 47, стр. 94—95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 558—559. Нѣкоторые принимаютъ, что въ 1440 году состоялся въ Константинополѣ соборъ

Принято думать, что преемникъ Иоанна—Константинъ Палеологъ, послѣдній императоръ Византии, тотчасъ послѣ вступленія на престолъ (6 января 1449 года) объявилъ себя сторонникомъ православія и противникомъ унии, но что въ 1451 году, устранными рѣшительными приготовлениями турокъ къ завоеванію Константинополя, онъ былъ вынужденъ обратиться къ папѣ съ предложеніемъ о возобновленіи и восстановленіи унии, такъ какъ этимъ способомъ надѣялся получить помощь и защиту отъ страшныхъ враговъ. Вѣроятно и основательнѣе думать о Константинѣ, что онъ, подобно своему предшественнику, держался унии, но въ 1451 году, уступая требованіямъ духовенства и народа, отказался отъ нея и восстановилъ православіе; но это продолжалось недолго, такъ какъ императоръ, желая получить помощь противъ турокъ, обратился въ 1451 году къ папѣ Николаю V съ просьбою о восстановленіи унии¹⁾ Результатомъ этого предложенія было прибытіе въ Константинополь бывшаго русскаго митрополита Исидора (въ ноябрѣ 1452 года) и торжественное восстановленіе 12 декабря того же года унии съ папою въ храмѣ св. Софій²⁾

изъ архiereевъ и многихъ клириковъ, который подаль императору *Ἀπολογία καὶ ἀναφοράν περὶ τῆς ἐν Φλωρεντία συνόδου*, напечатанную патриархомъ іерусалимскимъ Нектаріемъ въ его *Ἀντιδόχους ἕβ περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα*, стр. 233—236 Объ этомъ см. въ статьѣ проф. Е. Е. Голубинскаго. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, стр. 12, примѣч. 1.

¹⁾ Если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе, то онъ долженъ бы былъ немедленно низложить съ патриаршей кафедры униата Григорія Мамму. Между тѣмъ извѣденіе Григорія со всею вѣроятностью должно быть относимо къ 1451 году, когда онъ въ августѣ этого же года бѣжалъ или былъ изгнанъ изъ Константинополя. Проф. Е. Е. Голубинскій „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, стр. 12, прим. 2, гдѣ приведены свидѣтельства источниковъ и соображенія по этому вопросу.

²⁾ P. C. C. S. G. P. T. CLVII. Ducae. Historia Byzantina. Cap. XXXVI. col. 1057, 1060 „Этотъ фактъ (единеніе восточной церкви съ западной), справедливо замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, принадлежитъ къ самымъ печальнымъ въ исторіи жизни послѣдняго византийскаго императора. Что ни говорили бы въ защиту его, все же послѣдній православный византийскій государь былъ измѣнникомъ православія Ренегатство это было тѣмъ позорнѣе, чѣмъ менше оно было искренно. Вотъ слова, которыми императоръ и единомышленныя съ нимъ лица успокаивали не желающую унии толпу; они говорили: „потерпите немного, подождите. чтобы Богъ избавилъ столицу отъ великаго дракона (турокъ), который хочетъ пожрать насъ, тогда вы увидите: искренно ли наше примиреніе съ азимитами“ (P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1061). А. П. Лебедевъ. „Очерки исторіи византийскаго-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка“ (Москва, 1892), стр. 639.

Современникъ этихъ событій—греческій историкъ Дука такъ описываетъ это возстановленіе уни. Онъ сообщаетъ, что и тѣ немногіе, которые желали возстановленія уни и приняли ее, желали и приняли, со включеніемъ и самого императора, только наружнымъ и притворнымъ образомъ, изъ-за нужды получить отъ папы и при его посредствѣ помощь противъ турокъ ¹⁾. 12-го же декабря, въ то самое время, когда Исидоръ совершалъ въ храмѣ св Софїи церемонію возстановленія уни, народъ воодушевленный противъ послѣдней знаменитымъ Геннадіемъ, бывшимъ сановникомъ Георгіемъ, Схολаріемъ, ходилъ по городу и кричать апавему принявшимъ и имѣющимъ принять унию.—кричать, что не хочетъ помощи латинянъ ни соединенія съ ними, и что пусть исчезнетъ служба азимитовъ ²⁾ Послѣ же 12 декабря народъ пересталъ ходить въ храмъ св Софїи, чтобы не оскверниться, и началъ смотрѣть на него, какъ на приближаще демоновъ (*ὡς κτταφδύ.ον δαιμόνων*), какъ на языческое капище и какъ на іудейскую синагогу ³⁾. Священники, бывшие противъ уни, строгойше воспрещали мряпамъ имѣть общеніе съ священниками, принимавшими унию и говорили, что они не священники и что приносимая ими евхаристія не есть евхаристія. Если же священникъ-униатъ являлся на похороны или на поминованіе усопшихъ, то священники неуніаты, тотчасъ, сбросивъ ризы, сбѣжали какъ отъ огня ⁴⁾ Народъ не хотѣлъ причащаться отъ священниковъ—униатовъ, говоря, что это значило бы получать не освященіе, а оскверненіе, и смотрѣть на церкви, въ которыхъ служили такіе священники, какъ на языческая капища ⁵⁾. На представленіе, что униа съ папою есть единственное средство спасенія Константинополя отъ турокъ, народъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ видѣть господствующую въ немъ турецкую чалму, чѣмъ латинскую шляпу (*Κραϊτότερόν ἐστιν εἶδέναι ἐν μαςῶ τῆ πόλει φικιόλιον βασιλεῦσιν Τούρκων ἢ καλότραν Λατινικήν*) ⁶⁾

¹⁾ Ibid., col. 1057. 1060—1061

²⁾ Ibid., col. 1057, 1060.

³⁾ P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1065, 1072, 1104

⁴⁾ Ibid., col. 1065.

⁵⁾ Ibid., col. 1062

⁶⁾ P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1072. Чтобы показать всю необычайно сильную вражду и отвращеніе грековъ къ латинянамъ и принесенной ими уни, Дука говоритъ, что когда по взятіи Константинополя турками народъ, ища спасенія отъ ихъ меча, сбѣжался въ храмъ св. Софїи, то если бы и тогда сошелъ ангель съ неба и сказалъ: „примите унию и прогону враговъ изъ города“, народъ не принялъ бы уни. Ibid., col. 1104. Чт. въ И. О. И. и Д., 1896.

Послѣ же паденія Константинополя (29 мая 1453 года) у грековъ не осталось даже и слѣдовъ униі; они, какъ бы показывая непримиримую вражду къ ненавистной и „ставшей теперь совсѣмъ бесполезною для нихъ униі“¹⁾, избрали себѣ въ патриархи знаменитаго Геннадія Схоларя, который и раньше былъ горячимъ и искреннимъ противникомъ соединенія съ Римомъ²⁾.

Итакъ греки не могли заразиться латинскими ересями и погрѣшностями, такъ какъ значительное большинство народа и духовенства на самомъ дѣлѣ вовсе не принимало униі и отнеслось къ ней съ нескрываемою враждою³⁾; но хотя греки и остались вполне православными, тѣмъ не менѣе у насъ на Руси весьма скоро послѣ флорентійскаго собора было провозглашено, что унія повредила у грековъ чистоту православія, и что съ этого времени истинное православіе осталось только у насъ русскихъ⁴⁾ „Истинную причину нашего новаго взгляда на грековъ, представляющагося столько неожиданнымъ и непонятнымъ, составляло то, что мы—русскіе, бывъ

I, стр. 14 О враждебномъ отношеніи грековъ къ латинянамъ см II главу сочиненія профессора А. П. Лебедева „Очерки истории византийскаго-восточной церкви съ конца XI-го до половины XV-го вѣка“ (Москва, 1892), стр. 79—133

¹⁾ Чт. въ II О И и Д. 1896, I, стр. 16.

²⁾ О горячей и неустанной проповѣди Геннадія противъ униі см. Ducae Historia Byzantina Cap XXXVI и XXXVII. P. C. C. S. G. P. T. (LXII, col. 1057, 1065, 1072

³⁾ Объ этомъ см. Чт. въ II О И и Д. 1896, I, стр. 16.

⁴⁾ Взглядъ на поврежденность православія у грековъ съ времени флорентійскаго собора былъ сохраняемъ до патриарха Никона и именно это ошибочное мнѣніе о православіи грековъ было, по мнѣнію профессора Е. Е. Голубинскаго, причиной, произведшей у насъ при этомъ патриархѣ расколъ старообрядчества. II. Р. Ц. Т. II П I, стр. 460 и слѣд. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, стр. 3—5, 49 (Чт. въ II О И и Д. 1896, I); „Богословскій Вѣстникъ“, 1892. Т. I, стр. 45, 277. См. также „Богословскій Вѣстникъ“, 1892. III. „Арсеній Сухановъ“ (Рѣчь, произнесенная 27 октября 1891 г. предъ защитною диссертациою С. Вѣлокуровымъ), стр. 525: „Одна изъ его (Арсенія Суханова) рукописей вся состоитъ изъ произведеній, направленныхъ противъ латинянъ, изъ сказаній о нихъ, а также и о флорентійскомъ соборѣ, имѣющемъ такое большое значеніе для образованія у древне-русскихъ людей извѣстныхъ взглядовъ на грековъ“. „Неудавшаяся попытка греческаго императора Іоанна Палеолога и константинопольскаго патриарха Іосифа вовлечь русскую церковь въ унію съ Римомъ на флорентійскомъ соборѣ и измѣна православію присланнаго изъ Константинополя митрополита Исидора, еще болѣе вооружила русскихъ противъ Константинополя; она послала въ русскихъ православныхъ людяхъ недоверіе къ чистотѣ православія грековъ и была рѣшительнымъ побужденіемъ къ образованію въ Россіи самостоятельной митрополіи“ Св. П. Николаевскій. „Учрежденіе патриаршества въ Россіи“ (Спб. 1880), стр. 28.

народомъ безъ дѣйствительнаго просвѣщенія, образовали себѣ своеобразные взгляды на чистоту истиннаго православія, которые, во-первыхъ, привели насъ къ такой компликаціи, что мы должны были обвинить въ отступленіи отъ чистоты православія или грековъ или самихъ себя, и которые, во-вторыхъ, давали намъ право видѣть отступниковъ отъ чистоты православія именно въ грекахъ¹⁾. Это произошло вслѣдствіе образовавшихся у нашихъ предковъ взглядовъ на церковные обряды и вообще на церковно-обрядовую внѣшность. Остановимся вкратцѣ на уясненіи этого процесса²⁾. Мы приняли христіанство отъ грековъ въ то время, когда у нихъ не вполнѣ прекратилось разнообразіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ; такое же разнообразіе перешло и къ намъ. При отсутствіи истиннаго просвѣщенія въ то время, предки наши должны были вѣдаться въ ту крайность, чтобы усвоить обрядамъ весьма преувеличенное значеніе, приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры³⁾. Дѣйстви-

¹⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 460. См также у него же въ статьяхъ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ „Богословскій Вѣстникъ“, 1892. Т. I, стр. 47 и слѣд.

²⁾ Задачи нашего труда не позволяютъ намъ подробно остановиться на разсмотрѣніи этого важнаго вопроса. Прекрасное и обстоятельное изслѣдованіе его мы находимъ въ рядѣ статей, принадлежащихъ перу профессора Е. Е. Голубинскаго, подъ заглавіемъ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1892. Т. I, „Общие вопросы“, стр. 45—76; 277—312; 485—508. Т. II, „Частные вопросы“, стр. 34—72; 197—223. Чт. въ П. О. И. и Д. 1896, I, стр. 1—49. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 460 и слѣд.

³⁾ Этотъ процессъ прекрасно изображаетъ П. Н. Милюковъ. „Идя другъ другу на встрѣчу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконецъ, на довольно сходномъ пониманіи религіи, одинаково далекомъ отъ исходныхъ точекъ и отъ аскетическихъ увлеченій подвижниковъ и отъ языческаго міровоззрѣнія массы. Пастыри все болѣе привыкали отождествлять сущность вѣры съ ея внѣшними формами; съ другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и формъ вѣры, теперь научилась цѣнить ихъ и, по самому складу своего ума, стала приписывать имъ то таинственное, символическое значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ и обряды стариннаго народнаго культа. Такимъ образомъ обрядъ послужилъ той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религіозности. верхи—постепенно утрачивая истинное понятіе о содержаніи,—низы, постепенно приобретаая приблизительное понятіе о формѣ“. „Очерки по исторіи русской культуры“. Ч. II, Изданіе 2, (Спб. 1899), стр. 18. См. также изслѣдованіе В. Жмакина „Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія“ (Москва, 1881), стр. 10—12; А. П. Щаповъ. „Русскій расколъ старообрядства“ (Казань. 1859), стр. 23—25. О такомъ же направленіи въ полемической литературѣ—А. Н. Поповъ „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ (М. 1875), стр. V. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ ла-

тельно, въ болѣе ранній періодъ (послѣ принятія христіанства до нашествія монголовъ) мы еще не доходили до той крайности, чтобы смотрѣть на обряды, какъ на догматы, и чтобы съ этой точки зрѣнія смотрѣть на разнообразіе ихъ формъ, а потому, перешедшее къ намъ отъ грековъ разнообразіе обрядовъ, спокойно существовало у насъ, не смущая совѣсти вѣрующихъ. Но послѣ нашествія монголовъ, „когда, по словамъ профес. Е. Е. Голубинскаго, ослабѣло вліяніе грековъ и всякія другія вліянія, когда на московскомъ сѣверѣ мы стали народомъ какъ бы удалившимся за горы и стѣну отъ всѣхъ другихъ народовъ и настолько обособились сами въ себѣ, что стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай, развитіе крайнихъ взглядовъ должно было пойти незадержанно и быстро дойти до своего конца“¹. Когда же обряды были уже приравнены къ догматамъ вѣры, было найдено невозможнымъ существованіе одного и того же обряда въ нѣсколькихъ формахъ, и были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы привести обряды къ единообразію, такъ чтобы между нѣсколькими формами обрядовъ, (существовавшихъ не въ одной формѣ), лишь одну форму признать за правильную и православную, другія же—за неправильныя и неправославныя. Относительно же нѣкоторыхъ многоформенныхъ или многообразныхъ обрядовъ случайно произошло такъ, что у насъ были признаны правильными и православными не тѣ формы, какія вошли въ господствующее употребленіе у грековъ, у которыхъ также съ теченіемъ времени вводилось единообразіе, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ какъ у насъ, такъ какъ греки не смотрѣли на обряды, какъ на догматы вѣры. Замѣчая между греками и собою различіе въ обрядахъ (напр двоеперстное и троеперстное крестное знаменіе, двоеніе и троеніе аллилуйи и др), которымъ они уже придавали значеніе догматовъ, русскіе естественно должны были придти къ вопросу—кто же при этомъ отступилъ отъ чистоты православія, такъ какъ одна изъ формъ должна была быть признана православной, а другая—неправославной. А такъ какъ русскіе того времени не могли признать отступниками отъ православія себя и своихъ отцовъ, потому что они относились къ церковной обрядности съ гораздо большимъ уваженіемъ, нежели какое замѣчали у грековъ,— то послѣдніе и стали въ глазахъ нашихъ предковъ отступниками

тинянь“ (Спб. 1878), стр. 4—5. У него же приводится взглядъ патріарха Фотія въ его извѣстномъ окружномъ посланіи (867 г.) о связи догматовъ съ обрядами. „Критическіе опыты...“, стр. 15—16

¹) И. Р. Ц. Т. П. П. I, стр. 461

отъ чистоты истиннаго, древняго православія, а такъ какъ этотъ вопросъ возникъ у русскихъ тотчасъ же послѣ флорентійскаго собора, то и образовалось мнѣніе, что этотъ соборъ повредилъ у грековъ чистоту православія. Такимъ образомъ флорентійскій соборъ явился первымъ случаемъ, на который сослались русскіе и объявили, что у грековъ повреждена чистота истиннаго православія и что у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство нежели въ Греціи, или что мы—русскіе болѣе благочестивый и православный народъ, чѣмъ греки. „Люди московскаго царства, глубоко вѣрно говорить академикъ А. Н. Пыпинъ, въ концѣ концовъ стали считать себя избраннымъ народомъ, представителями истиннаго христіанства,—и съ крайнею нетерпимостью относились ко всему неправославному, считая его почти пехристіанскимъ“¹⁾

Нельзя не согласиться съ глубоко вѣрнымъ мнѣніемъ профессора Е. Е. Голубинскаго, что мнѣніе, разъ пущенное на достаточномъ, повидимому, основаніи, послѣ можетъ уже и не нуждаться въ особенно достаточныхъ основаніяхъ, а случилось же такъ, что первая ссылка на флорентійскій соборъ являлась „какъ будто на самомъ дѣлѣ основательною“²⁾. Мы объявили грековъ отступниками отъ чистоты истиннаго православія безъ достаточной съ ихъ стороны вины. Съ большею вѣроятностью надо думать, что въ данномъ случаѣ греки жестоко поплатились за свои другія прегрѣшенія и проступки предъ нашими предками. Смѣшавъ обряды съ

¹⁾ „Исторія русской литературы“. Т. I. Древняя письменность (Сиб. 1898). стр. 194.

²⁾ П. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 462. Къ этой первой причинѣ такого мнѣнія о православіи грековъ вскорѣ присоединились и другія: наши предки стали говорить, что турки, поработившіе грековъ, повредили ихъ богослужебныя книги, или же, что эти книги испортили у нихъ латиняне, когда греки послѣ паденія Константинополя бросились съ рукописями въ западныя страны, или когда начали печатать свои книги въ этихъ латинскихъ земляхъ. О первомъ конкретномъ случаѣ такой ссылки на флорентійскій соборъ (по поводу двоянія или троснія адиллуш) см. у проф. Голубинскаго. П. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 462—464. О громадныхъ послѣдствіяхъ взгляда нашихъ предковъ, что флорентійскій соборъ повредилъ у грековъ чистоту истиннаго православія, что у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Греціи, и что мы—русскіе лучший и болѣе благочестивый православный народъ, чѣмъ греки,—мы обстоятельно скажемъ ниже (въ III главѣ нашего изслѣдованія), такъ какъ воззрѣніе на Москву, какъ на третій православный Римъ, выработалось у нашихъ книжныхъ людей уже со времени паденія Константинополя, когда „вся христіанская (православная) царства придоша въ конецъ и спидошася во едино царство нашего (русскаго) государя“.

догматами, приравнявъ первые къ послѣднимъ. мы увидѣли, что рознимъ въ обрядахъ съ греками и для насъ возникалъ важный вопросъ, кто изъ насъ двоихъ—мы или греки, уклонились съ пути истины. Если бы греки сохраняли все свое вліяніе на насъ и ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ нашихъ предковъ не былъ подорванъ, то, очень можетъ быть, что мы, будучи учениками, а не учителями грековъ, пришли бы къ другому рѣшенію и не обвинили бы грековъ въ отступленіи отъ чистоты истиннаго православія; дѣло могло бы кончиться далеко не такъ, какъ оно кончилось¹⁾.

Но случилось такъ, что въ то самое время, когда намъ предстояло рѣшеніе этого вопроса, греки позволили себѣ по отношенію къ намъ такія дѣйствія, которыя, глубоко возмущивъ и оскорбивъ русскихъ, совершенно подорвали довѣріе къ нашимъ учителямъ и до основанія потрясли ихъ правствепное вліяніе на ихъ учениковъ. Дѣянія, которыя такъ дискредитировали грековъ въ глазахъ русскихъ, были—поставленіе въ митрополиты Кипріяна при жизни м. Алексія, столь уважаемаго и любимаго архипастыря и особенно „вопущее дѣяніе“ (по вѣрному выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго)²⁾—поставленіе въ митрополиты самозваннаго кандидата Пимена и образъ дѣйствій грековъ во время замѣшательства на кафедрѣ русской митрополіи послѣ смерти митрополита Алексія.

Это заставляетъ насъ возвратиться нѣсколько назадъ и, хотя бѣгло, коснуться указанныхъ выше событій, вызвавшихъ, по свидѣтельству же самихъ грековъ, ненависть, презрѣніе и брань къ нимъ со стороны русскихъ, поколебавшихъ окончательно довѣріе къ грекамъ и способствовавшихъ росту собственного національнаго самосознанія

Неожиданное и невѣроятное событіе—назначеніе на мѣсто здравствующаго митрополита Алексія другого митрополита Кипріяна—было встрѣчено искреннимъ и единодушнымъ негодованіемъ и возмущеніемъ русскаго народа³⁾. Вотъ какъ объ этомъ говорить

¹⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 468.

²⁾ И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 468.

³⁾ Мы не касаемся истории назначенія Кипріяна на мѣсто митрополита Алексія, предшествовавшихъ этому просьбъ Ольгерда, пріѣзда патриаршихъ апокрисіаріевъ и пр. Объ этомъ см. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 209—215. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 59—61. Р. И. Б. Т. VI, Приложенія. (Памятники русскаго каноническаго права XIII—XV в., сохранившіеся въ греческомъ подлинникѣ), № 30. 1380 г. въ іюнѣ. „Соборное опредѣленіе патриарха Нила о незаконномъ поставленіи Кипріяна въ митрополита кіевскаго и объ усвоеніи этого титула новопоставленному митрополиту Великой Руси Пимену“ (Изъ Acta Patriarchatus, t. II, p. 12—18), столб. 165—184

греческіе памятники: „Всѣ считали его (митрополита Алексія) отцомъ и называли спасителемъ народа, всѣ стояли за него своею головою, а на митрополита Кипріяна, какъ безчестно поступившаго противъ святаго мужа, произносили страшныя проклятія (*κατηρόντο τὰ φρικώδέστατα*). Сильное негодованіе и не малое волненіе и смятеніе народное, возбужденное этимъ дѣломъ по всей русской землѣ, утишено было непрестанными внушеніями и совѣтами митрополита Алексія, обращенными и ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь. Отправлены грамоты и къ нашей святѣйшей Великой Церкви Божіей, съ жалобою на облако печали, покрывшее ихъ очи, вслѣдствіе поставленія Кипріяна, и съ просьбою къ божественному собору о сочувствіи, состраданіи и справедливой помощи противъ постигшаго ихъ незаслуженнаго оскорбленія (*χθίκοο ἀτιμίας*)“¹⁾

„Совершенно невѣроятный случай поставленія поваго митрополита на мѣсто живаго св. Алексія дѣйствительно долженъ былъ произвести во всей русской—московской землѣ самое сильное, какое только можно представить себѣ, волненіе. Алексій пользовался въ своей московской Руси необыкновеннымъ уваженіемъ, и какъ пастырь святой жизни, и какъ государственный мужъ, оказавшій отечеству величайшія услуги,—и вдругъ, когда онъ доживалъ свои послѣдніе дни, украшая собою страну и составляя ея гордость и славу, является на Русь инокъ болгаринъ (каковъ былъ Киприанъ), какъ то доставшій себѣ санъ митрополита въ Константинополѣ, чтобы съ безчестіемъ свести Алексія съ его мѣста!“²⁾

Еще болѣе невыгодную характеристику грековъ съ нравственной стороны представляетъ собою эпизодъ поставленія на кафедру русской митрополии самозванца Пимена. Случай этотъ, оставившій такой глубокой слѣдъ въ сознаніи русскихъ, жизненно и правдиво рисуетъ отношенія грековъ къ дѣламъ русской митрополии вообще, и потому мы считаемъ нужнымъ, въ виду его особенной важности и научнаго интереса, остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Постъ смерти митрополита Алексія, котораго въ свое время какъ не грека, а русскаго, несмотря на ходатайство великаго князя и

¹⁾ Р. II. В. Т. VI. Приложения, № 30, столб. 173—174

²⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 215. Митрополитъ Платонъ, говоря о назначеніи Кипріяна митрополитомъ на Русь при жизни Алексія, дѣлаетъ такую оцѣнку дѣятельности константинопольскаго патріарха: „Сія поступка патріархова весьма предосудительна, и никакъ ее оправдать невозможно“. „Краткая церковная российская исторія“. (Изданіе 2-ое. Москва, 1823). Т. I, стр. 196.

митрополита—грека Феогноста ¹⁾ въ Константинополь не хотѣли поставить въ русскіе митрополиты, а согласились поставить лишь „послѣ надлежащаго самаго тщательнаго испытанія въ продолженіи почти цѣлаго года (ἐπειταὶ δεδωκότας ἀκριβεστάτη ἐνὶ ὀλόκληρον ἡδὺ ἐμικροῦ)“, продержавъ его для этого въ Константинополь ²⁾; — вели-

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 27. „Потомъ же паки пресвященный митрополитъ Феогнасть и епископомъ поставляетъ его (Алексія) своимъ рукама граду Владимиру, декабря 6, и посылаютъ о немъ князь великій Семень и митрополитъ Феогнасть послы свои въ Царьгородъ, къ царю и патриарху, просяще того Алексѣя по Феогностовѣ животѣ митрополитомъ на Рускую землю, и абие царь и патриархъ сътворяютъ волю ихъ“. Проф. Е. Е. Голубинский, говоря объ этомъ ходатайствѣ великаго князя и митрополита, замѣчаетъ по поводу его результатовъ: „Къ этому, митрополитъ Феогнасть былъ грекъ и—выражаясь тривиальнымъ языкомъ—долженъ былъ знать въ Константинополь всѣ входы и выходы, т. е. долженъ былъ знать, какими путями вести тамъ дѣло, чтобы добиться успѣха“. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 176.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложения, № 9. 1354 г. июня 30 „Настольная грамота патриарха Филовея владимірскому епископу Алексію на митрополию киевскую и всея Руси“. (Изъ Acta Patriarchatus, t. I, p. 336—340), столб. 41—52 Эта грамота является интереснѣйшимъ документомъ, характеризующимъ отношенія грековъ къ русской митрополи. Въ ней, патриархъ Филовей, упомянувъ о прекрасной рекомендаціи, данной вновь назначенному митрополиту его предшественникомъ, и о томъ, что и „благороднѣйшій великій князь куръ Іоаннь, по Господу возлюбленный и нарочитый сынъ нашей мѣрности, писалъ объ немъ къ высочайшему и святому моему самодержцу и къ святой Великой Церкви Божіей“, продолжаетъ такъ: „То мы, хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это—только ради столь добродѣльныхъ похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ, и по уваженію къ его добродѣтельной и богоугодной жизни, и при томъ—только относительно куръ Алексія, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому другому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архiereемъ: это предоставляется кому либо изъ [клириковъ] сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ, наученному и утвержденному въ силѣ слова, въ познаніи и примѣненіи законовъ церкви, дабы онъ могъ, какъ выше сказано, съ пользою и согласно съ церковною и каноническою практикою, разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христіанскій народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собою и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи. Это мы предлагаемъ исполнять и будущимъ послѣ насъ патриархамъ, какъ дѣло прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей“. Столб. 43—46. Проф. Т. Барсовъ справедливо говоритъ: „Смыслъ и цѣль сего опредѣленія понятны. Представляя прежде всего грековъ и затѣмъ всѣхъ бывшихъ и воспитавшихся въ Константинополь способными и достойными къ занятію кафедры русской митрополи, грамота, такимъ образомъ, окончательно заграждаетъ путь къ этой

кій князь и митрополитъ, не желая, чтобы мѣсто митрополита въ Москвѣ занялъ Киприанъ, явившійся литовскимъ ставленникомъ¹⁾ и урошившій себя въ глазахъ русскихъ, рѣшили избрать митрополита сами и въ самой Руси. Но придя къ такому рѣшенію, великій князь Дмитрій Ивановичъ и митрополитъ Алексій первоначально не сошлись въ выборѣ кандидата, такъ какъ митрополитъ Алексій желалъ видѣть своимъ преемникомъ Сергія Радопежскаго²⁾, а у великаго князя былъ намѣченъ въ кандидаты архимандритъ придворнаго Спасскаго монастыря Михаилъ, или, какъ его еще звали Митяй³⁾. Но такъ какъ кандидатъ митрополита Алексія рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему послѣднимъ предложенія⁴⁾,

кафедры русскимъ и въ особенности тѣмъ, которые были бы избраны въ Россіи и присланы оттуда въ Константинополь для рукоположенія. Подобное, оскорбительное для русскихъ и, въ частности, для ихъ природныхъ настырей постановленіе могло бы имѣть нѣкоторое основаніе, если бы опыты совершившихся въ Россіи выборовъ на митрополию были неудачны, а произведенные въ Константинополь—безукоризненны. „Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковію“, (СПб 1878), стр. 469. См также Проф. В. П. Сергѣевичъ „Русскія юридическія древности“ Т. II. Изд. 2-ое (СПб. 1900), стр. 546 и слѣд. Проф. М. А. Дьяконовъ, „Власть московскихъ государей“ (СПб 1889), стр. 5—6. Объ „испытаніи“ м. Алексія см. у проф. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 177.

¹⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложения, № 80, столб. 169—172.

²⁾ Никоновск. лѣтоп. Ч. IV, стр. 233. „О понужденіи святаго в митрополиты“. Ген. Карповъ. „Очерки изъ истории российской іерархіи: Церковная смута“. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 103.

³⁾ „Михаилъ, нарицаемый Митяй“—Никоновск. лѣтоп. Ч. IV, стр. 66—68; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 28. Митяй есть уменьшительное отъ Дмитрій (Митя. Митяй). Тверская лѣтопись называетъ Михаила—Митей. Объ этомъ прозвищѣ см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 226. См. также Никоновскую лѣтопись, Ч. IV, стр. 189: „А се дадѣ (в. к. Дмитрій) княгинѣ своей примысль Скирменовскую слоботку с Шепковымъ, Смоляны съ митяевскимъ починкомъ и с бортью, съ вышегородскими бортинки...“. Ю. Ф. Самаринъ въ своемъ изслѣдованіи „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“, говоря о сдѣйствіи русскихъ митрополитовъ политическимъ интересамъ московскихъ князей, замѣчаетъ: „Незадолго до смерти митрополита Алексея, великій князь Дмитрій Ивановичъ, предвидя его скорую кончину, захотѣлъ доставить митрополию своему духовнику, человѣку ему преданному, Митяю. Вѣроятно, черезъ него великій князь надѣялся открыть себѣ участіе въ дѣлахъ церкви. Съ этой цѣлью онъ по нѣскольку разъ приступалъ къ митрополиту Алексею, прося его благословить себѣ Митяя въ преемники“. Сочиненія. Т. V, стр. 190.

⁴⁾ Никоновск. лѣт., Ч. IV, стр. 233. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 61—62. Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 216. Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 103.

то и остался одинъ кандидатъ великаго князя, который представлялъ собою, по увѣренію лѣтописей, человѣка необыкновеннаго и феноменально замѣчательнаго ¹⁾. Тотчасъ послѣ смерти м. Алексія (12 февр. 1878 г.) архимандритъ Михаилъ былъ возведенъ великимъ княземъ, съ совѣта и одобренія бояръ, на дворъ митрополитичій, съ тѣмъ, чтобы до формальнаго поставленія въ митрополиты, управлять митрополіею въ качествѣ нареченнаго митрополита ²⁾. Какъ только патріархъ константинопольскій узналъ о смерти митрополита Алексія, то тотчасъ написалъ въ Москву грамоты, которыми увѣдомлялъ, что онъ „не принимаетъ“ Кипріяна, а „передаетъ русскую церковь грамотою архимандриту Михаилу..., которому, кромѣ рукоположенія, вручить всю власть надъ тою церковью (καὶ πλὴν τῆς χειροτονίας ἀδιῶ πάντων τῆν ἀρχὴν ἐνχειρίζει τῆς ἐκκλησίας ἐκείνης) и далъ грамоту, чтобы онъ прибылъ сюда для поставленія въ митрополита Великой Руси“ ³⁾.

И Михаилъ, спустя непродолжительное время послѣ нареченія въ митрополиты, сталъ готовиться къ путешествію въ Константинополь, но потомъ раздумалъ—„на ншу мысль предложись“ (по выраженію Никоновск. лѣтописи Ч IV, стр. 70) и сталъ убѣждать великаго князя, что онъ можетъ быть поставленъ въ митрополиты

¹⁾ Лѣтописи дѣлаютъ для него исключеніе, предлагая о немъ, какъ о весьма замѣчательномъ человѣкѣ, особая повѣсти. См. Никоновск. лѣт. Ч IV, стр. 66—77 („Повѣсть о Митяи“); П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 28—32 и друг. М. Макарій. II. Р. Ц. Т. IV, стр. 62; Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 226—229.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29; Никоновск. лѣт. Ч IV, стр. 233.

³⁾ „Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Имена и о возстановленіи Кипріяна въ званіи митрополита киевскаго и всей Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи“. Р. II. Б. Т. VI, Приложения, № 33, столб. 205—206. О присылкѣ грамотъ константинопольскимъ патріархомъ архимандриту Михаилу см. у митроп. Макарія. II. Р. Ц. Т. IV, стр. 63—64; Е. Е. Голубинскаго II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 235—236, 239. „Этимъ то обстоятельствомъ, (т. е. полученіемъ грамотъ отъ патріарха), говорить м. Макарій, которое не записано въ нашихъ лѣтописяхъ, объясняется, какъ Митяй, будучи только архимандритомъ, осмѣлился переселиться въ митрополитичій домъ, надѣтъ на себя бѣлый клобукъ митрополитичій, носить митрополитичью мантию и жезлъ, садиться въ алтарь на митрополитичьемъ мѣстѣ, распоряжаться всею казною и ризницею митрополита, править дѣлами церкви, собирать данн съ духовенства“. II. Р. Ц. Т. IV, стр. 64. Ср. характерное начало повѣсти „О Митяи архимандритѣ“, помѣщенной въ лѣтописи по Воскресенскому списку (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 28—29), гдѣ говорится о зазорномъ самовольствѣ Митяя, который „не поставленъ сый вселенскимъ патріархомъ, но самъ дръзну на таковой превысокий степенъ...“ См. также Никоновск. лѣт. Ч IV, стр. 233.

своими епископами въ Москвѣ. Убѣждая великаго князя, который очень любить и покровительствовалъ Митяю, сдѣлавъ его еще раньше своимъ духовникомъ и печатникомъ ¹⁾, послѣдній, по свидѣтельству лѣтописи, такъ говорилъ Дмитрію: „почтохъ правила святыхъ отецъ и обрѣтохъ сице въ нихъ: яко достоинъ спешшимся епископомъ, елицы обрящутся 5 или 6 да поставять епископа, и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да поведить дръжава твоя съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рустѣи земли подъ областю государьства твоего, и спешшемся поставять и мене въ епископы“ ²⁾ (по словамъ Никоновск. лѣт.—„да мя поставять епискупа и первосвятителя“) ³⁾. „Князь же великій Дмитрій повелѣтъ тако сему быти“ ⁴⁾.

Профессоръ Е. Е. Голубинскій высказываетъ осторожное предположеніе, что у Митяя, человѣка выдающагося, могла явиться мысль измѣнить порядокъ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ и что обстоятельства, повидимому, благопріятствовали этому смѣлому рѣшенію „Такъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ, говоритъ почтенный историкъ церкви, Михаилъ не имѣлъ совершенно никакихъ особыхъ побужденій желать, чтобы его поставленіе совершилось въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, ибо въ послѣдній онъ былъ призываемъ и ожидаемъ патриархомъ: то не невѣроятно предполагать, что у него, какъ у человѣка перядового, явилась смѣлая мысль ввести новый порядокъ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ, т. е. избранія и поставленія не въ Константинополѣ, а въ самой Россіи. Зная дѣла и людей въ Константинополѣ, онъ могъ надѣяться, что успеетъ получить тамъ согласіе на подобное, само собою понятно—очень важное, измѣненіе порядка замѣщенія кафедръ русской митрополитии: императоръ константинопольскій, находившійся тогда въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ положеніи, чрезвычайно нуждался въ деньгахъ (какъ извѣстно, именно съ тогдашнимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ случился тотъ невѣроятный анекдотъ, что онъ былъ заарестованъ своими кредиторами въ Венеціи, въ 1370 году, на возвратномъ пути отъ папы), а въ патриархіи константинопольской, весьма низко стоявшей тогда въ нравственномъ отношеніи, чрезвычайно

¹⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 68; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29—30. П. Знаменскій. И. Р. Ц. стр. 85.

³⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70.

⁴⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70

были жадны до этихъ послѣднихъ“¹⁾. Взглядъ профессора Е. Е. Голубинскаго кажется намъ довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что Митяи, по свидѣтельству лѣтописи, отличался рѣшительностью и смѣлостью; характеризуя его, Никоновская лѣтопись гласитъ: „бѣбо смѣль зело“²⁾. „Какъ человѣкъ образованный и книжный“³⁾, Митяи могъ осмыслить положеніе дѣлъ и придти къ мысли измѣнить порядокъ поставленія русскаго митрополита.

Великій князь и бояре изъявили согласіе на предложеніе Митяи, льстящее ихъ самолюбію, и въ Москву были созваны епископы. Но одинъ изъ нихъ разрушилъ задуманное; это былъ епископъ суздальскій Діонисій, питавшій затаенную вражду къ Михаилу, потому что самъ желалъ попасть на кафедру русскои митрополіи. Явившись въ Москву, онъ такъ рѣшительно протестовалъ предъ великимъ княземъ относительно намѣренія поставить Михаила въ Москвѣ, какъ поступка, противнаго церковнымъ правиламъ⁴⁾, что великій князь смутился и увидѣлъ себя выжужденнымъ оставивъ мысль, поданную ему нареченнымъ митрополитомъ, къ крайнему огорченію своего любимца⁵⁾. Между тѣмъ затаенная вражда между Михаиломъ и Діонисіемъ обнаружилась въ крайне рѣзкой формѣ, перейдя въ открытую ссору, и Михаилъ, отказавшись отъ своего намѣренія ставиться въ Москвѣ, увидѣлъ необходимость посѣщивъ въ Константинополь⁶⁾. Епископъ суздальскій, послѣ ссоры съ нареченнымъ митрополитомъ, также рѣшился идти въ Константинополь, чтобы пытаться добыть себѣ митрополію подъ Михаиломъ⁷⁾;

¹⁾ И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 239—240. См. также Митр Платонъ. „Краткая церковная российская история“ (изд. 2-ое) Т. I, стр. 201. Чт. въ П. О II и Д. 1864. IV, стр. 105

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 67.

³⁾ „Течение велие имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуя и чтеніе сладко и премудро и книгами глаголати премудръ зело“. Тамъ же, стр. 68.

⁴⁾ Діонисій рѣшительно возражалъ противъ проекта возвести Митяю въ санъ митрополита соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ и много возбранялъ великому князю говоря: „Кто тя тако научи претворяти законы, не подобаетъ убо тому тако быти“. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30.

⁵⁾ „Митяи же видя себе осрамлена и умышеніе его бездѣлно бысть“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70.

⁶⁾ Объ отношеніяхъ Михаила и Діонисія см. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70—71. М. Макарий. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 66—67; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 240—241.

⁷⁾ „Епископъ суздадский восхотѣ ити ко Царюграду, желаше бо и самъ на Митропольскомъ столѣ видети себя...“ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 71. „На

объ этомъ узнавъ послѣдній, и великій князь, по просьбѣ своего любимца, приказать задержать Діонисія въ Москвѣ¹⁾. Чтобы освободиться изъ подъ строгаго надзора, Діонисій далъ слово великому князю не ѣздить безъ его позволенія въ Константинополь и поручителемъ за себя представилъ Сергія Радонежскаго. Получивъ свободу, Діонисій менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю бѣжалъ въ Константинополь, „преухитривъ“ великаго князя и выдавъ своего поручителя²⁾. Михаилъ, заподозривая Сергія въ сообщничествѣ съ Діонисіемъ³⁾, страшно негодуя на него и грозя уничтожить его монастырь⁴⁾, самъ долженъ былъ поспѣшить путешествіемъ въ Константинополь, пробывъ на каѳедрѣ русской митрополіи годъ и пять мѣсяцевъ. Такъ какъ Михаилъ пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя, который шталъ къ нему необыкновенную дружескую привязанность⁵⁾, то и поѣздка его отличалась необыкновенною пышностью, а сопровождавшая его блестящая свита представляла изъ себя „полкъ великъ зѣло“⁶⁾, Кромѣ того великій

чемъ основывалъ свои надежды епископъ, для насъ вовсе не ясно и вовсе не видно; но ихъ нисколько не считалъ химерическими архимандритъ Михаилъ; не будучи въ состояніи дать дѣлу удовлетворительнаго объясненія, мы съ своей стороны можемъ только сдѣлать указаніе, что надежды дѣйствительно не были совсѣмъ химерическими: до насъ сохранилась грамота Діонисію патриарха Нила, преемника Макаріева, которою епископъ возводится въ архиепископъ; изъ этой грамоты оказывается, что Діонисій писалъ къ Макарію и что послѣдній приглашалъ его прибыть въ Константинополь (по господствовавшимъ тогда въ Константинополѣ нравамъ, не невозможно предпологать, что Макарій желалъ видѣть въ Константинополѣ двухъ претендентовъ на русскую митрополію для того, чтобы на аукціонномъ торгѣ продать ее за большую цѣну). Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 241. Грамота, о которой было упомянуто выше, помѣщена въ А. И. Т. I. Дополненія, № 251, стр. 471—473; Р. И. В. Т. VI, № 23, столб. 199—204.

¹⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 71: „... и не утапя еше (желаніе Діонисія сѣсть на столѣ митрополищемъ) отъ Митяя, и сказа великому князю, и совѣтова ему да возбранитъ Деонисію ко Царюграду ити, да пешедъ тамо сотворитъ спону моему поставленію. Князь велики же повелѣ Діонисія нужею удержати“.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30.

³⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 72. „И смутися Митяи негодоваше на Діонисія, еше же и на преподобнаго игумена Сергія, мня яко единомысленно соединились Сергіе с Деонисіемъ, нехотяще поставлениа его в митрополиты“. См. Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 115.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 233—234

⁵⁾ „Зело любяше Митяя и чествоваше его, яко отца паче всѣхъ“. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 72.

⁶⁾ О составѣ этой свиты см Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73—74; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30—31. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 68; Е. Е. Голубинскій.

князь, какъ повѣствуетъ намъ лѣтописное сказаніе, на случаи какихъ либо нуждъ и недостатка денегъ, по просьбѣ своего любимца, предоставилъ нареченному митрополиту возможность воспользоваться его (великаго князя) кредитомъ: Дмитрій далъ ему неписанныя хартии или бланки, но подписанныя великимъ княземъ и припечатанныя великокняжескою печатью, на которыхъ онъ могъ бы писать отъ лица великаго князя грамоты, какія находилъ нужными, заемныя письма или векселя, въ размѣрѣ надобности, не превышающемъ, конечно, кредитъ великаго князя¹⁾ Въ сопровожденіи блестящей свиты, въ составъ которой между другими входили три архимандрита, большое количество игуменовъ и прочаго духовенства, бояринъ великаго князя, представлявшій собою лицо послѣдняго, какъ его посолъ, и получившій начальство надъ всѣмъ поѣздомъ,—отправился нареченный митрополитъ въ Константинополь послѣ 20 іюля 1879 года. Самъ великій князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ епископы, архимандриты, священники и монахи, купцы и множество народа—проводили его далеко за городъ „съ великою честью и славой“²⁾.

Михаилъ направился на Рязань, откуда пошелъ въ степь ордынскую или татарскую, чтобы пройти ея до Чернаго моря: въ Ордѣ его было остановилъ Мамаи, который, какъ и вообще татары,

---

И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 242; Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ И. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116

¹⁾ „Князь же великій Дмитрій зѣло любляше Митяя, и въ сласть послушаше его, и егда уже къ путному шествію Митяи устремляшеся, и тогда дрзну просити у великаго князя наче мѣры прошенія, глаголя: „аще обрѣтохъ благодать предѣ тобою, да дай ми харатью не писану, а подписану и запечатану твоею печатью великаго князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ заняти сребра тысячу или колико въ оскудѣнии или въ нужи, да напишу си въ ней“; и сътвори князь великій по прошенію его и дасть ему такую харатью, глаголя: „да егда что ти будетъ надобе, то се ти буди и кабала моя съ печатью“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30. Слова великаго князя читаются въ болѣе подробномъ видѣ въ Никоновской лѣтописи: „возми сия, аще будетъ когда оскуденіе чего, или какова нужда и потребуеши что заняти у кого, или тысяща сребра или вяще, в томъ буди во всемъ кабала моя и с печатью“. Ч. IV, стр. 73. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 68; Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ И. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 242; Митрополитъ Платонъ. „Краткая церковная російская исторія“. Т. I, стр. 203.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73—74; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30. М. Макарій. Т. IV, стр. 68; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 242; Чт. въ И. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116.

огличаясь въротерпимостью¹⁾,—послѣ непродолжительной задержки, отпустилъ его съ честью, приказавъ выдать ярлыкъ, (сохранившійся до настоящаго времени), подтверждавшій права русской церкви²⁾, и велѣтъ проводить нареченнаго митрополита съ его громадной свитой до самаго моря³⁾ Сѣвъ въ Кафѣ на корабль. Михаилъ переплылъ Черное море и уже приближался къ Константинополю, такъ что уже сталъ виденъ послѣдній („близъ Царяграда бывши, яко видети уже Царьградъ близъ суца“—по словамъ лѣтописи), какъ внезапно заболѣлъ и скоростижно умеръ⁴⁾. „Нельзя искренно не пожалѣть, что такова была судьба человѣка, несомнѣннымъ образомъ чрезвычайно замѣчательнаго“, справедливо замѣчаетъ о смерти Митяя профессоръ Е. Е. Голубинскій⁵⁾. Трагическій конецъ этого княжескаго любимца даетъ поводъ современнику-лѣтописцу упрекнуть его и козыгнуть самого великаго князя „избраннемъ и хотѣнемъ мирскимъ“⁶⁾. Мы позволимъ привести это интересное и характерное мѣсто лѣтописи: „Се же преславно явленіе показа Богъ

¹⁾ С. М. Соловьевъ И. Р. Т. IV, столб. 1243; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 1—49 См также С. Г. Г. и Д. Т. II, №№ 2, 7

²⁾ О ярлыкѣ Митяю см. у В. В. Григорьева. „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству“ (Москва, 1842) „Не мѣшало бы однако вновь изслѣдовать этотъ вопросъ“, справедливо замѣчаетъ профессоръ Н. С. Суворовъ „Подлинность ярлыковъ возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія. До собора 1503 года никто и никогда не ссылался на ханскіе ярлыки, данные въ пользу русскаго духовенства Соборъ 1503 г. впервые привелъ ихъ, какъ аргументъ въ пользу неприкосновенности всего того, чѣмъ владѣла до тѣхъ поръ церковь на этомъ соборѣ, какъ извѣстно, поставленъ былъ вопросъ о неприличіи монахамъ и монастырямъ владѣть богатыми недвижимыми имѣніями. Древнѣйшій ярлыкъ Менгу Темпра, выданный безыменно русскимъ митрополитамъ, начинается несообразною въ устахъ монгольскаго хана фразою: Вышняго Бога силою и вышня Троицы волею“. Почтенному ученому разсужденія г. Григорьева о подлинности ярлыковъ кажутся „слабыми и неубѣдительными“. Проф. Н. С. Суворовъ. „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“. Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Книга 49 (Ярославль, 1889), стр. 210, примѣч. 341; стр. 219, 220.

³⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74, 83.

⁴⁾ Онъ былъ погребенъ въ какой то церкви въ Галатѣ. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74. О причинахъ смерти Митяя Никоновская лѣтопись повѣствуетъ. „Ини глаголаху о Митяи яко задушиша его, ини же глаголаху яко морскою водою умориша его, понеже и епискупи вси и архимариты и игумены и священницы и иноцы, і вси бояре и людіе не хотяху Митяя видети в митрополитехъ; но единъ князь великій хотяше“. Тамъ же, стр. 76. Р. И. В. Т. VI, № 33, столб. 206—208.

⁵⁾ И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 243

⁶⁾ Никоновск. лѣт Ч. IV, стр. 233.

неизреченными его судьбами, якоже Апостолъ глаголетъ. никтоже вземлетъ честь о себѣ, но званый отъ Бога. Сего бо предреченнаго Митяя не хотяше никтоже въ митрополи; епископи же, и игумены, и прозвиптери, и весь чинъ священническій и мниси вси моляху о томъ Бога, дабы не попустилъ Митяю въ митрополитехъ быти, но единъ князь великій хотяше его видѣти въ томъ чину: гои же, упова на любовь княжескую, о иномъ же ни о комъ не брегаше, аще бо и книги добръ свѣдѣше, но не вспомяну пророка глаголюща: добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя, и паки глаголетъ: не надѣйтесе на князя на сыны чelовѣскіа, въ нихъ же нѣсть спасеніа“¹⁾.

Но, несомнѣнно, болѣе грустную сторону внезапной смерти Михаила составляетъ то, что она послужила совершенно неожиданнымъ поводомъ къ весьма прискорбнымъ замѣшательствамъ на кафедрѣ русскои митрополи, такъ что „вся ея недолгая исторія обратилась какъ бы только въ присказку къ наимпечальнѣйшей сказкѣ“²⁾.

Послѣ внезапной смерти нареченнаго митрополита спутникамъ его слѣдовало возвратиться въ Москву ни съ чѣмъ, принеся лишь печальную вѣсть о кончинѣ Михаила. Но они не поступили такъ, а рѣшились поставить въ митрополиты одного изъ числа трехъ архимандритовъ, находившихся въ свитѣ. Эти архимандриты были: Іоаннъ—московского петровскаго монастыря, Пимень—перяславскаго горницкаго и Мартиніанъ—неизвѣстнаго коломенскаго³⁾. Мнѣшя оказались несогласными: одни желали Іоанна, а другіе Пимена. Между сторонниками обоихъ кандидатовъ произошли горячіе и продолжительные споры („распря и розгласи много бысть промежъ ихъ,“—Никон. л. Ч. IV, стр. 75), по наконецъ, одержали верхъ сторонники Пимена⁴⁾. На одной изъ неписанныхъ грамотъ или чистыхъ бланковъ, скрѣпленныхъ подписью и печатью великаго князя, данныхъ имъ Михаилу, они написали отъ имени великаго князя про-

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31 Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74. Чт. въ II. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 117—118.

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 244. Митрополитъ Макарій время послѣ смерти м. Алексія (около десяти лѣтъ) называетъ „самымъ смутнымъ временемъ въ исторіи нашей митрополи“. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 63.

³⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 75. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31—32. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 244. М. Платонъ. „Краткая церковная российская исторія“. Т. I, стр. 203.

шение къ царю и патриарху о поставленіи Пимена въ митрополиты¹⁾. Патриархъ константинопольскій Нилъ, исполняя мнимую просьбу великаго князя, согласился на это²⁾. Профессоръ Е. Е. Голубинскій, сообщивъ о поставленіи Пимена, задается вопросомъ, какъ объяснить совершенно невѣроятный поступокъ пословъ, рискнувшихъ, учинивъ подлогъ, распорядиться каедрой русской митрополи самимъ, безъ воли великаго князя,—и приходитъ къ выводу, что „единственно возможное и единственно вѣроятное объясненіе есть то, что они были увлечены и подбиты къ нему греками“³⁾. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ такимъ взглядомъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ и греческихъ актахъ утверждается, что патриархъ, ставя въ митрополиты Пимена, дался въ обманъ со стороны пословъ⁴⁾. „Но это—не только совершенная неправда, но и несообразнѣйшая ложь, чтобы не выразиться по отношенію къ тѣмъ, которые говорятъ.

¹⁾ „Пиминъ же съзираа ризницу и казну Митяеву, и обрѣте презрѣнную оную харатию, имущую подпись и печать великаго князя, а писана имущу, и тако умысливше сице написаха на ней „Отъ великаго князя Русскаго къ царю и патриарху Цареградскому. Послахъ къ вамъ, избравъ во своей земли, архимандрита Пимина, мужа честна, да поставите ми его митрополитомъ на Русь; того бо единого избрахъ на Руси, иного же паче того не обрѣтохъ“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31—32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 75.

²⁾ Подробности см. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76. Чт въ И. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 119.

³⁾ П. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 244—245.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76 и друг. Р. И. Б. Т. VI Приложения, № 33 „1389 г. въ февралѣ. Соборное опредѣленіе патриарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріяна въ званіи митрополита кievскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополи“ (изъ Acta Patriarchatus, t. II, p. 116—129). Здѣсь мы находимъ краснорѣчивый разсказъ объ этомъ случаѣ, невольнo приводящій на память изреченіе древняго лѣтописца о хитрости и неискренности грековъ: „суть бо Греци лживы и до сего дни“ („Лаврентіевская лѣтоп., подъ 971 г., стр. 29; Новгородская 1-ая лѣт., подъ 971 г., стр. 22 и др.) Вотъ это мѣсто: „Это (т. е. внезапная смерть Михаила), однакожъ, не утрашило тѣхъ негодяевъ—пословъ; напротивъ, согласившись на зло своей церкви, составивъ коварный планъ дѣйствій, сочинивъ подложныя грамоты, поставивъ сами себѣ пастыремъ нѣкоего іеромонаха, носившаго имя пастыря (Пимена) и обязавъ другъ друга клятвами о томъ, что никто изъ нихъ не скажетъ и не объявитъ истины, они представляютъ [тѣ] грамоты и себя святѣйшему и приснопамятному патриарху куръ Нилу, тогда только что принявшему церковное кормило. Онъ же, не зная ихъ лукаваго соглашенія и повѣривъ грамотамъ, какъ истиннымъ (ибо какъ могла подозрѣвать такое зло добрая и божественная душа, непричастная ничему злomu и исполненная всякой добродѣтели?), соборнѣ рукополагаетъ Пимена въ митрополита русскаго“. Столб.

ее, гораздо болѣе жестокимъ образомъ“¹⁾. Патриарху Макарію, предшественнику Нила, было писано изъ Москвы, что къ нему придеть для поставленія въ митрополиты Михаилъ, и патриархъ самъ писалъ къ нему, призывая его для посвященія въ Константинополь. Кромѣ того тамъ же находится митрополитъ Кипріанъ, который послѣ весьма неудачной поѣздки въ Москву²⁾ отправился въ Кон-

207—208. Архіепископъ Филаретъ въ своей II. Р. Ц. повторяетъ греческіе акты. II. Р. Ц. Періодъ II, стр. 128.

¹⁾ Е. Е. Голубинскій II. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 245. „А если историки наши вѣрятъ этой лжи, не находя ничего недоумѣннаго для себя въ томъ, что спутники архим. Михаила по собственной инициативѣ рѣшили замѣнить его кандидатомъ въ митрополиты подложнымъ, то понятию велико ихъ простодушіе“. Тамъ же, стр. 245.

²⁾ О поѣздкѣ митрополита Кипріана въ Москву см. Митрополитъ Макарий II. Р. Ц. Т. IV, стр. 63—66; Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 232—235; С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1250; П. Знаменскій II. Р. Ц., стр. 86. Чт въ II. О. II и Д. 1864, IV, стр. 106—113. См также „Православный Собесѣдникъ“, 1860, Ч. II, стр. 85—102 и Ч. I, стр. 448—462, Р. II. Б. Т. VI, № 20 „1378 г. іюня 23. Грамота митрополита Кипріана къ преосвященному Сергію радонежскому и Феодору, игумену симоновскому, съ жалобами на великаго князя Дмитрія Ивановича и съ обличеніемъ незаконныхъ притязаній архимандрита Митяя на московскую митрополию“, столб. 173—186. Политическая борьба Москвы съ Литвой уже съ первыхъ шаговъ связана съ борьбой за митрополию и митрополита; борющіяся стороны руководствуются церковно-политическими расчетами. Еще въ болѣе ранній періодъ боровшіеся за политическое преобладаніе князя очень рано оцѣнили важное политическое значеніе митрополита всея Руси. Съ одной стороны, князьямъ представлялась слишкомъ очевидной выгода имѣть каеедру высшаго представителя помѣстной церкви—митрополита въ своемъ стольномъ городѣ, такъ какъ митрополитъ могъ содѣйствовать возвышенію авторитета мѣстнаго князя (см. объ этомъ у м. Макарія II. Р. Ц. Т. V, стр. 288—289); съ другой стороны—мѣстными правительствами сознавались невыгоды подчиненія Кіеву, а впоследствии Москвѣ всѣхъ прочихъ княженій. Московскіе князья не допускаютъ мысли о переводѣ митрополичей каеедры въ предѣлы враждебной Литвы или о принятіи на каеедру митрополіи всея Руси литовскаго ставленника: они слишкомъ хорошо сознаютъ политическое значеніе живущаго у нихъ и благорасположеннаго къ нимъ митрополита. Исторія м. Петра, Алексія прекрасно подтверждаетъ этотъ взглядъ. Митрополитъ Кипріанъ, помимо его предосудительныхъ поступковъ въ дѣлѣ поставленія его при жизни м. Алексія,—явился претендентомъ на каеедру митрополіи всея Руси, будучи уже литовскимъ митрополитомъ. Изгнаніе его изъ Москвы „съ великимъ безчестіемъ“ должно быть отнесено и къ тому, что онъ былъ литовскимъ ставленникомъ (объ этомъ см. Р. II. Б. Т. VI Приложенія, № 30, столб. 169—172). Самъ митрополитъ Кипріанъ пишетъ объ этомъ: „Которую вину нашель есть на мнѣ князь великій?.. Кладеть на меня вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое“. Р. II. Б. Т. VI, № 20, столб. 182. „Но понятно, справедливо говорить объ этомъ случаѣ С. М. Со-

стантинополѣ, чтобы получить себѣ кафедру митрополи всея Руси¹⁾. Въ Константинополѣ находился также и епископъ суздальскій Дюнисій, прѣхавшій туда раньше пословъ; наконецъ, нельзя допустить, чтобы сами послы, при ихъ многочисленности, при отсутствіи единомыслия между собою и спорахъ и при способности грековъ вывѣдывать тайны,—могли сохранить свою тайну въ секретѣ²⁾. Слѣдовательно въ Константинополѣ хорошо и вполне достовѣрно было извѣстно, что посланъ былъ туда для поставленія архимандритъ Михаилъ, а не кто-либо другой. Но если въ Константинополѣ отлично знали истинное положеніе дѣлъ и поставили митрополитомъ Пимена, то, по вѣрному замѣчанію профъ Голубинскаго, представляется необходимымъ предполагать, что и самая мысль о замѣнѣ дѣйствительнаго кандидата фальшивымъ была подана посламъ тамъ же³⁾. Образъ же дѣйствіи патріарха, защищавшаго Пимена даже и послѣ того, когда онъ не могъ притворяться незнающимъ, что поставить Пимена какъ кандидата незаконнаго, и усиленно хлопотавшаго за него предъ великимъ княземъ⁴⁾,—даетъ основаніе предполагать,

ловьевъ, что если въ Литвѣ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего. И. Р. Т. IV, столбъ 1249

¹⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 30, столбъ. 174—176

²⁾ Вызываетъ недоумѣніе то обстоятельство, что наши лѣтописи, покрывая грековъ, утверждаютъ будто послѣдніе сдѣлались жертвою обмана пословъ; но это недоумѣніе объясняется предположеніемъ, что въ русскихъ лѣтописяхъ въ данномъ случаѣ говоритъ никто иной, какъ митрополитъ Кириакъ, желавшій облить грековъ, на что, по словамъ профъ Е. Е. Голубинскаго, „имѣются тутъ и положительныя доказательства“. И. Р. Ц. Т. II. II, стр. 245.

³⁾ Профес. Е. Е. Голубинскій приводитъ слѣдующія остроумныя соображенія по этому вопросу: „Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ представлять себѣ пословъ людьми безумными и двуголовными; а если такъ, то какія побужденія они могли имѣть къ невѣроятному поступку, который ничего не могъ доставить имъ, кромѣ того, чтобы привлечь на нихъ страшный гнѣвъ великаго князя? Но другое дѣло—греки. Послы привезли съ собою оставшуюся послѣ Митяя казну митрополичью (Никонъ лѣт Ч. IV, стр. 74),—какъ можно думать по отношеніямъ послѣдняго къ великому князю, огромную; они привезли съ собою неписанныя хартии великаго князя, посредствомъ которыхъ можно было занять денегъ, сколько угодно. Если бы послы воротились домой, только похоронивъ Михаила въ Константинополѣ; то все это было бы увезено ими назадъ въ Москву. Между тѣмъ все это могло остаться въ Константинополѣ, будь только они подбиты къ тому, чтобы вмѣсто дѣйствительнаго умершаго кандидата искать мѣсто митрополита другому—подставному“. И. Р. Ц. Т. II. II, стр. 246.

⁴⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 33. „Узнавъ объ этомъ (о заключеніи великимъ княземъ м. Пимена подъ стражу и о наказаніи пословъ) и почитая

что греки, подбивая пословъ къ столь дерзкому поступку, за который гдѣ неминуемо должны были подвергнуться страшному гнѣву великаго князя, могли обнадеживать пословъ, что они — греки съумѣютъ обфлиить и оправдать ихъ предъ государемъ. Надо думать, что и послы, заплативши извѣстную сумму грекамъ, нѣкоторую часть кааштала, подъ видомъ платы грекамъ, раздѣлили между собою; такимъ образомъ—„это поставленіе Пимена въ митрополиты должно быть представляемо какъ обоюдостороннее грабленіе великаго князя—и чужими и своими“¹⁾. Наши лѣтописи утверждаютъ, что грабленіе это было чисто баснословное и чудовищное по своимъ размѣрамъ, а именно,—что не только была истрачена вся наличная привезенная казна митрополита, которая, какъ мы уже сказали выше, должна была представляться огромною, но что было занято у мѣстныхъ константинопольскихъ банкировъ — „у Фрязи у бесермянь“²⁾ на имя великаго князя, подъ его векселя, написанные на его грамотахъ или бланкахъ, больше двадцати тысячъ рублей серебра, (что на наши теперешнія деньги будетъ болѣе двухъ милліоновъ рублей кредитныхъ)³⁾ и „разсулиша посулы многи, и раздаваша сюду и сюду, а яже поминковъ и даровъ никтоже можетъ рещи или изчислити, и тако едва возмогаша утолити всѣхъ“⁴⁾.

недобрымъ дѣломъ, если человекъ, получившій рукоположеніе отъ церкви, какимъ бы то ни было образомъ подвергнется тѣлесному бѣдствію отъ мірскихъ властей (*παρά τῶν κοσμικῶν ἀρχόντων*), патриархъ посылаетъ грамоту князю, прося принять Пимена, какъ мѣстнаго архіерея (*ὡς ἀρχιερέα τοῦ τόπου*). Такимъ образомъ, послѣ отправленія многихъ грамотъ противъ куръ Киприана и еще большаго числа въ пользу Пимена, этотъ послѣдній одолеваетъ и получаетъ ту церковь. Столб. 209—210

¹⁾ Е. Е. Голубинскій. II Р. Ц. Т. II П. I, стр. 246—247

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76.

³⁾ См статью профессора В. О. Ключевского—„Русскій рубль XVI—XVIII в въ его отношеніи къ нынѣшнему“ (Чт. въ II О. II и Д. 1884, II), гдѣ доказывается, что рубль начала XVI вѣка, а слѣдовательно и болѣе ранняго времени, равнялся не менѣе какъ ста кредитнымъ рублямъ настоящаго времени. См. также II Р. Ц. проф. Е. Е. Голубинскаго. Т. II П. I, стр. 437, 879. Ср. Чт. въ II О. II и Д. 1864, IV, стр. 121, примѣч. 13.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76. II С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32: „Пиминъ же кабалою оною великаго князя съ своими свѣтниками позаимаше серебро въ ростъ на имя великаго князя у Фрязь и у Бесермень, ростеть же серебро то и досель, и розсулиша посулы, и раздаваша много на всѣ стороны, яко охтаныхъ свидѣтельствуеть: но съборъ суетныхъ испльни мадою десницу ихъ“. Митрополитъ Платонъ такъ заканчиваетъ исторію поставленія Пимена: „Сими подкупами прельстившисъ царь и патриархъ, наконецъ склонились на просьбу русскихъ, и Пименъ патриархомъ Ниломъ поставленъ въ митрополита на

Послы прибыли въ Константинополь не позднѣе конца августа или начала сентября 1379 года; Пимень же, какъ видно изъ соборнаго дѣянiя о его поставленiи¹⁾, былъ поставленъ въ юнѣ 1380 года, послѣ довольно продолжительнаго пребыванiя въ Константинополь. Медленность эта объясняется тѣмъ, что послы прiѣхали въ Константинополь въ то время, когда патриаршая кафедра оставалась вакантною²⁾, а сановники и чиновники патриаршiе, увидѣвъ себѣ выгоду въ поставленiи фальшиваго кандидата, удержали послевъ въ Константинополь до избранiя новаго патриарха. Два человека должны были протестовать и заявлять въ Константинополь о самозванствѣ Пимена: митрополитъ Киприанъ и епископъ суздальскiй Дiонисiй. Что касается перваго изъ нихъ, то изъ соборнаго опредѣленiя 1380 г. мы узнаемъ, что онъ долженъ былъ отказаться отъ протестовъ и отъ домогательствъ кафедры русской митрополiи въ виду угрозы, что онъ, какъ поставленный въ митрополиты незаконно при жизни м. Алексiя, будетъ лишень и кафедры литовской. Отчаявшись въ благопрiятномъ исходѣ своего дѣла, не дождавшись поставленiя Пимена, Киприанъ, по свидѣтельству того же соборнаго опредѣленiя, „тайно убѣждалъ, ни съ кѣмъ не простившись (*λῆθρα φεύων φήκετο, μηδὲ προσήματος ἀξιώσας τινά*)“³⁾. Дiонисiй же получилъ въ Константинополь титулъ архіепископа; можно думать, что это повышение было ему дано за его скромность, за то, чтобы онъ согласился не выступать лицомъ формально протестующимъ противъ назначенiя фальшиваго кандидата⁴⁾.

Исключительныя обстоятельства въ тогдашней Руси, готовившейся встрѣтить грудью страшное нашествiе Мамаю, даютъ намъ вѣроятное объясненiе, почему великiй князь, поглощенный заботами

Русь, сказавъ притомъ царь и патриархъ, аки въ посмѣяне Россiянамъ, а себѣ яко во оправданiе: о Русь! или право или неправо глаголете; но мы истинствуемъ, и творимъ и глаголемъ, вѣру имѣя вамъ“. „Краткая церковная российская исторiя“. Т. I, стр. 203.

¹⁾ „Соборное опредѣленiе патриарха Нила о незаконномъ поставленiи Киприана въ митрополита киевскаго и объ усвоени этого титула новопоставленному митрополиту Великой Руси Пимену“ (1380 г. въ юнѣ). Р. И. В. Т. VI. Приложенiя, № 30, столб. 165—184.

²⁾ См. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 247, прим. 4; стр. 248, прим. 1.

³⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенiя, № 30, столб. 175—176.

⁴⁾ „Грамота константинопольскаго патриарха Нила о возведенiи Дiонисiя, епископа суздальскаго, въ санъ архіепископа“. А. И. Т. I (Дополненiя). № 251, стр. 471—472; Р. И. В. Т. VI, № 23, столб. 199—204. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 130—131

о собираніи великой рати противъ татаръ, въ теченіе девяти—десяти мѣсяцевъ не узнать ни о смерти своего любимца, ни о преступныхъ замыслахъ и дѣяніяхъ своихъ пословъ въ Константинополь.

Поставленный въ митрополиты. Пимень не спѣшилъ возвратиться на Русь. Нужно думать, что необходимо было приготовить почву для благоприятнаго его приема въ Москвѣ¹⁾. Но великий князь, узнавъ о томъ, что надѣлали его послы въ Константинополь послѣ внезапной смерти Михаила, пришелъ въ страшный гнѣвъ, рѣшилъ не принимать Пимена и послать за Киприаномъ, находившемся тогда въ Кіевѣ²⁾. Последний прибылъ въ Москву 23 мая 1381 года, „князь же великій Дмитрій Пвановичъ пріять его съ великою честію и любовію“³⁾. Когда же въ декабрѣ того же 1381 года явился въ предѣлы Руси Пимень, возвращавшійся изъ Константинополя, и достигъ Коломны, пограничнаго города великаго княжества, великий князь велѣлъ схватить его и отправить въ ссылку въ Чухлому (костромскую) не завозя въ Москву⁴⁾, а членовъ посольства развести по разнымъ мѣстамъ и посадить въ желѣза⁵⁾.

Такъ какъ великій князь примирился съ митрополитомъ Киприаномъ, самъ призвалъ его въ Москву, то казалось бы, что вся эта печальная история должна была окончиться; но огромныя деньги, розданныя Пименомъ въ Константинополь, способствовали ея дальнѣйшему продолженію. Патриархъ Нилъ, узнавши о печальной участи, постигшей Пимена, обратился къ великому князю съ новыми настоятельнѣйшими ходатайствами: онъ началъ осаждать великаго князя своими грамотами, въ которыхъ онъ, обвиняя Киприана, ходатайствовалъ за Пимена⁶⁾. Слѣдствиемъ этихъ грамотъ

¹⁾ Е. Е. Голубинскій И Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 249

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32

³⁾ П. С. Р. Л. Т. I (Троицкая л.), стр. 233; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 77 подробно описываетъ пріѣздъ въ Москву и встрѣчу м Киприана.

⁴⁾ „Не замая Москвы“—по свидѣтельству Никоновск. лѣтописи. Ч. IV, стр. 78.

⁵⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 77—78; П. С. Р. Л. Т. II, стр. 351; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32, 42. „Соборное опредѣленіе патриарха Антонія“ (1389 г.) такъ повѣствуетъ о наказаніи пословъ: „Пословъ же, которые ему содѣйствовали, однихъ лишаетъ имущества, другихъ наказываетъ ссылкой, нѣкоторыхъ—темницею и ударами, а иныхъ подвергаетъ тягчайшей казни—предаетъ смерти“. Р. И. Б. Т. VI Приложенія, № 33, столб. 209—210

⁶⁾ Тамъ же, столб. 209—210

было то, что великій князь отослалъ Кипріяна изъ Москвы и призывалъ на кафедру заточеннаго Пимена¹⁾. Пробывъ слишкомъ три года въ Константинополѣ, возвратился (въ началѣ 1383 г.) на Русь Діонисій суздальскій, получившии отъ патріарха санъ архіепископа²⁾, и задумалъ здѣсь достать себѣ подѣ Пименомъ престолъ русской митрополіи, о которомъ давно мечтали. Разказалъ ли онъ великому князю исторію поставленія Пимена во всей ея безобразной правдѣ, или впервые сообщилъ ему о громадной суммѣ денегъ, занятой Пименомъ и посланн на его—великаго князя имя, но только онъ достигъ того, что возстановилъ великаго князя противъ Пимена:

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. I (Троцкая лѣт.), стр. 233; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 139, 140; П. С. Р. Л. Т. V, стр. 238; Т. VIII, стр. 48; Новгородск. I лѣт., стр. 370. См. также Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II, I, стр. 250—251; Макария И. Р. Ц. Т. IV, стр. 72—73. Митрополитъ Платонъ по поводу неудовольствія великаго князя Дмитрія Ивановича на м. Кипріяна за его отбѣздъ изъ Москвы въ Тверь во время нашествія Тохтамыша замѣчаетъ: „Никакъ не вѣроятно, какъ нѣкоторые лѣтописцы пишутъ, что аки бы князь Дмитрій прогнѣвался за то, что онъ отлучился изъ Москвы; ибо и самъ великій князь изъ нея убѣжалъ. И ему болѣе, нежели митрополиту, надлежало градъ свой защищать. Вѣроятнѣе другой лѣтописецъ пишетъ, что по бытности митрополита въ Твери, князь тверской поѣхалъ въ Орду, доискиваться великаго княженія, и великій князь подозрѣвалъ, что онъ то учинилъ по совѣту митрополита.“ „Краткая церковная российская исторія“. Т. I, стр. 215. Митрополитъ Макарий также высказываетъ взглядъ, что великаго князя „могло огорчить не столько то, что Кипріянъ удалился тогда изъ Москвы, сколько то, что онъ удалился именно въ Тверь—къ родоственику Ольгерда и давнему врагу московскаго князя—Михаилу Александровичу, который первый потомъ послалъ дары къ Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ“. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 72 (см. также Т. Барсовъ. „Константинопольскій патріархъ.“, стр. 466). Взгляды этотъ имѣетъ достаточныя основанія, чтобы совершенно игнорировать его, какъ это дѣлаетъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, высказывающій мнѣніе, что наши лѣтописцы, не зная о стараніяхъ патріарха предъ вел. княземъ за Пимена, считаютъ гнѣвъ великаго князя на Кипріяна за его бѣгство изъ Москвы дѣйствительной причиною его удаленія (И. Р. Ц. Т. II, I, стр. 251, примѣч. I). Не умаляя значенія патріаршихъ ходатайствъ за своего ставленника—Пимена, ходатайствъ весьма сильныхъ и многократныхъ, мы также должны дать мѣсто совершенно основательному предположенію м. Макарія и проф. Барсова, что великій князь могъ быть недоволенъ на Кипріяна за его бѣгство именно въ Тверь. Объ этомъ см. С. М. Соловьевъ И. Р. Т. III, столб. 960—969; 983—984; С. Г. Г. и Д. Т. I, № 28; П. Знаменскій. И. Р. Ц., стр. 86—87. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 136—139; П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 90; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 92—93; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 47—48; Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Арх. К. (Спб. 1888), стр. 370—371.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 48

великій князь послалъ Діонисія въ Константинополь, давъ ему въ спутники симоновскаго архимандрита Теодора „управленія ради митрополити русскія“, какъ глухо говорятъ русскія лѣтописи, а по свидѣтельству греческихъ актовъ, для того, чтобы требовать низложенія Пимена и хлопотать о поставленіи на его мѣсто самого Діонисія¹⁾ Здѣсь Діонисій, съ своей стороны, старался расположить къ себѣ, кого нужно, льстивыми словами и другими незаконными средствами — „вѣроятно, обычными подарками и деньгами“, по вѣрному замѣчанію митрополита Макарія²⁾. „Не можетъ не подлежать никакому сомнѣнію, замѣчаетъ другой историкъ церкви, что патріархъ очень хорошо зналъ о незаконности и подложности кандидатуры Пимена и въ то время, какъ ставилъ его въ митрополиты; но теперь ему были принесены и представлены формальныя заявленія относительно этого лица отъ великаго князя, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ притвориться введеннымъ въ обманъ и отказаться отъ Пимена, т. е. пожертвовать симъ послѣднимъ“³⁾. Дѣйствительно, патріархъ такъ и поступилъ. Вотъ что мы читаемъ въ соборномъ опредѣленіи 1389 года: „Послѣ того, какъ противъ Пимена высказано было столько обвиненій, соборъ съ согласія патріарха и соизволенія на то высочайшаго и святого моего самодержца, призналъ справедливымъ, послать двухъ архіереевъ и сановниковъ—одного изъ церковныхъ, другого—царскаго, чтобы они изслѣдовали дѣло Пимена и, если окажется справедливымъ, что говорятъ на него, пменно, что онъ рукоположенъ при помощи обмана, лжи и подлога, то пусть низложатъ его, извергнуть изъ церкви и поставятъ въ ней Діонисія“⁴⁾. Патріархъ не рѣшился поставить Діонисія въ митрополиты, какъ можно думать, потому, что желалъ помирить великаго князя съ Пименомъ, и недовѣрялъ Діонисію, считая представленныя имъ грамоты великаго князя подложными. Осенью 1384 года или зимой 1384—1385 г. явились въ Москву патріаршіе митрополиты⁵⁾, но не могъ явиться туда нареченный въ митрополиты Діонисій, котораго, при помощи кievскаго князя Владиміра Ольгердовича, задержать въ Кіевѣ митро-

¹⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія. № 33, столб. 211—212.

²⁾ И. Р. Ц. Т. IV, стр. 73.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 252.

⁴⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 211—214. См. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 145.

⁵⁾ Матеей и Никандръ. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49. М. Макарій И. Р. Ц. Т. IV, стр. 74. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 253.

полить Кириана, чтобы забавиться отъ новаго соперника. Около года прожилъ Діонисій въ Кіевѣ подъ стражею и тамъ скончался 15 октября 1385 года¹⁾; сопровождавшій же Діонисія въ Константинополь Феодоръ симоновскій благополучно возвратился домою и принесъ отъ патриарха—себѣ самому санъ архимандрита, а своему монастырю—право ставропигии²⁾. „Какъ видно, добавляетъ по этому случаю проф. Е. Е. Голубинскій, въ Константинополь господствовали тогда такіе нравы, что если бы отправились туда за покупками всѣ русскіе епископы и игумены, то никто не возвратился бы съ пустыми руками“³⁾. Великій князь и послѣ захвата Діонисія въ Кіевѣ не хотѣлъ примириться ни съ Пименомъ, ни съ Кирианомъ, вслѣдствіе участія послѣдняго въ насильственномъ задержаніи Діонисія. Можно думать, что великій князь требовалъ поставленія себѣ новаго митрополита, но новый митрополитъ не былъ поставленъ, и великому князю предстояло то, что при существованіи двухъ митрополитовъ, онъ не будетъ имѣть у себя ни одного. Оставивъ патриаршихъ пословъ въ Москвѣ пользоваться гостепріимствомъ великаго князя, Пимень въ маѣ (9-го) 1385 года снова отправился въ Константинополь, чтобы хлопотать тамъ объ укрѣпленіи себя на кафедрѣ русской митрополіи⁴⁾, зайдя передъ отправленіемъ въ Константинополь въ Новгородъ за пошлыми митрополитчьяго мѣсячнаго суда⁵⁾.

¹⁾ Лѣтописи ошибочно утверждаютъ, будто Діонисій былъ поставленъ патриархомъ въ митрополиты. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49. О его смерти см. тамъ же, стр. 49. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 351, подъ 1384 годомъ; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгородская 4 лѣт.), стр. 97.

²⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 145; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49. См. также Никоновск. лѣт. Ч. IV. „О составленіи монастыря на Симоновѣ“, стр. 227—231.

³⁾ Е. Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 254. Объ этомъ также краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и „Окружная грамота Литовскаго великаго князя Александра—Витовта, объ отдѣленіи Кіевской митрополіи отъ Московской, и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“. „И то есмо на нихъ (царя и патриарха) гораздо познали, говоритъ Витовтъ, што жъ они хотять того, штобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, штобы таковой въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносить“. Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи Т. I, № 25, стр. 36.

⁴⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгородская 4-ая лѣт.), стр. 91.

⁵⁾ П. С. Р. Л. Т. V, стр. 239. Соборное опредѣленіе 1389 г. утверждаетъ, что послы патриарха, „разслѣдовавъ дѣла Пимена, нашли всѣ обвиненія противъ него правильными и извергли его изъ церкви...“, а Пимень, изверженный изъ той церкви, согласно состоявшемуся здѣсь соборному рѣшенію патриар-

Послѣ прибытія Пимена въ Константинополь ¹⁾, патріархъ выписалъ къ себѣ грамотой Кириана, который и явился туда въ сопровожденіи патріаршихъ митрополитовъ, возвратившихся изъ Москвы. Патріархъ не желалъ ставить новаго митрополита на Москву, но предложилъ дать судъ двумъ существующимъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ долженъ быть признанъ имѣющимъ законное право на кафедрѣ русской митрополіи. „Совершенно непонятно, говоритъ историкъ русской церкви, почему и по какимъ побужденіямъ патріархъ, столько передъ великимъ княземъ виновный дѣломъ поставленія Пименова, хотѣлъ навязать ему того или другого изъ не желаемыхъ имъ митрополитовъ. Но не только непонятно, но и совершенно не можегь быть извинено поведеніе патріарха, который, предполагая дать великому князю того или другого изъ нежелаемыхъ послѣднимъ митрополитовъ, не хотѣлъ дать ему ни одного: митрополиты въ ожиданіи суда прожили въ Константинополѣ, а великій князь пробылъ въ неизвѣстности,—кто будетъ у него митрополитомъ и безъ всякаго митрополита, около трехъ лѣтъ—до конца 1387-го—начала 1388 года. Медлилъ ли патріархъ такъ долго судомъ потому, что вообще не находилъ нужнымъ торопиться съ дѣлами русской церкви, или же онъ имѣлъ къ этому какія нибудь другія особенныя побужденія: но когда видѣшь, что на цѣлую церковь люди смотрѣли какъ на свою игрушку, то невольно овладѣваетъ тобою страшная грусть...“ ²⁾.

Столь печальное положеніе русской церкви, переживавшей смутное время и остававшейся нѣсколько лѣтъ безъ митрополита, заставило новгородцевъ, по свидѣтельству новгородской четвертой лѣтописи, усиленно просить своего архіепископа Алексія, оставившаго добровольно кафедру и переселившагося въ „монастырь святого Въскресенія на Деревяницу своего ради нездравія“ не покидать дома святой Софьи въ такую тяжелую пору. „Посадникъ же Есифъ Захарыинъ, читаемъ мы въ лѣтописи, съ мужи старѣйшими, бина ему челомъ и много молиша ѿ всѣмъ Новымъ городомъ о томъ.

ха, бѣжалъ оттуда, сложивъ съ себя монашескія одежды, надѣвъ мѣрскія и, послѣ долгихъ скитаній съ мѣста на мѣсто, достигнулъ царствующаго града“. Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 213—214.

¹⁾ По прибытіи Пимена въ Константинополь патріархъ дозволилъ ему священнодѣйствовать и пользоваться архіерейскими преимуществами, пока не возвратятся послы, производившіе надъ нимъ слѣдствіе. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 74—75. Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 215—216.

²⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 254—255.

чтобы онъ побылъ (вар. „еще побылъ“) въ дому Святѣи Софыи дондеже извѣдаемъ, кто будетъ митрополитъ Руской земли“¹⁾.

Наконецъ, Киприанъ одолѣвъ Пимена, а послѣдній, сойдясь съ Θεодоромъ симоновскимъ, вновь присланнымъ великимъ княземъ къ патриарху²⁾ съ подтвердительными требованиями къ патриарху о низложеніи Пимена и съ доказательствами его виновности³⁾, не дожидаясь соборнаго суда надъ митрополитами, „сдѣлались единомышленниками (ἀλλήλοις ὁμολογησαντες) и, вступивъ въ заговоръ между собою и давъ другъ другу клятвы и сдѣлавъ нѣкоторыя взаимныя обязательства и вступивъ въ нѣкоторыя неподобныя связи“ бѣжали изъ Константинополя въ Анатолію (Малую Азію) къ туркамъ и, „найдя у нихъ поддержку, осмыслили многими ругательствами и царство и церковь (πολλὰς ὄβριαις ἐκχέαντες κατὰ τῆς βασιλείας αἶμα καὶ τῆς ἐκκλησίας)“, т. е. бранили и императора и патриарха⁴⁾. Вѣроятно, Пимень, увидѣвши, что въ Константинополѣ шансы побѣды склоняются на сторону Кипріана, бѣжалъ къ туркамъ, покорившимъ значительнѣйшую часть византийской имперіи, чтобы при турецкой поддержкѣ и помощи оказать давленіе на императора и патриарха и, такимъ образомъ, одержать верхъ надъ своимъ противникомъ⁵⁾. Но Пимену не удалось выиграть дѣло при помощи турокъ; императоръ и патриархъ нѣсколько разъ и успешно приглашали бѣглецовъ возвратиться въ Константинополь⁶⁾,

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 95

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 50

³⁾ Митрополитъ Платонъ въ своей „Краткой церковно-россійской исторіи“ высказываетъ предположеніе, о томъ, не желалъ ли великій князь, чтобы Θεодоръ былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси. Но основаніемъ для такого взгляда служить лишь неполнота свѣдѣній въ нашихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ не сказано, для какихъ цѣлей былъ посылаемъ Θεодоръ въ Константинополь, но лишь сообщается, что онъ возвратился оттуда въ санѣ архіепископа. „Краткая церковно-россійская исторія“ (изд. 2). Т. I, стр. 223, 226.

⁴⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 215—218. Ср. также въ „Троицкомъ Патерикѣ“ (изданіе Троицкой Сергіевой Лавры, 1896 г.), стр. 82—83, гдѣ сказано, что Θεодоръ, „въ ожиданіи полнаго собора (о низложеніи Пимена) отправился съ Пименомъ въ Іерусалимъ: это навлекло на него неприятели со стороны патриарха“.

⁵⁾ Объ этомъ см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, I, стр. 255—256.

⁶⁾ „Узнавъ объ этомъ (т. е. о бѣгствѣ Пимена и Θεодора), высочайшій и святой мой самодержецъ и тотъ святой патриархъ употребили все старанія, чтобы найти ихъ и убѣдить снова возвратиться. Первый послалъ людей, чтобы привести ихъ, второй отлученіе съ грамотою, грозившею запрещеніемъ священнодѣйствія и отлученіемъ, если не возвратятся. Они же никакъ не захотѣли того. И опять послана отъ патриарха грамота, подобная прежней, а отъ святого царя сановники, съ его священными энколпіями (ἐγκόλπιον—

но они не хотѣли этого сдѣлать, послѣ чего Пимень былъ низложенъ съ престола, а Кипріанъ былъ провозглашенъ законнымъ митрополитомъ всея Руси. Этотъ патріаршій приговоръ состоялся въ концѣ 1387-го или въ началѣ 1388 года. Но Кипріанъ, признанный законнымъ митрополитомъ всея Руси, не спѣшилъ ѣхать въ Москву, такъ какъ онъ, имѣя за собою такую вину, какъ задержаніе Діонисія, не могъ рассчитывать на благосклонный пріемъ со стороны великаго князя¹⁾. Пимень же, несмотря на свое низложение, явился въ Москву въ іюль (6-го) 1388 г²⁾ и былъ принятъ великимъ княземъ. Вѣроятно, онъ или утаилъ отъ великаго князя о своемъ низложении, найдя себѣ сообщника въ лицѣ Θεодора, или же уговорилъ великаго князя, при помощи того же Θεодора, принять его, какъ законнаго митрополита. Пробывъ на Руси до весны 1389 года, Пимень снова отправился въ Константинополь (13 апрѣля)³⁾. Если онъ скрылъ отъ великаго князя о своемъ низложении, то долженъ былъ опасаться, что обманъ этотъ рано или поздно откроется⁴⁾

одна изъ регалій византийскихъ императоровъ, именно—нашереный крестъ, обыкновенно съ мощами, которыми бы они увѣрили ихъ въ полной безопасности и убѣдили, оставивъ всякій страхъ, возвратиться назадъ". Р. И. Б. Т. VI Приложения, № 33, столб. 215—218

¹⁾ Ср. также конецъ „Грамоты митрополита Кипріана къ преподобному Сергію радонежскому и Θεодору...“ Р. И. Б. Т. VI, № 20, столб. 185—186. Проф. В. П. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 518.

²⁾ „Приде Пимень митрополитъ на Русь изъ Царяграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и приде безъ исправы, понеже на Кіевѣ бѣ Кипріанъ митрополитъ, а на Москвѣ Пимень митрополитъ“. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 156.

³⁾ Это (третье) путешествіе Пимена подробно описано монахомъ Игнатіемъ, спутникомъ смоленскаго епископа Михаила, находившагося въ свитѣ Пимена. См. Никоновск. лѣт. Ч. IV („Хоженіе Пиминово во Царь градъ“), стр. 158—177, и отдѣльно у Сахарова въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, кн. VIII, и въ XII вып. сборника Палестинскаго общества. См. также у А. Н. Пышина „Исторія русской литературы“, Т. I, стр. 387—389. Чт. въ И. О. П. и Д. 1864. IV, стр. 135—136.

Въ описаніи путешествія Пимена мы находимъ извѣстіе, что когда онъ сѣлъ въ Азовѣ на корабль, чтобы ѣхать въ Константинополь,—то его и часть его свиты арестовали кредиторы митрополита: „снн бо Ѳрязи, повѣстуетъ гѣтопись, отъ града Азова пришедше.. господина Пимина митрополита емше сковаше, и Ивана протопопа, и Григорія протодьякона, и Гермогена архидякона, и Михаила дяка...“, но, по свидѣтельству лѣтописца „помале умолены быша Пиминомъ митрополитомъ, и доволну мзду вземше всехъ... отпустиша не вредимыхъ“ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 162.

⁴⁾ Весьма страннымъ кажется и то обстоятельство, почему патріархъ въ продолженіе почти цѣлаго года не увѣдомилъ великаго князя о состоявшемся соборномъ рѣшеніи.

и потому долженъ былъ бѣжать съ новымъ запасомъ денегъ, чтобы еще сдѣлать попытку къ своему утверженію на митрополичьей каедрѣ; если же онъ не обманулъ великаго князя, то въ виду собранныхъ новыхъ денежныхъ средствъ, онъ могъ желать восторжествовать надъ Кипріаномъ, одержавъ надъ нимъ „законную побѣду“, добившись отмѣны соборнаго рѣшенія ¹⁾.

Во время послѣдняго пребыванія Пимена на Руси на константинопольской патриаршей каедрѣ произошли перемѣны: умеръ патриархъ Ниль ²⁾, а на его мѣсто былъ возведенъ Антоній, который въ самомъ непродолжительномъ времени по своему вступленію на престолъ, составилъ новый соборъ по дѣлу Пимена и Кипріана, изъ которыхъ послѣдній все время находился въ Константинополѣ ³⁾. Новый соборъ подтвердилъ приговоры предшествующаго, т. е. Пимена призналъ низложеннымъ, а Кипріана—законнымъ митрополитомъ всея Руси. Неизвѣстно, что ожидало Пимена въ Константинополѣ: удалось ли бы ему при помощи денегъ добиться своего возстановленія, или еще разъ было бы произнесено его низложеніе;—смерть его въ Халкидонѣ ⁴⁾ (11 сентября 1389 года) положила конецъ его прискорбнымъ похождениямъ ⁵⁾.

¹⁾ О путешествіи Пимена см. у митрополита Макарія. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 76; Е. Е. Голубинскаго И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 258—259.

²⁾ Въ январѣ 1389 года.

³⁾ „Соборное опредѣленіе патриарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріана въ званіи митрополита кievскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи“ (1389 г. въ февралѣ) Изъ Acta Patriarchatus, t. II, p. 116—129. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 193—228. См. также А. И. Т. I (Приложенія), № 252, гдѣ помѣщена интересная „Заемная кабала, въ Царѣградѣ, Кіевскаго Митрополита Кипріана и Ростовскаго Архіепископа Феодора, въ тысячи Новгородскихъ старыхъ рублей“ (1389 г. сентября 8), свидѣтельствующая о томъ, что русскому духовенству дорого обходилось его пребываніе въ Константинополѣ. См. В. С. Иконниковъ Опытъ изслѣдованія, стр. 291—292 (Ср. письмо (6-ое) Исидора къ м. Фотию, помѣщенное въ сборникѣ В. Э. Регеля. Analecta Byzantino-Russica, стр. 69—71.

⁴⁾ Вблизи Константинополя на противоположной сторонѣ Босфора

⁵⁾ Никоновск. лѣт. Ч. IV, „Хоженіе Пиминово во Царѣ градъ“, стр. 170, тамъ же, стр. 192. П. С. Р. I. Т. VIII, стр. 52, 60. См. „Источники русской агиографии“ Барсукова (изданіе Общества Любителей Древней Письменности. LXXXI, (пб., 1882), откуда видно, что въ Святцахъ XVII вѣка (Публич. Библ. №№ 50 и 51), Пименъ занесенъ въ число святыхъ: „Пименъ, митрополитъ Царя града новый чудотворецъ. 10 сентября“, стр. 459. Объ этомъ см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 260, прим. 1-ое; его же—„Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“, изданіе 2-ое (Москва, 1903), стр. 365.

Новгородская 4-ая лѣтопись ошибочно сообщаетъ, что Пименъ скончался въ Кіевѣ: „Преставися Пуменъ митрополитъ въ Кіевѣ“. П. С. Р. I. Т. IV, стр. 97.

19 мая 1389 года, не дождавшись конца церковныхъ смуть, умеръ великій князь Дмитрій Ивановичъ¹⁾, а вступившій на престолъ сынъ его—Василій Дмитріевичъ согласился принять митрополита Кипріана, чѣмъ и былъ положенъ конецъ печальнымъ замѣшательствамъ на каѳедрѣ русской митрополіи²⁾

Прискорбная исторія поставленія Пимена и отношеніе греческихъ властей къ дѣламъ русской церкви глубоко взволновали и оскорбили религиозное чувство русскихъ. „Это, по словамъ „Соборнаго опредѣленія“ (1389 г.), не только взволновало русскихъ, но и разъярило ихъ противъ каѳолической церкви, такъ что они излили на всѣхъ насъ потокъ многихъ ругательствъ, съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота“³⁾. „Греческія власти, справедливо говоритъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, съ отважною безцеремонностію позволявшія себѣ по отношенію къ русской митрополіи тѣ вопіющія дѣянія, на которыя онѣ тогда были способны, увѣренно воображали, что стоитъ имъ писать пространно и краснорѣчиво лгушія оправдательныя записки и русскіе безъ возраженій будутъ признавать виновными исключительно самихъ себя. Но онѣ совершенно ошибались. Русскіе заявили свой протестъ противъ нравственной распущенности грековъ рѣшительнымъ, хотя и неожиданно-своеобразнымъ образомъ: они составили себѣ убѣжденіе, что у нравственно-падшихъ людей погибло истинное благочестіе вѣры, и перестали признавать ихъ авторитетъ въ семъ отношеніи“⁴⁾. Митрополитъ Платонъ, описывая смутныя времена въ русской церкви, происшедшія вслѣдствіе злоупотребленія греческихъ вла-

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 57 . . . и тако предасть святую свою душу непорочную въ руцѣ истиннаго Бога, мѣсяца маѣ въ 19 (день), на память святаго мученика Патрікія, въ пятой недѣли по Велицѣ дни, въ среду, долго вечера въ 2 часъ нощи— Никоновск. лѣт Ч IV, стр. 190—191.

²⁾ „И преста мятежь въ митрополіи,—радошно говоритъ лѣтописецъ,— и бысть едина митрополья Кыевъ и Галичъ и всея Руси“. П. С. Р. Л. Т. I, стр. 233. Извѣстіе это, впрочемъ не вполне справедливо, такъ какъ въ Галичѣ еще оставался особый митрополитъ Антоній, поставленный туда, несмотря на всѣ прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, патриархомъ Филоеемъ въ 1371 году вслѣдствіе его уступки настояніямъ польскаго короля Казимира II Знаменскій. Руков по ист. р. церкви, стр. 85, 87. О пріѣздѣ митрополита Кипріана въ Москву и о торжественной встрѣчѣ его великимъ княземъ Васиіемъ Дмитріевичемъ см. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 192—193; П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 97. Т. Барсовъ. „Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковію“ (Спб., 1878), стр. 404. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 137—138.

³⁾ Р. И. В. Т. VI Приложенія, № 33, столб. 213—214.

⁴⁾ И. Р. Ц. Т. II. II, I, стр. 261.

стей, говорить: „Никакъ не можно извинить предосудительную поступку патриарховъ цареградскихъ (подъ этимъ предосудительнымъ поступкомъ архинастырь подразумѣваетъ—поставленіе Пимена и Діонисія); и надлежало для избѣжанія таковыхъ соблазновъ, чтобъ церковь россійская отъ сего цареградскихъ патриарховъ, злоупотребляемаго права освобождена была“¹⁾. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора М. А. Дьяконова, что эта церковная смута, когда въ Константинополѣ поставили сразу нѣсколькихъ митрополитовъ на Русь, должна была подтвердить подозрѣнія относительно искренности дружбы и благорасположенія византійской имперіи и церкви къ Москвѣ и во всякомъ случаѣ подрывала авторитетъ вселепской церкви и императора. Въ Москвѣ прямо говорили, что они-то и виновны въ смутѣ²⁾. И дѣйствительно, со времени поставленія Пимена и печальнѣйшихъ замѣшательствъ на кафедрѣ русской митрополіи, къ которымъ оно подало поводъ, наши предки начинаютъ смотрѣть на грековъ, какъ на людей нравственно-несостоятельныхъ и глубоко падшихъ; этотъ же взглядъ, какъ было упомянуто нами выше, несомнѣнно, былъ причиною того неожиданнаго и страннаго вывода, будто позднѣйшіе греки (послѣ флорентійской унии) измѣнили чистотѣ православія своихъ предковъ. Едва ли могъ хорошо относиться къ грекамъ и великій князь Дмитрій Ивановичъ, которому пришлось быть жалкою игрушкой въ рукахъ греческихъ вла-

¹⁾ „Краткая церковная россійская исторія“ Т. I, стр. 219.

²⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ „Власть московскихъ государей“, стр. 23. О предосудительности поведенія греческихъ властей въ дѣлѣ поставленія въ митрополиты Кипріана, Пимена и Діонисія энергически свидѣтельствуетъ „Соборная грамота Литовскихъ епископовъ, о избраніи и посвященіи Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“, которая прямо говоритъ о томъ, что въ Константинополѣ поставили Кипріана, Пимена и Діонисія „и иныхъ многихъ“, „не смотряше на честьъ церковную, но смотряше на злато и серебро много“. „Отсюду быша долги велики, и проторы мпозн. и молвы и смущенія, и мятежи, убійства, и, еже воѣхъ лютьѣше, безчестіе церкви Кіевской и всеи Руси“. „Акты, относящіяся къ исторіи Западной Руси“. Т. I, № 24, стр. 35. Эта грамота епископовъ говоритъ лишь о подкупности императора и „о насилуваніи“ его, „еже на церковь Божию“, когда митрополиты „куплею поставлены бывають отъ царя, мірянина будуща человекъ“, — „Окружная же грамота Литовскаго князя Александра-Витовта, объ отдѣленіи Кіевской митрополіи отъ Московской и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“ указываетъ и на императора, и на патриарха, какъ на участниковъ этихъ предосудительныхъ дѣяній: „И мы то есмо на нихъ (царя и патриарха) гораздо познали, што жъ они хотятъ того, хто ся у нихъ накупить на митрополью, штобы таковой въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“. Тамъ же. Т. I, № 25, стр. 36.

стей¹⁾; но объ его сынъ и преемникъ Василии Дмитріевичъ мы знаемъ, что онъ открыто и не стѣсняясь выражалъ свое пренебреженіе къ константинопольскому патриарху и византійскому императору и требовалъ отъ митрополита, чтобы имя императора не было поминаемо въ диптихахъ во время богослуженія. Объ отношеніяхъ Василія Дмитріевича къ патриарху и императору мы узнаемъ изъ дошедшей до насъ грамоты константинопольскаго патриарха Антонія отъ 1389 года къ великому князю²⁾. Такъ какъ эта грамота прекрасно рисуетъ взаимныя отношенія церкви и государства въ Византіи, отношеніе императора, этого „поборника и защитника церкви (τοῦ τῆς ἐκκλησίας προαγωνιστοῦ καὶ προμάχου)“ къ дѣламъ церкви,—го мы остановимся на этомъ цѣнномъ документѣ съ должнымъ вниманіемъ.

До патриарха Антонія дошли слухи, что великій князь Василій Дмитріевичъ неуважительно относится къ нему, патриарху, и къ его людямъ, которыхъ онъ посылаетъ по дѣламъ въ Москву. Какъ основаніе такого непочтительнаго отношенія патриархомъ указывается—умаленіе мірской власти грековъ, потеря ими городовъ и земель³⁾ Патриархъ такъ замѣчаетъ великому князю: „Ужели

¹⁾ Известно, что великій князь былъ крайне возмущенъ поставленіемъ Кипріяна при жизни м. Алексія и съ своими приближенными бранилъ за это грековъ. Въ грамотѣ митрополита Кипріяна къ Сергію радонежскому, мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Слыши небо и земля и вси христіане, что сѣтвориша надъ мною христіане, что же ли сотвориша патриаршымъ посломъ, хуляще на патриарха, и на царя, и на сборъ великій: патриарха литвиномъ назвали, царя такоже, и всечестный сборъ вселенскій“. Р. И. Б. Т. VI, № 20 (1878 г. іюня 23. „Грамота митрополита Кипріяна къ преподобному Сергію радонежскому и Феодору, игумену симоновскому, съ жалобами на великаго князя Дмитрія Ивановича и съ обличеніемъ незаконныхъ притязаній архимандрита Митяя на московскую митрополию“, столб. 185.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40 („Грамота патриарха Антонія къ великому князю Василію Дмитріевичу съ извѣстіемъ о мѣрахъ, принятыхъ противъ непокорныхъ митрополиту новгородцевъ и съ укоризною за неуваженіе къ патриарху и царю“. Изъ Acta Patriarchatus, t. II, p 188—192), столб. 265—276.

³⁾ „Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники. И они не имѣли человѣческой славы и мірской власти, напротивъ были гонимы и оскорбляемы нечестивыми, такъ что ежедневно умирали; но ихъ величіе и власть, которыя они имѣли у христіанъ, были превыше всякой чести“. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 269—270.

ты не знаешь, что патриархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ Котораго онъ и посаждается на владычнемъ престолѣ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патриарха, чтитъ самого Христа... Поэтому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію (τῆ εὐγενείᾳ σου), чтобы ты также чтилъ патриарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ: это полезно и для твоей души, и для твоей чести, и для твоей власти“¹⁾. Но великій князь, очевидно, не отрицалъ патриарха, какъ главнаго представителя православной церкви. Отношенія же Василия Дмитриевича къ византійскому императору, какъ увидимъ дальше, были еще гораздо худшія. „Съ огорченіемъ слышу еще, что твоимъ благородіемъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорятъ, что ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ, т. е. хочешь дѣла совершенно невозможнаго, и говоришь: „мы-де имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ (ἐκκλησίαν ἔχομεν ἡμεῖς, βασιλέα δὲ οὐτε ἔχομεν, οὐτε λογιζόμεθα)“. Въ отвѣтъ на это патриархъ старается доказать великому князю, что по своему положенію въ мірѣ церковь предполагаетъ и требуетъ существованія царя съ принадлежащими ему преимуществами власти²⁾. „Это нехорошо Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви (ὁ βασιλεὺς ὁ ἅγιος πολὺν τόπον ἔχει εἰς τὴν ἐκκλησίαν)³⁾; онъ не то, что другие помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной (εἰς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην); цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей (πολλὰ ἠγωνίσαντο κατὰ τῶν αἱρέσεων); наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ кафедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви“⁴⁾. „И если, по божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, все же до настоящаго времени царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ

¹⁾ Тамъ же, столб. 269—270.

²⁾ В. Н. Малининъ. Старець Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 519.

³⁾ См. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, стр. 65.

⁴⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40. столб. 271—272.

церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мѣромъ и *поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ* (χειροτονεῖται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων, πάντων δηλαδὴ τῶν τῶν χριστιανῶν) ¹⁾. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуется христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣеть никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его въ сравненіи съ прочими такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, каковую [оказывали] въ прежніе времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане ²⁾. „Итакъ, нѣтъ ничего хорошаго, сынъ мой,—поучаетъ далѣе патріархъ,—если ты говоришь: „мы имѣемъ церковь, а не царя“. *Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя* (οὐκ ἔνι δυνατόν εἰς τοὺς χριστιανούς, ἐκκλησίαν ἔχειν καὶ βασιλεία οὐκ ἔχειν). *Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлать ихъ другъ отъ друга* (ἢ γὰρ βασιλεία καὶ ἡ ἐκκλησία πολλή, ἔνωσιν καὶ κοινωνίαν ἔχει, καὶ οὐκ ἔνι δυνατόν, ἀπ' ἀλλήλων διαφεθῆναι) ³⁾. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. *А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатию Болсіею, есть [государь] православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви* ⁴⁾; поэтому невозможно быть архіереемъ и не помянуть его [имени]. Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Вога боитесь, царя чтите“, не сказать „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именуемыхъ царями у разныхъ народовъ, но „царя“, указывая на то, что *одинъ только царь во вселенной* ⁵⁾. И каковаго это [царя повелѣваетъ чтить апостоль]?—Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ!

¹⁾ Курсивъ нашъ

²⁾ „И если язычники окружили землю царя, продолжаетъ патріархъ, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужить для нихъ урокомъ смиренія и заставить ихъ подумать, что если *великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣнительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и князья*“ (курсивъ нашъ). Тамъ же, столб. 271—274.

³⁾ Курсивъ нашъ.

⁴⁾ То же.

⁵⁾ То же.

Но какъ святой и апостоль, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть *одного царя*¹⁾, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то все эти примѣры суть *нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранни и насилія* [нежели права]²⁾.

Мы остановились на разсмотрѣнн тѣхъ замѣчательныхъ мѣсть этой грамоты, которая близко касается изслѣдуемаго нами вопроса. Дѣйствительно, въ этомъ посланн патріарха Антонія, какъ мы могли замѣтить выше, съ замѣчательною силою, выпуклостью и полнотою воспроизводятся патріотическіе взгляды грековъ конца XIV вѣка на міровое значеніе своей церкви, государства и ихъ верховныхъ представителей — царя и патріарха. По глубокому убѣжденію патріарха и его соотечественниковъ, на землѣ можетъ быть *только одна истинная вселенская церковь, только одно государство*, которое охраняетъ ее и даетъ силу церковнымъ постановленіямъ, *только одинъ православный царь*. Теорія эта, выработанная на основаніи особенностей строя Византіи, примѣнялась греками только къ Византіи. Несмотря на политическія невзгоды государства, потерю значительныхъ частей имперіи, патріарху даже не приходитъ въ голову, что рядомъ съ Византіею можетъ возникнуть одинаково правоспособное царство, съ одинаковою полнотою власти его главы³⁾. По мнѣнію патріарха, такіе царя могутъ явиться только незаконными узурпаторами, тираннами, захватившими власть въ свои руки путемъ насилія, разрушителями единства мировой церкви и мировой власти, освященныхъ самимъ Богомъ. „...Какіе Отцы, какіе соборы, спрашиваетъ патріархъ, какіе каноны говорятъ о тѣхъ [царяхъ]?“ Но все, и сверху и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другаго“⁴⁾. За патріарха говоритъ исторія, онъ чувствуетъ твердую почву для своихъ положеній; но онъ совершенно не предчувствуетъ еще, что та же самая исторія готовитъ его отечеству такой погромъ, который неизбѣжно поставитъ вопросъ о преемствѣ византійской имперіи и византійскаго царя въ силу

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 273—276. Курсивъ нашъ.

³⁾ В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоеѣи и его посланія, стр. 520—521.

⁴⁾ Р. И. В. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 275—276.

выраженнаго имъ принципа:—неразрывнаго единенія вселенской православной церкви и христіанской государственной власти ¹⁾.

Эта же грамота рисуесть намъ съ полною ясностью отношенія византійскихъ императоровъ къ вселенской церкви и патріархамъ, а также и къ русской церкви.

Не подлежитъ сомнѣнію, что византійскіе императоры считали себя въ правѣ относиться и къ русской церкви точно такъ же, какъ и ко всякой другой митрополю константинопольскаго патріархата. Это право, по глубоко авторитетному мнѣнію покойнаго А. С. Павлова, въ теоріи утверждалось на идеѣ христіанской *міродержавной* римской имперіи, глава которой, какъ помазанникъ Божій, есть верховный покровитель *вселенской* церкви, во всѣхъ ея частяхъ, гдѣ бы онѣ не находились (т. е. хотя бы даже и за предѣлами имперіи). (Съ особенною полнотою эта теорія развита двумя греческими канонистами—Вальсамономъ и Димитріемъ Хоматинномъ См. Pichler. Geschichte d. kirchl. Trennung zw. Orient und Occident. В I, s. 414—515). Практическому осуществленію этого права благоприятствовало то обстоятельство, что и самъ „вселенскій“ патріархъ, во многихъ отношеніяхъ стоялъ подѣ властью императора. „Такимъ образомъ, на общихъ основаніяхъ византійскаго церковно-государственнаго права, императоры, во-первыхъ, при самомъ учрежденіи русской митрополю указали ей мѣсто или „чинъ“ въ ряду другихъ митрополю, подчиненныхъ константинопольскому патріаршему престолу, и затѣмъ повышали и понижали ее въ этомъ чинѣ (См. Parthey, Hieroclis Synedemus et potitiae episcopatum, по указателю подѣ словомъ Ρωσία); во-вторыхъ, издавали законы какъ о раздѣленіи русской митрополю на двѣ, такъ и о возстановленіи ея прежняго единства; въ-третьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или посланныхъ изъ Руси кандидатовъ на тамошнюю митрополю“ ²⁾ „Какъ вообще патріархъ въ управленіи византійскимъ патріархатомъ не былъ высшею правительственною властію, уступая первое мѣсто императору византійскому; такъ точно и въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ высшимъ авторитетомъ признавалась *власть византійскаго императора*, въ идеѣ продолжавшаго считать себя главою міродержавной римской имперіи и защитникомъ вселенской церкви во всѣхъ ея частяхъ, гдѣ бы она

¹⁾ В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоевъ и его посланія, стр. 521.

²⁾ См. напр., Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, №№ 3, 4, 5, 6 и др. А. С. Павловъ. „Теорія восточнаго папизма“. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 756—757.

ни находилась" ¹⁾. Поэтому во всѣхъ актахъ патриархата по дѣламъ русской церкви неизменно упоминается, что содержащееся здѣсь постановление состоялось съ согласія и по прямому приказанію „высочайшаго и святаго самодержца (τοῦ κρατιστοῦ καὶ ἁγίου μου αὐτοκράτορος)“. Вообще патриархи, послушные орудія императорской политики, не пропускали случая, чтобы представлять въ глазахъ русскихъ всѣ проявленія власти своего „царя“ надъ нашею церковію, какъ что-то совершенно необходимое, какъ составной элементъ самаго православія ²⁾. Приведенную же нами выше грамоту патриарха Антонія покойный канонистъ считалъ „въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательной“ ³⁾. Вмѣшательство представителей свѣтской власти въ дѣла церкви нерѣдко ослабляло церковь, лишая ее самостоятельности. Особенно это ослабленіе и лишеніе самостоятельности православной константинопольской церкви, считавшейся первенствующей и заправительницей судебъ множества помѣстныхъ церквей, наблюдается благодаря деспотическому вмѣшательству византійскихъ императоровъ въ ее внутреннюю жизнь ⁴⁾.

¹⁾ Проф. Н. С. Суворовъ „Курсъ церковнаго права“. Т. I, стр. 131

²⁾ Православное Обзоріе, 1879, декабрь, стр. 756—757

³⁾ Тамъ же, стр. 757. Эту точку зрѣнія разделяетъ вполне и выдающійся современный канонистъ проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ ц. п. Т. I, стр. 132, прим. 12. См. также „Соборную грамоту Литовскихъ епископовъ, о избраніи и посвященіи Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“, краснорѣчиво свидѣтельствующую о вмѣшательствѣ византійскаго императора въ дѣла церкви. „Акты относящіяся къ исторіи Западной Россіи“. Т. I, № 24, стр. 35. О вліяніи византійскихъ императоровъ на дѣла русской церкви см. въ изслѣдованіи проф. М. А. Дьяконова стр. 10—13, 14, 22 и др. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 221—222. Проф. Н. С. Суворовъ „Курсъ церковнаго права“ Т. I, стр. 127—132, гдѣ указана литература вопроса. В. П. Сергѣевичъ. Юридическія древности. Т. II, стр. 498 и слѣд. В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ, 1901, стр. 198—204

⁴⁾ Св. П. Николаевскій. „Утвержденіе патриаршества въ Россіи“ (пб., 1880)

(см. также—проф. Н. С. Суворова „Курсъ церковнаго права“. Т. I, стр. 62—66, 283. (Здѣсь же приведена литература вопроса) Т. II, стр. 456—461. А. С. Павловъ Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской духовной Академіи П. М. Громогласова (Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902), стр. 466 и слѣд. Д. Ф. Бѣляева Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в. 1893. Гл. V и VII. В. И. Сергѣевича. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 483—497, а также изслѣдованія Ф. Курганова, В. Саввы, Ф. И. Успенскаго („Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ“), А. П. Лебедева, Т. Барсова, В. В. Сокольскаго (О характерѣ и значеніи Эпаногоги. Виз. Врем. 1894), Пихлера, Gasquet, П. Гиншпуса; курсы проф. М. И. Горчакова (литограф. изда-

Итакъ, мы съ достаточною полнотою остановились на анализѣ и выясненіи тѣхъ печальныхъ событій, которыя способствовали тому важному обстоятельству, что у нашихъ предковъ, ближе узнавшихъ своихъ учителей съ дурной стороны, сложилось убѣжденіе, что греки нравственно пали. Мысль эта, будучи перепесена изъ области нравственной въ сферу вѣроученія, давала нашимъ предкамъ простой и наглядный способъ объяснить то, какимъ образомъ могло случиться, что греки отступили отъ чистоты истиннаго православія. И мы видимъ, что вслѣдъ за флорентійскимъ соборомъ на Руси было провозглашено не только то, что этотъ соборъ повредилъ у грековъ чистоту истиннаго православія, что греки измѣнили древнему благочестію, но и то, что *у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Греціи и что мы—русскіе болѣе благочестивый и лучшій народъ, чѣмъ греки*, потерявшіе всякій авторитетъ въ глазахъ нашихъ предковъ.

Громадное впечатлѣніе флорентійской уни,—отпаденіе грековъ отъ православія, соединеніе ихъ съ латинянами и подчиненіе намъ, еще болѣе усиливалось вѣрою нашихъ предковъ въ скорую кончину міра. Мнѣніе о томъ, что послѣ 7000-лѣтняго существованія вселенной послѣдуетъ второе славное пришествіе Христа въ міръ, было очень распространено въ греческой письменности, откуда и перешло въ письменность русскую¹⁾ Кромѣ авторитета книгъ, въ которыхъ встрѣчалось это мнѣніе, въ пользу его говорили вѣроятность аналогіи между днями творенія и тысячелѣтіями бытія

не лекцій 1880—81 ак. г.), П. С. Верднкова и друг. (Ср. также блестящія и интересный этюдъ въ области истории церковнаго права, принадлежащій перу проф. Н. С. Суворова—„Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи“. Москва, 1902.

¹⁾ Эта мысль выступаетъ въ „Откровеніи“ Мефодія Патарскаго, въ сочиненіи Дамаскина „Небеса“ и особенно ясно въ житіи Андрея Курдовскаго. „Еще бо в седмый вѣкъ мира сего и чтенныя лѣты не кончашася естъ: по кончаніи же его, тогда воздвигнетъ Богъ духъ страшенъ на всю землю, и зберутся кости человѣчески ко еже къ своему уду, и составятся и прилѣпятся.. и тогда.. вострубитъ ангель со страхомъ и тренетомъ, и воскреснутъ мертвыи в мгновене ока, и сидеть Судія и воздасть комуждо по дѣломъ его. И потомъ к тому начнется осмый вѣкъ; кончины же сей вѣкъ не имѣеть“. Великия Миней Четви собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Октябрь дни 1—3. Изданіе Археографической Коммисіи. (Спб. 1870), столб. 183. (См. также изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина — „Старецъ Блеазарова монастыря Филовей и его посланія, гдѣ на стр. 425—428 сдѣланы подробныя указанія на мнѣнія о концѣ міра послѣ семи тысячъ лѣтъ.

міра. „Чѣмъ ближе становился роковой 1492 годъ, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе выражается увѣренность въ наступающей кончинѣ міра“¹⁾. Митрополитъ Фотій²⁾, живой представитель византійскихъ традицій на Руси, въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ: „Сей вѣкъ маловременный преходить; грядетъ почъ, житія нашего престаіе, когда уже, никто не можетъ дѣлать Седьмая тысяча совершается; осьмая приходитъ и не преминетъ, и уже никакъ не пройдетъ. Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ, будущей и безконечной“³⁾. Этотъ взглядъ мы встрѣчаемъ и въ лѣтописи⁴⁾.

По вѣрному мнѣнію профессора В. М. Истрина — значительное увеличеніе списковъ у насъ на Руси Откровенія Мефодія Патарскаго въ XV в. объясняется ожиданіемъ близкой кончины міра въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ. „Ожиданіе кончины міра, говоритъ почтенный ученый, съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ до XV в. мало еще мѣгло вугать воображеніе, именно въ силу своей отдаленности. Но положеніе дѣла должно было измѣниться съ наступленіемъ XV в., или скорѣе второй его половины“⁵⁾. „Хорошо извѣстно, какъ это ожиданіе дѣйствовало на умы русскихъ людей

¹⁾ Тамъ же. стр. 429. Здѣсь же см. и литературу вопроса.

²⁾ Митрополитъ Фотій, 1408—1431 г.

³⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1875, мартъ, стр. 313. (А. Вадковскій. Исслѣдованіе о сочин. Фотія, мит. кievскаго и всея Руси).

Въ житіи Стефана Пермскаго мы находимъ подтвержденіе того, что вѣрованіе въ 7000 лѣтнее существованіе міра было довольно распространеннымъ на Руси. По поводу изобрѣтенія Стефаномъ пермской грамоты „нѣциъ же, скудни суще умоу, рѣша... издавна въ Перми не было грамоты и тако ижжившимъ имъ свой вѣкъ безъ нея; нынѣ же въ скончаніи лѣтъ, въ послѣднія дни на исходѣ числа седьмыя тысящи, наче же мала ради времени точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти“. Памятники стар. русск. литерат., издан. Кушелевымъ-Безбородко, IV, стр. 152.

⁴⁾ „Братя! здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь не мала: яко же въ распятіи Христовѣ сій кругъ солнцу бысть 23, луны 13, сие лѣто на конціи явися, въ онъ же чаемъ всемірное пришествіе Христово. О Владыко! умножишася безаконія наша на земли: пощади, Владыко, исполни небо и землю славы твоея; пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне. Влудите убо, братія, извѣстно разумѣйте, кто хоцещи, въ то время бѣжи и невѣрия, при насъ Измашы; Господь не хоцетъ смерти грѣшникомъ, но ожидая покаенія“... П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 181.

⁵⁾ Проф. В. М. Истринъ. Откровеніе Мефодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. Исслѣдованіе и тексты. Чт. въ И. О. И. и Др. 1897, II, стр. 235, 240. См. у него же объ исполненіи предсказанія Мефодія о паденіи Константинополя и связи Византіи съ московскимъ царствомъ, стр. 241 и слѣд.

XV вѣка. Нѣтъ ничего, поэтому, невѣроятнаго предполагать связь съ подобнаго рода настроеніемъ такого именно памятника, который такъ ясно говорилъ о концѣ міра. Откровеніе Мефодія стало пріобрѣтать другой смыслъ и на него стали смотрѣть иначе. Если въ древнее время при маломъ сравнительно интересѣ къ эсхатологическимъ сказаніямъ, удовлетворявшемся къ тому же другими памятниками кромѣ Откровенія, послѣднимъ пользовались какъ исторической статьей— теперь начинаетъ интересоваться сообразно съ общимъ теченіемъ мысли именно эта эсхатологическая сторона памятника¹⁾.

Идея о концѣ міра послѣ семи тысячъ лѣтъ его существованія видна и въ сочиненіяхъ м. Іоны²⁾, но съ особенною рѣшительностью она выступаетъ въ пасхаліяхъ, которыя, поэтому, внесли сильную тревогу въ сердца русскихъ людей³⁾.

Вотъ почему флорентійская унія должна была такъ сильно подѣйствовать на умы московскаго правительства и всѣхъ книжныхъ людей. Сначала въ видѣ слуха, а затѣмъ и воочью, русскіе узнаютъ, и убѣждаются, что на „богоотметномъ“ ферраро-флорентійскомъ соборѣ греки измѣнили православію—соединились съ латинянами и подчинились папѣ. И это, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ, въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ, когда нужно было думать лишь о спасеніи души и нерушимомъ храненіи чистоты богопреданной, православной, Христовой вѣры! Впечатлѣніе злополучной уніи на умы русскихъ людей должно быть подавляющее и одинаково сильно переживалось и благочестивымъ великимъ княземъ московскимъ и малоизвѣстнымъ русскимъ книжникомъ, который въ благочестивомъ ужасѣ читаетъ сказанія о зломъ еретикѣ Исидорѣ, бывшемъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 242 „Она (эсхатологическая сторона памятника), поэтому и подверглась наибольшему распространенію, тогда какъ историческая сократилась. Самая замѣна исторической части библейско-апокрифическими сказаніями можетъ указывать на духовную среду, изъ которой вышла интерполированная редація. На пробужденіе эсхатологическихъ сказаній, пріурочивавшихъ конецъ міра къ концу XV в., ясно указываютъ замѣчанія о послѣднихъ царяхъ и царѣ Михаилѣ, распределенныя по годамъ второй половины XV в., кончая 1492 г.... Все это составлялось, очевидно, подъ непосредственнымъ возбужденіемъ страха предъ грядущимъ концомъ міра“. (Тамъ же, стр. 242).

²⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 77. Посланіе въ Вятку съ обличеніями народныхъ пороковъ, столб. 607.

³⁾ См. изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, гдѣ на стр. 430 приводится выдержка изъ пасхалии на 6965—6969 г.

митрополитъ московскомъ, и дѣяньяхъ нечестиваго флорентійскаго собора“¹⁾.

Предъ глазами нашихъ предковъ невольно рисовались двѣ картины: поведене на „сумысленномъ и богоотметномъ“ восьмомъ соборѣ представителей латинства и грековъ, во главѣ съ византійскимъ императоромъ и представителями высшаго духовенства, въ томъ числѣ и русскаго митрополита Исидора, и съ другой стороны—горячее поборничество о православіи великаго князя Василія Васильевича. Сопоставленіе это такъ естественно, что его указываетъ уже Симеонъ суздальскій во введеніи къ своей „Повѣсти“: „...тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Иоаномъ, и Греки сребролюбци и митрополиты. Зде же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля, христіюлюбивымъ великимъ княземъ Васи́ліемъ Васильевичемъ“²⁾.

Привыкшій къ конкретному мышленію, авторъ торжество православія русской земли сливаетъ нераздѣльно съ личностью великаго князя; въ пышной заключительной рѣчи онъ окружаетъ блестящимъ ореоломъ славы, величія, блеска и религіозной ревности личность великаго князя и „царствующій“³⁾ градъ Москву: „радуйся благовѣрный княже Васи́ліе, всея русскія земли утверждение, а православной вѣрѣ прославление и всемъ богобоязненнымъ радость. *Раду́йся, православный княже Васи́ліе, всеми вѣнцы украсися православныя вѣры греческія*; и съ тобою радуются вси православніи князи рустии похвалою и радостію духовною своея вѣры нерушимымъ твоимъ утверженіемъ, и прославися имя твое во всехъ земляхъ: и въ латинствѣ и до самаго Рима прославися. А гордаго папы Евгенія злорѣчіе и буйство латинскіе вѣры ветхаго закона непокорство разори, и его ученика зловѣрнаго хитреца и златолюбца безумнаго и православныя вѣры разорителя и латынскому небла-

¹⁾ В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія“, стр. 446

²⁾ Рукопись (чл. духовной Акад. изъ Софійскаго собр. рукоп., № 1464, л. 409. В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія“. Приложенія, XVII, стр. 90.

³⁾ „И изгвалъ еси его (т. е. Исидора) отъ святыя божественныя церкви соборныя христіанскія въ царствующемъ градѣ Москвѣ, гдѣ лежитъ божественная пища, животворное тѣло святаго митрополита и чудотворца Петра...“ Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. („Исидоровъ соборъ и хоженіе его“) А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Приложенія, X, стр. 209.

гословенному собору поборника... злоправнаго Исидора гардинала претворенаго легата, бывшаго митрополита рускія земли, изгна отъ божественныя святыя соборныя церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія московскія . и самому тому греческому царю отступившу свѣта благочестія и омрачившуся тмою латынскія ереси; твое же отечество, княже Василе, рускія земли просвѣтися свѣтомъ благочестія...“¹⁾

¹⁾ Сборникъ Сиб. духовной академіи изъ собранія Соф. рукописей XVI в., № 1245. В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія“. Приложенія, XVIII, стр. 113—114. См также у А. С. Павлова. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Приложенія, X, стр. 208—210; — А. Попова. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“, стр. 358—359.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ неудачной попытки Исидора ввести унію въ московской Руси, послѣ его осужденія соборомъ русскихъ епископовъ и низложенія его—каедре русской митрополіи оставалась свободной. Хотя въ Константинополѣ, какъ мы видѣли выше, унія была встрѣчена несочувственно большинствомъ народа и духовенства, однако, императоръ, усматривавшій въ союзѣ съ папою единственное средство спасенія гнущаго государства, находившагося въ самомъ бѣдственномъ положеніи, оставался вѣренъ обязательствамъ, даннымъ имъ римскому первосвятителю на флорентійскомъ соборѣ. Императору также удалось замѣстить патриаршую каедру въ Константинополѣ, ставшую праздною послѣ смерти Іосифа во Флоренціи¹⁾, такимъ же сторонникомъ уніи, какимъ онъ былъ самъ²⁾. Такимъ образомъ, въ исполненіи Исихора въ Москвѣ патриархъ и императоръ были такими же (съ внѣшней стороны) участниками, какъ и низложенный Исидоръ; это обстоятельство, что верховный глава (въ духовномъ отношеніи) русской митрополіи—константинопольскій патриархъ и верховный мірской ея распорядитель—византійскій императоръ были сторонниками уніи,—до крайности затрудняло и смущало московское правительство.

Провозгласивъ Исидора отступникомъ отъ православія и низложивъ его, русскіе должны бы были, будучи послѣдовательными, поступить такимъ же образомъ относительно патриарха и императора: они должны бы были совершенно разорвать церковный союзъ съ Константинополемъ, объявивъ свою церковь независимой. Но наши предки не сдѣлали этого и даже не подни-

¹⁾ Патриархъ Іосифъ умеръ 10 июня 1439 г.

²⁾ На патриаршую каедру былъ поставленъ Митрофанъ (4 мая 1440 года)

мали вопроса о сверженіи церковной власти Константинополя. Разрывъ съ константинопольскимъ патріархомъ, даже уніатомъ и отступникомъ отъ православія,—казался имъ невозможнымъ: они не имѣли на такой смѣлый шагъ мужества и рѣшимости. Поэтому, не отвергая церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ и не свергая съ себя его власти, русскіе все-таки желали остаться православными и имѣть такого же православнаго митрополита. Исходя изъ такого затруднительнаго положенія они нашли въ томъ, что рѣшились сами поставить себѣ митрополита, чтобы, не отвергая власти патріарха-уніата, находиться съ нимъ въ фактическомъ разъединеніи и необищеніи. „Митрополитъ, поставленный ими самими, а не патріархомъ, справедливо говоритъ проф. Е. Голубинскій, былъ бы православнымъ по всему,—не только по своимъ мыслямъ, но и по своему посвященію, признавая надъ собою власть патріарха-отступника, онъ собственно приобщался бы къ его отступничеству, но такъ какъ онъ фактически не сообщался бы съ нимъ, то русскіе и находили это достаточнымъ, чтобы считать его—митрополита совершенно православнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что желая такимъ образомъ устроить дѣло, они хорошо понимали, что желаютъ его устроить не вполне чисто. Но нежеланіе открытаго разрыва съ греками заставляло ихъ соглашаться на то, чтобы допускать номинальную и фиктивную власть надъ собою патріарха-уніата“¹⁾.

Итакъ, русскіе, не рѣшаясь свергнуть съ себя власть патріарха-уніата и не желая находиться съ нимъ въ фактическомъ общеніи, должны были испросить себѣ у него разрѣшеніе ставить своего митрополита самимъ въ Москвѣ, не посылая его для посвященія въ Константинополь, бывшій до этого времени высшею инстанціею въ дѣлахъ русской церкви²⁾. А такъ какъ было крайне неудобно

¹⁾ И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 470 Почтенный ученый такъ объясняетъ этотъ своеобразный взглядъ нашихъ предковъ: „Взглядъ тогдашнихъ русскихъ на духовное былъ уже взглядъ, такъ, сказать, овеществленный. они не могли допустить, чтобы православный митрополитъ былъ посвященъ для нихъ руками патріарха-уніата, потому что чрезъ это онъ заразился бы отъ него его неправославіемъ; но ихъ православный митрополитъ, хотя и признававшій власть патріарха-уніата, только не приходившій въ непосредственное соприкосновеніе съ послѣднимъ, могъ, по ихъ мнѣнію, оставаться совершенно православнымъ, тѣмъ болѣе, что признаніе власти патріарха было бы со стороны митрополита лишь притворнымъ и неискреннимъ“. Тамъ же, стр. 470.

²⁾ „Во весь этотъ періодъ (въ XV и первая десятилѣтія XV-го), читаемъ мы у проф. Ф. А. Терновскаго, Константинополь былъ высшею инстанціею, куда апеллировали возбужденныя іерархическія самолюбія, гдѣ они

и щекожливо обращаться къ патриарху-униату съ просьбой о разрѣшеніи поставить митрополита самимъ вмѣсто низверженнаго ими митрополита-униата, то они и обращаются къ патриарху, совершенно игнорируя его неправославіе (какъ будто бы онъ былъ православный), и, донося ему о дѣяніяхъ Исидора и объ его осужденіи русскими епископами, мотивируютъ свою просьбу не тѣмъ, что они не хотятъ имѣть у себя митрополита, поставленнаго патриархомъ-униатомъ, а совершенно другими побужденіями¹⁾.

Надо думать, что московское правительство имѣло надежды на исполненіе этой крайне необычной просьбы, такъ какъ рассчитывало на то, что желаніе патриарха сохранить свою власть надъ русскою церковью, скорѣе принудить его согласиться видѣть на кафедрѣ русской митрополіи не униата, а православнаго митрополита, чѣмъ совершенно потерять свою церковную власть надъ богатою митрополіею.

Великій князь Василій Васильевичъ, на долю котораго выпала отвѣтственная и почетная обязанность стать во главѣ охраны отечественнаго православія и благочестія, быть защитникомъ и покровителемъ вѣры въ столь тяжелое для русской церкви время, рѣшился обратиться къ патриарху съ просьбой о томъ, чтобы ему было позволено избрать и поставить преемника Исидору соборомъ русскихъ епископовъ; надо думать, что это онъ сдѣлалъ или въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ бѣгства Исидора изъ Москвы²⁾, или же, что болѣе вѣроятно, даже тогда,

---

надѣялись найти окончательное торжество во взаимныхъ распряхъ, и гдѣ въ концѣ концовъ получалъ перевѣсъ тотъ, кто давалъ больше денегъ, хотя не отпускаясь совершенно безнадежнымъ и безутѣшнымъ и тотъ, кто давалъ меньше..“ Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. В. II, стр. 18.

¹⁾ Мы вполне раздѣляемъ взглядъ профессора Е. Голубинскаго, что нельзя дѣлать предположеніе, будто русскіе на самомъ дѣлѣ принимали патриарха Митрофана, къ которому обращались съ просьбой, за православнаго и будто бы они не знали объ его униатствѣ. „Не говоримъ о томъ, что къ патриарху православному они не имѣли бы побужденій обращаться съ просьбою о дозволеніи поставить митрополита самимъ, но—если они сами тотчасъ же послѣ занятія патриархомъ кафедры постарались обстоятельно узнать—православный онъ или униатъ, что они *необходимо* должны были сдѣлать, то во всякомъ случаѣ Исидоръ, когда его судили въ Москвѣ, конечно, представлялъ своимъ судьямъ, что патриархъ такой же униатъ, какъ и онъ“. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 471, примѣч 1

²⁾ Какъ мы видѣли выше (стр. 124), Исидоръ убѣжалъ изъ Москвы въ ночь съ 14 на 15 сентября 1441 года.

когда Исидоръ находился подъ арестомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Посланіе великаго князя къ патриарху, въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ, не имѣетъ даты, но въ текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441 году¹⁾ Но на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ посланія, писаннаго въ годъ бѣгства Исидора, можно сдѣлать выводъ, что оно писано еще во время пребывания Исидора въ Москвѣ²⁾.

Въ своемъ посланіи великій князь пишетъ патриарху-узнику, игнорируя его неправославіе, и старается съ особенною настойчивостью увѣрить его въ своей твердой и непоколебимой преданности истинному православію. Настойчивое указаніе московскаго правительства на вѣрность православію (при измѣнѣ ему въ Греціи) получало исключительное значеніе: ясно, что *взявъ русскіихъ княж-*

¹⁾ Посланіе съ обращеніемъ къ лицу патриарха и съ указаніемъ въ его текстѣ 1441 года помѣщено въ Акт. Ист. Т. I, № 39, стр. 71—75 и перепечатано въ Р. И. В. Т. VI, № 62, столб. 523—536. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другого митрополита“. То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится въ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167, (2-ая Соф. л.) и ошибочно отнесено къ 1438 году, тогда какъ въ самомъ текстѣ имѣются прямыя свѣдѣнія, о времени его написанія „...и мы нынѣ Божіею благодатію жительствуемъ, донелѣже Богъ благоволитъ, и имѣемъ нынѣ чотыреста и пятьдесятъ лѣтъ и три лѣта Богомъ наставляемъ, благочестіе имуге“.

²⁾ Въ посланіи не говорится о бѣгствѣ осужденнаго и низложеннаго Исидора изъ Москвы, а употребляются о немъ такіа выраженія, какъ будто бы онъ находился еще на лицѣ: „сей Исидоръ“, „предиреченный сей Исидоръ“. Великій князь, выражаясь не совсемъ опредѣленно и точно, говоритъ что, онъ рѣшился обратиться къ царю и патриарху тотчасъ послѣ того, какъ „явился веѣмъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ .. яко чюже есть и странно отъ божественныхъ правилъ Исидорова все дѣло и прихождение“, т. е. тотчасъ послѣ осужденія Исидора соборомъ. Въ посланіи митрополита Іоны литовскимъ князьямъ и напамъ о непоколебимомъ пребываніи ихъ въ православной вѣрѣ и о непризнаніи митрополитомъ Исидорова ученика Григорія (А. И. Т. I, № 66, стр. 119. Р. И. В. Т. VI, № 83, столб. 638), и въ его же посланіи къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ киевскомъ митрополитѣ Григоріи (Р. И. В. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій П. Р. Ц. Т. VI, Приложенія, № 1, стр. 367)—говорится, что Исидору, послѣ его осужденія повелѣно „побыти въ монастыри святаго архангела Михаила, доколѣ господинъ и сынъ мой князь великій обошлетъ съ великимъ съборомъ Царяграда...“ Подъ этою „обсылкою“ и надо подразумѣвать именно это посланіе, такъ какъ о болѣе ранней посылкѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній и нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать ее. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 472

никовъ на Русь, какъ единственную хранительницу православія, становится достояніемъ и взглядомъ русскаго правительства ¹⁾). Можно предполагать, что великій князь думалъ такимъ образомъ отнять у патріарха всякую надежду привлечь русскихъ къ уни и заставить его согласиться на просьбу великаго князя о дозволеніи имъ самимъ поставить себѣ митрополита. Обширное по своему объему посланіе принадлежитъ перу неизвестнаго, сравнительно искуснаго грамотника и представляетъ изъ себя, по мнѣнію проф. Е. Голубинскаго, литературное произведеніе „весьма нехудое“ ²⁾). Обращаясь къ патріарху, котораго въ посланіи великій князь именуетъ „святѣйшимъ владыкою“ и „правителемъ душъ православнаго христіанства“, Василій Васильевичъ говоритъ, что православная христіанская вѣра „восіа (вар. „провозсіа“) и возрасте въ царствующемъ преименитѣмъ градѣ, въ отечествіи царя гречьскаго отъ благочестиваго и святаго самодръжца всея вселенна царя Коньстантынина“, что изъ Греціи она была перенесена въ Россію святымъ Владиміромъ, послѣ тщательнаго испытанія всѣхъ вѣръ,—что отъ св. Владиміра и до смерти патріарха Фотія русскіе твердо и непоколебимо содержали замѣтованную ими отъ грековъ православную вѣру ³⁾). По смерти же Фотія былъ посланъ въ Константинополь для поставленія Іона, епископъ рязанскій, но въ Константинополѣ не вняли просьбамъ великаго князя и на Русь былъ присланъ не прошенный и не жданный митрополитъ Исидоръ, который оказался намѣнникомъ православію. Великій князь говоритъ, какъ онъ первоначально не хотѣлъ принимать Исидора, а затѣмъ принялъ его „съ многою честію и благимъ усердіемъ“, какъ онъ увѣщевалъ его не ходить на флорентійскій соборъ, какъ, не успѣвъ въ этомъ, онъ заклиналъ его не приносить съ собора ничего чуждаго православію ⁴⁾, и какъ митрополитъ, возвратившійся съ собора, „нарицаа

¹⁾ В Н. Малининъ „Старецъ Елеазарова монастыря Филоеѣи и его посланія“, стр. 465.

²⁾ И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 473.

³⁾ Говоря про присылку митрополитовъ послѣ крещенія на Русь, великій князь пишетъ, что митрополиты, присылаемые изъ Константинополя, иногда были греки, а иногда и „отъ своѣя земли поставляемые“ святѣйшимъ патріархомъ „Русичь“ (курсивъ нашъ), а не отъ Рима, ни отъ папы, ни отъ Латины. Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 528.

⁴⁾ „И яко не възмогахомъ увѣщати его и отъ путнаго шествія възбрани, и много паки глаголахомъ ему о сихъ: „аще же убо пойдеши, и паки аще имаши възратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріахомъ отъ прародителя нашего, вели-

себе легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища, лятьскаго и литовскаго и немецкаго“ — „многа странна и чуже принесе въ наше православное христіанство“ и „отъ римскаго папы писаніа“. и какъ необычное поведеніе и отступничество Исидора заставило великаго князя созвать соборъ русскаго духовенства и подвергнуть митрополита соборному суду и какъ „явился всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игуменомъ и прочимъ священноинокомъ и инокомъ, и всему нашему православному христіанству, яко чуже есть и странно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихождение“. Поэтому, говоритъ великій князь, мы посылаемъ нашихъ пословъ къ святому царю и къ святѣйшему твоему владычеству и ко всему божественному и священному собору съ просьбою. Просьба эта буквально читается такъ: „И просимъ святѣйшее твое владычество, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественнымъ и освященнымъ сборомъ, възрѣвше въ святаа ваша и божественная правила гречьская и во оно папино посланіе. и разсудивше, и за нужу далечнаго и непроходнаго путешествія, и за нахождение на наше христіанство безбожныхъ агарянь, и за неустройство и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей умножена, свободно намъ сѣтворите въ нашей земли поставленіе митрополита; еще же и за сію нужу, яко и духовная дѣла вся каждому православному христіанину, и наша скровенная, а господьская потребная словеса и дѣла нужно намъ дѣлати съ митрополитомъ, толкованно младыми человѣки, отъ нихъ же лѣпо есть что таити, и тиѣ преже инѣхъ увѣдають. И того ради просимъ святое твое владычество, послѣте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Святаго Духа, и споспѣшеніемъ святаго царя и съ благословеніемъ святаго твоего владычества и божественнаго и священнаго сбора, по святымъ правиломъ, събравше въ отечествіи нашемъ, въ русѣи земли, боголюбивыя епископы отечества нашего, и по благодати Святаго Духа избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣроу православна, да поставятъ намъ митрополита на Русь: понеже и преже сего, за нужу. поставленіе въ Руси митрополита бывало. А мы о семъ хотимъ, Божіею благодатію, по изначальству нашего православнаго христіанства,

---

каго оноу Владимира, еже держитъ великаа сборная и апостольская Божья церковь гречьская; а ино, странно ново и чуже отъ тоя сборная церкве, не приношай къ намъ; понеже аще и принесеши что ново, то неприятно будетъ намъ то“. Тамъ же, столб. 531.

посыланіе и совoproшаніе и любовь имѣти съ святымъ царемъ, и святѣйшаго ти благословеніа и молитвы требовати и желати хоцемъ, донелѣже Богъ благоизволить и земля наша доколѣ иметь стояти, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка. Просимъ же и о семь святое ти владычество, да со извѣщеніемъ о всемъ и съ честнѣйшимъ вашимъ писаніемъ опустите къ намъ сихъ нашихъ пословъ неиздержно, да навикше о здравии и благопробываніи святаго царя (вар. „царства“) и святѣйшаго ти владычества, возвеселимся духовнѣ“¹⁾.

Великій князь, донося патріарху, что митрополитъ Исидоръ оказался измѣнникомъ православію, проситъ его дозволенія поставить православнаго митрополита соборомъ русскихъ епископовъ и выставляетъ причины такой просьбы. Василий Васильевичъ, конечно, не могъ указать главной причины своего ходатайства. Онъ не могъ сослаться на то, что патріархъ и императоръ такіе же уніаты и отступники отъ православія, какъ и низложенный Исидоръ, а потому великому князю нужно было указать другіе мотивы своей просьбы. Онъ ссылается на отдаленность и крайнюю трудность путешествій въ Константинополь, на незнаніе митрополитами-греками русскаго языка и на необходимость и неудобство вести съ ними переговоры о важныхъ государственныхъ дѣлахъ при посредствѣ переводчиковъ—незначительныхъ людей; но эти затрудненія имѣли постоянный, а не временный характеръ, и существовали со времени возникновенія русскои митрополіи. Другія же причины, указываемыя въ посланіи великимъ княземъ, напр., нашествіе на Русь агарянь, неустроенія и мятежи въ окрестныхъ странахъ и господарей умноженіе—не имѣютъ даже (непосредственнаго) отношенія къ просьбѣ великаго князя²⁾.

Надо думать, что великій князь, ограничивая свою просьбу—дозволеніемъ поставить въ Россіи лишь преемника Исидору, имѣлъ въ виду для будущаго времени и то, чтобы нѣсколько послѣдующихъ поставленій совершилось на основаніи тѣхъ же частныхъ разрѣшеній, а потомъ на рядѣ такихъ частныхъ случаевъ—возможно было бы осно-

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 534—536.

²⁾ „Изъ чтенія этого посланія, справедливо замѣчаетъ митрополитъ Макарій, легко примѣтитъ, что главнымъ побужденіемъ, почему великій князь Василий Васильевичъ, рѣшился ходатайствовать о поставленіи русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи, было вообще все прискорбное дѣло Исидорова.. А остальные причины и обстоятельства, на которыя ссылается князь, отнюдь не новыя: на нихъ русскіе могли бы сослаться для той же цѣли и въ прежнія времена“. И Р. Ц. Т. VI, стр 11

вать общее требованіе. Это ограниченіе просьбы великимъ княземъ даетъ основаніе предполагать, что московское правительство совершенно не сознавало права и не видѣло возможности обращаться къ патріарху съ общою просьбою о дозволеніи ставить русскихъ митрополитовъ въ самой Руси Русскіе, непоколебимо и глубоко преданные и вѣрные православію, не хотѣли имѣть общенія съ патріархомъ-уніатомъ; они хотѣли фактически отдѣлиться отъ него, стать внѣ общенія съ нимъ. Но у нихъ не хватало рѣшимости и мужества открыто и формально разорвать церковный союзъ съ Константинополемъ, что они и должны были сдѣлать, а потому они рѣшаются достигнуть этого другимъ путемъ и прибѣгать не къ вполне безукоризненнымъ средствамъ ¹⁾).

Какъ мы уже сказали выше, до насъ дошло посланіе великаго князя Василія Васильевича, написанное имъ къ константинопольскому патріарху въ 1441 году и содержащее въ себѣ просьбу къ патріарху съ императоромъ о дозволеніи поставить преемника низложенному Исидору въ самой Руси своими русскими епископами.

Но вопросъ о томъ, какова была судьба этого посланія, остается и до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ наши лѣтописи подъ 1441 годомъ совершенно не упоминаютъ о посылкѣ великаго князя къ константинопольскому патріарху. Изъ послѣдующихъ же событій мы узнаемъ, что великій князь не получилъ отъ патріарха позволенія поставить преемника низложенному Исидору соборомъ русскихъ епископовъ; но остается неизвѣстнымъ, послалъ ли онъ грамоту въ Константинополь и тамъ получилъ отказъ, или же посланіе, будучи написано и приготовлено, не было отправлено по назначенію. Свидѣтельства великаго князя и митрополита Іоны, даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, что посланіе не было отправлено въ Константинополь; но они не могутъ быть принимаемы за совершенно достовѣрныя, такъ какъ эти показанія, по вѣрному замѣчанію проф. Е. Голубинскаго, идутъ отъ людей, „заинтересованныхъ въ дѣлѣ“ ²⁾. Если дѣйствительно посланіе не было отправлено, то со

¹⁾ „Но желая достигнуть своей цѣли, великій князь видитъ себя вынужденнымъ дѣйствовать съ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства... И такимъ образомъ вышло, что похвальной цѣли они старались достигнуть не вполне похвальными средствами“... Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 476.

²⁾ И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 476. Великій князь въ посланіи къ императору Константину Палеологу съ извѣщеніемъ о поставленіи Іоны въ санъ митрополита (А. И. Т. I, № 41, стр. 84, № 262, стр. 494; Р. И. В. Т. VI, столб. 582)

всей вѣроятностью надо предполагать, что великій князь раньше посылки грамоты, получилъ изъ Константинополя такія свѣдѣнія о патріархѣ и императорѣ, что на основаніи ихъ могъ убѣдиться, что ему даже совершенно напрасно обращаться туда съ своею просьбой. Если же предположимъ, что посланіе было отправлено (что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ¹), то отказъ императора и патріарха будетъ вполне понятенъ, такъ какъ императоръ и патріархъ, будучи уніатами, не могли дать своего согласія на низложение Исидора, своего единомышленника, и послушнаго исполнителя ихъ предначертаній, и поставленіе митрополита православнаго. Удовлетвореніе такой просьбы было бы со стороны императора и патріарха дѣйствіемъ такого самоотрицанія и такой насмѣшки надъ самими собою, какихъ, невозможно было имъ допустить²).

и митр. Іона въ посланнн къ киевскому князю Александру Владимировичу (А. II Т. I. № 47, стр. 95; Р. II В. Т. VI. № 66, столб. 559)—говорятъ, что до этого послѣдняго событія (поставленія Іоны) не было посылокъ въ Константинополь относительно замѣщенія митрополитчьею кафедрой. „Но великій князь и митрополитъ, говоритъ проф. Голубинскій, могли имѣть желаніе умалчивать о посылкахъ неудачныхъ (и предъ импер. Константиномъ можно было это дѣлать, потому что въ правленіе брата онъ жилъ не въ Константинополь, а на своемъ удѣлѣ)“. Тамъ же, стр. 477

¹) Иной взглядъ на это высказываетъ м. Макарій, вполне довѣряя лѣтописному сказанію. „Это посланіе, писанное въ 1441 году, вдругъ по обвиненіи Исидора въ Россіи, было отправлено въ Константинополь; но вскоре пришедшая вѣсть въ Россію, что греческій императоръ вмѣстѣ съ патріархомъ принялъ латинскую вѣру, заставила нашего князя воротить своихъ пословъ“. М. Макарій думаетъ, что вѣсть эта пришла, должно быть, съ Аѳона и дѣлаетъ ссылку на посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы (Лѣт. зан. Археогр. Комм. за 1864 г., вып. III, стр. 28—32), въ которомъ аѳонскіе старцы, одобряя поступокъ русскихъ съ измѣнникомъ Исидоромъ, пишутъ, что греческій царь впалъ въ латинскую прелесть и посадилъ на апостольскомъ престолѣ патріарха, единомудреннаго латинамъ, и что потому они „извергли патріарха и царя не помяна обычна“ (стр. 30) Но лѣтописное сказаніе, на которое ссылается митр. Макарій, говоритъ не о посланіи 1441 года, а 1443 года, такъ какъ въ текстѣ дается знать, что отъ крещенія Руен до написанія посланія прошло 455 лѣтъ. Объ этомъ посланіи см. ниже.

²) Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II. I, стр. 477. Этотъ же ученый говоритъ, что если императоръ и патріархъ не могли удовлетворить просьбы великаго князя сами по себѣ, то еще болѣе и во всякомъ случаѣ не могли удовлетворить ея по своимъ отношеніямъ къ папѣ. „Что сказалъ бы этотъ послѣдній, если бы они—съ одной стороны выдавали себя за поборниковъ уни, а съ другой стороны вели себя, какъ ея враги?“ Если предположить, что грамота была послана въ Константинополь, то по мнѣнію того же ученаго, надо думать, что отказъ данъ былъ патріархомъ не совершенно въ рѣшительной,

Посланіе великаго князя въ Константинополь съ просьбою о дозволеніи поставитъ преемника Исидору въ самой Руси соборомъ русскихъ епископовъ, какъ мы уже сказали выше, дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: по одной редакціи оно адресовано патриарху и въ текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441 году; по другой же оно адресовано императору, а изъ текста видно, что оно писано въ 1443 году¹⁾. Изъ этого видно, что послѣ попытки 1441 года, приведенной въ исполненіе и окончившейся неудачею или же оставшейся только въ намѣреніи, чрезъ два года (въ 1443 году) была сдѣлана новая попытка, при чемъ было употреблено прежнее посланіе. Но и это посланіе постигла такая же неудача. Одна изъ Софійскихъ лѣтописей (вторая), изложивъ это посланіе (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167), сообщаетъ, что великій князь отправилъ было своихъ пословъ въ Константинополь, но къ нему пришла вѣсть, что императоръ ушелъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, а потому великій князь приказалъ воротить пословъ съ дороги назадъ²⁾. Но эта вѣсть вполне невѣроятна и неправдоподобна³⁾: со всею вѣроятностью надо думать, что послы

а въ какой нибудь уклончивой формѣ, потому что въ первомъ случаѣ патриархъ долженъ бы былъ опасаться за свою церковную власть надъ русскими. Тамъ же, стр. 477.

¹⁾ Въ послѣдней редакціи оно помѣщено во 2-й Софійской лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167) и у м Платона въ „Краткой церковной російской исторіи“. Т. I, стр. 302—309. Проф. Е. Голубинскому оно извѣстно еще по рукописи библиотеки Моск. Дух. Академіи, № 235.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, подъ 1438 г., стр. 167. „Приде вѣсть, яко царь отиде въ Римъ на царство и ста въ Латынскую вѣру; и пославъ пословъ възвратити воспать“. На это мѣсто Софійской 2-й лѣтописи ссылается м Макарий для подтвержденія своего взгляда, что посланіе 1441 года было возвращено назадъ. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 147.

³⁾ „Чтобы да великаго князя могла дойти нелѣпая вѣсть, будто императоръ ушелъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, это совсѣмъ невѣроятно, и лѣтопись, какъ можно думать, воспроизводитъ тутъ одинъ изъ ходившихъ въ народѣ толковъ. Могла дойти до великаго князя ошибочная вѣсть, будто императоръ отправился на Западъ искать помощи у западныхъ государей противъ турокъ. Но трудно допустить, будто дѣло было такъ, что великій князь, получивъ вѣсть, воротилъ пословъ назадъ и на томъ кончилъ попытку: ему ничто не мѣшало удостовѣриться въ справедливости вѣсти и по полученіи извѣстія объ ея ложности снова отправить пословъ въ Константинополь“. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, I, стр. 478. Разбирая посланіе великаго князя Василія Васильевича къ патриарху Митрофану, профессоръ В. Н. Малининъ замѣчаетъ, что при всей деликатности этого посланія константинопольскому патриарху дается понять, что о немъ самомъ, патриархѣ, Исидорѣ

великаго князя были въ Константинополь и получили отказъ, а тѣмъ сказками, которыя передаетъ Софійская лѣтопись, объяснялась только неудача посольства. Такъ какъ посланіе 1443 года адресовано не патриарху, а императору, то можно думать, что русскіе рѣшились вновь обратиться въ Константинополь послѣ смерти патриарха Митрофана ¹⁾, такъ какъ могли рассчитывать на большую уступчивость одного императора-уніата, находя возможнымъ удовольствоваться лишь разрѣшеніемъ послѣдняго.

Такъ какъ московское правительство не желало формальнымъ образомъ разрывать церковнаго союза съ Константинополемъ и такъ какъ ему не удалось получить разрѣшенія поставить себѣ самимъ православнаго митрополита,—то, наконецъ, великій князь рѣшилъ поставить себѣ православнаго митрополита, безъ дозволенія патриарха, по своей волѣ. Но рѣшеніе это состоялось не скоро, такъ какъ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ случился цѣлый рядъ несчастій, замедлившихъ осуществленіе этого рѣшенія: въ іюлѣ 1445 года великій князь былъ захваченъ въ плѣнъ татарами, у которыхъ пробылъ около трехъ мѣсяцевъ ²⁾; въ фе-

---

сообщалъ нѣчто смущающее и удивительное. Онъ говорилъ: „Яко не мощно ми есть, да не пойду (на соборъ); аще бы не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патриарха вмѣсто благословенна клятву пріати; понеже убо прежній азъ есмь ходатай бываемому сбору, и нужна имамъ веячески поити, яко и рукописаніе свое дахъ на себѣ, еже пойду“ (Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 361). „Не случайно, конечно, припомнились теперь московскому правительству слова Исидора, когда онъ, какъ приходилось вѣрить, и на соборѣ дѣйствовалъ въ томъ же согласіи съ константинопольскими властями, какъ выражалъ эту общность мыслей и до собора: вѣдь не даромъ же съ него взяли въ Константинопль даже письменное обязательство въ томъ, что онъ отправится на соборъ. Послѣ этого мы поймемъ, почему находили довѣріе невѣроятные слухи о Константинопль“. Старецъ Елсазарова монастыря Филоеи и его посланія, стр. 464—465.

¹⁾ Патриархъ Митрофанъ умеръ 1 августа 1443 года.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. IV (Новгор. 4-я лѣт.), стр. 125 Т. IV (Псковск. 1-я лѣт.), стр. 213. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 171, 172, подъ 1445 г.: „Князя же великаго самого руками яша... а на великомъ князи многи раны быша по главѣ и по рукамъ, а тѣло все бито велми, понежѣ бо самъ добръ мужьственѣ бился бяше А се зло случилася надъ хрестьяны іюля 7, въ среду“. Чт. въ И. О. II и Д. 1864, IV, стр. 152. Въ іюлѣ (14-го) того же года сгорѣла вся Москва, см стр. 171. Объ этомъ см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1064—1067. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 113, 114; Проф. А. Рамбо. Исторія Россіи, стр. 169. Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 75; Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку, стр. 426—427. Очень характерно свидѣтельство Новгородской лѣтописи по синодальному харатейному:

вратѣ же (13-го) 1446 года былъ захваченъ, лишенъ великаго княженія и ослѣвленъ своимъ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой¹⁾, у котораго, при сильной поддержкѣ духовенства²⁾, успѣлъ снова отнять великокняжескій престолъ спустя 10

еписку о возвращеніи великаго князя Василя Васильевича изъ татарскаго плѣна: „В лѣто 6954 (1446). Ступети церь Махметъ князя великаго Василя на Рускую землю и зяя на немъ окупа двѣсти тысяць рублей, а иное Богъ вѣсть да оиъ“ Стр. 427 П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 1-я лѣт.), стр. 141, П. С. Р. Л. Т. IV (Новгор. 4-я лѣт.), стр. 125. Ср. Г. Карповъ. „Очерки изъ ист. рос. церк. іерархія“. Чт. въ И. О. П. и Д. 1864, IV, стр. 152—153

¹⁾ О захватѣ Шемякою великаго князя Василя Васильевича въ Троицкомъ монастырѣ, объ его ослѣвленіи и дальнѣйшей борьбѣ за великое княженіе—Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М 1837), стр. 76 П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 172 и слѣд П. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-я лѣт.), стр. 141; П. С. Р. Л. Т. IV (Псковск. 1-я лѣт.), стр. 213; см. также у С. М. Соловьева П. Р. Т. IV, столб. 1067—1072 Въ 1446 году, когда великій князь Василий Васильевичъ былъ ослѣвленъ княземъ Дмитріемъ Шемякою, заявившимъ московскій престолъ, и посланъ въ Угличъ, Шемяка, не будучи покоенъ, что сыновья Василя находятся на свободѣ въ Муромѣ, окруженные многочисленною дружиною, вызвалъ рязанскаго епископа Іону и обѣщаль ему митрополию, если оиъ отправится въ Муромъ, возьметъ „на свою епитрахиль“ этихъ дѣтей и привезетъ ихъ въ Москву, „а я,—говоритъ епителю Шемяка, съ радостію ихъ покажу и отца ихъ вынушу, и вотчину дамъ довольную, такую, чтобъ можно бы имъ жить какъ слѣдуетъ“ Іона, не подозрѣвая злыхъ намѣреній Шемяки, исполнилъ его волю, взявъ дѣтей „на свою епитрахиль“ привезъ ихъ къ Шемякѣ (въ Переяславль, а не въ Москву, какъ ошибочно говоритъ м. Макарій П. Р. Ц. Т. VI, стр. 12), а затѣмъ отвезъ ихъ къ отцу на заточеніе въ Угличъ. Тогда Шемяка повелѣлъ Іонѣ жить на митрополичьемъ дворѣ и Іона повинновался. Убѣдившись же въ ибромометвѣ Шемяки, Іона каждый день твердилъ ему: „Сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщаль и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь предъ ними лжецомъ Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моею!..“ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 175, 176; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 117, 118, 119; С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1069—1070; М. Макарій П. Р. Ц. Т. VI, стр. 12. Чт. въ И. О. П. и Д. 1864, IV, стр. 153—156. Прибавленія къ изд. твор. св. отцевъ, IV, стр. 232—233.

²⁾ О дѣятельности духовенства въ этой борьбѣ и о замѣчательномъ посланіи духовныхъ къ углицкому князю Дмитрію Шемякѣ (1447 г.)—скажемъ ниже. См. также разрѣшеніе великаго князя Василя Васильевича отъ клятвы, данной имъ Дм. Шемякѣ, игуменомъ Кириллова монастыря Трифономъ. П. С. Р. Л. Т. VI (Софійск. 2-ая л.), стр. 176; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгород, 4-ая лѣт.), стр. 131, 146. В. Сокольскій. „Участвіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единой державія и самодержавія въ московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв.“ (Кіевъ, 1902), стр. 58—59. Проф. В. С. Икон-

мѣсяцевъ. Возвратившись 17 февраля 1447 года въ Москву¹⁾, взяв у Дмитрія Шемяки его приверженцами въ день Рождества Христова 1446 года²⁾. великій князь долженъ былъ озаботиться объ умиротвореніи взволнованнаго смутами государства, заключеніемъ мирныхъ договоровъ съ Шемякой и его сторонниками³⁾ (кн. Можайскими и др.) и рѣшеніе поставить митрополита своею властью, безъ дозволенія императора и патріарха, приводить въ исполненіе лишь въ декабрѣ 1448 года⁴⁾.

Остается не вполне яснымъ, --былъ-ли великій князь послѣ долгихъ колебаній понужденъ къ своей рѣшимости явившеюся опасностію, что низложенный Исидоръ снова явится въ Россію, какъ это справедливо замѣтилъ проф. Е. Голубинскій⁵⁾, или же Василий

никовъ Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи, стр. 336. Ср. взглядъ проф. В. П. Сергѣевича Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 590—592

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 121

²⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 120, П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 177

³⁾ Отсутствие митрополита, этого главнаго посредника и миротворца при заключеніи княжескихъ договоровъ и веденіи переговоровъ сильно давало себя чувствовать, и въ одной изъ грамотъ („Договорная запись князя Дмитрія Юрьевича (Шемяки) и можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ его братомъ княземъ Михайломъ Андреевичемъ..“) есть такое замѣчательное упоминаніе. Шемяка и князь можайскій просятъ, чтобы великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который могъ дать имъ ручательство въ безопасности. С. Г. Г. и Д. Т. I, № 67, стр. 150. С. М. Соловьевъ П. Р. Т. IV, столб. 1073

⁴⁾ О времени поставленія митр. Іоны — П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 167, 175, 178 (годъ 6957). „Тое же весны, мѣсяца марта въ 31 день, въ 2 часъ дни, на память преподобнаго отца Ипатія чудотворца, преставился пресвященный митрополитъ Іона Кіевскій всея Руси, во градѣ Москвѣ; положенъ бысть въ церкви святыя Богородица честнаго ея Успенія; *наса церковь Болшо льнъ 12*“ П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣтоп.) подъ 1461 г. (6969), стр. 184; Густинская лѣтоп. (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356) ошибочно относитъ поставленіе м. Іоны къ 1442 году: „Въ лѣто 6950 (1442). Посвященъ бысть на митрополию Кіевскую Іона Резанскій епископъ, житія честнаго“. Чт. въ П. О. П. и Д. 1864, IV, стр. 148 Ф. А. Терновскій. Изучене византийскаго исторіи и ея тенденціозное приложене въ древней Руси. В. II, стр. 18.

⁵⁾ Обыкновенно думаютъ, что Исидоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы не дѣлалъ болѣе попытокъ возвратиться въ Россію, но сохранилось до настоящаго времени посланіе константинопольскаго патріарха Григорія Маммы къ кіевскому князю Александру Владимировичу, которое извѣстно было давно, но которое въ подлинномъ и полномъ видѣ напечатано А. Поповымъ въ „Историко-литературномъ обзорѣ древно-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ (по списку Синод. бібліотеки XVII в., № 46), стр. 332—334. О времени написанія этого посланія, сохранившагося безъ даты, см. у

Васильевичъ опасался, что для каведры митрополи всея Руси, находившейся въ Москвѣ, была опасность, что отъ нея могла быть отторгнута половина литовская ¹⁾).

Продолжительное медленіе великаго князя въ принятіи рѣшенія поставить митрополита русскими епископами безъ дозволенія патріарха и императора, доказываетъ намъ то, что великій князь колебался въ столь важномъ рѣшеніи, прежде чѣмъ рѣшился созвать всѣхъ епископовъ своей земли и предложить имъ, чтобы они сами поставили для Руси митрополита, и именно Іону, епископа рязанскаго, какъ избраннаго къ тому еще прежде послѣ смерти Фотія. Объ этомъ подробно свидѣтельствуется митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу, говоря, что великій князь Василій Васильевичъ, „поборая по Божьей Церкви, и по законѣ и по всемъ православному христіанствѣ, и по древнему благолѣпію, разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святымъ своимъ прародителемъ благочестивому святому и равному святымъ Апостоломъ великому царю Константину и великому всея русскія земля владателю, святому и равному же святымъ Апостоломъ великому князю Владиміру“... рѣшился приступить къ поставленію митрополита,—„взирая въ божественная и священная святыхъ Апостоль и богоносныхъ Отець святая правила

Е. Голубинскаго, который относитъ его ко времени, предшествовавшему поставленію митр. Іоны (И Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 480) Р. И. Б. Т. VI. № 72; М. Макарій. И Р. Ц. Т. VI. стр. 369—372. Изъ этого посланія очевидно, что Исидоръ имѣлъ намѣреніе возвратиться въ Россію. Сообщивъ кратко объ условіяхъ, на которыхъ состоялось соединеніе церквей, патріархъ пишетъ: „а коли придетъ къ вамъ преосвященный митрополитъ кievскій и всея руси и всечестный кардиналъ киръ Исидоръ, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный братъ и сослужебникъ нашего смиренія, научитъ и накажетъ о всемъ словомъ и дѣломъ вѣрующихъ всѣхъ въ благодать Христову, нерушимо блюдому и соблюдаемому божіею благодатию во вѣки вѣкомъ“, (стр. 333).

¹⁾ Исидоръ несомнѣнно хотѣлъ возвратиться на Русь, но только литовскую, такъ какъ едва ли для него было желательно показываться въ Москву, куда бы его, навѣрно, и не пустили. Въ Литвѣ же на унию и на Исидора смотрѣли другими глазами, чѣмъ въ Москвѣ, не признавали его отступникомъ и еретикомъ. Доказательствомъ этого служитъ вышеупомянутое обращеніе въ Константинополь съ вопросомъ объ униі князя Александра Владиміровича и случай поставленія Исидоромъ епископа владимірскаго и берестейскаго Даніила. Объ этомъ см. у Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 479—481. См. также „Рукописаніе Даніила епископа“ и прощальную грамоту ему митрополита Іоны. Р. И. Б. Т. VI. № 72, столб. 585—590; митрополита Макарія. И. Р. Ц. Т. VI. Приложенія, № II, стр. 369—372; А. И. Т. I, № 52, стр. 100—101

и въ все божественное святое писаніе, и съ всѣми святители своея земля, съ боголюбивыми епископами и съ преподобными архимандриты и съ честнѣйшими игумены, и съ многими духовными мужи съ разсудными, и съ всѣмъ священствомъ бесѣдуя и съединяся доволнѣ въ многыя времена, и съ вами, православными князи, объсылаяся въ вся мѣста, а нашія рускыя земля обыскивая старину. “¹⁾). Не рѣшаяся формально разорвать союзъ съ патріархомъ—еретикомъ и не получая отъ него разрѣшенія поставить себѣ митрополита самимъ,—русскіе, наконецъ, рѣшились поставить митрополита собственной властью. Но, совершивъ поставленіе митрополита, московское правительство дѣйствуетъ чрезвычайно осторожно и свои поступки старается оправдать канонами²⁾. Великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ императору Константину, въ которомъ сообщаетъ ему о совершенномъ поставленіи митрополита въ Россіи соборомъ русскихъ епископовъ, пишетъ, что оно было сдѣлано „възрѣвше въ божественная и священная правила святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отець, нужди ради, обрѣтохомъ не бронящихъ, но повелѣвающихъ, епископы поставити болшаго святителя, митропо-

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI. № 66, столб. 559—560, А. И. Т. I, № 47, стр. 95

²⁾ „Въ каноническихъ правилахъ церкви русскіе не могли найти на свой вопросъ никакого отвѣта, потому что дѣло было поставлено ими такимъ образомъ, что каноны не только не предвидѣли подобнаго случая, но вовсе и не допускаютъ его. Константинопольскаго патріарха, державшагося уніи съ папой, русскіе признавали за еретика; несмотря на это, они не отрицали его власти надъ собою, а только не хотѣли имѣть фактическаго общенія съ нимъ и получить себѣ митрополита изъ его нечистыхъ рукъ. Но по канонамъ церкви православные вовсе не могутъ и не должны признавать надъ собою власти еретиковъ, потому что между православными и еретиками не должно быть совершенно никакого общенія.—потому что послѣдніе должны быть просто отсѣчены отъ всякаго союза съ православною церковію. И должно думать, что русскіе рѣшились наконецъ поступить такъ, какъ они поступили, не потому, чтобы они нашли каноны, которые показались имъ оправдывающими ихъ поступокъ, а потому просто, что ихъ принудила къ тому необходимость, такъ какъ *necessitas non habet legem*“. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 481—482. „Что же оставалось дѣлать? Ждать болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ? Но Россія и безъ того ждала уже очень долго и около семи лѣтъ оставалась безъ митрополита“. (М Макарій И. Р. Ц. Т. VI, стр. 14). „Чувствовали (собравшеся епископы), что въ Россіи для этого нужно согласие и благословеніе царьградскаго патріарха, — и сослались на то, что патріархъ съ своимъ освященнымъ соборомъ уже давно благословилъ Іону быть митрополитомъ послѣ Исидора, когда Іона ѣздилъ въ Константинополь“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 122. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 14—15 Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, стр. 478—479.

лита“¹⁾ Митрополитъ Иона въ одномъ изъ своихъ посланій къ литовскимъ епископамъ утверждаетъ, что онъ поставленъ на основаніи 1-го правила св. апостоловъ, которые онъ излагаетъ такъ: „Тріе епископи должны суть, безо всякого извѣла, поставляти большаго святителя“ и дѣлаетъ ссылку на четвертое правило „иже въ Никей перваго сбора“, которое повелѣваетъ поставять епископа всѣмъ епископамъ области, а въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ, троемъ и ссылается неопредѣленно на „иныя многія правильныя главизны“²⁾ Поставленіе митрополита безъ дозволенія константинопольскаго патріарха своими епископами было дѣло крайне щекотливое и потому наши предки не скупятся находить различные аргументы въ оправданіе своего самовольнаго поступка. Помимо каноновъ великій князь и митрополитъ утверждаютъ, что будто, когда Иона послѣ смерти митрополита Фотія пришелъ въ Константинополь ставиться и нашель тамъ уже посвященнымъ въ русскіе митрополиты Исидора, то императоръ и патріархъ назначили и утвердили его быть преемникомъ Исидора. По ихъ увѣренію дѣло было такъ: послѣ того какъ Иона пришелъ въ Константинополь уже послѣ поставленія Исидора „царь и патріархъ много пожаловаша о томъ, яко ему не успѣвшу прити къ нимъ, а имъ како ускорившимъ Исидора поставити митрополита, и рѣкоша: „что уже сѣтворимъ? ты не успѣ прити къ намъ, а мы другого на ту святѣишую митрополию поставихомъ, и мы не можемъ иначе учинити: Исидоръ есть уже на Руси митрополитомъ, а ты, Иона, пакы поиди на свои столъ, на рязаньскую епископію; а что Божія воля о Сидорѣ произмыслитъ, или смертію скончается, или иначе что о немъ будетъ, ино ты еси, Иона, по немъ будещи въ Руси митрополитомъ“³⁾. Этотъ аргументъ, служа, съ одной стороны,

¹⁾ Послание великаго князя Василя Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Ионы. А. И. Т. I, №№ 41 и 262 (стр. 84—85, 494), Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 583

²⁾ Окружное послание митрополита Ионы литовскимъ епископамъ, о соблюденіи православной вѣры и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Ригѣ на кievскую митрополию. А. И. Т. I, № 63, стр. 113; Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 622—623.

³⁾ Приведенное мѣсто читается въ посланіи великаго князя къ императору Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Ионы. А. И. Т. I, №№ 41, 262, стр. 48, 493 Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 579. Самъ Иона утверждаетъ это въ нѣсколькихъ своихъ посланіяхъ въ Литву. „Грамота митрополита Ионы литовскимъ князьямъ, панамъ, боярамъ, намѣстникамъ и народу, съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи“. Р. И. Б. Т. VI, № 64, столб. 539—540. (А. И. Т. I, № 43, стр. 86); его же посланіе кievскому князю Александру Владиміровичу о поставленіи своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ охра-

оправданіемъ самовольнаго поставленія митрополита, съ другой стороны—надо думать, удовлетворялъ и другой цѣли, доказывая, что поставленный митрополитъ, хотя и находился въ номинальной зависимости отъ патріарха-уніата, былъ совершенно православный, такъ какъ уже получилъ благословеніе на митрополию отъ патріарха еще вполне православнаго.

Эта же тенденція, что Іона, не получившій себѣ благословенія на митрополию, имѣлъ еще раньше благословеніе отъ патр. Іосифа, видна и въ его жити, гдѣ сообщается о пророчествѣ о немъ митрополита Фотія. Вотъ это мѣсто: „Приде нѣкогда преосвященный Фотій митрополитъ всеа Русіи во обитель Пречистыя Богородицы на Симоново, якоже обычаѣ имяше, помолитися и сущаго архимандрита и братію благословити и духовно пользоваться себе же и нѣхъ, и въ церкви молитвоваше и поиде видѣти и благословити труждающихся братію во святыхъ службахъ страны монастырскія; приде же въ пекольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго труда и молитвы непрестаннаго и десною руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею; святитель же со удивленіемъ зряше на нѣ и не повелѣ никому разбудити его и пророчествуя о немъ глаголаше: „разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ

нять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать воссоединенію кievской митрополіи съ московскою А. И. Т. I, № 47, стр. 95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб 561; его же посланіе къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кievскомъ митрополитѣ Григоріи Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 646; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI Прилож. № I, стр. 362 Никоновская лѣтопись увѣряетъ даже, что патріархъ не только благословилъ Іону, но „и грамоту ему далъ“. Никоновская лѣтопись. Ч. V. стр. 215. „Декабря в ЕІ (15) день поставленъ бысть на митрополию всеа Русіи Іона владыко рязански на Москве архиепискупы и епискупы рускія митрополіи, по благословенію святѣйшаго вселенскаго патріарха, какъ былъ Іона в Цари граде после Исидора, и патріархъ его благословилъ и грамоту ему далъ“. Крайне сомнительно, чтобы дѣло было такъ, какъ утверждаютъ великій князь и митрополитъ Іона, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы патріархъ съ императоромъ назначили Іонѣ быть преемникомъ Исидора; подобное назначеше, по мнѣнію проф. Голубинскаго (И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 483), представляло бы изъ себя „лѣчто совсѣмъ необычное“, да и патріархъ и императоръ не могли предвидѣть, что Исидоръ такъ скоро покинетъ Россію. Положительныя данныя заставляютъ скептически отнестись къ этому, да и великій князь въ своемъ посланіи къ царю Константину Палеологу говорить объ этомъ назначеніи Іоны, не утверждая категорически, а страннымъ и подозрительнымъ образомъ, ссылаясь на слухи „и слышашомъ о семъ отъ многихъ“. А. И. Т. I, №№ 41, 262, стр. 84, 493; Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб 579.

великъ святитель во странахъ руския земли и многи отъ невѣрныхъ обратитъ къ Богу и просвѣтитъ святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинный приведетъ, наипаче же и сему царствующему граду Москвѣ и прочимъ градомъ и всѣмъ истинный пастырь и учитель будетъ“¹⁾

По приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ дозволенія патріарха и императора константинопольскаго быть поставленъ въ митрополиты всея Руси русскими епископами Іона, епископъ рязанскій 15 декабря 1448 года²⁾ Крупная церковная реформа, имѣвшая такое громадное, глубокое вліяніе на государственную жизнь московской Руси, хотя и предпринятая по серьезнымъ церковно-религиознымъ мотивамъ и подъ защитой и покровомъ каановъ, *проведена была исключительно политической инимативзй*: великій князь созвать соборъ русскихъ епископовъ и *повелѣлъ имъ поставити въ митрополиты Іону*³⁾. Относительно самаго поставленія 2-ая Софійская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. VI, стр. 167), говоритъ: „въскорѣ совершается приношеніе божественныя службы, и возлагается на плещо его честный амфоръ, и посохъ великій митрополитъ дается въ руцѣ его; и тако съ благобоязньствомъ

¹⁾ Степенн книга, II, 69—71; Троицкій Патерикъ, стр. 175. Чт. въ П. О. П. и Д. 1864, IV, стр. 142—143

²⁾ Никонов. лѣт. Ч. V, стр. 215 „Декабря въ 15 день поставленъ быеть на митрополию всеа Русіи Іона владыко рязанскій на Москве архіепискупи и епискупи руския митрополии“.. Характерно свидѣтельство Новгородской 4-й лѣтописи о поставленіи м. Іоны „Поставленъ быеть на митрополию Рускіа земля владыка Іона Рязанскій, первый съ своими епископы, на Москву“ П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 131; Софійская 2-я лѣт. ошибочно называетъ годъ поставленія м. Іоны—1438-й; Степен. книга (II, 78) указываетъ ошибочно годъ поставленія—1447-й; Густинская лѣт. (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356) ошибочно относитъ поставленіе м. Іоны къ 1442 году. Митрополитъ Макарій Н. Р. Ц. Т. VI, стр. 15, неточно указываетъ день поставленія Іоны—5 декабря.

³⁾ П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣтопись). „Князь же великий повелѣваетъ прежнимъ епископомъ смотрити въ та божественная правила, како достоитъ ли митрополита поставити въ своей землѣ; они же разсмотрѣвши рекоша: „достоитъ“ *Он же съшавъ, въскорѣ избравъ на митрополию Іону епископа Рязаньского, повелѣваетъ съедшимся архіепископомъ и всесвященному собору поставити Іону на митрополию*“ (стр. 167). „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню “ А Поповъ Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій, стр. 381: „И повелѣваетъ („боговѣнчаный Василей царь всеа Русіи“) ешедшимся тогда архіепископомъ и епископомъ и всему священническому збору помолити Бога и пречистую Богородицу о сихъ, да будетъ свершенъ епископъ Іона въ рустей земли митрополитомъ“

свершаетъ святу ю службу, благословляетъ народы“. Самъ м. Іона въ своихъ посланіяхъ въ Литву говоритъ слѣдующее о своемъ поставленіи: „Язъ паки, по Божіей [милости], поставленъ на той превеликій степень не отъ трехъ, ни отъ пятій епископъ, но отъ всихъ архіепископовъ и епископовъ здѣшняго православнаго великаго самодержства господина и сына моего великаго князя“¹⁾. Въ своемъ посланіи къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи митрополитъ Іона также утверждаетъ, что онъ поставленъ всѣми московскими русскими епископами, созванными въ Москву великимъ княземъ, котораго онъ въ своемъ посланіи именуетъ „новымъ Владиміромъ“, „благодѣтели законъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець преданія“²⁾. Это былъ первый митрополитъ, поставленный своими епископами въ Москвѣ, тогда какъ прежніе два опыта поставленія митрополитовъ соборомъ русскихъ епископовъ (поставленіе Иллариона при великомъ князѣ Ярославѣ и Климента при Ізяславѣ) совершены были еще въ Кіевѣ³⁾.

Поставленіе митрополита Іоны соборомъ русскихъ епископовъ, хотя и имѣло всѣ свойства законности, но какъ выходявшее изъ ряда, естественно должно было, по выраженію митрополита Макарія, „привлечь на себя вниманіе и возбудить мнѣнія и толки“⁴⁾, а потому Іона сознавалъ необходимость выяснить значеніе этого событія всею своей новою пастырѣ. Едва только взойдши на митрополичью кафедру, онъ пишетъ въ своей окружной грамотѣ⁵⁾ къ христіанамъ русскимъ: „Вѣдомо вамъ, сынове, что коликое лѣтъ церковь Божія вдовствовала безъ большаго святителя, безъ митро-

¹⁾ А. И. Т. I, № 63, стр. 113; Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 622—623.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 647; митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Приложенія, № 1, стр. 362 По свидѣтельству же Воскресенской (И. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 122) и Типографской (стр. 256) лѣтописей онъ былъ поставленъ четверыма епископами, ростовскимъ, суздальскимъ, коломенскимъ и пермскимъ, а епископы новгородскій и тверской прислали повольныя грамоты.

³⁾ М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 15.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 15.

⁵⁾ „Окружная грамота митрополита Іоны“ въ А. И. Т. I, № 43, стр. 86—87; Р. И. Б. Т. VI, № 64, столб. 539—542, гдѣ означенная грамота слита съ грамотой къ литовскимъ князьямъ и панамъ и представляетъ собою первую часть послѣдней. Покойный редакторъ тома VI Р. И. Б. проф. А. С. Павловъ обратилъ на это вниманіе и въ этомъ изданіи, для отличія составныхъ частей синодальнаго списка (синод. сборникъ № 562), по которому издана грамота, напечаталъ послѣднюю часть грамоты особымъ шрифтомъ.

полита, и въ томъ многое лиха и истомы христіанству нашею земли починилось. И нынѣ, Богу тако изволюшу, собрався священный зборъ, владыки и архимандриты и игумены, и со всемъ великимъ Божиимъ священствомъ наше земли, и по божественнымъ священнымъ правиломъ поставили мя митрополитомъ, поминая прежнее на насъ повелѣніе святаго царя и благословеніе святаго и вселенскаго патріарха и всего святаго вселенскаго сора, *и по думѣ господина, сына моего, великаго князя Василья Васильевича*, и его молодшіе брати, князеи, занеже сынове, *коли было въ Цариградѣ православіе* (курс. пашъ) и они оттуды пріимали благословеніе и патріарха“¹⁾. Еще болѣе подробно налагаетъ онъ исторію и причины своего поставленія въ посланиці къ кievскому князю Александру Владиміровичу: „Въсте, сыну, извѣстно ваше благородіе, пишетъ митроп. Іона, еже отъ коликихъ лѣтъ, по преставленіи приснопамятнаго отца нашего и вашего отца, и кума вашего, святаго митрополита Фотія кievскаго и всея Руси, великая Божія святая зборная и апостольская церковь, святѣйшая митрополія кievская и всея Руси, вдовьсгвуетъ; и въ томъ, сыну, самъ вѣдаешь, и предъ вашима очима, колико ся починило и въ господарствѣхъ смущенія, и въ православномъ нашемъ христіанствѣ неустроенія, и всякыя христіанскыя погибели и кровопролитія... по дьявольскому навѣгованію, а по Божію нашихъ ради грѣховъ поущенію, во Царьскомъ градѣ стало въ царѣхъ и патріаршествахъ раздвоеніе и размышленіе, или, паче рещи, оскудѣніе и насилуваніе отъ Турокъ же и Латинъ на тотъ Царьскій градъ и на державы цариградскаго царя господство и на все цариградское жителство. И въ той великой Божьей и святѣйшей зборнѣй и апостольствѣй константинаградской церкви, отъ царя и отъ патріарха, и на полатѣ царевѣ почало быти написано папино поминуеніе, еяже отъ коликихъ прежнихъ древнихъ временъ, по седмичъ святѣйшихъ вселенскихъ зборѣхъ, то ся папино поминуеніе отложило въ той святѣй и въ великой Божьей съборнѣй и апостольствѣй и вселенствѣй Костянтинаградствѣй церкви и въ прочихъ трехъ патріархъ, святыми же прежними православными христіанскими цари, святѣйшими всеми четырьми патріархи и всеми святители, и прочими преподобными духовными мужи, по латинскому отъ нашего православнаго христіанства отступленію и еже отъ вѣры съ нами раздѣленію“²⁾. По этимъ причинамъ на Руси такъ

¹⁾ А. И. Т. I, № 43, стр. 86; Р. И. В. Т. VI, столб. 540

²⁾ Р. И. В. Т. VI, № 66, столб. 557—558.

долго не было митрополита: „не къ кому было посылати (царь не таковъ, а ни патріархъ не таковъ, иномудрствующе, къ Латинюмъ приближающися, а не тако, якоже православному нашему христіянству изначала предано). А Сидорово, сыну, прихождение, и первое и другое, и дѣло его и нынѣшнее его житіе самъ же потонку вѣси“¹⁾ Далѣе митр. Иона сообщаетъ, что поставленъ на митрополию по милости Божіей „и по божественныхъ и священныхъ правилъ освобожденію, и по разсужденію святительскому, и по воли великаго господаря великаго князя *Василія Васильевича*.“²⁾

И не напрасны были такія объясненія³⁾. Хотя поставленіе Ионы соборомъ русскихъ епископовъ, безъ дозволенія патріарха-уніата, было, несомнѣнно, дѣломъ, которому вполне сочувствовало громадное большинство русскаго духовенства и всего русскаго общества, однако, среди духовенства и мірянъ находились отдѣльныя лица, которыя не стѣснялись открыто протестовать противъ нарушенія обычнаго порядка поставленія митрополита. Даже Пафпутій Боровскій, одинъ изъ выдающихся столповъ русскаго благочестія⁴⁾, соблазнялся поставленіемъ митрополита Ионы, не велѣлъ называть его митрополитомъ, не хотѣлъ исполнять въ своей обители его пастырскихъ распоряженій и объяснялся съ нимъ непочтительно, такъ что Иона жаловался на него великому князю Василю Васильевичу, и Пафпутій, заключенный въ оковы, долженъ былъ довольно времени просидѣть въ темницѣ, пока не смирился, не покаялся и не получилъ благословенія отъ митрополита въ свою обитель⁵⁾. Извѣстно также

¹⁾ Тамъ же, столб 559.

²⁾ А. П. Т. I, № 47, стр 95; Р. П. Б. Т. VI, № 66, столб. 561 Убѣждая охранять въ Литвѣ православіе, митрополитъ проситъ содѣйствовать воссоединенію кievской митрополи съ московскою. Объ этомъ см. у насъ выше, стр 113, примѣч. 2-ое.

³⁾ М. Макарій И. Р. Ц. Т. VI, стр. 17.

⁴⁾ См. о немъ „Троицкій Патерикъ“. Паданіе Троицкой Лавры 1896 г. стр. 238—247.

⁵⁾ Иосифъ Волоцкій, ученикъ Пафпутія, говоритъ объ этомъ кратко: „Ионѣ митрополиту была брань съ Пафпутіемъ старцемъ. Сказали Ионѣ, что Пафпутій не велитъ его звать митрополитомъ... А Иона митрополитъ билъ челомъ великому князю Василю Васильевичу..., и православные государи доспѣли тому дѣлу на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ“. Посланіе къ Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину. Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847, VII,—въ „Отвѣщаніи любозазорнымъ“ („Отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе краткѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ рустѣи земли сушихъ“; отдѣльно эта глава духовной пр. Иосифа напечатана въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. російск., 1847 г., VII), составляющемъ 10 главу духовной грамоты или монастырскаго устава. Въ высшей степени характерна жалоба митро-

изъ описанія чудесъ митрополита Ионы, что одинъ бояринъ Василій Кутузовъ невѣрие имѣлъ къ нему митрополиту и не приходилъ къ нему и благословенія отъ него примать не требовалъ ¹⁾. Этими краткими данными и ограничиваются наши положительныя свѣдѣнія о непризнаніи Ионы митрополитомъ ²⁾.

Если находили нужнымъ объяснять для самихъ русскихъ поставленіе Ионы въ митрополиты, то тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать это въ Константинополь—предъ императоромъ и патриархомъ, на права которыхъ они посягнули Изъ имѣющихся данныхъ видно, что московское правительство сперва рѣшило не сообщать о поставленіи Ионы въ Константинополь, а ждать оттуда запроса. Но за полтора мѣсяца до поставленія Ионы умеръ въ Константинополь императоръ Іоаннъ Палеологъ, горячій поборникъ флорентійской унии (31 окт. 1448 г), и на престолъ вступилъ въ началѣ 1449 года старшій братъ Іоанна—Константинъ ³⁾, который тотчасъ послѣ своего воцаренія объявилъ себя сторонникомъ православія и противникомъ унии. Но онъ не скоро возстановилъ православіе формальнымъ образомъ и долго терпѣлъ на патриаршемъ престолѣ

полита на подчиненное ему духовное лицо великому князю, по волѣ котораго былъ поставленъ этотъ митрополитъ. (См также изложеніе этого случая въ похвальномъ словѣ митрополиту Іонѣ, написанномъ въ 1547 году. Сборникъ бібліотеки митр Макарія № 3, л. 266. Цит. у м. Макарія II. Р. Ц. Т. VI, стр. 17. Прим. 17. (Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Третьякову, Нифонт. Сборн. Публ. Библ. Q. XVII, № 64, л. 226—227); Н. Калачовъ „О значеніи Кормчей“, прил. 4; описаніе рукоп. Синод. Библіотеки, II, ч. 3, стр. 260.

¹⁾ Степен. кн. II, 82. О бояринѣ Васильѣ Ѳеодоровичѣ Кутузовѣ см. Никон. лѣт Ч V, 213, II. С. Р. Л. т. VI, 178, гдѣ повѣствуется о томъ какъ великій князь Василій Васильевичъ послалъ изъ Ярославля къ князю Дмитрію Шемякѣ боярина своего Василя Ѳеодоровича Кутузова, „прося у него матери своей и великое княгини (оѡи“, находившейся въ плѣну у Шемяки. О немъ же смотри С. М. Соловьева II. Р. Т. IV, столб. 1114.

²⁾ „Очень любопытно было бы знать, какъ не признававшие, являя собою своеобразныхъ консерваторовъ или наоборотъ—своеобразныхъ либераловъ, доказывали обязанность Русскихъ не посягать на права патриарха-униата или вообще что они имѣли и заявляли противъ признанія“. Е. Голубинскій II. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 491.

³⁾ Митрополитъ Иона былъ поставленъ въ то время, когда императорскій престолъ былъ предметомъ спора между тремя братьями Проф. Е. Голубинскій задаетъ вопросомъ, не имѣло ли это обстоятельство вліянія на рѣшимость русскихъ и приходитъ къ отрицательному выводу: „по всей вѣроятности, нѣтъ, ибо они едва ли могли предвидѣть, что переменна государя будетъ для нихъ благопріятною“. II. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 485.

Григорія Мамму, патріарха-уніата, оставшагося ему отъ брата¹⁾. Когда же императоръ возстановилъ православіе въ Константинополь формальнымъ образомъ и низложилъ патріарха-уніата, московское правительство, которому, какъ надо думать, дѣло поставленія Іоны причиняло крайнее безпокойство, само рѣшилось извѣстить императора о совершенномъ имъ поставленіи митрополита, безъ разрѣшенія изъ Константинополя, и просить у императора извиненія за свой самовольный поступокъ. До насъ дошло это посланіе, написанное великимъ княземъ Васиціемъ Васильевичемъ, къ императору Константину Палеологу въ іюль мѣсяцѣ 1452 года²⁾. Поздравивъ императора съ восшествіемъ на прародительскій престолъ, великій князь выражаегь большую радость („порадовахомся велими“), что онъ „воспріялъ свой великій царьскій скипетръ, свое отчество, въ утверженіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь“. Попросивъ императора о томъ, чтобы онъ сообщилъ ему, „како Божією милостію пребываетъ его великое господство“, великій князь говоритъ слѣдующее: „возписуемъ же пакы святому ти царству и о нашея земли положеніи“. Затѣмъ онъ сообщаетъ о томъ, какъ послѣ смерти митрополита Фотія былъ посланъ Іона, епископъ рязанскій, въ Константинополь для поставленія въ митрополиты рускіе, какъ вмѣсто него.

¹⁾ Григорій Мамма былъ поставленъ въ патр. почти послѣ трехлѣтняго промежутка послѣ смерти Митрофана (скончавшагося 1 августа 1443 года)—7 июля 1446 г.; онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Римъ въ августѣ 1451 года Франца, ІІІ, сар 1 fin См Е. Голубинскаго. II. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 485.

²⁾ Это посланіе напечатано въ А П Т. I, №№ 41 и 262, стр. 83—85, 492—495; Р. И. В Т. VI, № 71, столб 575—586 Въ этихъ спискахъ посланія нѣтъ даты года, а только дата мѣсяца, но такъ какъ въ текстѣ говорится, что течетъ 21 лѣто по смерти Фотія („двадесять первому лѣту текущу, отнелѣже... преставися приснопамятный Фотій митрополитъ“), которой скончался 1-го или 2-го іюля 1431 года, то посланіе надо относить къ 1451 или къ 1452 году. Но такъ какъ въ немъ дается знать, что оно писано послѣ низложенія Григорія (Маммы), въ то время, когда въ Константинополь не было патріарха,—слѣдовательно, въ 1452 году Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 486, примѣч. 1. Иной взглядъ высказываетъ П. Н. Милюковъ: „Русское правительство до такой степени было смущено принятіемъ уши въ Константинополь, что даже не рѣшилось обратиться къ патріарху, грамота была направлена къ императору Константину Палеологу, подъ тѣмъ двусмысленнымъ предлогомъ, будто бы въ Россіи неизвѣстно, существуетъ ли даже свѣтѣйшій патріархъ въ царствующемъ градѣ“ Очерки по исторіи русской культуры Ч. II, изд. 2-ое, Сиб 1899, стр. 21.

былъ прислашь митрополитъ Исидоръ и какъ царь Иоаннъ Палеологъ и патриархъ Иосифъ назначили быть Ionъ преемникомъ Исидора. Сообщивъ о прибытти на Русь непрошеннаго Исидора и его приемъ, великій князь подробно описываетъ сборы митрополита на флорентійскій соборъ и свое безрезультатное увѣщеваніе не ходить туда ¹⁾. Далѣе въ посланіи описывается, какъ великій князь, видя непреклонность Исидора, упрасивалъ его „да принесетъ къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе“, „а много, странна нова и чужда благочестивыя нашія христіанскія вѣры молихомъ не приносить къ намъ“, и какъ Исидоръ оказался отступникомъ отъ православія. *„Мы же убо худіи, Богомъ наставляеми, говоритъ великій князь, ни въ чтоже вмѣнимомъ его и самую, и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изъсохль травную; отъ того же на ны времени попеченіе начахомъ имѣти о своемъ православіи, о безсмертныхъ едиnorodныхъ нашихъ душахъ и чашьхъ смертныхъ, и о предстниіи нашемъ въ онъ будущій страшный день судный предъ Судящимъ вся съкровенная и наша дневная и нощная мысли и дѣла ²⁾“, и завсе того жалахомъ и просковахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ о извѣщеніи съединенія святѣйшая Божія вселенская церкве, и о православіи, и о поставленіи митрополита“.* „И многолѣтнѣ того искахомъ, продолжаетъ Василій Васильевичъ, и жалахомъ, но не улудихомъ; не нашею лѣностію и небреженіемъ, но неслучаемъ; понеже, по нашимъ христіанскимъ грѣхомъ, якоже слышахомъ, *въ вашихъ благочестивыхъ державахъ въ церкви Божьей разглася бысть ³⁾*, а въ путныхъ шествіяхъ неудобъ проходимо шествіе бысть, и всяческая тѣсноѣта путешественникомъ бысть отъ разбойникъ и грабителей, а въ нашихъ странахъ всяко неустроеніе, ово нашествіе безбожныхъ лагрянь, овоже междособныя рати и брани, не токмо православному христіанству, земьскимъ людемъ, но и сами вся злая подъяхомъ, и доннѣ поднимаемъ и претерпѣвающе есмы, и не отъ кого много, но отъ брата нашего“.

Благодаря такому положенію дѣлъ, продолжаетъ свое объясненіе великій князь, мы оставались „безъ болшаго святителя, безъ митрополита“. Вслѣдствіе такой великой нужды, „возрѣвше въ божественная и священная правила святыхъ Апостоль и святыхъ богоносныхъ Отець, нужди ради, обрѣтохомъ не бронящихъ, но по-

¹⁾ „Мы же много о томъ отрицахомъ его о пошествіи его, многихъ ради земьскихъ дѣлъ, дабы не пошолъ. и не възмогахомъ его удержати“.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ То же.

велѣвающихъ, епископы поставити въ митрополиты.. — събравъ наше земли святителей и владыкъ, и поставили есми того прежде-реченнаго отца нашего Іону, епископа рязанскаго, тѣми нашими отци святители, рускими владыками, на святѣйшю митрополию рускую, на Кіевъ и на всю Русь митрополитомъ“

Послѣ этого слѣдуетъ составляющая цѣль посланія просьба объ извиненіи за самовольный вынужденный поступокъ, сопровождаемая увѣреніемъ въ своемъ неизмѣнномъ признаніи духовной власти Константинополя. Это мѣсто посланія читается такъ: „И просимъ святое ти царство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сѣтворихомъ, еже сѣтворихомъ, не обославъ великаго вашего господства; но сіе за великую нужду сѣтворихомъ, а не кичешемъ, ни дерзостью. *А сами есмы въ всемъ благочестыи, по древнему намъ преданному православію, якоже и выше писахомъ, и въ томъ есмы, якоже прежде быхомъ, тако и будемъ до каждаяго насъ временнаго живота и до скончанія выху* ¹⁾. И церковь наша русская, святѣйшая митрополія руская, отъ святяго Божія вселенскыя съборныя и апостольскыя церкви Премудрости Божія Святяго Софѣя цариградскыя, благословенія требуетъ и ищетъ, въ всемъ *по древнему благочестыи повинуется ей*, и тотъ нашъ отецъ, кіевскыи и всея Руси митрополитъ куръ Іона, по тому жъ, всячески требуетъ оттолѣ и благословенія и сѣдиненія, *развѣ нынѣшнихъ новоявленныхся разласій* ²⁾. Молнимъ святое ти царство, да будещи о всемъ къ тому нашему отцу, Іонѣ митрополиту, добрыя воли, и то намъ отъ васъ велики любо: а мы есмо, якоже и пишемъ, о всемъ съ вами сѣдинени, по изначальству, любовію и всякою пріязнію“. Въ заключеніе посланія великій князь говоритъ, что онъ хотѣлъ было писать о церковныхъ дѣлахъ и о своемъ отцѣ митрополитѣ вселенскому патріарху, но не знаетъ, есть ли въ Константинополѣ патріархъ, такъ какъ ни отъ кого о немъ не слыхалъ, и если есть, то не знаетъ, какъ его зовутъ ³⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ То же.

³⁾ „Хотѣхомъ же убо о сихъ вѣхъ дѣлахъ о церковныхъ, и о отци нашемъ митрополитѣ, и о нашихъ бѣдахъ, еже на насъ случившихся, писати къ святѣйшему вселенскому патріарху православному свои грамоты, требун о всемъ благословенія его и молитвы. но не вѣмы, аще уже есть въ державахъ святого ти царства, въ Царствующемъ градѣ, святѣйшій патріархъ, или нѣсть, понеже не слышахомъ о немъ ни отъ когоже, ни имени его не вѣмы, и того ради еще нынѣ не писахомъ къ нему ни о чемъже; а дасть ли Богъ, будетъ у великаго вашего господства, въ святѣй величїи и съборнѣи

Это извинительное посланіе великаго князя, свидѣтельствующее о томъ, съ какою робостью, нерѣшительностью и осмотрительностью проводили церковную реформу въ Москвѣ, даетъ намъ новое доказательство, насколько самовольное поставленіе Іоны лежало на сердцѣ и волновало великаго князя.

Но изъ имѣющейсѣ помѣты на одномъ изъ сохранившихся списковъ этого посланія мы узнаемъ, что грамота Василя Васильевича, будучи написана, не была отправлена въ Константинополь ¹⁾. Нужно думать, что причиной этого были измѣнившіеся въ Константинополь церковныя обстоятельства: послѣдній императоръ византійскій Константинъ Палеологъ, бывший сначала противникомъ униі потому, тѣснимый турками, овладѣвшими уже всею греческою частью Балканскаго полуострова и уже приступавшими къ самому Константинополю, обратился къ униі, надѣясь на помощь папы ²⁾. Нужно думать, что дошедшая до Москвы вѣсть объ измѣнѣ православію императора, и о принятіи имъ съ честію „кардинала Польши, прежде бывшаго архіепископа Россіи“ Псидора, присланнаго папою (въ ноябрѣ 1452 года) для возстановленія въ Константинополь флорентійской униі ³⁾ сдѣлала совершенно излишней отправленіе написанной грамоты по назначенію.

Выше мы имѣли уже случаи замѣтить, что крупная церковная реформа—поставленіе въ митрополиты Іоны безъ дозволенія константинопольскаго патріарха и императора Византіи, *была проведена*

апостольствѣй церкви, патріархъ по древнему благочестію, и мы есмь должны о вѣсѣхъ нашихъ положеніяхъ писати и посылати къ великой еѣ святыни о всемъ и благословеніе отъ него требовати въ всемъ, а отъ вашего великаго господства любви и пріязни хотимъ. А П. Т. I, №№ 41 и 262; Р. И. Б. Т. VI, № 71. „Послѣдняя оговорка, говоритъ проф. В. Н. Малининъ, доказываетъ, что у насъ плохо вѣрили въ правотѣ цареградскаго патріарха“ Старецъ Елеазарова монастыря Филоеѣи и его посланія, стр. 466

¹⁾ Въ одномъ изъ списковъ (въ рукописномъ сборникѣ XVI в., принадлеж. Царскому) въ заглавіи посланія отмѣчено „посыльная отъ великаго князя Василя Васильевича къ Царьградекому Царю Костянтину, о Іонѣ митрополитѣ, да не пошла“. (М. А. П. Т. I, № 262, прим. въ концѣ.

²⁾ Переговоры объ униі начаты были въ началѣ 1452 года. См. статью М. Стасюлевича. „Осада и взятіе Византіи Турками“, Ученыя Записки II отд. Акад. Наукъ, кн. I. Спб. 1854.

³⁾ Fabric. Biblioth. Graec. X, p. 358, 388, ed Harles; Ducas, p. 253—255, Bonn. 1834. „...τὸν καρδηνάλιον Πολωνίας, τὸν ποτὲ ἀρχιεπίσκοπον Ῥωσίας...“ Цитировано у М. Макарія. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 19, прим. 19. О приѣздѣ Псидора въ Константинополь и о его миссіи см. P. Pierling, La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 70—76.

исключительно политической инициативой¹⁾). Последствія этого „самочиннаго“ поставленія Іоны по приказанію великаго князя Василія Васильевича—были чрезвычайно важны и глубоки

Но прежде чѣмъ остановиться на всестороннемъ выясненіи этихъ сложныхъ послѣдствій и ихъ анализѣ, мы считаемъ нужнымъ для уясненія этого вопроса, хотя бы вкратцѣ, остановиться на описаніи предсмертной агони византийскаго государства, закончившейся взятіемъ Константинополя, этого Новаго Рима, павшаго отъ руки турокъ.

„Византія, какъ государство, медленно умирала и смерть ея была неизбежна“, справедливо замѣчаетъ профессоръ А. П. Лебедевъ²⁾. Дѣйствительно, могло лишь быть вопросомъ одно: когда это будетъ—десяткомъ лѣтъ раньше или позже. Тогда (въ половинѣ XV ст.) византийская имперія представляла собою лишь жалкіе, ничтожные остатки прежняго величія: вся она состояла изъ Константинополя и его предмѣстій. Византийское царство представляло собою уже одинъ столичный округъ. И матеріальное и нравственное состояніе этого жалкаго царства было болѣе чѣмъ печально. „Если нынѣшнюю турецкую имперію, читаемъ мы у того-же специалиста византийскаго церковной исторіи, съ ея плохимъ финансовымъ положеніемъ, голоднымъ и разутымъ войскомъ, неурядицами въ администраціи, единогласно называютъ „больнымъ человѣкомъ“, то мы, право, затрудняемся: какъ назвать Византію средины XV вѣка? Теперешняя Турція по сравненію съ тогдашней Византіею—могущественное государство“³⁾.

Когда Константину XI, по смерти его брата Іоанна Палеолога⁴⁾, достался въ 1448 г. византийскій престолъ, онъ находился тогда въ отдаленной Морей. Два знатныхъ депутата возложили на голову Константина въ мисиерскомъ дворцѣ императорскую корону Византии. Вскорѣ онъ, прибывъ въ столицу, отпраздновалъ свое вступленіе на престолъ различными увеселеніями и щедрыми, вошедшими въ обычай, подарками, чѣмъ, конечно, довелъ до истощенія и безъ

¹⁾ Стр. 194.

²⁾ „Очерки исторіи византийскаго-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка“. Москва, 1892, VII, стр. 629. Эта глава „Очерковъ“ проф. Лебедева была раньше напечатана (съ небольшими измѣненіями) въ октябрьской книжкѣ Чт. въ Общ. Люб. Дух. Пр. 1891 г., стр. 540—552.

³⁾ Тамъ же, стр. 629—630.

⁴⁾ Бездѣтный Іоаннъ Палеологъ умеръ 3-го окт. 1448 г. О спорахъ изъ-за престола между оставшимися въ живыхъ его братьями см въ „Исторіи Византии“ Г. Ф. Герцберга, стр. 563—564; см также „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 539.

того уже крайне бѣдную государственную казну¹⁾. Новый императоръ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ и его первая забота была о продолженіи своего царственнаго рода: онъ желалъ найти себѣ достойную супругу. Византійская аристократія отвергла предложенную въ супруги Константину дочь венеціанскаго дожа, такъ какъ для византійской гордости считалось невозволительнымъ породниться наследственному византійскому монарху съ какимъ-то дожемъ, какъ лицомъ, получившимъ власть по народному голосованію²⁾. Послѣ того какъ такой бракъ не состоялся, рѣшено было снарядить посольство въ чужія страны искать достойную невѣсту послѣдному императору Византіи. Повѣствованіе о дѣйствіяхъ этого посольства можно было бы считать или злой насмѣшкой или невозволительной выдумкой, если бы безпристрастная исторія не подтверждала до послѣдней мелочи достовѣрности фактовъ³⁾. Во главѣ этого посольства, въ качествѣ уполномоченнаго отъ жениха, стоялъ византійскій савонникъ Франца или Францисъ, извѣстный историкъ послѣднихъ дней Византіи, на пышную обстановку этого посольства были издержаны жалкіе остатки послѣднихъ средствъ. Свита уполномоченнаго жениха—императора была очень многочисленна и состояла изъ знати и гвардейцевъ, изъ врачей и монаховъ и изъ хоровъ инструментальной и вокальной музыки. Поѣздка этой пестрой, театральнoй свиты стоила дорого и продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Мы не станемъ описывать подробностей путешествія этого необычнаго посольства, ѣхавшаго съ музыкой и возбуждавшаго восторгъ и изумленіе деревенщины; остановимся лишь на одномъ эпизодѣ этой миссіи, чтобы наглядно убѣдиться въ томъ, до какого нравственнаго уродства и убожества дошли послѣдніе представители Византіи. Посольство, казалось, скоро отыскало то, къ чему такъ ревностно стремилось. Около этого времени (въ 1451 г.) умеръ турецкій султанъ Мурадъ. Между вдовами этого султана была дочь сербскаго короля Марія. Она была христіанка, обладала личными достоинствами и даже красотой, хотя уже и увядшею⁴⁾. Но эта достойная невѣста Константина давно уже перешла не только предѣлы молодости, но даже и цвѣтущаго возраста: вдовствующая султанша имѣла около пятидесяти лѣтъ. Конечно, года почтенные,

¹⁾ P. C. S. G. P. T. CLVI, col. 808—809.

²⁾ А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 631. См также Гиббона. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Изданіе Джоржа Белля 1877 года. (Переводъ В. Н. Невѣдомскаго) М. 1886. Т. VII, стр. 307.

³⁾ Тамъ же, стр. 632.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 632.

но послы разсудили, что хотя Маріи и около пятидесяти лѣтъ, но она могла еще дать имперіи наслѣдника престола. „Это сватовство, справедливо замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, такъ необычайно, что едва ли подобное встрѣтишь гдѣ-либо, кромѣ оперетки Женихъ—византійскій христіанскій императоръ, жаждущій имѣть потомство, и рядомъ съ нимъ—пятидесятилѣтняя невѣста, вдова турецкаго султана“¹⁾. Остается неизвѣстнымъ, состоялся ли бы этотъ достойный удивленія бракъ, если бы не встрѣтилось неожиданнаго препятствія, такъ какъ вдовствующая султанша объявила, что она идетъ въ монастырь и тамъ хочетъ скончать дни свои²⁾. Тогда посольство продолжало поиски невѣсты для своего монарха. Выборъ пословъ окончательно падаетъ на дочь грузинскаго царя, за которой отецъ предлагалъ еще приданное въ 56,000 золотыхъ монетъ, что для обѣднѣвшаго византійскаго императора казалось очень заманчивымъ. Константинъ далъ свое согласіе на бракъ³⁾, и бракъ конечно бы состоялся, ежели бы не наступило тяжелаго времени, когда не могло быть и мысли о радостныхъ событіяхъ въ родѣ браковъ⁴⁾. Знакомясь съ исторіей Византіи послѣднихъ лѣтъ ея жалкаго, параличическаго существованія, читая эпизоды въ родѣ вышеописаннаго сватовства послѣдняго императора, невольно соглашаешься съ вѣрнымъ, но и грустнымъ, предположеніемъ профессора А. Лебедева, что не найдешь такого серіознаго человѣка, который, читая исторію паденія Византіи, не чувствовалъ бы, неожиданно для себя, трагикомическаго впечатлѣнія, при чемъ комическій элементъ несомнѣнно преобладаетъ надъ трагическимъ,—что исторія паденія Константинополя представляетъ собою чуть не водевиль⁵⁾.

Между тѣмъ надъ Византією собиралась страшная гроза, которой суждено было уничтожить четвертую міровую имперію пророка Даниила, какъ смотрѣли греки на свое славное царство⁶⁾. Византіи предстояло выдержать послѣднюю борьбу съ турками, положившими конецъ христіанскому правленію въ жалкихъ остаткахъ нѣкогда славной имперіи Константина Великаго. Очень можетъ быть, что византійская имперія продолжила бы еще на нѣсколько

¹⁾ Тамъ же, стр. 633. См. также у Гиббова, VII, стр. 307—309.

²⁾ P. C. S. G. P. T. CLVI, col. 815, 818.

³⁾ Ibid, col. 818, 820.

⁴⁾ А. П. Лебедевъ Очерки, стр. 633.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 630.

⁶⁾ Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 467.

лѣтъ свое печальное существованіе, если бы миролюбиваго и кроткаго султана Мурада смѣнили въ владѣніяхъ турокъ султанъ такого же характера. Но наслѣдникъ Мурада—Магометъ II, 22-хъ лѣтній молодой человѣкъ жестокій и вѣроломный,—былъ полонъ энергіи и огня. Свое правленіе Магометъ началъ тѣмъ, что устроилъ великолѣпныя похороны своему отцу и своему малолѣтнему брату—младенцу, котораго кстати новый султанъ велѣлъ убить, изъ опасенія, что въ будущемъ онъ можетъ найти въ лицѣ своего брата соперника себѣ. Это уже показывало, что Магометъ былъ человѣкомъ, не останавливающимся ни предъ какими средствами, чтобы добиться задуманнаго, „для него убить человѣка собственноручно было все равно что раздавить блоху“—свидѣтельствуешь о немъ византійскій историкъ Дука ¹⁾. Царь же Константинъ, не обладая политическимъ тактомъ и умомъ, сдѣлалъ „роковую ошибку“ ²⁾ въ своихъ отношеніяхъ къ новому султану и эта ошибка въ неблагопріятную для византійцевъ минуту дала поводъ ни къ чему не чаемой страшной силѣ султана Магомета II нанести послѣдній, смертельный ударъ дряхлому византійскому царству ³⁾. Неправильныя дѣйствія императора Константина, рѣшившагося воспользоваться временнымъ затруднительнымъ положеніемъ Магомета во время караманской войны и потребовать у турецкаго султана увеличенія вдвое пенсін, выдававшейся на содержаніе въ Константинополь и надзоръ за османскимъ принцемъ Урханомъ (какъ обыкновенно говорятъ внукомъ султана Магомета), который легко могъ сдѣлаться неудобнымъ претендентомъ на османскій престолъ, а также и угроза со стороны безсильнаго императора Византии, обезцѣнивавшаго силу Магомета, выпустить этого претендента на свободу,—сразу измѣнили довольно дружественныя отношенія молодого султана къ Византии ⁴⁾ и подали ему удобный поводъ къ окончательному разрыву съ Константинополемъ ⁵⁾. Возвратясь въ Европу, молодой султанъ рѣшилъ,

¹⁾ P. C. S. G. P. T. CLVII. col. 1053.

²⁾ По выраженію Г. Ф. Герцберга. *Исторія Византии*. Переводъ П. В. Бозобразова. Стр. 568.

³⁾ Объ этой ошибкѣ см. Г. Ф. Герцберга. *Исторія Византии*, стр. 568—569.

⁴⁾ См. у Г. Ф. Герцберга. *Исторія Византии*, стр. 568; А. П. Лебедева *Очерки*, стр. 634—635; епископа Арсенія. „Лѣтоп. церковныхъ событій“, стр. 542 и др.

⁵⁾ О впечатлѣвіи, произведенномъ этою несчастною мыслью послѣдняго императора Византии, мы находимъ у Герцберга слѣдующее: „Дружелюбно относившійся къ грекамъ и весьма чувствительный къ византійскому золоту

повидимому, покончить съ Византіею и теперь, къ удивленію и ужасу современниковъ, Магометъ развернулъ во всей полнотѣ и блескѣ тѣ свойства своего характера, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ сдѣлали его страшилищемъ для всего христіанскаго міра ¹⁾

Скоро стало исполнѣ ясно, что Магометъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Константинополь, чтобы окончательно стереть съ лица земли остатки существованія сосѣдней христіанской державы. Скоро стало ясно, что рѣшается вопросъ о существованіи Византіи. Но и эта уже исполнѣ очевидная страшная опасность нисколько не пробудила энергіи и благоразумія грековъ; они какъ будто даже не хотѣли знать о грозившей имъ опасности. Они безпечно откладывали до другого времени мѣры предосторожности, которыя не терпѣли ни малѣйшаго промедленія: они закрывали глаза предъ висящей надъ ихъ головами страшной грозой. Такая безпечность была тѣмъ болѣе удивительна, что было слишкомъ мало надеждъ на дружественную помощь со стороны западной Европы, такъ какъ между государствами, отъ которыхъ можно было ожидать помощи, одни были слишкомъ слабы, другія же слишкомъ удалены отъ театра борьбы, одни считали опасность воображаемою, другія же — неотразимою ²⁾. Итакъ, Византіи приходилось довольствоваться тѣми силами, какія были только внутри ея, близкая же опасность еще уменьшила и безъ того немногочисленное населеніе столицы Константины; и число жителей способныхъ быть ея защитниками стало еще меньше ³⁾. Въ послѣднюю эпоху своего существованія Константинополь все еще имѣлъ болѣе ста тысячъ населенія ⁴⁾; по приказанію императора были собраны на улицѣ и въ домахъ свѣдѣнія о числѣ гражданъ и даже монаховъ, способныхъ и готовыхъ взяться за

великій визирь Халилъ—паша пришелъ въ ужасъ отъ этой безразсудной политики, когда лѣтомъ 1451 г. въ лагерь при Акшерѣ, въ Анатолиі явился отъ царя посолъ съ этимъ порученіемъ". *Исторія Византіи*, стр. 569.

¹⁾ Сжатую, блестящую характеристику этого завоевателя см. у Герцберга въ его *Исторіи Византіи*, стр. 569. Гиббонъ. VII. LXVIII, стр. 311—314.

²⁾ Гиббонъ *Исторія упадка и разрушенія римской имперіи*. Т. VII, стр. 318, 324

³⁾ Многіе изъ простонародія и нѣсколько византійскихъ аристократовъ малодушно покинули свое отечество въ минуту опасности (Гиббонъ *Исторія*, стр. 325); а корыстолюбіе частныхъ богачей отказало императору въ тѣхъ скрытыхъ сокровищахъ, которыя теперь могли пойти въ дѣло и которыя впоследствии достались побѣдителямъ. P. C. C. S. G. P. T. CLIX, col. 934, 942.

⁴⁾ „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ проф. А. Лебедевъ, на эту цифру указываютъ не списки сражавшихся, а списки взятыхъ въ плѣнъ". *Очерки*, стр. 636.

оружіе для защиты своего отечества. Составленіе этихъ списковъ было поручено извѣстному историкку Францѣ, который послѣ тщательнаго записыванія именъ, со скорбью и изумленіемъ донесъ Константину, что число защитниковъ отечества ограничивается четырьмя тысячами девятьюстами семидесятью тремя греками¹⁾. „Цыфра точная, замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, до того точная, что было огчено придти въ отчаяніе каждому патріоту того времени“²⁾. Тщетно пытался императоръ Константинъ дипломатическимъ путемъ улучшить свои отношенія съ Магометомъ, поправить свою роковую ошибку; напрасно онъ старался дипломатическими представленіями задержать быстро воздвигавшуюся съ весны 1452 года крѣпость, заложенную по приказанію Магомета въ мѣстечкѣ Асомата всего въ семи верстахъ отъ Константинополя: молодой султанъ, отклонивъ самымъ рѣзкимъ образомъ просьбу царя³⁾, сталъ энергично готовиться къ завоеванію Константинополя

Между тѣмъ настроеніе среди жителей Византіи, которой предстояло встрѣтить грудью страшнаго врага, было крайне неблагоприятно для такой борьбы. Существовали особыя причины, по которымъ жители Константинополя не хотѣли брать на себя опасной борьбы съ врагомъ, по это такія причины, которыя лишь показываютъ, что народъ византійскій отупѣлъ, испортился, и настолько нравственно измельчалъ, что ожидать отъ него и теперь и въ будущемъ рѣшительно было нечего⁴⁾.

¹⁾ P. C. C. S. G. P. T. CLVI. col 838.

²⁾ „Но для историка настоящаго, нашего времени, такой фактъ невольно представляется чѣмъ-то комическимъ. Какъ! Неужели пресловутая византійская имперія дожидка до того, чтобы всѣмъ силамъ оттоманской имперіи могла противопоставить лишь 4973 защитниковъ отечества... Неужели обширѣйшій въ свѣтѣ городъ, имѣвшій въ окружности около шестнадцати миль, должна была защищать буквально кучка всякаго сброда, вооруженная кой чѣмъ—заржавленнымъ оружіемъ, отысканнымъ гдѣ-то въ арсеналахъ?“ Очерки, стр. 636—637.

³⁾ Объ этомъ см подробно у Герцберга—Исторіи Византіи, стр. 570 и слѣд.

⁴⁾ Проф. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 637. Почтенный ученый такъ образно описываетъ настроеніе населенія въ Константинополѣ „Большинство жителей было увѣрено, что защищать столицу нѣтъ необходимости. Одни, при видѣ наступленія врага, пришли въ отчаяніе и махнули рукой. „будь-что будетъ“ рѣшили они. Эти освоились съ мыслью, что городъ долженъ пасть, что такова воля Провидѣнія. Ихъ воображенію вездѣ чудились ясные знаки божескаго гнѣва, грядущаго на имперію. Метеоры, кометы, всякаго рода вздорныя предсказанія или точнѣе „болтовня старыхъ кумушекъ“ при-

Ко всему этому надо присоединить еще и то неблагоприятное обстоятельство, что греки перессорились между собой и тѣмъ, конечно, увеличили трудность и безвыходность своего положенія. Понимая лучше другихъ крайне опасное положеніе государственныхъ дѣлъ, Константинъ, не имѣя въ виду другихъ надежныхъ средствъ, подобно утопающему, который хватается за соломенку,—рѣшилъ искать защитника Византии въ лицѣ римскаго первосвященника; послѣдній императоръ Византии заводитъ сношенія съ Римомъ и предлагаетъ папѣ Николаю V церковную унію съ латинскою церковью. Не повліяли на пришедшаго въ отчаяніе императора неудачные примѣры прошлыхъ лѣтъ уніональныхъ попытокъ съ Римомъ: въ надеждѣ на матеріальную помощь отъ папы и римско-католическаго запада Константинъ снова начинаетъ оживленные переговоры объ уніи съ Римомъ. Но результатъ этихъ сношеній былъ безусловно отрицательный не только съ моральной, но и даже съ матеріальной стороны, такъ какъ эти попытки введенія уніи еще болѣе ослабили и безъ того безсильную Византию, подавъ поводъ еще къ большимъ раздорамъ и враждѣ среди населенія:—явились и горячіе поборники уніи и ея ярые противники. Событія шли съ поражающею быстротою и заставляли несчастнаго императора Византии вложить въ дѣло соединенія церквей, несмотря на трудность и рискованность этого предпріятія, все свое усердіе ¹⁾. Ближайшимъ

водили ихъ въ полное отчаяніе. Между людьми этого сорта распространилась молва, что въ архивахъ Константинополя найдено пророчество императора X-го вѣка, Льва Мудраго, въ которомъ будто бы съ очевидностью предвозвѣщено, что столица должна пасть—и пасть именно въ настоящее время. (Chalcocondylae De rebus Turc Lib. VIII, p. 405—6. Leonardi Chiensis. Epist., p. 926. Le Beau. Hist. du Bas—empire, tome 21, p. 242). Другая часть народа тоже не хотѣла и пальцемъ пошевелить для защиты государства. Среди суевѣрнаго народонаселенія былъ пущенъ слухъ, что будто упала съ неба грамота, въ которой сказано, что не нужно противодѣйствовать врагу, а ожидать времени, когда Самъ Богъ поразитъ нечестивыхъ оттомановъ; какіе то пустомели разглашали, что будто въ таинственной грамотѣ сказано, что когда турки проникнутъ въ Константинополь и дойдутъ до колонны Юстиниана, помѣщающейся на площади софійскаго храма, то сойдетъ ангелъ съ небеси съ мечемъ въ рукѣ, и турки немедленно обратятся въ бѣгство... Какъ ни нелѣпы были эти и подобные толки, византийская чернь охотно вѣрила этимъ вздорамъ и безвѣчно предоставляла врагу просторъ и свободу дѣйствій*. Тамъ же, стр. 637—638.

¹⁾ О сношеніяхъ Константина съ папою Николаемъ V см. P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 71. Тамъ же—отвѣтъ папы отъ 11 октября 1451 года.

слѣдствіемъ этихъ сношеній было прибытіе въ столицу византійской имперіи въ ноябрѣ 1452 года извѣстнаго русскаго ех—митрополита, кардинала Исидора, со свитою ¹⁾, а затѣмъ и торжественное провозглашеніе соединенія церкви восточной и западной 12 декабря 1452 года ²⁾. Но принятая унія, „это позорное дѣло послѣдняго преемника Константина Великаго“ ³⁾, по свидѣтельству лѣтописцевъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ въ рядахъ приверженцевъ православія, нѣчто странное и неожиданное, еще лишній разъ свидѣтельствующее о крайне невысокихъ нравственныхъ качествахъ жителей Византіи, способныхъ въ религіозной вакханаліи забывать о той страшной опасности, которая грозила ихъ столицѣ и обнаруживавшихъ свои религіозныя страсти и фанатизмъ въ мелкихъ придиркахъ, шпіонствѣ, взаимномъ отчужденіи ⁴⁾. Въ день провозглашенія унии жители обоюго пола и всѣхъ сословій, недовольные принятіемъ религіознаго соединенія съ Римомъ, фанатизированные множествомъ монаховъ, устремились толпами изъ софійскаго храма въ монастырь Пандократора къ кельѣ одного ученаго монаха Геннадія Схоларія (впослѣдствіи патріарха), чтобы узнать его мнѣніе относительно унии. Извѣстно, каковъ былъ отвѣтъ Геннадія. Не желая выходить изъ своей келліи, онъ начертилъ свой отвѣтъ на дощечкѣ и выставилъ его на своей двери: ученый былъ противъ унии ⁵⁾. Отецъ П. Пирлингъ такъ своеобразно характеризуетъ эту дѣятельность стойкаго и убѣжденнаго защитника православія: „Этотъ острый

¹⁾ О путешествіи Исидора въ Константинополь и о его попыткахъ увеличить средства для защиты Византіи см. у Пирлинга. *La Russie et le Saint-Siège*. T. I, p. 72. См. у него же рѣчь Исидора (на основаніи свидѣтельства Ubertino Pusculo) при торжественномъ приѣмѣ въ храмъ св. Софій. T. I, p. 72—73.

²⁾ *Ibid.*, p. 74. О возстановленіи унии Константиномъ Палеологомъ см. выше стр. 133—134 нашего изслѣдованія. См. также Г. Ф. Герцбергъ. *Исторія Византіи*, стр. 571.

³⁾ По выраженію проф. А. П. Лебедева *Очерки*, стр. 640.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 641.

⁵⁾ „Несчастные ромей! Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упованіе на франковъ? Для чего вмѣстѣ съ имѣющимъ скоро пасть городомъ хотите погубить и свое православіе? Боже, умилосердись надо мною! Свидѣтельствуюсь предъ лицомъ Твоимъ, что я неповиненъ въ семъ преступленіи. А вы, несчастные, смотрите, что хотите сдѣлать при грозящемъ вамъ плѣненіи? Вы дерзаете извратить вѣру отцовъ своихъ и покориться неправдѣ. Никогда не оставлю тебя, любезное православіе, и не отступлю отъ тебя, священное преданіе, доколѣ душа моя обитаетъ въ семъ тѣлѣ“. Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 543—544.

языкъ, смѣсь набожности и фанатизма, полный жара и возмущенія, раздувалъ злобныя страсти, возбуждая умы¹⁾. Отвѣтъ Схоларія очень понравился ревнителямъ православія и они сочли нужнымъ выразить свою радость какимъ нибудь празднествомъ. „И вотъ, говоритъ проф. А. П. Лебедевъ, ссылающийся на свидѣтельство византійскаго историка Дуки, греки изъ монастыря Геннадія разсѣялись по византійскимъ трактирамъ; здѣсь они пили за гибель панскихъ приверженцевъ изъ ихъ среды, опорожняли свои стаканы въ честь Богоматери Дѣвы и заплетающимися языками просили Ее защитить городъ отъ Магомета, городъ, который Она ранѣе того спасла отъ Хозроя. Въ двойномъ опьяненіи отъ религіознаго изступленія и отъ вина они отважно восклицали: „не нуждаемся мы ни въ какой помощи отъ латинянъ“. Такъ праздновали православные греки свою вѣрность вѣрѣ отцевъ²⁾. Фанатизмъ разгорался еще болѣе и сильнѣе: братъ быть готовъ возстать на брата, лишь только становилось извѣстнымъ, что этотъ выражалъ свое сочувствіе уни³⁾. Трудно было надѣяться на энергичный и успѣшный отпоръ внѣшнему врагу, когда населеніе Византіи было терзаемо распрями и междоусобицами. Новымъ поводомъ къ раздорамъ между правительствомъ и народомъ послужило еще и слѣдующее обстоятельство: государственная казна была совершенно пуста, императоръ крайне нуждался въ денежныхъ средствахъ, ставшихъ еще болѣе необходимыми при наступленіи осады. Вслѣдствіе такой крайности Константинъ рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ приказалъ взять нѣкоторые священные сосуды изъ церквей и сталъ выбивать изъ нихъ монету. Но такая мѣра возбудила ропотъ и недовольство въ народѣ и духовенствѣ. Тщетно императоръ давалъ обѣщанія возратить, по минованіи опасности, взятое въ храмы вчетверо; ропотъ и негодованіе не прекращались и доходили до открытаго порицанія Константина⁴⁾. Таково было внутреннее состояніе Византіи, готовившейся съ слабыми, ничтожными средствами защиты встрѣтить страшнаго, могущественнаго врага. Трудно было допустить, что такой деморализованный народъ могъ продолжать самостоятельную политическую жизнь. Читая историковъ, описыва-

¹⁾ P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège T. I, p. 74

²⁾ P. C. C. S. G. P. T. CLVII. col. 1056—1060. Очерки, стр. 640—641.

³⁾ О проявленіи греками религіознаго фанатизма даже во время осады Константинополя турками см. у Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи, стр. 574.

⁴⁾ Phrantzae, lib. III, cap. 4, col. 851 Leonardi Chiensis Epist. p. 934. Le-Beau, tome 21, p. 262. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 641—642.

вающихся послѣдніе дни политическаго существованія Византии, невольно соглашаешься съ взглядомъ проф. А. П. Лебедева, что Константинополь палъ, въ дѣйствительности не отъ руки турокъ, а оттого, что въ немъ почти все было мертво, безжизненно явились вѣроны, потому что Византия уже представляла собою трупъ¹⁾. Мы не станемъ описывать исторію осады Византии турками, не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ интересныхъ моментахъ этой кровавой борьбы горсти защитниковъ Новаго Рима съ страшнымъ врагомъ²⁾,—такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего труда. Скажемъ лишь, что 29 мая 1453 года, послѣ послѣдняго предсмертнаго боя защитниковъ столицы съ храбрымъ императоромъ во главѣ, рѣшившемся умереть смертью героя, палъ Константинополь, славная столица византийскаго царства, и великолѣпное созданіе великаго Константина очутилось въ рукахъ магометанъ—турокъ. Около восьми часовъ утра этого знаменательнаго дня турки уже проникли въ городъ, а въ полдень Магометъ II узналъ, что его честолюбивая мечта уже стала дѣйствительностью, что дивный городъ находится въ его рукахъ. Въ сопровожденіи своихъ министровъ и двора, онъ чрезъ адрианопольскія ворота горжественно вступилъ въ городъ,—теперь уже османскій Стамбуль,—и отправился сперва въ храмъ св. Софій, „это земное небо“—по выраженію историка Францы,—„эту новую небесную твердь, эту колесницу херувимовъ, этотъ престолъ славы Божіей“. Тутъ мулла долженъ былъ войти на кафедру и прочесть мусульманскій символъ вѣры, а самъ свирѣпый султанъ влѣзъ на престолъ и совершилъ молитву: соборъ Юстиниана, важнѣйшая святыня восточной церкви, перешелъ во владѣніе Ислама³⁾. Затѣмъ

¹⁾ „Византия пала потому же, почему и человекъ въ возрастѣ 70—80 лѣтъ умираетъ, истощившись умственно и физически Византия не могла быть птицею фениксомъ, потому что она не приготовила жертвенника, на которомъ она имѣла бы возможность согрѣвать охлаждающую кровь“. Очерки, стр. 642.

²⁾ Объ этомъ см. обстоятельную статью П. Д. Погодина—„Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византии турками въ 1453 году“ Ж. М. Н. Пр. Ч. ССLXIV. 1889 Августъ, стр. 205—258 (Особенно отдѣлъ I. „Источники греческіе“, стр. 207—227). М. М. Стасюлевичъ. Осада и взятіе Византии турками (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, I, 1854). Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византии, стр. 571 и слѣд. О дѣятельности бывшаго русскаго митрополита Исидора во время осады Византии см. у Ширлинга. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 75—79.

³⁾ По приказанію султана кресты на церкви св. Софій были разбиты или сняты, а стѣны, которыя были прежде покрыты живописью и мозаикой, вымыты, замазаны и оставлены безъ украшеній

было розыскано тѣло послѣдняго несчастнаго императора Византии—храбраго защитника родной столицы, дравшагося при послѣднемъ штурмѣ какъ простой солдатъ, искавшаго геройской смерти и нашедшаго ее; тѣло императора было признано плѣннымъ Лукою Нотарю. Было разрѣшено похоронить тѣло его съ царскими почестями¹⁾; а голову царя султанъ приказалъ отрубить и выставить ее до вечера на Августеѣ, чтобы всѣ могли убѣдиться въ смерти Византии²⁾. Возвращаясь на слѣдующій день (30 мая) въ лагерь изъ города, все еще подвергавшагося разграбленію, Магометъ II посѣтилъ опустѣлый влахернскій дворецъ и выразилъ свое пастроеніе словами персидскаго поэта, представляющими сжатую, выразительную надгробную рѣчь надъ византійскимъ царствомъ: „Паукъ совершаетъ службу стражника въ палатахъ царя, сова затыгиваетъ военную пѣсню во дворцѣ Афрасіаба“³⁾.

Такъ были стерты съ лица земли остатки существованія византійской имперіи,—паль Константинополь отъ руки турокъ;—совершилось событіе громадной политической важности, вызвавшее слезы сожалѣнія и сочувствія современниковъ⁴⁾. „Такъ какъ гибель Византии, читаемъ мы у П. Д. Погодина, имѣла не только мѣстное, но и всемірное значеніе, такъ какъ ея послѣдствія несла вся Европа

¹⁾ „По близости мечети Вефы, подъ камнемъ безъ надписи, подъ тѣнью ивы находится могила благороднаго героя; простая лампада, масло для которой поставляется правительствомъ, и теперь зажигается каждый вечеръ надъ могилой“. Г. Ф. Герцбергъ *Исторія Византии*, стр. 578. См также „Очерки“ проф. А. П. Лебедева, стр. 630—631

²⁾ Тамъ же, стр. 578—579.

³⁾ Тамъ же, стр. 579.

⁴⁾ „Одни поплакали, потому что любили слезы, другіе поплакали, потому что умѣли плакать элегантно, въ изящныхъ ораторскихъ рѣчахъ (Эней Сильвій). Но едва ли кто плакалъ искренно и отъ души. Что большая часть лицъ, проливавшихъ слезы по случаю паденія Византии, плакали или лицемерно или для парада, это можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ плакальщиковъ могли бы оказать помощь Византии и посуществениѣ слезъ, но не оказали“. Проф. А. П. Лебедевъ *Очерки*, стр. 643—644 О впечатлѣніи, произведенномъ паденіемъ Византии на современника событія Филиппа, герцога бургундскаго см. тамъ же и у Гиббона, VII, стр. 363—366. Нѣкоторые же изъ европейскихъ современниковъ даже порадовались паденію Византии: извѣстно, что благочестивые католики въ этой катастрофѣ увидали перстъ Божій, карающій грековъ за непризнаніе догматовъ римской церкви. Также порадовался этому событію и папа Николай V, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ предсказалъ паденіе Византии и былъ очень доволенъ, что его пророчество сбылось. Le Beau, tome 21, p. 278. Гиббонъ, VII, стр. 324. А. П. Лебедевъ. *Очерки*, стр. 644.

и въ особенноти государства, непосредственно связанна въ своихъ интересахъ съ бытіемъ Царегграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ италянскои и русскои литературѣ, въ силу несконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими национальностями и Византіей¹⁾.

Мы считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ, какъ отозвалось это „страшное событіе“²⁾ на Руси, какъ посмотрѣло на него московское правительство и какъ оно пыталось объяснить и осмыслить происшедшую катастрофу;—такъ какъ безъ такого уясненія, невозможно правильно истолковать всѣ важныя послѣдствія самовольнаго поставленія м. Іоны, выразившіяся прежде всего въ измѣненіи нашихъ церковныхъ отношеній къ Константинополю и въ свою очередь—Константинополя къ Москвѣ.

Надо предположить, что взятіе турками Византіи, сдѣлалось довольно рано извѣстнымъ на Руси. Краткія извѣстія объ этомъ попали въ лѣтописи: новгородскую, софійскую вторую и густыинскую³⁾. Также еще извѣстна грамота митрополита Іоны, данная „Димитрію гречину“ для сбора пожертвованій на выкупъ себя, жены и дѣтей изъ турецкаго плѣна⁴⁾. Въ этой грамотѣ митрополитъ при-

¹⁾ „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятіи Византіи турками въ 1453 году“. Ж. М. Н. Пр. Ч. ССLXIV. 1889. Августъ, стр. 206—207.

²⁾ По выраженію Энея Сильвія въ письмѣ къ папѣ отъ 12 іюля 1453 года. Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ, I, отд. пам. яз., стр. 99, прим. 3. Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоеей и его посланія, стр. 468.

³⁾ Въ „Лѣтописцѣ новгородскомъ церквамъ Божиимъ“ подъ 1453 г. кратко замѣчено: „взять бысть Царьградъ отъ турецкаго царя Махмета при греческомъ царѣ Константінѣ и при патриархѣ Анастасіи и при великомъ князѣ Василии Василевиче московскомъ и всея Россіи при архіепископѣ Великаго Новагорода и Пскова Евѣиміи Вяжщкомъ“. (Новгородская лѣт., изд. Арх. Ком., (Спб. 1879, стр. 274). Въ Софійской (2-ой) лѣт. подъ 1453 годомъ сказано: „Того же лѣта приде царь Турьской ко Царюграду и поможе Мустофа Амуратовичю и взя Царьградъ прелестію Посла къ намѣстнику цареву, рече: „сотвори ми се, яко возму Царьградъ; аще ли возму, то поиму дщерь твою жену и будеши мнѣ отецъ и второй въ царствѣ моемъ“. Онъ же велѣ приступати ему отъ Лимени, идѣже стѣна трухава. И бивъ пушками взя Царьградъ, и церкви святыя разори, въ Софѣи великой мизгитъ учини, а людей множество посѣче, а иныя истопоша въ мори, а самъ сѣде въ немъ; намѣстника того повелѣ въ котлѣ варити и злои смерти предаде его, рече ему: „какъ ты мнѣ хочешь вѣреть быти, а какъ сотвори надъ преднимъ своимъ государемъ?“ (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 180).

⁴⁾ А. И. Т. I, № 264, стр. 496. Сношенія Россіи съ востокомъ (Спб. 1852), стр. 2—3. Ф. А. Терновскій. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное

глашаетъ „всѣхъ своихъ дѣтей духовныхъ подати ему милостыню, кому что Богъ положить на сердцѣ, во спасение души своей“ и сообщаетъ, что „отъ колѣнкихъ лѣтъ неприемлимый и Богомъ хранимый великий Костянтиноградъ безбожными туркове пріяша, свята Божия церкви и монастыреве разорѣша... уныхъ и младыхъ въ плѣнъ поведоша“¹⁾. Остается неизвѣстнымъ, за отсутствіемъ указаній, что сообщалъ этотъ „гречинъ“ и только ли устно, надо думать, что—болѣе того, что написано въ грамотѣ митрополита Юны Кромѣ того, въ нѣкоторыя изъ русскихъ лѣтописей (болѣе поздняго времени) вошла повѣсть о взятіи Константинополя. Повѣсть эта имѣется въ Никоновской лѣтописи²⁾, Воскресенской³⁾ и Царственомъ лѣтописцѣ⁴⁾. Повѣсть эта встрѣчается и въ отдѣльномъ видѣ и носитъ обыкновенно слѣдующее заглавіе: „О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета, Амуратова сына, отъ Турскаго: о семъ же Цареградѣ и начало положимъ: отъ кого създанъ бысть, и почему назвася Византіа, и отъ кого прозвася Царьградъ“⁵⁾. Сравнивая извѣстія этой повѣсти съ краткими свѣдѣніями русскихъ лѣтописей, мы должны признать правильнымъ взглядъ проф. В. Н. Малинина, что извѣстія Софіискіи лѣтописи вышли изъ самостоятельнаго источника, не имѣющаго ничего общаго съ повѣстью: въ послѣдней ничего не говорится объ измѣнѣ „намѣстника царева“⁶⁾.

приложене въ древней Руси. В. II, стр. 52—53 Эта грамота, по мнѣнію проф. В. Н. Малинина, повидимому, по догадкѣ и случайно обозначена 1454 годомъ. Старець Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 468.

¹⁾ Тамъ же. стр. 496.

²⁾ Ч V, стр. 222—277 („Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи цари града“).

³⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 125—144.

⁴⁾ Изд. 1772 г., стр. 306—358.

⁵⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 125; Царств. лѣт., стр. 306. Повѣсть эта (въ литературномъ пересказѣ и съ прекрасными научными примѣчаніями) издана проф. И. И. Срезневскимъ (Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ за 1854 г., I, отд. пам., стр. 99—137). Въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, встрѣчающихся въ сборникахъ эта повѣсть напечатана проф. В. Яковлевымъ: объ основаніи Царяграда по рукописи XVII в., принадлежащей самому издателю, и о взятіи его,—по рукописи XVII в., принадлежащей С. В. Максиму. См. Сказанія о Царьградѣ. (Спб. 1868 г., стр. 1—10 и стр. 56—114. Текстъ сказаній въ изданіи проф. Яковлева буквально сходенъ съ текстомъ лѣтописнымъ. Проф. В. Н. Малининъ. Старець Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 468, прим. 1797.

⁶⁾ Старець Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 468—469. Сходство повѣсти съ извѣстіями, помѣщенными въ новгородской лѣтописи, состоитъ въ имени константинопольскаго патріарха Анастасія. Объ этомъ см. въ томъ же самомъ изслѣдованіи В. Н. Малинина, стр. 469. См. также П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 3-ья лѣт.), стр. 240.

Въ 1886 году въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“ бытъ напечатанъ архимандритомъ Леонидомъ текстъ „Повѣсти“ по открытому имъ новому списку начала XVI в. сохранившемуся въ сборникѣ библиотеки Троицкой-Сергиевой Лавры (№ 773). Этотъ списокъ, являющійся древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ въ наукѣ, имѣеть и свою особенность, состоящую въ существованіи при немъ предисловія, которое, по мнѣнію издателя, проливаетъ новый свѣтъ въ вопросѣ о происхожденіи этого памятника¹⁾. Кромѣ этой „Повѣсти“ въ средѣ русскихъ книжниковъ была въ обращеніи и другая повѣсть о взятіи Константинополя, видимо русскаго происхожденія²⁾. Это не есть повѣсть въ собственномъ смыслѣ, а лишь выраженіе скорбныхъ чувствъ, вызванныхъ этимъ печальнымъ событіемъ православнаго востока. „якоже нынѣ видѣти есть Царствоующій градъ погранъ и раскопанъ и пожженъ огнемъ“. „О како стерпѣ земля таковая? Како солнце не преста сіяти? Како лоуна не предложися въ кровь? Како звѣзды яко листвіе не спадоша?“³⁾—горестно восклицаетъ авторъ. Катастрофа, постигшая Византію, наводитъ автора на размышленіе о судьбѣ православныхъ царствъ: „сія оубо вся благочестивая царствія: греческое, и сербское, басанское и арбаназское грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ безбожнии тоурци поплениша и въ заустеніе положиша, и покориша подъ свою власть“⁴⁾. Но автора повѣсти въ столь скорбныхъ

¹⁾ Вотъ выводы ученаго издателя этого памятника „Сочинитель „Повѣсти“ никто Несторъ—Искандеръ—невольный потурченецъ, русски по происхожденію, великороссъ или уроженецъ Литовской Руси—утвердительно сказать нельзя. Онъ находился въ войскахъ, осаждавшихъ Царьградъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ (1452—1453); уклонясь, сколько могъ и умѣлъ—отъ личнаго участія въ дѣлахъ противъ единовѣрцевъ—христіанъ, Искандеръ въ то же время тайно записывалъ все, что дѣлалось въ это время въ турецкихъ осадныхъ войскахъ. когда же, попущеніемъ Божиимъ турки овладѣли Царьградомъ, онъ, познакомясь и сблизясь съ христіанами-греками, узналъ отъ очевидцевъ и участниковъ осады то, что дѣлалось въ это время со стороны грековъ, и тогда же записалъ эти рассказы. Затѣмъ, приведя въ порядокъ свои записки, составилъ онъ „Повѣсть о Царьградѣ“ на память своего языка, т. е. славянскъ, объ этомъ грозномъ и приснопамятномъ событіи“. Въмѣсто предисловія, стр. III—IV. О критическихъ замѣчаніяхъ по поводу выводовъ архимандрита Леонида относительно личности автора „Повѣсти“ см. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 470.

²⁾ Повѣсть эта издава проф. Яковлевымъ, по рукописи XVI в. Имп. Публ. Библ. изъ собранія гр. Толстого, отд. I, № 33. См. „Сказанія о Царьградѣ“ (Сиб. 1868), стр. 46—55.

³⁾ Сказанія о Царьградѣ, стр. 49.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 54.

чувствахъ утѣшаетъ лишь сознание послѣдовательнаго роста государственныхъ силъ Руси: „наша же роусійская земля Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растеть и младѣеть и возвышается. Еже Христе милостивый дажь рости и младѣти и разширятся и до скончанія вѣка“¹⁾. „Политическая проникательность автора, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ по поводу приводимыхъ выше словъ повѣсти, очевидно, не пошла далѣе сознанія возрастающей силы родины. Впрочемъ, и у него видно *слабое присутствіе мысли* ²⁾, что Россія осталась теперь единственнымъ православнымъ государствомъ, такъ сказать, опорю и надеждою человѣчества, а потому онъ и желаетъ ей расти и крѣпнуть „до скончанія вѣка“. Съ паденіемъ Константинополя пали „вся благочестивыя царствія“, кромѣ Руси“³⁾.

Но во всѣхъ этихъ сказаніяхъ о паденіи Константинополя ни разу не встрѣчается мысль, что это печальное событіе было именно слѣдствіемъ измѣны грековъ православію на флорентійскомъ соборѣ. Требовалось только время, чтобы сопоставить и связать эти событія, такъ какъ связь между ними была такъ естественна, что для пониманія ея ничего не требовалось кромѣ времени. Дѣйствительно, по свойству направленія мысли того времени всякое политическое бѣдствіе понималось, какъ естественное и непремѣнное слѣдствіе грѣховъ или народа, или главы государства, или же того и другого вмѣстѣ⁴⁾ Эта точка зрѣнія совершенно ясно выступаетъ въ повѣстяхъ о паденіи Константинополя. „А самъ царь, съ патриархомъ, и съ царицею, и съ святители, и весь священный съборъ, и множество женъ и дѣтей“ говорили въ своемъ молитвенномъ обращеніи къ Богу слѣдующее: „... вся сіа, яже наведе на ны и на градъ Твой святыи, праведнымъ и истиннымъ судомъ сътворитъ еси грѣхъ ради нашихъ“⁵⁾. Эту же самую точку зрѣнія на паденіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 54—55.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 473. Третья повѣсть о паденіи Константинополя, извѣстная по нѣкоторымъ спискамъ Хронографа, заключаетъ въ собѣ лишь краткій разсказъ объ осадѣ и взятіи Царьграда турками безъ всякаго указанія на слѣдствія этого важнаго событія для историческаго будущаго Руси. См. А. Н. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ. М. 1866, вып. I, стр. 214—215; его же „Изборникъ“, М. 1869, стр. 87—91.

⁴⁾ Проф. В. Н. Малининъ, Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 473.

⁵⁾ Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 232—233; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 128—129 и друг. ист. „И сбытсья реченное: Константиномъ създася и паки Кон-

Константинополя сохранили греки и въ болѣе позднее время, какъ это видно изъ сочиненій знаменитаго Максима Грека ¹⁾. Но русскіе люди взглянули на дѣло нѣсколько иначе: они прямо и опредѣленно указали тотъ тяжкій грѣхъ, за который, по ихъ мнѣнію, были наказаны греки паденіемъ ихъ царства. Позорная измѣна грековъ православію на „богоотметномъ“ восьмомъ соборѣ, притомъ „злата ради“—была въ глазахъ русскихъ людей столь громаднa и чудовищна, что не могла остаться безнаказанной. И дѣйствительно, митрополитъ Іона, едва ли не первый, тѣсно связываетъ паденіе Константинополя съ злополучною флорентійскою униєю. Въ своемъ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ (отъ 1458--1459 г.) митрополитъ Іона пишетъ: „Но и еще и о семъ сами вѣсте, сынове, колику преже бѣду подъя Царьствующій градъ отъ болгарь, также отъ персь, яко въ мрежахъ дръжаще его семь лѣтъ; *но донельже дръжазу, сынове, благочестіе, митроже градъ не пострада; егда же своего благочестія отступил, вѣсте, что пострадалше*“ ²⁾. Въ этомъ же самомъ посланіи митрополитъ старается объяснить, что измѣна грековъ отеческому благочестію произошла именно на флорентійскомъ соборѣ. Въ такой формулировкѣ взгляда русскимъ первосвященникомъ въ особенности важно то, что *въ данномъ случаѣ предъ нами несомненно выступаетъ взглядъ на паденіе Византіи московскихъ правительственныхъ круговъ*, такъ какъ трудно и даже невозможно допустить, чтобы мнѣніе митрополита Іоны не раздѣля-

стятинномъ и скончася, зане съгрѣшешемъ осужденіе судомъ Божиимъ временемъ бывають: злодѣаніе бо, рече, и безакоше превратитъ престолы сильныхъ О великаа сила грѣховнаго жала! О колико зла творить преступленіе! о горе тебѣ седмохлмный яко поганін тобою обладають! ибо колико благодатій Божіихъ на тебѣ вѣсѣаша. и се нынѣ открылся гнѣвъ Божій на тебе и предаде тебе въ рущѣ врагомъ твоимъ“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 142; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 257—258 и др.

¹⁾ Въ „Словѣ о томъ, какія рѣчи реклъ бы убо къ Содѣтелю всѣмъ епископъ тверскій сожжену бывшу соборному храму и всему двору его . и како отвѣщаетъ ему боголѣпнѣ вѣхъ Господь“. Прав. Собес. 1861, II, стр. 262—263. О значеніи Максима Грека, явившагося какъ бы „первымъ посредствующимъ звеномъ между старой русской письменностью и западной наукой“, см. капитальный трудъ академика А. Н. Пышина. Исторія русской литературы Т. II, гл. XV, гдѣ на стр 172—173 помѣщена подробная литература вопроса.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 623. Окружное посланіе митрополита Іоны литовскимъ епископамъ, о соблюденіи православной вѣры и несообщеніи съ Исидоровымъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кievскую митрополию. (Изъ сборника синодальной бібліотеки № 562, л. 130—133 об. Издано было по тому же списку, въ I-мъ томѣ Актовъ Историческихъ подъ № 63).

люсь и великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ, если принять во вниманіе, что въ вопросахъ о флорентійской уніи и князь и митрополитъ дѣйствуютъ вполне согласно¹⁾ Но митрополитъ Иона старается какъ бы смягчить вину грековъ: великодушный перво-священитель главную причину зла склоненъ видѣть въ Исидорѣ, этомъ зломъ гении Византии. Въ своемъ посланніи къ тѣмъ же литовскимъ епископамъ отъ 1460 года онъ пишетъ: „Къ тому же еще и о сихъ извѣстнѣ увѣдахомъ, зане уже по грѣхомъ тогда *прииде раскола и мятежь святой великий зборный церкви греческой съ римскою, прелести ради богомерскаго Сидора*, еже въ осмомъ си сборѣ *облести царя же и патриарха греческаго* и сотвори имъ, якоже Юденъ Христу створиша, воздающе за манну желчь, за воду же оцеть, и распенша и кресту пригвоздиша. *Сидоръ же, прельстивъ царя и патриарха, разлучи отъ закона ихъ святою и погибели исполни ихъ*. Богозданному же великому Царюграду, сами вѣсте, како того ради смущенія по малыхъ временехъ отъ Бога поупущенною казнью, многимъ волненіемъ поганыхъ языкъ, людіе православія сотрошася, прелести ради вѣрѣ православія греческаго и Сидорова дѣля развращенія“²⁾. Позже митрополитъ Филиппъ высказываетъ этотъ взглядъ еще въ болѣе сильной и опредѣленной формѣ³⁾; при чемъ онъ не дѣлаетъ попытки ослабить вины грековъ или возложить нравственную вину на Исидора. Въ силу измѣнившихся взаимныхъ церковныхъ отношеній Константинополя и Москвы⁴⁾ митрополитъ Филиппъ уже обобщалъ религіозное паденіе грековъ, а въ Исидорѣ готовъ былъ видѣть жертву⁵⁾.

¹⁾ Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 475.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 648—649. Митрополитъ Макарій. И Р. Ц. Т. VI Прилож. № 1.

³⁾ Въ своихъ посланіяхъ къ новгородцамъ, строго порицая ихъ намѣреніе соединиться съ „латиною“ (какъ понималось въ Москвѣ намѣреніе новгородцевъ заложиться за литовскаго короля, митрополитъ Филиппъ пишетъ „А и то, сынове, разумѣйте: Царьствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи, а какъ оставя истину да соединился царь и патриархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ пакъ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животъ свой Іосифъ патриархъ. не вналъ ли въ руки Царьградъ поганымъ? не въ турецкихъ ли рукахъ и нынѣ? Вы пакъ такъ ли не чаете Божія гнѣва?“ А. И. Т. I, № 280, стр. 513—514.

⁴⁾ Объ этомъ большой важности вопросъ мы скажемъ ниже.

⁵⁾ Въ другомъ посланіи къ новгородцамъ митрополитъ говоритъ слѣдующее: „Зане бо сами вѣсте, како въ преждебывшая времена, коликия царства великихъ земель и многие грады преступленія ради закона и преслу-

Видно естественно, что такой взгляд русских первосвященников на падение Константинополя, тѣсная связь этого событія съ флорентійскою уніей,—встрѣчается въ замѣчательномъ памятникѣ, вызванномъ тою же злополучною уніей, по явившемся несомнѣнно уже послѣ паденія Царьграда. Мы разумѣемъ здѣсь: „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню“, въ которомъ содержится „сказаніе о съставленіи осмаго събора латыньскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ русей земли митрополитовъ. о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василью Васильевичю всея Русь“¹⁾. Итакъ, мы видѣли, что флорентійская унія и паденіе Византіи, событія существенно различныя по своему характеру, слѣдовавшія довольно быстро одно за другимъ, тѣсно сливаются въ умахъ современниковъ: гибель Византіи является необходимымъ и естественнымъ слѣдствиемъ флорентійской уніи. Нельзя не согласиться съ взглядомъ профессора В. Н. Малинина, что по особому складу понятій того времени и по условіямъ тогдашней, русской политической жизни, у насъ, на Руси, должно было на первыхъ порахъ сильнѣе подѣйствовать на умы книжниковъ и правительственныхъ людей соединеніе греческой, восточной церкви съ римскою и подчиненіе ея папѣ, чѣмъ слѣдовавшее за тѣмъ паденіе Византіи, такъ какъ Русь, какъ государственное цѣлое, жила совершенно самостоятельно и независимо отъ Греціи жизнью, а потому и колебаніе политическихъ судебъ византійскаго имперіи не могло существенно вліять на тотъ автори-

шанія ради, святыхъ Пророкъ и Апостолъ и святыхъ Отець ученія не послушавше, въ пагубу многу впадоша и въ заустѣніе быша; а ненокорившаяся земли и грады богоподручнымъ си господаремъ, яко сотрошася и разорени быша. А нынѣча пакъ, въ лѣта наша, и сами вѣсте, како погаными Турки и пужайи одержимъ бысть великий царьствующей прежде благочестіемъ градъ Костянтинополь: не тоя же ли ради латыньскыя прелести погыбе и отъ великого благочестія истребися, еже царь и патриархъ отъ Латинь прельетишася, и въ той же соблазнъ ихъ впадоша и богаотреченнаго осьмаго ихъ сборища взыскаша и злата ради благочестія отступиша и къ Латинюмъ приложишася, имже послѣдоваша Псидоръ, митрополитъ богоотступный, и Григорей, ученикъ, иже нынѣ въ Литвѣ живеть?“ Р. II Б. Т. VI, № 102, столбъ 728—729; А. II. Т. I, № 281, стр. 517.

¹⁾ А. Н. Поговъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—395 („Слово избрано“ напечатано здѣсь по списку Минеи Четыи, митрополита Макарія, Московской Синодальной библиотеки, мѣсяць Іюль, № 996). О громадномъ значеніи этого памятника въ исторіи церковно-политической литературы—мы скажемъ ниже.

теть, которыми пользовались греки въ глазахъ русскихъ людей¹⁾. „Если прибавимъ къ этому, замѣчаетъ выше упомянаемый нами ученый, превратности политической жизни самой Руси, то мы поймемъ то великодушное состраданіе, съ которымъ смотрѣли русскіе люди на послѣднія усилія грековъ отстаять свою политическую самобытность. Послѣ этого поймемъ мы и то, почему политическій авторитетъ грековъ не имѣлъ (тогда—добавимъ мы) существеннаго значенія въ исторической жизни Россіи. Иное дѣло религіозный авторитетъ грековъ. Воспитанный почти пятивѣковой исторіею существованія христіанства на Руси, авторитетъ этотъ сличался въ сознаніи русскихъ людей съ нормою истиннаго христіанства (православія), какъ религіозной и, слѣдовательно, самой существенной основы исторической жизни русскаго народа“²⁾.

Важныя послѣдствія поставленія въ митрополиты Іоны и Θεодосія по приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ согласія константинопольскаго патріарха и византийскаго императора—выразились въ двоякой формѣ; эти послѣдствія были, такъ сказать, *внѣшнія*, измѣнившія церковныя отношенія Москвы къ Константинополю и обратно, и *внутреннія*, измѣнившія взаимныя отношенія государства и церкви въ московской Руси.

Мы знаемъ, что ближайшимъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ этого „самочиннаго“ поставленія митрополитовъ была фактическая автокефальность русской церкви вслѣдствіе прекращенія церковной зависимости отъ Константинополя. Но вопросъ о томъ, какъ была достигнута эта автокефальность русской церкви, при какихъ условіяхъ и при содѣйствіи какихъ силъ и факторовъ она возникла, какія были ея слѣдствія;—вопросъ этотъ, несмотря на свою громадную важность, не рѣшенъ прочно и опредѣленно въ исторической наукѣ, такъ какъ и до настоящаго времени существуютъ различныя мнѣнія относительно этого событія.

„Ничто такъ сильно не поколебало довѣрія русской церкви къ греческой, справедливо замѣчаетъ извѣстный канонистъ проф. А. С. Павловъ, какъ флорентійская унія, однакъ же и послѣ того, несмотря на *фактическое* установленіе автокефальности нашей митрополіи, у насъ продолжали чувствовать зависимость отъ Константинополя и настоятельно просили о присылкѣ оттуда подтвердитель-

¹⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 444. Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности Т. II, изд. 2-ое (Спб. 1900), стр. 346 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 444.

ной грамоты на право мѣстнаго поставленія митрополитовъ“¹⁾ Это прочное сознаніе чувства зависимости отъ Константинополя простекало оттого, что русская церковь произошла отъ греческой. И дѣйствительно, въ силу этого факта устанавливалась естественно зависимость новонасажденной церкви отъ своей насадительницы—митрополіи въ обширномъ смыслѣ слова²⁾. Надо признать ошибочнымъ мнѣніе греческихъ канонистовъ XII в.—Зонары и Вальсамона, которые находили основаніе этой зависимости въ 28 правилъ халкидонскаго собора, предоставившемъ константинопольскому патріарху право рукополагать епископовъ въ инородческихъ поселеніяхъ (*ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς*) на территоріи *подчиненныхъ ему діоцезовъ*³⁾. Буквальныи смыслъ этого правила не допускаетъ подобнаго толкованія. По основнымъ правиламъ церковнаго устройства, уже установившимся еще въ первые три вѣка христіанства и потомъ неоднократно подтвержденнымъ на соборахъ, происхожденіе одной церкви отъ другой *необходимо* сопровождалось тѣмъ юридическимъ послѣдствіемъ, что первая, какъ бы колонія (*ecclesia filialis*), становилась подъ власть послѣдней, какъ своей митрополіи (*ecclesia matris, μητρόπολις*), *безъ согласія* которой, выраженнаго формально или фактически, власть эта не могла прекратиться. Итакъ, хотя и не было особаго каноническаго акта о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріаршему престолу, тѣмъ не менѣе это отношеніе, по глубоко авторитетному мнѣнію покойнаго А. С. Павлова, покоилось на *положительномъ каноническомъ* основаніи, т. е. на всей совокупности соборныхъ правилъ, опредѣлявшихъ права церковныхъ митрополіи⁴⁾. Какъ прекратилась зависимость русской

¹⁾ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права Православное Обзорѣніе. 1879. Декабрь, стр 755

²⁾ Тамъ же, стр. 753 О зависимости русской церкви отъ греческой, о денежной дани Константинополю и объ эксплуатаціи русскихъ греками см. въ трудѣ П. Николаевскаго—„Учрежденіе патріаршества въ Россіи“ Сиб. 1880, стр. 10—14; А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорѣніе, 1879. Декабрь, стр. 756 и слѣд

³⁾ Объ этомъ см. у проф. Т. Барсова „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“, стр 365, 443—446.

⁴⁾ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права „Православное Обзорѣніе“. 1879. Декабрь, стр 754. Профессоръ Т. Барсовъ въ своемъ изслѣдованіи—„Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“ не усматриваетъ никакого юридическаго момента въ фактѣ происхожденія русской церкви отъ константинопольской и высказываетъ такое мнѣніе, что „подчиненность русской церкви константинопольскому престолу не была утверждена какимъ-либо каноническимъ актомъ

церкви отъ „вселенскаго“ патріарха и византійскаго императора, считавшаго себя въ правѣ относиться къ русской митрополіи точно также какъ и ко всякой другой митрополіи константинопольскаго патріарха¹⁾.—относительно этого вопроса въ наукѣ существуютъ различныя, противорѣчивыя мнѣнія. Митрополитъ Макарій въ своей „Истории русской церкви“ высказываетъ слѣдующій взглядъ. Послѣ взятія Константинополя турками и смерти императора Константина Палеолога—рушились всѣ надежды латинянъ утвердить свою власть въ столицѣ греческой имперіи. На престолѣ константинопольскихъ патріарховъ возсѣлъ съ утверждения самого султана Магомета II, извѣстный ревнитель православія Геннадій. Озабоченный нуждами своей бѣдствующей церкви, онъ рѣшился обратиться за матеріальною помощью къ единовѣрной Россіи: „ибо, добавляетъ митрополитъ Макарій, безъ сомнѣнія, по его благословенію прибылъ тогда къ намъ какой-то „митрополитъ цареградскій“ (т. е. изъ Царяграда) Игнатій, который въ 1454 г. цѣлый мѣсяць—июнь прожилъ во Псковѣ и, щедро одаренный, отправился оттуда въ Новгородъ²⁾ Вѣроятно, чрезъ этого-то митрополита, которому нужно же было, предъ началомъ сборовъ своихъ по Россіи, представиться нашему великому князю или, по крайней мѣрѣ, митрополиту, патріархъ и прислалъ послѣдному свою грамоту“³⁾. Въ этой грамотѣ патріархъ напоминаетъ о своихъ правахъ на русскую митрополію, просилъ пособій своей угнетенной церкви, какъ теперь, такъ и на будущее время, а также выражалъ желаніе, чтобы великій князь прислалъ къ нему въ Константинополь своего посла. Все это, по мнѣнію митрополита Макарія и его многочисленныхъ послѣдователей, видно изъ отвѣтнаго посланія нашего митрополита, который между про-

---

и утверждалась на одномъ нравственномъ, взаимномъ изъ доверіи“ (стр. 484), такъ что „при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ каноническихъ основаніяхъ (стр. 483) Ошибочность этого взгляда (на основаніяхъ каноническихъ и историческихъ) вполне доказана профессоромъ А. С. Павловымъ въ его блестящей и разрушительной критикѣ книги Т. Барсова („Константинопольскій патріархъ...“)—Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. 1879 Ноябрь, стр. 476—499; Декабрь, стр. 734—765.

¹⁾ Объ этомъ см 169 и слѣд. стр нашего изслѣдованія, А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879. Декабрь, стр. 756—757. „Константинопольскій патріархъ хотя и пережилъ имперію, но—и это весьма знаменательно—власть его надъ русскою церковію не пережила имперіи“. Тамъ же, стр. 759.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. V, стр 216.

³⁾ М Макарій. II Р Ц Т. VI, стр. 20.

чимъ писать къ патриарху: „... и благословенія огь твоея великыи святыни требоваи хоцемъ; также ото всѣхъ, кто ли ни будеть Патриархъ на патриаршествѣ, съблюдая церковь Христову и держа истинное великое православіе, и что коли у насъ пайдется, и за Христову любовь посылати хоцемъ. Нынѣ, господине, сынъ мой Князь Великій послать къ твоей великой святыни своего посла, челоуѣка честна, бнижняго и пристунаго своего, на имя Ивана Володимеровича, по твоему къ намъ приказу и писаню; и что, господине, у насъ нашлось, то есмо, отъ вѣры, за духовную великую любовь, съ тымъ же Великого Князя посломъ къ тебѣ послали: и твоя великая святыни за тые наши малые помники на насъ не помолви, занеже, господине, по грѣхомъ, и наша земля отъ поганьства и междособныхъ браней велии истощала и потомилася. Да пожалуй, господине, еще покажи къ намъ свершенную свою духовную любовь: обощи сына моего Великого Князя посломъ, честнымъ твоимъ писанемъ о всемъ, и укрѣпленіи, и въ душевную ползу великому нашему православию, и за Божью церковь, и за святительскую намъ честь; занеже, господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ патриархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земьскую честь, къ нашей душевнѣи ползѣ, помниая тыхъ святыхъ Патриарховъ, да тыя всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земьская неустроенія въ пожары истерялися“¹⁾. Въ заключеніи митрополитъ просить, чтобы патриархъ вѣрилъ всему, что ни будеть говорить ему великокняжескіи посолъ отъ имени его—митрополита²⁾. На основаніи этой грамоты, сохранившейся безъ начала и безъ означенія, какимъ русскимъ митрополитомъ и къ кому изъ патриарховъ она писана,—митрополитъ Макаріи заключаетъ: „Такъ возобновились наши церковныя сношенія. Обстоятельства были для насъ благоприятны: патриархъ крайне нуждался въ нашемъ пособіи и, какъ видно, первый отнесся къ намъ; а потому отъ него можно было ожидать тѣхъ уступокъ, которыя намъ были необходимы“³⁾.

¹⁾ А. Н. Т. I, № 263.—1452 или 1453. Посланіе митрополита Іоны константинопольскому патриарху Геннадію, съ просьбою принять дары отправленные къ нему съ великокняжескимъ посломъ“. Стр. 495—496. (Это посланіе взято изъ сборника митрополичьихъ грамотъ (XVI в., in 4°, л 221), принадлежащаго Царскому. Начальный листъ грамоты въ манускриптѣ вырванъ).

²⁾ „Да что, господине, твоей великой святыни тотъ Великого Князя посолъ Иванъ Володимеровичъ, отъ Великого Князя и отъ насъ иметъ говорить, тому бы твоя великая святыни всему вѣрилъ: иже бо то суть наша слова, послана съ нимъ. А Вседержитель Господь Богъ да сподобитъ насъ святыхъ твоихъ молитвъ въ безконечныя вѣки“. Тамъ же, стр. 496.

³⁾ И. Р. Ц. Т. VI, стр. 21—22.

Думаютъ, что великій князь Василій Васильевичъ и митрополитъ, Иона, кромѣ этого перваго посольства въ Константинополь, посылали еще дважды къ константинопольскому патриарху „о церковномъ исправленіи“ игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря Кассіана и что, когда Кассіанъ возвратился изъ Царьграда, великій князь „почтилъ его, и далъ ему довольная требованія монастырю, и (впослѣдствіи, уже при митрополитѣ Θεодосіѣ) отпустилъ его въ постриженіе свое на Каменной“; знакъ что князь былъ вполне доволенъ успѣхомъ своего посла¹⁾. Митрополитъ Макарій полагаетъ, что этотъ „успѣхъ“ состоялъ въ томъ, что константинопольскій патриархъ, а съ нимъ и прочіе патриархи, принимая во вниманіе бѣдственное положеніе своего отечества подъ властью турокъ и трудность или даже невозможность для русскихъ посѣщать Царьградъ по дѣламъ церкви, разъ навсегда предоставили своею грамотою русскимъ митрополитамъ право не ходить въ Константинополь для поставленія, но ставиться дома своими епископами, и кромѣ того узаконили, чтобы русскій митрополитъ считался, по чести, выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занимать мѣсто по іерусалимскомъ патриархѣ²⁾. Съ этимъ актомъ русская церковь получила независимость отъ константинопольскаго патриарха, а митрополиты ея, начавъ получать поставленіе отъ собора русскихъ іерарховъ, сдѣлались самостоятельными—(αὐτοκέφαλοι) въ управленіи своею церковью съ соборомъ русскихъ іерарховъ. Такимъ образомъ оказывается, что—какъ первое самостоятельное дѣйствіе русской церкви въ поставленіи Ионы въ митрополиты безъ сношенія съ константинопольскимъ патриархомъ, такъ и послѣдующая затѣмъ ея самостоятельность, признанная самими патриархами, были вызваны и обусловлены „нуждою“, или иначе—историческимъ ходомъ событій, и что эта самостоятельность русской церкви была соединена съ возвышеніемъ ея на степень первой митрополіи во всей восточной православной церкви;³⁾ если же константинопольскій патриархъ *по праву* (de jure) и продолжалъ еще считать ее одною изъ своихъ митрополій, то *на дѣлѣ* (de facto) она являлась уже самостоятельною и независимою⁴⁾.

Изложенныя выше свѣдѣнія о началѣ русской автокефальности русской церкви въ сравнительно недавнее время справедливо под-

¹⁾ Митрополитъ Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 22 Объ этомъ см. ниже.

²⁾ И. Р. Ц. Т. VI, стр. 22—23. Свѣдѣнія объ этомъ сохранились въ „Извѣстіи о началѣ патриаршества въ Россіи“. Доп. къ А. И. Т. II, № 78, стр. 189.

³⁾ М. Макарій, И. Р. Ц. Г. VI, стр. 23. Т. Барсовъ. Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковью, стр. 571—573.

⁴⁾ М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 3.

вергнуты сомнѣнію. Въ прекрасной статьѣ проф. П. Θ. Николаевского объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, по справедливой оцѣнкѣ профессора А. С. Павлова ¹⁾ представлены по этому вопросу слѣдующія соображенія. „Что касается вопроса о признаніи самостоятельности московской митрополитии восточными патріархами и присылки грамоты патріарха Геннадія для подтвержденія правъ и іерархическаго положенія московскаго митрополита, то, справедливо замѣчаетъ почтенный изслѣдователь, *вопросъ объ этомъ должно признать вполне еще не разъясненнымъ русскою наукою*“. ²⁾ Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на то, что такая подтвердительная грамота была прислана съ востока, хотя о присылкѣ ея просили усердно въ Москвѣ и великій князь и духовенство. Если же такая грамота дѣйствительно была прислана, то, вслѣдствіе своей важности, она не замедлила бы распространиться на Русь; но и до настоящаго времени она неизвѣстна, такъ какъ не сохранилась ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. Знаменитый Максимъ Грекъ, этотъ извѣстный ратоборецъ за норму отношеній русскихъ къ востоку, на московскомъ соборѣ 1525 года открыто заявлялъ, что онъ спрашивалъ, на какомъ основаніи ставятся русскіе митрополиты не по прежнему обычаю у константинопольскаго патріарха; онъ много допытывался благословенной грамоты, каковую будто бы далъ на то русскимъ цареградскій патріархъ, но доселѣ не видалъ этой грамоты, и думаетъ, что русскіе митрополиты ставятся такъ по гордости и самочинно. Дѣйствительно, не видно, чтобы отцы этого собора выставили противъ словъ Максима какія либо серьезныя возраженія. ³⁾ Историки, въ подтвержденіе мысли о присылкѣ патріаршей грамоты на устройство самостоятельной московской митрополитии, ссылаются обыкновенно на одно мѣсто изъ извѣстія о поставленіи патріарха Филарета, гдѣ прямо говорится, что восточные патріархи не только прислали особое посланіе, которымъ разъ навсегда предоставляли русскимъ ставить себѣ патріарха безъ сно-

¹⁾ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. „Православное Обозрѣніе“ 1879 Декабрь, стр. 760.

²⁾ Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 15, прим. 1. Курсивъ нашъ.

³⁾ М. Макарій. II Р. Ц. Т. VI, стр. 182. См. также особое „сказаніе“ Максима Грека. „Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не привимати поставленія на митрополию и на владычества отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, оны во области безбожныхъ турковъ поганого царя и поставленнаго отъ нихъ не привимати“. Сочиненія. Ч. III, стр. 154

шенія съ Константинополемъ, но даже опредѣлили еще права русскаго митрополита: „святительскою честію судиша (ему) предпочитатися паче всѣхъ митрополитъ, и егда случится всея вселенныя соборъ и предсѣданіе имѣти превысшее по іерусалимскомъ патріарсѣ“¹⁾. Но, несомнѣнно, доказательство это должно утратить свою силу, потому что приведенное свидѣтельство, почти буквально повторенное и въ никоновской кормчей 1653 г. (л. 10),²⁾ взято изъ такихъ извѣстій о началѣ патріаршества, которыя, по справедливому выраженію профессора П. Θ. Николаевского, „прямо дышутъ тенденціознымъ характеромъ, проникнуты желаніемъ возвысить значеніе русскаго патріаршества, и многія историческія указанія которыхъ, относящіяся къ устройству патріаршества въ Россіи, не оправдываются несомнѣнными данными“³⁾. Кромѣ того мы знаемъ, что въ подлинныхъ актахъ, относящихся къ исторіи переговоровъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о московской митрополіи, совершенно не упоминается о грамотѣ восточныхъ патріарховъ, въ которой они изъявили бы свое согласіе на учрежденіе этой независимости московскаго митрополита отъ патріарховъ и на предоставленіе ему особыхъ іерархическихъ правъ.⁴⁾ Точно также о признаніи самостоятельной московской митрополіи не упоминается ни въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ 1590 г., ни въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 1593 года, утверждавшихъ патріаршество въ Россіи. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно съ полнымъ основаніемъ думать, что самостоятельность московской митрополіи не была признана особою официальною грамотою восточныхъ патріарховъ или же одного пат-

¹⁾ Доп. къ А. П. Т. II, стр. 189. См. также изслѣдованіе П. Θ. Николаевского. Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 5—6.

²⁾ Проф. А. С. Павловъ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обзорѣніе. 1879, декабрь, стр. 761, примѣч. 49

³⁾ Учрежденіе патріаршества въ Россіи стр. 15. Ср. Т. Барсовъ Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, стр. 571—573. М. Макарій II. Р. Ц. Т. VI, стр. 20—23.

⁴⁾ Здѣсь въ общихъ выраженіяхъ замѣчается только, что „за прошеніемъ царей и великихъ князей московскихъ и по совѣту патріарховъ вселенскихъ почали поставлятися митрополиты въ Россійскомъ царствѣ о себѣ, отъ архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора Россійскаго царствія“. А въ уложенной грамотѣ 1589 года, подписанной патріархомъ Іереміею и п. Іовомъ, говорится даже, что *порядокъ принятія русскими митрополитами благословенія отъ константинопольскаго патріарха непоколебимо держится и до*

ріарха Геннадія¹⁾. „последніе (т. е. константинопольскіе патріархи), заключають П. Θ. Николаевскій, *должны были примириться съ совершившимся фактомъ помимо своей воли и въ силу неодолимыхъ историческихъ обстоятельствъ*“²⁾ Покойный проф. А. С. Павловъ, авторитетно замѣтилъ, что выводъ проф. Николаевскаго, „подтверждается разсмотрѣніемъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось и которыми, на первое время сопровождалось *фактическое* освобожденіе русской церкви отъ подчиненности константинопольскому патріаршему престолу“³⁾. Дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что при митрополитѣ Іонѣ сношенія съ Константинополемъ по вопросу о *формальномъ* признаніи самостоятельности русской митрополіи не увѣнчались успѣхомъ, тавъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы надобности прибѣгать къ такому необычайному и, нужно согласиться, неканоническому (ср. апост. 76; антиох. 23) способу избранія преемника митрополиту Іонѣ, какъ назначеніе Θεодосія особою грамотою самого митрополита⁴⁾. Точно также не нужно бы было въ моментъ поставленія новаго русскаго митрополита, писать особую, подробную и краснорѣчивую апологію автокефальности русской церкви, подъ заглавіемъ: „Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго (флорентійскаго). и о изверженіи Сидора прелестнаго и о поставленіи въ русенъ земли митрополитовъ. о сихже похвала благовѣрному вели-

---

ныиъ. С. Г. Г. и Д. Т. II, стр. 96 Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорніе. 1879, декабрь, стр. 761.

¹⁾ П. Θ. Николаевскій Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 16. Въ хронографѣ Дородея описывается и тактика, которой держались приставленные къ патріарху Іереміи лица въ частныхъ предварительныхъ бесѣдахъ съ нимъ о патріаршествѣ. Сначала они спросили патріарха, какъ—бы онъ поставилъ имъ патріарха? Іеремія на первый разъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а соглашался только на поставленіе автокефальнаго архіепископа для русскихъ, подобно тому какъ онъ посвящаетъ въ Архиду „Приведенныя слова патріарха Іереміи служатъ повымъ подтвержденіемъ высказаннаго выше предположенія о томъ, что при поставленіи митрополита Іоны не было получено изъ Константинополя особой патріаршей грамоты, утверждавшей самостоятельность московской митрополіи“. Тамъ же, стр. 63, прим. 1-ое. Проф. А. С. Павловъ Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорніе. 1879, декабрь, стр. 761.

²⁾ Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 16,

³⁾ Теорія восточнаго папизма, стр. 762. Курсивъ подлинника.

⁴⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 516 и слѣд. См. также Р. И. В. Т. VI, № 93. столб. 635—688. А. И. Т. I, № 69, стр. 121.

кому князю васьлю васьльевичю всея руси“¹⁾). Въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ право русскихъ епископовъ на избраніе и поставленіе своего митрополита, помимо константинопольскаго патріарха, утверждается исключительно на фактъ флорентійской уніи, въ которой русскіе видѣли измѣну грековъ древнему отеческому православію и главную причину самого паденія Константинополя²⁾).

Какъ мы видѣли выше, старанія московскаго правительства получить изъ Константинополя санкцію церковной реформы не увѣчались успѣхомъ, такъ какъ константинопольскій патріархъ не прислалъ желаемой подтверждающей грамоты. Но, на основаніи весьма многочисленныхъ косвенныхъ указаній, можно думать, что дѣло не ограничилось только однимъ отказомъ, но константинопольскій патріархъ даже отнесся къ реформѣ очень сурово, и дѣло, по видимому, дошло до „формальнаго разрыва“ между Москвой и Константинополемъ. Мысль эта, высказанная впервые проф. П. Θ. Николаевскимъ въ его изслѣдованіи „Учрежденіе патріаршества въ Россіи“, вѣско поддержанная проф. А. С. Павловымъ въ его блестящемъ критическомъ трудѣ: „Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права“, еще и до настоящаго времени „не пользуется правомъ гражданства въ литературѣ“³⁾, такъ какъ почти всѣ новыя сочиненія, касающіяся вопроса о началѣ автокефальности русской церкви, продолжаютъ говорить о полученномъ изъ Константинополя согласіи или же совершенно обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ⁴⁾; и лишь только профессоръ М. А. Дьяконовъ⁵⁾ и профессоръ Н. С. Суворовъ⁶⁾ раздѣляютъ точку зрѣнія покойнаго автора „Теоріи восточнаго папизма“, склоняясь на сторону новой постановки вопроса.

¹⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—395.

²⁾ А. С. Павловъ Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Гл. V, стр. 106 и слѣд.

³⁾ По вѣрному выраженію проф. М. А. Дьяконова. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе (1891 г.). Т. III, стр. 85

⁴⁾ См. свящ. М. Альбовъ. Краткій курсъ лекцій по церковному праву. Сиб. 1882, стр. 112—113; проф. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II, стр. 247; проф. А. Доброклонскій. Руководство къ исторіи русской церкви, изд. 2, стр. 149; проф. П. Знаменскій. Руководство къ р. ц. исторіи, стр. 64 и друг.

⁵⁾ Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе (1891 г.) Т. III, стр. 85—92.

⁶⁾ Курсъ церковнаго права. Т. I, стр. 136 и прим. 30

Остановимся подробнѣе на выясненіи этого важнаго и сложнаго вопроса. Митрополитъ Іона въ своемъ „посланиі къ кievскому князю Александру Владиміровичу о поставленіи своемъ въ санъ митрополита съ убѣжденіемъ охранять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать воссоединенію кievской митрополи съ московскою“¹⁾, указываетъ ему, что „по дьявольскому навѣтованію, а по Божію нашимъ ради грѣховъ попущенію, во Царьскомъ градѣ стало въ царѣхъ и патріаршествахъ раздвоение и размышление, или, паче рещи, оскудѣніе и насилваніе отъ Турокъ же и Латины на тотъ Царьскій градъ и на державы цариградскаго царя“, слѣдствіемъ чего явилось тамъ „отступленіе и еже отъ вѣры съ нами раздѣленіе“, „иномудрствованіе и приближеніе къ латинамъ“ Въ подтвержденіе такого обвиненія митрополитъ ссылается на то, что „въ той великой Божьей и святѣйшей зборнѣи и апостольствѣи Костянтиноградской церкви, отъ царя и отъ патріарха, и на палатѣ царевѣ почало быти написано папшино поминовеніе“²⁾. Константинопольскій же патріархъ Григорій Мамма, на запросъ того же кievскаго князя „о единочествѣ с латиною на которомъ дѣле состалось“³⁾, подтверждаетъ, что „поминается у насъ папшино имя на святой службѣ“, но что обо всемъ дѣлѣ соединенія церкви восточной и западной „научитъ и накажетъ васъ о всѣмъ словомъ и дѣломъ... преосвященный митрополитъ кievскій и всеа руси і всечестныи кардиналъ киръ исидоръ, о святѣмъ душѣ возлюбленныи братъ и сослужебникъ нашего смиренія“⁴⁾. Но къ этому патріархъ добавляетъ: „А *и ни* же глаголаху вамъ живо и неподобно, иже суть разорители церкви божіи, *тѣи суть отлучены отъ насъ*, а вы ихъ не приймайте... аще бы которіи *митрополити* и владыки, или которіи

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI. № 66. Прежде 31 генваря 1451 г., столб. 555—564. Объ этомъ посланіи см. наше изслѣдованіе, стр. 113, прим. 1-ое.

²⁾ Тамъ же, столб. 557—559.

³⁾ „Посланіе Григорія патріарха Константинопольскаго къ князю Кievскому Александру Владиміровичу о соединеніи церквей на соборѣ Флорентійскомъ“. Означенное посланіе напечатано по списку Синод. библіотеки XVII в., № 46. А. Поповъ, Историко—литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. (XI—XV в.), стр. 332—334. „...Вѣрныи слуга стецко князя александра владимировича приѣздилъ к намъ, і оусты своими говорилъ намъ и листъ принеслъ до насъ, і спрашивалъ насъ о единочествѣ нашемъ с латиною на которомъ дѣле состалось, глаголемая во всеи русиі многая раздѣленія и несоглашенія...“ Тамъ же, стр. 332.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 333.

иноци, не примате ихъ въ ваше православіе“¹⁾. Профессоръ Е. Е. Голубинскій думаетъ, что въ приведенныхъ выше мѣстѣ этого посланія говорится „о митрополитахъ и епископахъ греческихъ, враждебныхъ уни, которые приходили въ Литву, чтобы смущать тамошнихъ русскихъ, но не говорится чтобы во главѣ смущающихъ былъ митрополитъ поставленный въ Москвѣ“²⁾. Едва ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ почтеннаго ученаго. „Совершенно естественной является догадка, справедливо замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, что въ числѣ иныхъ ложно глаголющихъ, которые отлучены, и митрополитовъ, уклонившихся отъ православія, на первомъ мѣстѣ подразумевается митр. Иона и московское правительство“³⁾. Итакъ, мы съ полною вѣроятностью можемъ предполагать, что самочинное поставленіе м. Ионы безъ сношенія съ патріархомъ и императоромъ вызвало строгое осужденіе со стороны Константинополя.

Другія косвенныя доказательства подтверждаютъ это предположеніе. Русская церковь, достигнувши фактической самостоятельности, на первое время, вслѣдствіе многолѣтней привычки имѣть высшее духовное пачальство въ лицѣ константинопольскаго патріарха, а можетъ быть и испуганная отлученіемъ, разрывомъ съ Константинополемъ, чувствовала себя не вполне хорошо; надо думать, что московское правительство тщательно старалось отыскать эту точку духовной опоры внѣ стѣнъ Константинополя. Уже при митрополитѣ Феодосіи начались довольно дѣятельныя сношенія русской церкви съ православнымъ востокомъ, именно—съ іерусалимскимъ патріархомъ; эти сношенія съ Іерусалимомъ носятъ дружественный характеръ. Факты, относящіеся къ исторіи этихъ сношеній съ іерусалимскимъ патріархатомъ, чрезвычайно знаменательны⁴⁾. Въ 1462 или 1463 году престарѣлый іерусалимскій патріархъ Іоакимъ предпринялъ путешествіе на Русь, за сборомъ милостыни, но на дорогѣ заболѣлъ и отправилъ вмѣсто себя своего протосингелла Іосифа съ грамотами къ великому князю, московскому митрополиту и всему православному русскому народу. Митрополиту патріархъ поручалъ, между прочимъ, рукоположить упомянутаго протосингелла Іосифа въ митрополиты Кессаріи Фи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 333

²⁾ И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 480.

³⁾ Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній Историческое Обзоріе (1891 г.) Т. III, стр. 86. Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обзоріе. 1879, декабрь, стр. 763.

митроуой— „примѣръ, по словамъ профессора А. С. Павлова, въ исторіи нашей церкви небывалый и, конечно, допущенный не для того только, чтобы расположить русскихъ къ большей щедрости, но и для того, чтобы въ немъ самымъ торжественнымъ образомъ выразились признаніе, со стороны одного изъ высшихъ іерарховъ востока, канонической законности новыхъ церковныхъ дѣлъ на Руси“¹⁾. Какъ мы знаемъ, преемникъ митрополита Іоны, архіепископъ ростовскій Θεодосій, былъ поставленъ въ митрополиты необычнымъ и даже неканоническимъ способомъ: по желанію великаго князя Василія Васильевича и по соглашенію съ нимъ м. Іона избралъ и благословилъ на митрополию Θεодосія и благословенную грамоту положилъ на престолъ успенскаго собора,²⁾ и уже согласно этому собору епископовъ поставилъ Θεодосія въ митрополиты.

„А о патріархѣ цареградскомъ, объ его согласіи и утвержденіи, благословеніи—не было и рѣчи“, говоритъ митрополитъ Макарій, заканчивая описаніе поставленія Θεодосія. „Что бы это значило“? „Безъ сомнѣнія, то что въ Россіи дѣйствительно существовала тогда патріаршая грамота, о которой мы уже упоминали³⁾,—грамота которою патріархи разъ навсегда предоставили русскимъ митрополи-

¹⁾ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 763 А II Т. I. № 78, стр. 127—129. Ср. Е. Е. Голубинскій II. Р. Ц. Т. II. П. 1, стр. 519—520

²⁾ Р. II. П. Т. VI, № 93. 1461 г. послѣ 30 марта. Соборная грамота тверскому епископу Геннадію, съ извѣстіемъ о кончинѣ митрополита Іоны и съ призывомъ въ Москву на поставленіе въ митрополиты Θεодосія, архіепископа ростовскаго. Столб. 685—688. (Изъ сборника синодальной библиотеки № 562. л. 39—40; издана была по тому же списку въ А. II. Т. I, № 69, стр. 121). „О семъ тобѣ, своему брату, пишемъ, извѣщеніе дая, чтожь господина и отца нашего Іону, митрополита кіевскаго и всея Руси, Богъ къ собѣ позвалъ; и господинъ нашъ князь великій Василій Васильевичъ позналъ отца своего митрополита немощъ, да насъ своихъ богомольцевъ къ собѣ созвалъ, да и съ своимъ отцомъ съ митрополитомъ о томъ поговорили, что Господь Богъ позоветъ его къ собѣ, и онъ бы на свое мѣсто кого благословилъ, на ту святую—русскую—митрополию быти митрополитомъ. И господинъ нашъ и отецъ Іона, митрополитъ кіевскій и всея Руси, разсудивъ по божественнымъ и священнымъ правиломъ и обговоривъ съ своимъ сыномъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, да и съ нами съ своими богомолци, избралъ и благословилъ на тотъ превеликій степенъ святительства въ домъ пречистые Богоматери . господина и брата нашего старѣйшаго Θεодосія, архіепископа ростовскаго, на свое мѣсто, да и грамоту свою благословенную, на его имя, въ святѣй величѣй зборной церкви причистые Богоматери, на престолѣ положили“ Тамъ же, столб. 685—686.

³⁾ М. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI, стр. 21—23

тамъ ставиться у себя—дома, безъ всякихъ сношеній съ Царьградомъ¹⁾. Дѣйствительно, о подобной грамотѣ, упоминается въ официально составленномъ при патріархѣ Филаретѣ сказаніи о началѣ патріаршества въ Россіи, перешедшемъ и въ никоновскую кормчую²⁾. Но выше мы могли убѣдиться въ тенденціозности этихъ извѣстій. Поэтому слѣдуетъ иначе объяснить умолчаніе о патріаршей санкціи при поставленіи Θεодосія: въ Константинополь не хотѣли, да и не могли обращаться, разъ существовалъ формальный разрывъ съ константинопольскимъ патріархатомъ. Но митрополитъ Θεодосіи готовъ былъ принять благословеніе отъ другаго, православнаго патріарха: въ 1464 году онъ съ радостью сообщилъ паствѣ, что „патріархъ Іерусалимскій, слышавъ истинную нашу святую вѣру непоручную, юже отъ богопросвѣщеннаго Владимера, въ Русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ провозсіявшю, и въ Божіей воли исполнену, и благочестіемъ цвѣтущую, якоже и свѣтъ солнечный, и тако уповая отъ сихъ на благое, и потщався, Господа ради, самъ поиде въ землю нашу, хотя намъ, по свышней ему силѣ благодати Святаго Духа, дати свое благословеніе отъ руки своея и прощеніе грѣхомъ даровати, пже вѣрою къ нему исповѣдавшимся“³⁾. Въ этомъ же посланіи митрополита Θεодосія мы находимъ весьма важное указаніе на значеніе Сіонскаго храма: о немъ митрополитъ дважды замѣтилъ, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 50.

²⁾ Доп къ А. И. Т. II, № 76, стр. 189 „Надлежаща ради нужи греческимъ властемъ отъ нечестивыхъ варваръ не возмогоша рустіи митрополиты въ Константинь градъ поставленія ради святительскаго шествія творити, ниже посланія свободна имѣти и тако единою посланіемъ съ четырьми патріархи согласившися, и по согласію пріяша и сіи рустіи митрополиты власть отъ греческихъ патріархъ, паче же отъ константинопольскаго еже. . . своими епископи избранія митрополія творити и поставлятися“. Въ никоновской же редакціи сказанія встрѣчаемъ очень важный и знаменательный варьянтъ: „того ради единою посланіемъ съ четырьми патріархи согласившися и по согласію пріяша и рустіи митрополиты отъ палестинскихъ патріархъ, еже и проч. Печати Кормчая, 1804 г., л 7 Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма Православное Обзорѣніе 1879, декабрь, стр. 763, 764—765; проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе Т. III, стр. 87 „Нужно было бы отыскать общій источникъ обѣихъ редакцій, чтобы правильно судить объ ихъ взаимномъ отношеніи и сравнительной достовѣрности содержащихся въ той и другой разнорѣчивыхъ извѣстій“, замѣчаетъ проф. А. С. Павловъ Тамъ же, стр. 765, примѣч 55. См. у насъ ниже.

³⁾ А. И. Т. I, № 78. 1464. Посланіе митрополита Θεодосія Новгородцамъ и Псковичамъ, о милостынѣ на искупленіе святаго Гроба Господня отъ невѣрныхъ, стр. 123.

„Сіонъ, всѣмъ церквамъ глава и мати сущи всему православію“¹⁾. Нельзя не согласиться съ вполне вѣрнымъ мнѣніемъ профес М А Дьяконова, что приведенное мѣсто даетъ основаніе думать, что главенство константинопольской соборной церкви въ то время не признавалось²⁾.

Что, повидимому, между Москвою и Константинополемъ дѣло дошло до „формального разрыва“—это съ особою выпуклостью доказываетъ необычное содержаніе грамотъ іерусалимскаго патріарха Іосифа къ великому князю Василію Васильевичу³⁾. Эти грамоты, по мнѣнію проф А С Павлова, напоминаютъ папскія индульгенціи⁴⁾. „Прощенная грамота“ этого патріарха, обращенная къ „славнѣйшему и благородному Великому Князю Московскому, и всея Руси, Господину (нашему) Василію, о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія“ гласитъ, между прочимъ: „Мы еже разумѣваемъ о государствѣ тв, еже еси человекъ благочестивый и православенъ и православнымъ и христіолюбивымъ родителемъ послѣдникъ, и въсприятель, и ближній сынъ и другъ святыхъ Христовы церкви. И сего ради, еже еси явился всегда послушающимъ къ ней вѣрою и покореніемъ и честью, и того ради и мы имѣемъ тя благословена отъ Бога и прощена, и еже по достоинству твоему, еще имѣеть ты, опрочѣ иныхъ, смиреніе наше благородіе твое прощено отъ предающаго тое власти и благодати отъ Пресвятаго и Живоначалаго Духа...“⁵⁾ связано разрѣшеніе; и елико еже ты яко человекъ съгрѣшилъ, словомъ и дѣломъ и помышлениемъ, волею и неволею, и сія и духовнымъ изрече отцемъ, еже имѣеть наше смиреніе *господарство твое прощено въ всемъ церковномъ запрещеніи, волюе и невол-*

¹⁾ Тамъ же стр. 128. Въ другомъ мѣстѣ о значеніи Сіонскаго храма сказано такъ: „Съ благобоязньствомъ и великою вѣрою и любовью, подайте, безъ сумнѣна, милостыню Іосифу свершеному Митрополиту Кесарія Филиповы, кажды васъ, якоже волитъ, противу силѣ, на искупленіе Христова Гроба и на съзиданіе *святые манере церквамъ, еже ест Сіонъ*, отъ него же изыде радость и свѣтъ Христеосъ“. Тамъ же, стр. 128.

²⁾ Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорніе Т. III, стр. 88.

³⁾ О грамотахъ патр. Іоакима къ великому князю и м Феодосію упоминаетъ самъ Феодосій въ своемъ посланіи (А. II. Т. I, № 78, стр. 128): „Къ господину же и сыну моему, къ благородному и благовѣрному Великому Князю.. и къ нашему смѣренію той блаженнѣйшій и приснопамятный Іоакимъ... прислалъ къ намъ свои грамоты..“

⁴⁾ Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорніе 1879, декабрь, стр. 763.

ное¹⁾. Въ грамотѣ же патріарха Іоакима ко всеѣмъ русскимъ, относительно своего протосингелла Іосифа выражался такъ: „имѣйте его, какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему власть имѣти, юже самъ имѣхъ отъ Духа Святого, *ршати и вязати*. . . и повелѣніемъ нашимъ Іосифъ, нареченный на митрополию Кесарія Филипповы, *да дастъ прощєніє грѣховъ* требующимъ отъ него и *грамоту отпущную, еже о грѣсахъ, чєловѣкомъ*“²⁾ „Зачѣмъ понадобились такія грамоты? Откуда и кѣмъ наложено было на русскихъ церковное запрещеніе? Не доходило ли дѣло до *формального разрыва* между Москвою и Константинополемъ?“³⁾ Объяснить все это, уяснить причину появленія столь необычныхъ грамотъ, понять ихъ настоящій смыслъ и значеніе, возможно лишь допустивъ мысль о существованіи „формального разрыва“ между Москвою и Константинополемъ. Да и знаменательное поставленіе русскимъ митрополитомъ протосингелла Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой, совершенное Ѳеодосіемъ по приказанію іерусалимскаго патріарха⁴⁾, благорасположеннаго къ московскому правительству, имѣло свой истинный смыслъ и значеніе только при существованіи этого разрыва, такъ какъ предоставленіе правъ русскому митрополиту, еще недавно получавшему наставленіе въ Константинополѣ, самому поставлѣть

¹⁾ А. П. Т. I, № 72. Прежде 1462. Прощенная грамота Іерусалимскаго Патріарха Іоакима Великому Князю Василію Васильевичу, стр. 123. „*Держаство паляся еси и заповѣди отеческыя преступилъ еси, вѣдая и невѣдая, или отъ клятвы святительскія или отъ священника будетъ, или отца и матери заповѣди преступилъ будешь, или инымъ проклятемъ паляся будешь, и елико неразрѣшимыхъ множество, исповѣдаемыхъ и неисповѣдаемыхъ, исцѣлится еси. И молится о семъ смѣрене наше, и получиши прощєніє* благородіе отъ всеблагаго чєловѣколюбца Бога.“ Тамъ же, стр. 123 Курсивъ нашъ.

²⁾ Курсивъ нашъ. Грамота п. Іоакима ко всеѣмъ русскимъ еще не напечатана и находится въ Сбор. Новг. Соф. библиот. (нынѣ Сиб. дух. Акад.), первой полов. XVI в., № 1454, л. 445 об.—449. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351, примѣч. 443.

³⁾ А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обзореніе. 1879, декабрь, стр. 464.

⁴⁾ Р. Н. В. Т. VI, № 135. 1464 г. апрѣля 4. Настольная грамота митрополита Ѳеодосія протосингеллу Іосифу, поставленному, съ согласія и по нареченію іерусалимскаго патріарха Іоакима, въ митрополиты Кесаріи Филипповы, столб. 925—930. „Знаменательный фактъ подавленія русскимъ (теперь автокефальнымъ) митрополитомъ равностепеннаго іерарха для восточной церкви, справедливо замѣчаетъ ученый редакторъ VI Т. Р. И. Б., отмѣченъ и въ современныхъ нашихъ лѣтописяхъ“. Ср. также м. Макарія. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351 и Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, П. I, 529—530. Впрочемъ, для нашей цѣли скептицизмъ проф. Голубинскаго не имѣетъ значенія.

митрополита, было лишь вызвано желаніемъ узаконить и оформить фактическую автокефальность русской церкви. Лучшаго же подтверждения, болѣе конкретнаго и нагляднаго, нельзя было желать московскому правительству¹⁾.

Не смотря на столь многочисленныя и, смѣемъ думать, довольно вѣскія свидѣтельства въ пользу мнѣнія о существованіи формальнаго разрыва между Москвою и Константинополемъ, мнѣнія и до настоящаго времени не получившаго признанія въ наукѣ, продолжаютъ толковать о добрыхъ отношеніяхъ между русской митрополіей и константинопольскимъ патриархатомъ; думается намъ, что такое сужденіе основано ни слишкомъ шаткихъ и сомнительныхъ основаніяхъ. Въ 1454 году мы, дѣйствительно, видимъ на Руси какого-то „цареградскаго митрополита“ Игнатія, но онъ, какъ видно изъ лѣтописнаго извѣстія, держится въ сторонѣ отъ Москвы и собираетъ милостыню только въ Псковѣ и Новгородѣ, отношенія которыхъ къ Москвѣ въ то время далеко не отличались дружественнымъ характеромъ²⁾. Какъ мы видѣли выше, что около того же времени великій князь и митрополитъ не одинъ разъ посылали пословъ въ Царьградъ „за нѣкую потребу, о церковномъ исправленіи“, но о результатѣ и болѣе подробныхъ дѣляхъ этихъ посольствъ ничего неизвѣстно³⁾. Въ

¹⁾ М. А. Дьяконовъ Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній Историческое Обзорѣніе Т. III, стр. 88 См. также Никонскую лѣтопись. Ч. VI. „О поставленіи Юсифъ Митрополитъ в Кесарю Филипповы“, стр. 2; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 151: „О поставленіи Юсифа Іерусалимлянина“ и др.

²⁾ Того жъ лѣта пріѣхъ во Псковъ Митрополитъ Цареградскій Игнатій на 6 недѣли въ субботу по Велицѣ дни, мѣсяца Іюня въ 1 день, на память святаго мученика Іуситина, и бысть во Псковѣ 4 недѣли, и поѣхъ изъ Пскова одаренъ въ Великій Новгородъ“. Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М 1837), стр. 80. Очень характерно, что подъ тѣмъ же 1454 годомъ мы встрѣчаемъ въ той же лѣтописи свидѣтельство о пріѣздѣ во Псковъ „князя Івана Дмитреевича Шемякина“, торжественно и дружески встрѣченнаго и одареннаго псковичами. Тамъ же, стр. 79—80. Объ отношеніи къ Новгороду, охотно принимавшаго у себя врага Москвы—Шемяку, см. у Е. Е. Голубинскаго П. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 506, 502 и др.

³⁾ М. Макарій. П. Р. Ц. Т. VI, стр. 22. Соображенія м. Макарія о дѣляхъ и результатахъ посольства въ Константинополь игумена Кирилло-Вѣлосерскаго монастыря Кассіана, носятъ слишкомъ гадательный и не вполне обоснованный характеръ. (Правосл. Собес. 1861, I, 210) А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Профессоръ Е. Е. Голубинскій справедливо относится скептически къ свидѣтельству Паисія Ярославова, такъ какъ ему кажется „нѣсколько подозрительно“ въ показаніи Паисія то, что, по его словамъ, пришедши во второй разъ изъ Констан-

подтвержденіе противоположной мысли обыкновенно ссылаются на грамоту московскаго митрополита Іоны къ константинопольскому патріарху Геннадію Схоларію¹⁾, такъ какъ въ этомъ посланіи, будто бы свидѣтельствующемъ о добрыхъ отношеніяхъ между нашею митрополіею и византійскимъ патріархатомъ, сказано: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хотимъ, также ото всѣхъ, кто ли ни будетъ патріархъ на патріаршествѣ съблюдая церковь Христову и держа истинное великое православіе“²⁾; но „это посланіе сохранилось безъ начала и безъ означенія, какимъ нашимъ митрополитомъ и кому изъ патріарховъ оно писано“³⁾. Профессоръ А. С.

тинополя, Кассіанъ былъ отпущенъ великимъ княземъ въ свое постриженіе на Каменной. между тѣмъ какъ онъ возвратился въ Каменскій монастырь изъ Кириллова въ 1468—1469 году, что было уже послѣ смерти Василя Васильевича. Кромѣ того, выше почтенный ученый, приведя свидѣтельство Паисія, осторожно замѣчаетъ „Если Паисій не смѣшиваетъ тутъ и не разумѣетъ посольствъ Кассіана въ Литву, то намъ остается только пожалѣть, что онъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго о цѣли посольствъ и объ ихъ результатѣ“. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 512—513, примѣч. 1.

¹⁾ О времени и причинахъ ухода съ патріаршей кафедрой Геннадія Схоларія см. въ капитальномъ и блестящемъ трудѣ профессора А. П. Лебедева— „Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени“. Изд. 2-е. (С.-Петербургъ, 1904), стр. 216—221. По распространенному мнѣнію, котораго придерживался и проф. А. С. Павловъ, Геннадій правилъ Константинопольскою церковью съ 1453 по 1459 годъ. Между тѣмъ проф. А. П. Лебедевъ, проанализировавъ въ совокупности всѣ факты, относящіяся къ кратковременному правленію Геннадія церковью и требующіе строгой критической провѣрки.—приходитъ къ выводу, что Схоларій патріаршествовалъ всего лишь два года „такъ какъ въ маѣ 1456 года онъ отказался отъ патріаршей кафедры Почтенный ученый, не соглашаясь съ Сатою, который утверждаетъ, что Геннадій скончался около 1460 г., утверждаетъ, что смерть знаменитаго патріарха, перваго по паденіи византійской имперіи, послѣдовала раньше. Геннадій умеръ около 1457 года. Тамъ же, стр. 216, 221.

²⁾ А. И. Т. I, № 263. 1452 или 1453. Посланіе митрополита Іоны Константинопольскому Патріарху Геннадію, съ просьбою принять дары, отправленные къ нему съ великокняжескимъ посломъ Стр. 495—496. (Изъ сборника митропол. грам. XVI в., принадлежащаго Царскому. Начальный листъ грамоты въ манускриптѣ вырванъ.

³⁾ М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 21, прим. 21: „Но судя по имени великокняжескаго посла—Ивана Владимировича, который употреблялся въ качествѣ посла вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ (А. Э. I. № 59), а также судя по содержанію посланія и по самымъ выраженіямъ: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хотимъ“ и проч.,—которыя встрѣчаются и въ другихъ, рассмотрѣнныхъ нами, такихъ же посланіяхъ в. кн. Василя Василье-

Павловъ по поводу этого посланія вѣрно замѣчаетъ, что издатели лишь по догадкѣ усвоили его митрополиту Іонѣ и адресовали его константинопольскому патриарху Геннадію, тогда какъ въ силу вышеизложенныхъ фактовъ, оно съ большею вѣроятностью можетъ быть отнесено къ числу документовъ по сношеніемъ митрополита Θεодосія съ іерусалимскимъ патриархомъ¹⁾. Это рѣзко бросающееся въ глаза сопоставленіе съ одной стороны отлученія, наложеннаго константинопольскимъ патриархомъ на „иныхъ разорителей церкви Божіей“, а съ другою—разрѣшеніе отъ церковнаго запрещенія, даннаго дѣйствующимъ всецѣло въ интересахъ Москвы іерусалимскимъ патриархомъ московскому великому князю и народу, заставляегь насъ, въ силу логической необходимости, принять, высказанное глубокимъ ученымъ А. С. Павловымъ, предположеніе, что „сблженіе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ и что вышеуказанныя грамоты патриарха Іоакима и подали поводъ къ позднѣйшему сказанію о присылкѣ восточными патриархами особой грамоты, съ признаніемъ автокефальности русской митрополіи“²⁾. Почтенный канонистъ справедливо придаетъ большое значеніе никоновской редакціи объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, гдѣ извѣстіе о присылкѣ упомянутой грамоты изложено слѣдующимъ образомъ: „того ради (т. е. вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками) единою посланіемъ съ четырьмя патриархи согласившеся, и по согласію пріяша и рустии митрополити отъ *палестинскихъ патриархъ* власть, еже не ктому поставленія ради приходити русскимъ митрополитомъ въ Константиноградъ, но сво-

вича и митрополита Іоны, можно съ увѣренностью (?) полагать, что посланіе это написано митрополитомъ Іоною къ православному цареградскому патриарху Геннадію“. „Да пожалуй, господине, гласить это посланіе, еще покажи намъ свершенную свою духовную любовь обошли сына моего Великаго Князя посломъ, честнымъ твоимъ писаніемъ о всемъ, и укрѣпленіи, и въ душевную ползу великому нашему православію, и за Божью церковь, и за святительскую намъ честь; занеже, господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ Патриархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земьскую честь, къ своей душевнѣй ползѣ.. да тыя всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земьская неустроенія, въ пожары истерялися“. А. И. Т. I, № 262, стр. 495—496

¹⁾ Теорія восточнаго папизма. Православное Обзорѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Этотъ же взглядъ раздѣляетъ и проф. М. А. Дьяконовъ въ своей статьѣ „Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе. Т. III, стр 88, примѣч. 3.

²⁾ Теорія восточнаго папизма Православное Обзорѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе Т. III, стр 87.

ими епископы избраніе митрополіе творити“. „Такъ точно и въ наши дни *іерусалимскій* же патріархъ призналъ автокефальность болгарской церкви, вопреки опредѣленію *константинопольскаго собора*“¹⁾.

Но кромѣ вышеприведенныхъ, если такъ возможно выразиться, косвенныхъ доказательствъ существованія разрыва между Москвою и Константинополемъ, существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ указаній того, что отношенія между митрополіей и патріархатомъ далеко не были дружественнаго или, даже мирнаго, характера. Мы уже видѣли, что московское правительство всѣми мѣрами старается оградиться отъ притязаній константинопольскаго патріархата: оно при митрополитѣ Θεодосіи, еще при жизни великаго князя Василя Васильевича, составляетъ особый трактатъ для оправданія автокефальности русской церкви—„Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню...“²⁾. Поставленіе перваго, послѣ паденія Константинополя, подпавшаго теперь подъ власть турокъ и послѣ *фактическаго* прекращенія власти Царьграда надъ Москвою, митрополита въ стольномъ городѣ Руси—Θеодосія (въ 1461 г) было моментомъ торжества давно желанной автокефальности русской церкви³⁾. Этотъ знаменательный моментъ государственной жизни московской Руси нашелъ себѣ удачно осмысленное литературное выраженіе въ „Словѣ избранномъ“ которое является памятникомъ величайшей важности въ исторіи нашей древней церковно-политической литературы⁴⁾. Какъ видно изъ самаго оглавленія „Слово“ состоитъ изъ двухъ частей: первая—сказаніе объ осьмомъ соборѣ и низложеніи Исидора⁵⁾ есть известная „Повѣсть“ Симеона Суздальскаго въ лѣтописной редакціи. Вторая же часть—о поставленіи русскихъ митрополитовъ Іоны и Θεодосія своими русскими епископами, при господствующимъ участіи великаго князя Василя Васильевича,⁶⁾ составляетъ, по выраженію проф. А. С. Павлова,⁷⁾ „главное ядро со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 764—765. Курсивъ подлинника.

²⁾ А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), стр. 360—395.

³⁾ А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 106. О значеніи поставленія митрополита Θεодосія см. у Е. Е. Голубинскаго. II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 518—520.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 106.

⁵⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—379.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 380—395.

⁷⁾ Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

чиненія“. Установленіе автокефальности русской церкви, право самостоятельнаго поставленія митрополитовъ на Москвѣ, у гроба св Петра, представлено здѣсь какъ необходимыйъ результатъ измѣны грековъ древнему православію вслѣдствіе союза съ латинянами на осьмомъ ферраро-флорентійскомъ соборѣ; въ доказательство же невозможности этого союза, какъ богопротивнаго, приводится старинная повѣсть объ отпадении латинянъ отъ православной церкви, съ подробнымъ перечнемъ ихъ заблужденій.¹⁾ И въ той и другой части рсточаются восторженныя похвалы главному виновнику торжества православія на Руси, главному дѣятелю этой церковной реформы, — *богочинианному царю великому князю Василю Васильевичу*.²⁾ „Въ „Словѣ“; по выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго, проводятся, хотя далеко и не съ полною ясностью и открытостію, двѣ мысли: во-первыхъ, что великій князь есть преемникъ императоровъ греческихъ; во-вторыхъ, что у насъ въ Россіи благочестіе выше, нежели въ порабощенной турками Греціи“³⁾.

Но въ Москвѣ не ограничились только этими мѣрами публицистической защиты и прибѣгли къ болѣе реальнымъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для огражденія себя отъ константинопольскихъ притязаній. Послѣ окончательнаго раздѣленія митрополій (1458 г.)⁴⁾, когда константинопольскій патриархъ Григорій поставилъ Григорія, ученика Исидора, митрополитомъ въ Кіевъ, на московскомъ соборѣ 1459 года русскіе епископы составили соборную грамоту о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ.⁵⁾ „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, гласила эта грамота, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыхъ церкви зборныя московскія святыхъ Богородица быти неотступнымъ, и *отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и*

¹⁾ Стр. 385—391. М. А. Дьяконовъ Къ исторію древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе. Т. III, стр. 19.

²⁾ А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнейшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

³⁾ И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 520.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 503, 504—505.

⁵⁾ 1459 г. Соборная грамота русскихъ епископовъ, о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополию Р. И. В. Т. VI, № 83, столб. 627—632; А. И. Т. I, № 61, стр. 108—110. (Изъ синадальнаго сборника № 562, л. 52 об.—54). См. также Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 506—507.

повиноватися ему во всемъ; и кто, по его отшествію къ Богу, иный митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець, и по повеленію юснодина нашего великаго князя *Василія Васильевича, русскаго самодержца*, въ той зборной церкви святыхъ Богородицы на Москвѣ, на той великій престолъ, у гроба святаго Петра митрополита, русскаго чудотворца: и намъ, архіепископомъ и епископомъ русскія митрополю, также быти отъ святыхъ зборныхъ церкви московскія святыхъ Богородица неотступнымъ, и отъ того митрополита также неотступнымъ быти, и спослѣдовати и повиноватися ему во всемъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ въ церковныхъ, и о всякомъ благочестѣи быти съ нимъ за едино¹⁾. Грамота очень рѣшительно высказывается относительно Исидора и его ученика: „А что прежнего одного отступника отъ благочестія православныя нашей вѣры христіанскія, Исидора преже бывшаго митрополита русскаго, и его ученика и единомысленика, пыпѣ же на церковь Божью развратника, пришедшаго отъ Рима Григорія, отлученаго отъ святыхъ зборныхъ церкви, иже именуеть себя митрополитомъ кievскимъ: и намъ архіепископомъ и епископомъ русскія митрополю къ тому Григорію не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не прінимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чемъ же“²⁾. Невозможно допустить, чтобы въ этомъ спорѣ съ м. Григоріемъ московскій соборъ не сослался бы на грамоту четырехъ патріарховъ, узаконившую новый церковный порядокъ, если бы таковая существовала³⁾.

Что отношенія Москвы къ Константинополю исключали возможность присылки патріаршей грамоты съ санкціею новаго порядка вещей, и что вообще между русскою митрополіею и константинопольскимъ патріархатомъ не могли существовать тогда добрыя, мирныя сношенія,—лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ этого служить сохранившееся посланіе великаго князя Ивана Васильевича къ новгородскому архіепископу Іонѣ, о томъ чтобы онъ

¹⁾ Тамъ же, столб. 629—630; стр. 109. Курсивъ нашъ.

²⁾ Тамъ же, столб. 630—631; стр. 109. Ср. также Р. И. В. Т. VI, № 92 1461 г. марта 22. Повольная грамота тверскаго епископа Геннадія, на избраніе и поставленіе новаго митрополита, по смерти Іоны, съ изъявленіемъ неизмѣнной вѣрности какъ Іонѣ, такъ и его преемнику, столб. 681—684; А. И. Т. I, № 274, стр. 506.

³⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе Т. III, стр. 89.

не имѣлъ общенія съ кievскимъ лжемитрополитомъ Григоріемъ¹⁾. Одно изъ мѣстъ этого интереснаго посланія повѣствуетъ о томъ, что московское правительство получило изъ Константинополя отъ Іосифа, митрополита Кесаріи Филипповой, поставленнаго въ Москвѣ, предупрежденіе о попыткахъ Григорія, ученика Исидора, добиться въ Константинополѣ признанія за нимъ правъ на единую русскую митрополию²⁾. Этотъ Григорій, повѣствуетъ великій князь „посылалъ до Царягорода своего посла Мануила, ищучи себѣ благословенія и подтвержденія отъ царьградскаго патрeарха, а хотячи того, какъ бы ему быти у насъ въ дому пречистыя Богородици у чудотворца Петра на Москвѣ, да чтобы о немъ патрeархъ послалъ до меня, до великаго князя, да отъ того ден много пореклъ злата и портъ патрeарху, да подавалъ великіе же поминки“³⁾. Но попытка Григорія потерпѣла неудачу: „И въ то ден время патрeархъ былъ, Симономъ звали, надъ нѣкоторымъ монастыремъ надъ убогимъ, а болшіе церкви Божьи соборныя турецкій царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрeарху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ, поютъ безъ звону. А тотъ ден патриархъ Симонъ, человекъ ден разсудителенъ, да у того Мануила, у Григорьева посла, поминковъ и обѣщанаго злата, ни портъ не принялъ, а благословенья не далъ, а отрекъ ему ден такъ: „язъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чюжей неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило“⁴⁾. Повидимому, эти сообщенія произвели сильное впечатлѣніе и побудили московское правительство прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. „И мы, пишетъ великій князь, также нынѣ умыслили собѣ съ своимъ отцемъ съ митрополитомъ, и съ своею матерью великою княгинею, и съ своею братьею, и съ своими богомолци, со архіепискупомъ и съ епискупы и со владыками, и со архимандриты и съ честными игумены, и со всѣмъ священствомъ.

¹⁾ Р. И. В. Т. VI, № 100. 1465—1470, столб. 707—712; А. А. Э Т. I, № 80. Въ виду важности правильнаго разрѣшенія затронутаго вопроса, мы позволимъ себѣ коснуться и этого посланія, хотя и выходящаго за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія.

²⁾ „Князь великій повѣствуетъ: нынѣча паки являемъ тобѣ, своему богомолцу, прислать ко мнѣ изъ Царягорода Іосифъ митрополитъ Кесарѣя Филиповы грамоту свою... а являетъ намъ о томъ Григорѣѣ, о Сидоровѣ ученикѣ какъ ся домышляетъ, какъ бы ему мочи (вар. „мошно“) внити въ наше православное хрестьянство“. Тамъ же, столб. 710

³⁾ Тамъ же, столб. 710

⁴⁾ Тамъ же, столб. 710—711. Курсивъ нашъ. См. у Е. Е. Голубинскаго. И Р. Ц. Т. II. II I, стр. 510—511.

да того ми посла патриарха, ни Григорьева, и въ землю свою вышцать не велеть: не требую его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, имѣемъ же его отъ себя самого того патриарха, чюжа и отречена, и его посла и того окааннаго Григорья: тобѣ бы, нашему богомолцу, вѣдомо было“¹⁾. Московское правительство этимъ торжественнымъ отречениемъ не только констатировало и подчеркивало полное отсутствіе какой-либо зависимости и подчиненія Константинополю, но рѣшительно и формально заявляло о полномъ прекращеніи сношеній съ бывшимъ представителемъ вселенской церкви. Объявивъ, что оно считаетъ даже самого патриарха „чюжа и отречена“—московское правительство сдѣлало въ этомъ отношении самыя рѣшительныя шаги: идти дальше на пути „формального разрыва“, столь очевидно, вышло констатированнаго, было совершенно некуда.²⁾

Для огражденія себя отъ дальнѣйшихъ посягательствъ константинопольскаго патриархата, московское правительство придумало и ввело въ епископскій обѣтъ существенныя и весьма характерныя прибавки. Намъ извѣстно, что въ повольной грамотѣ на поставленіе митрополита, переписанной (на имя тверскаго епископа Васціана (князя Оболенскаго) поставленнаго въ 1478 г., сказано: „А къ митрополиту къ Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, *взыскавшю* (читай—взыскавшему) въ Цариградѣ поставленія, во области безбожныхъ Турковъ, отъ поганнаго царя, или кто будетъ иный митрополитъ поставленъ отъ Латыни, или отъ Турскаго области, не приступати мнѣ къ нему, ни приобщенія, ни соединенія ми съ нимъ не имѣти никакова“³⁾. Но этотъ обѣтъ, это отчужденіе отъ Константинополя, уже какъ общее правило, введенъ въ чинъ епископскаго исповѣданія временъ митрополита Симона⁴⁾, гдѣ читается слѣдующее: „Отрицаю жеся и проклиная Григорія Цамблакова церковнаго раздранія, якоже и есть проклято; такожде отрицаюся Исидорова къ нему приобщенія и ученика его Григорія, церковнаго раздирателя, и отъ

¹⁾ Тамъ же, столб 711 Курсивъ нашъ.

²⁾ М. А. Дьяконовъ Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній. Историческое Обзорѣніе. Т. III, стр. 90.

³⁾ Р. И. В. Т. VI, № 92. 1461 г марта 22. Повольная грамота тверскаго епископа Геннадія, на избраніе новаго митрополита, по смерти Іоны, съ изъясненіемъ неизмѣнной вѣрности какъ Іонѣ, такъ и его преемнику, столб. 683. примѣч. 2. Курсивъ нашъ. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II П. I, стр. 530. См также текстъ грамоты подъ № 92, столб. 681—684 и № 109 1478—1488. Повольная грамота тверскаго епископа Васціана митрополиту Геронтію, на воѣ дѣла церковныя, совершаемыя соборнѣ, столб. 743—744.

⁴⁾ Митрополитъ Симонъ 1495—1511.

похваленія и соединенія къ латинству, съ ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатану, *взыскаваго въ Царьградѣ поставленія*, въ области безбожныхъ турокъ поганого царя. *Также и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ когда случится кому пріити на Кіевъ* отъ Рима латинскаго, или *отъ Царяграда турецкія державы*“ 1).

Поэтому является вполне естественной и логичной и замѣна обѣщанія въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы. Слова прежняго епископскаго обѣщанія:— „не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ кого поставятъ изъ Царяграда, какъ есмы то изначала пріяли“ 2) были замѣнены слѣдующими: „развѣ кого поставятъ *отъ нашего великаго истиннаго православія*, по божественнымъ и священнымъ правиломъ святыхъ вселенскихъ седми съборовъ *а не отъ Латынь, ни отъ иныхъ которыхъ раздѣленій церковныхъ нашему великому истинному православію*“ 3).

Нельзя не согласиться съ вѣрнымъ взглядомъ проф. М. А. Дьяконова, что указанная прибавка получаютъ серьезное практическое значеніе и легко объясняется только при допущеніи формальнаго разрыва; наоборотъ, опѣ, конечно, не могли бы имѣть мѣста, какъ совершенно излишнія и ненужныя, если бы существовала патриаршая грамота, утверждающая автокефальность русской церкви 4). И не безъ основанія возражалъ противъ этихъ прибавокъ знаменитый Максимъ Грекъ и даже, какъ мы видѣли выше, написалъ на эту тему особое сочиненіе: „Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополію и на владычества отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патриархъ. оны во области безбожныхъ турковъ поганого царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати“ 5). И не одинъ Максимъ заявлялъ, что въ Москвѣ поставляется митрополитъ своими

1) Р. И. В. Т. VI. столб. 451, примѣч. 3. Курсивъ нашъ. Проф. А. С. Павловъ по поводу этой прибавки замѣчаетъ, что противъ послѣдняго пункта, внесеннаго въ епископское исповѣданіе, вѣроятно, при митрополитѣ Іонѣ (Ср. м Макарія. И Р. Ц. Т. VI, стр. 40), впоследствии возставалъ Максимъ Грекъ (Сочин. Ч. III, стр. 154). Р. И. В. Т. VI, столб. 451, примѣч. 3.

2) Р. И. В. Т. VI, № 52. 1423 г Чинъ избранія и поставленія въ епископы, столб. 454

3) Тамъ же, столб. 454, примѣч. 10. Курсивъ нашъ.

4) Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній Историческое Обзореніе. Т III, стр. 90—91.

5) Сочиненія. Ч III, стр. 154.

русскими безъ благословенія цареградскаго патріарха, „ставятся собою самочинно и безчипно“,— седьмой послѣ взятія Константинополя турками патріархъ, Дѳносій I, ученикъ знаменитаго поборника православія Марка Ефесскаго, говорилъ въ 1469 году, что цареградская церковь не признавала и не признаетъ московскихъ митрополитовъ, какъ ставимыхъ безъ ея благословенія¹⁾. Прекраснымъ восполненіемъ характеристики отношеній къ греческой церкви, возникшихъ на Руси послѣ злополучной флорентійской уніи, можетъ также служить знаменитый споръ о сугубой и трегубой аллилуйи, происходившій во Псковѣ между Евфросиномъ псковскимъ и Іовомъ распопомъ (растригомъ). Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ этого спора, который обстоятельно изложенъ въ изслѣдованіи профессора В. Н. Малнина²⁾; мы вполне соглашаемся со взглядами почтеннаго изслѣдователя, что споръ этотъ замѣчателенъ, что важна въ немъ не одна формулировка новаго отношенія къ авторитету восточной вселенской церкви Іова и псковскаго духовенства, отъ имени котораго онъ говорилъ, но и самого Евфросина, которой усиленно старается отмѣтить, что онъ былъ еще въ Константинополь въ добрую пору, задолго до паденія Константинополя, даже до флорентійскаго собора, когда еще былъ живъ патріархъ Іосифъ. Видно, что и самъ Евфросинъ находилъ рискованной ссылку на примѣръ греческой церкви послѣ флорентійской уніи, такъ какъ онъ раздѣлялъ общій взглядъ русскихъ людей на унію и на ея слѣдствія для грековъ³⁾.

Мы видимъ, что довѣріе къ греческой церкви и грекамъ было окончательно поколеблено; сношенія съ ней были прерваны; объ этомъ было много разъ и торжественно объявлено московскимъ правительствомъ; и вмѣстѣ съ этимъ растетъ собственное національное

¹⁾ М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IX, стр. 37—39. Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 511, 533—534. См. у него же взятое у Райнальда изъ его *Annales ecclesiastici* (an. 1472, n. 48 sq) свидѣтельство посланнаго Іоанномъ II въ Римъ смотрѣть невѣсту Софью Ѳоминишну, а потомъ привезти ее въ Москву —денежнаго мастера Ивана Фрязина (итальянецъ изъ Виченцы Жанъ Баттиста Волпе) объ отношеніяхъ великаго князя къ константинопольскому патріарху, подпавшему подъ власть турокъ Тамъ же, стр. 862.

²⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филоеѳ и его посланія, стр. 483—485

³⁾ Тамъ же, стр. 485. Когда Іовъ узнаетъ ссылку Евфросина на практику константинопольской вселенской церкви въ оправданіе своего обычая двоять аллилуйю, онъ характерно замѣчаетъ, что „уже мерзость и заустѣніе. реченное Даниломъ пророкомъ, на мѣстѣ святѣмъ стоитъ. сирѣчь на соборнѣи и апостольстѣи церкви Константина града“ Правосл. Собес. 1866, іюнь, стр. 160

самосознаніе. Исчезаетъ совершенно уваженіе Руси къ Константинополю, какъ центру истиннаго православія: Русь московская, съ своимъ великимъ княземъ во главѣ, становится единственною вѣрною хранительницею отеческаго православія, которое, по мнѣнію современниковъ этихъ событій, возсіяло въ ней съ большимъ блескомъ и славой. И нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. В. Н. Малинина, что развитіе религіознаго—и добавимъ мы—и національнаго—самосознанія русскихъ людей совершается въ явный ущербъ стараго религіознаго авторитета грековъ ¹⁾. Признаніе же Руси центромъ православія должно было неизбежно повести къ установленію и признанію центральной государственной святыни, которая могла бы служить для православныхъ русскихъ людей видимымъ воплощеніемъ религіознаго единства, какою центральной святынею вселенскаго православія, въ пору существованія Византіи, была св. Софія константинопольская, по выраженію императора Іоанна Кантакузена „святѣйшая великая церковь Божія.. источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія“ ²⁾. Этотъ центръ православія на Руси опредѣлился не сразу. Какъ извѣстно, въ домонгольскую эпоху, когда великокняжескій столъ былъ въ Кіевѣ, тамъ же была и „святѣйшая русская митрополія“: здѣсь „изначала была соборная церковь митрополити“ св. Софія кievская. Но когда Кіевъ былъ разрушенъ и разоренъ татарами („отъ страшнаго напора сосѣднихъ Аламановъ“— по выраженію патриаршаго собора), и „пришелъ въ крайце бѣдственное состояніе“, такъ что „не доставало необходимыхъ средствъ содержанія“ митрополита, то „постоянное жительство и пребываніе“ митрополита было перенесено во Владиміръ, „получая отсюда все содержаніе и довольство“.

¹⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 482

²⁾ Р. И. В. Т. VI Приложенія, № 5. 1347 г въ сентябрѣ. Грамота императора Іоанна Кантакузена къ великому князю Симеону Ивановичу, объ отмѣнѣ состоявшагося при патриархѣ Іоаннѣ постановленія, коимъ часть русскихъ епархій отдѣлялась для галицкой митрополіи, столб. 25—26. Константинопольскій патриархъ не только послѣ паденія Византіи, но послѣ того какъ и св. Софія обращена была въ мечеть все еще продолжалъ говорить о „соборной церкви, сущей матери всѣхъ православныхъ христіанъ“, находящейся въ бѣдствіи. Еще въ 1516 году патриархъ Θεопитъ пишетъ въ Москву: „Твоему святительству подобаетъ послѣдовать на помощь матери своей, Великой Церкви, и возбудить къ тому наивысшаго и кротчайшаго царя и великаго краля всея православныя земли и Великия Руси, и боголюбивыхъ епископовъ твоей области и прочихъ великихъ князей“. Сношенія Россіи съ Востокомъ (Спб. 1858), стр. 25.

но „такъ, чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣль, быть собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ“ ¹⁾. Даже послѣ переселенія русскихъ митрополитовъ въ Москву для константинопольскаго патріарха Софійскій храмъ въ Кіевѣ все еще остается общерусскою святынею ²⁾. Это значеніе соборный кіевскій храмъ неизбежно и безповоротно долженъ былъ утратить со времени раздѣленія русской митрополіи на московскую и всея Руси и кіевскую ³⁾, раздѣленіе, до извѣстной степени, вызванное и обусловленное различнымъ отношеніемъ къ приписанной флорентійской уніи въ Москвѣ и юго-западной Руси ⁴⁾. „Одновременно съ политическими судьбами Россіи, опредѣлявшими общерусскій религиозный центръ, справедливо замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ, выступила и опредѣлялась, такъ сказать, народная точка зрѣнія на центральную святыню, какъ на защитницу и покровительницу страны“ ⁵⁾. Конечно, въ удѣльный періодъ нужно было ожидать нѣсколькихъ такихъ святынь, какъ покровительницъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ политическихъ центровъ: обыкновенно это были помѣстно чтимыя святыни и соборные храмы главныхъ городовъ. Между ними въ сознаніи мѣстныхъ жителей устанавливалась такая тѣсная связь, что понятіе земли и соборной святыни какъ бы слива-

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 12. 1354 г. Опредѣленіе патріаршаго собора о перенесеніи кathedры русской митрополіи изъ Кіева во Владимиръ. столб. 63—70 „А послѣ него (т. е. Кіева), гласило опредѣленіе патріаршаго собора, и вмѣстѣ съ нимъ святѣйшая епископія владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постоянного пребыванія и упокоенія [митрополитовъ].. Если же, при Божіей помощи Кіевъ опять придетъ въ прежнее благосостояніе, а низложенный Феодоритъ будетъ изгнанъ оттуда, такъ что возможно будетъ архіерею имѣть тамъ нѣкоторое упокоеніе то и въ такомъ случаѣ Владимиръ не перестанетъ оставаться собственнымъ сѣдалищемъ русскихъ митрополитовъ, но, какъ выше объяснено, Кіевъ будетъ первымъ престоломъ и сѣдалищемъ [митрополита]“ .. Тамъ же, столб. 67—70. М. Макарій. II. Р. И. Б. Т. IV. стр. 70.

²⁾ По случаю назначенія Пимена митрополитомъ московскимъ, въ грамотѣ константинопольскаго патріарха сказано: „пусть возглашается онъ (Пименъ) и кіевскимъ. Ибо невозможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде кіевскимъ: такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“. М. Макарій. II. Р. И. Б. Т. IV. стр. 70. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 179—180.

³⁾ Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 486.

⁴⁾ См. начало второй главы нашего изслѣдованія.

⁵⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 486

лось; святыня всегда защищает городъ или землю, а земля защищаетъ свою чтимую соборную святыню до послѣдней капли крови, такъ что защищать мѣстную святыню значило съ тѣмъ вмѣстѣ оборонять свою землю и наоборотъ ¹⁾. Послѣ убійства Игоря Ольговича кievляне говорили: „не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичъ, которые замыслили зло на нашего князя, но Богъ за нашего князя и св. Софья“. Владимірцы, недовольные Ярополкомъ Ростиславичемъ за разграбленіе соборнаго храма Богородицы, шлютъ къ Михаилу Юрьевичу въ Черниговъ съ такимъ приглашеніемъ на столъ: „Ты старшій между братьями. приходи къ намъ во Владиміръ. Если ростовцы и суздальцы задумаютъ что либо на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними, какъ Богъ дастъ и Святая Богородица“ ²⁾. И дѣйствительно, въ возникшей борьбѣ владимірцамъ удалось отстоять своего избранника, и, по поводу этого событія, лѣтописецъ высказываетъ слѣдующія чрезвычайно характерныя соображенія: „Подивимся чюду повому, великому и преславному Матере Божья, како заступи градъ свой отъ великихъ бѣдъ и гражаны своя укрѣпляетъ: не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася князя два имуща въ власти себѣ, и боярѣ, ихъ прѣщенія ни во чтоже положиша, за 7 недѣль безо князя будуще в Володимери градѣ, толико возложыше всю свою надежу и упованіе къ св. Богородицѣ и на свою правду... повни же людье мѣзинни володимерстїи уразумѣвше яшася по правду крѣпко, и рекоша вси собѣ: любо Михаилка князя собѣ налѣземъ, а любо головы своѣ положимъ за Святую Богородицу и за (Михаила) князя; и утѣши ихъ Богъ и св. Богородица... володимірци прославлени Богомъ по всей земли за ихъ правду“ ³⁾. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Псковская земля называется землею св. Троицы, псковичи, выступая въ неравный бой съ нѣмцами, говорятъ: „братья мужи псковичи! не посрадимъ отецъ нашихъ... потягнемъ за Святую Троицу за святыя церкви, за наше отечество“ ⁴⁾. О святой Софїи новгородской, какъ покровительницѣ роднаго города и земли, успѣли сложиться цѣлыя легенды. О построенїи св. Софїи разсказывается, что она строилась въ теченіе семи лѣтъ. Когда же

¹⁾ В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 486.

²⁾ П. С. Р. Л. Т. I, (Лаврент. л. изд. 1872 г.), стр. 356.

³⁾ Тамъ же, стр. 358—359. См. изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 487.

⁴⁾ П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 189. См. тамъ же, стр. 214.

храмъ быть готовъ, „то приведоша писаревъ и иконныхъ шпцевъ изъ Царяграда, и начаша подписати святую Софью, во главѣ написали Спаса Господа нашего Исусъ Христа образъ съ благословеною рукою. Во утри видѣ архіепископъ Лука Спасовъ образъ написанъ не со благословеною рукою, но съ сжатою. Иконописци писаша по три утра: на четвертое же утро бысть гласъ отъ образа Господня иконнымъ шпцемъ: писари, писари, о писари! Не пишите Мене благословящею рукою; Азь бо въ той руцѣ Великій Новъградъ держу, а коли рука Моя распространѣта, тогда будетъ граду скончаніе“¹⁾. Послѣ этого вполне понятно, что въ тяжелые моменты политическихъ невзгодъ, отъ пѣмцевъ и другихъ враговъ, новгородцы крѣпко бьются за святую Софью и Великій Новгородъ.

Преданія этого рода, конечно, могли развиваться и сохраняться только при паличности политическихъ условий, благопріятныхъ для существованія на Руси отдѣльныхъ политическихъ единицъ — княжествъ, вѣчевыхъ городовъ; но преданія эти неизбежно должны были ослабѣть и совершенно исчезнуть, когда началось, продолжалось и завершалось объединеніе Руси²⁾. Это мы дѣйствительно и видимъ, потому что невозможно допустить, по выраженію проф. В. Н. Малинина, чтобы народная святыня дѣйствовала разрушительно для цѣлаго³⁾. Но при всемъ этомъ народная прежняя точка зрѣнія на покровительствующую святыню не могла не оказать своего вліянія на выработку воззрѣнія и на святыню общерусскую. Новое формирующееся политическое цѣлое не могло остаться безъ покровительствующей общей святыни. Этимъ новымъ политическимъ цѣлымъ, одинаково для всѣхъ близкимъ и дорогимъ, является теперь объединяющаяся Русь съ Москвою во главѣ, а общерусскою, національною святынею могла быть только главная святыня Москвы—Успенская соборная церковь⁴⁾. Тѣмъ болѣе это должно было произойти, что Успенскій соборный храмъ сдѣлался теперь и каедрой русской митрополии. Если въ пору тѣсной зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріархата т е до флорентійской уніи и въ пору единства русской

¹⁾ Новгор. Лѣт. Изд. Археограф Ком (Спб. 1879), стр. 145—146 (въ примѣч.); см. тамъ же, стр. 181—182

²⁾ Ср. В. Сокольскій Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единой державы и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 24.

³⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 488

⁴⁾ В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря и его посланія, стр. 488

митрополіи, „собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ“ признается Кіевъ съ кафедральнымъ софійскимъ соборомъ; то теперь, послѣ злополучнаго флорентійскаго собора, послѣ разрыва съ константинопольскимъ патриархатомъ и раздѣленія митрополіи, такимъ общерусскимъ религіознымъ центромъ могла быть только Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ. Въ этомъ храмѣ происходила и епископская хиротонія; здѣсь же при гробѣ святителя Петра произносились епископская присяга, и, такимъ образомъ, все высшее русское духовенство было связано съ этимъ соборомъ въ Москвѣ своими обѣтами¹⁾. „Уже въ силу этихъ обѣтовъ своихъ и на мѣстѣ своей іерархической дѣятельности, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ, епископы неизбежно должны были воспитывать взглядъ на главную святыню Москвы, какъ на святыню общерусскую“²⁾. И, конечно, въ тяжелыя минуты церковныхъ затрудненій, какія напр. возникли неожиданно въ русской церкви по прибытіи на кіевскую митрополію Григорія, ученика Исидора, русскіе іерархи собрались въ той же „церкви соборной пречистыя Владычица нашея Богородица, еже есть на Москвѣ...“ у Петрова гроба, чудотворца русскаго, чтобы выработать общія мѣры „о всякомъ благочестіи и на утверженіе правыхъ вѣрній православныя нашея христіанскія вѣры“³⁾. Всѣ прибывшие епископы оказались рукоположенными митрополитомъ Іоною и всѣ они еще разъ у гроба митрополита Петра повторили свои завѣренія, чтобы имъ „архіепископомъ и епископомъ русскія митрополіи также быти отъ святыя зборныя церкви московскія святыя Богородица неотступнымъ, и отъ того митрополита также неотступнымъ быти“⁴⁾. Митрополитъ Θεодосій въ настольной грамотѣ протосингелу Іосифу, поставленному въ митрополиты Кесаріи Филипповой, прямо называетъ Успенскую церковь „великою“ русскою церковью: „По благодати, даннѣй намъ отъ Господа Бога Вседръжителя... се язь Θεодосій, митрополитъ всея Руси, съ всѣмъ соборомъ великия россійскія церкви пречистыя Владычица нашея Богородица, прече-

¹⁾ Тамъ же, стр. 488—489

²⁾ Тамъ же, стр. 489.

³⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 83. 1459 г Соборная грамота русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополію, столб 627—629; А. И. Т. I. № 61 стр. 108—109.

⁴⁾ Тамъ же столб 629—630; стр. 109. См тамъ же, № 93, столб. 686—687; № 95, столб. 661; А. И. Т. I, №№ 69, 275, стр. 121, 506—507.

стнаго ея Успена, въ препенитомъ и богохранимомъ градѣ Москвѣ, великаго россійскаго самодръжства скипетра и мѣста духовнаго нашя митрополя. . поставиль есмь митрополитомъ“¹⁾. Московскіе великіе князья, прекрасно сознавая громадное значеніе для объединенія и единства русской земли, проистекавшее отъ поставленія духовнаго начальства только „въ дому Пречистые... на Москвѣ“, энергично настаивали на непремѣнномъ соблюденіи этого важнаго условія. Въ числѣ договорныхъ условій съ Новгородомъ въ 1471 г. мы встрѣчаемъ и слѣдующее: „А на владычество намъ... избирати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые у гроба св. Петра чудотворца на Москвѣ у насъ великихъ князей, и у нашего отца митрополита... а инѣ намъ владыкы опрочъ московскаго митрополита нигдѣ не ставити“²⁾.

При стремленіи русскаго народа сплотиться въ единое прочное и сильное государственное тѣло, при стремленіи самого народа къ политическому единству, эта правительственная пропаганда общенациональнаго значенія великой московской церкви, должна была, несомнѣнно достигнуть своей желанной цѣли³⁾.

Мы видѣли, что русская церковь, получила (фактическую) автокефальность вопреки волѣ константинопольскаго патріархата, открыто и рѣзко протестовавшаго противъ самочинныхъ поступковъ московскаго правительства; мы видѣли, что церковная реформа громаднѣйшей важности была исключительно проведена политической инициативой великаго князя, проявившаго дѣятельное, энергическое участие какъ въ обличеніи и низложеніи митрополита Исидора, принесшаго злополучную флорентійскую унію, такъ и въ избраніи, по повелѣнію Василія Васильевича, митрополитовъ Іоны и Θεодосія. Мы ознакомились съ внѣшними послѣдствіями такого отношенія представителя государственной власти къ церкви, отношенія, способствовавшаго быстрому процессу націонализациі русской церкви; мы попытались опредѣлить роль и значеніе великаго князя Василія Васильевича въ этомъ важномъ и сложномъ процессѣ. Мы старались подвести итоги послѣдствій, флорентійской уніи и паденія Константинополя. Намъ предстоитъ теперь выяснитъ, такъ сказать,

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927.

²⁾ А. А. Э. Т. I, № 91, стр. 66.

³⁾ См. „Просвѣтитель“ (Иосифа Волоцкаго). Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 320. л. 11 об.; печатн. изд. Каз. дух. Акад. 57; см. тоже въ посланіи къ Нифонту, еп. суздальскому. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланія, стр. 490.

внутреннія послѣдствія этой крупной церковной реформы, измѣнившія взаимныя отношенія церкви и государства на Руси. Благодаря перемѣнѣ въ характерѣ отношеній Москвы къ Константинополю, отношеній дошедшихъ до формальнаго разрыва, измѣнился и характеръ власти великаго князя московскаго, измѣнились его отношенія къ представителямъ церкви на Руси. Мы должны признать, что эти послѣдствія выразились прежде всего въ преобладаніи, государства надъ церковью, такъ какъ съ этихъ поръ былъ упроченъ перевѣсъ авторитета государственнаго надъ церковнымъ: съ полнымъ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ и воздѣйствія свѣтской власти¹⁾. Сама же государственная власть, благодаря занятому ею положенію въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, пріобрѣтають теократическій характеръ; происходитъ постепенное сліяніе этихъ организмовъ: государство и церковь вырабатываетъ единую, совмѣстную программу. Процессъ этотъ достигаетъ большей интенсивности въ царствованіе Іоанна Грознаго²⁾. Мы знаемъ, что въ пастольныхъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ на Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту. Такъ напри- мѣръ въ грамотѣ 1354 года о поставленіи митрополита Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья, весь клиръ и весь христонменный народъ обязаны оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу“³⁾. Эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту примѣнились на практикѣ въ самомъ широкомъ объемѣ: извѣстно, что митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма далекое отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, а за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ въ Константинополь. Патріархъ подтвердилъ

¹⁾ Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзореніе. Т. III, стр. 91.

²⁾ См. нашу статью въ Сборникѣ статей по исторіи права, изданнаго подъ редакцію профессора М. Н. Яснискаго въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова—„Стоглавъ“, стр. 7—8.

³⁾ Р. И. В. Т. VI, Приложения, № 9 столб. 48. М. А. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 8—9. См. также Р. И. В. Т. VI. Приложения № 30, столб. 182 и слѣд. А. И. Т. I, № 254, стр. 482—483 и друг.

князьямъ правила о послушаніи митрополиту, санкціонировать наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ испросить у митрополита прощеніе. Извѣстна также, что патриархъ выразилъ великому князю свое полное одобреніе за его послушаніе и благопокореніе митрополиту¹⁾. „Съ другой стороны, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя“²⁾. Митрополитъ Кипріанъ, этотъ типичный выразитель византійскихъ взглядовъ, жалуясь на великаго князя за причиненные ему позоръ и обиды, указываетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но при этомъ очень характерно добавляетъ: „И аще—ли бы вина моя дошла которая, ни годится князю казнити святителейъ: есть у мене патриархъ, болшій надъ нами, есть великій сборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили“³⁾. „Итакъ, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ по поводу словъ митрополита, Кипріана, съ одной стороны князья обязываются быть послушными митрополитамъ, а съ другой—митрополиты подчиняются только патриарху и собору“⁴⁾. Такая тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе имѣла по справедливому мнѣнію того же ученаго, еще другое очепь важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведения идеи о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ. Конечно, въ сферѣ церковнаго управленія, эта зависимость представлялась совершенно конкретною⁵⁾. Мы говорили выше о томъ высококомъ положеніи, которое занималъ византійскій императоръ въ сферѣ церковнаго управленія въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, чему не мало содѣйствовало зависимое положеніе „вселенскаго“ патриарха отъ императора⁶⁾. По праву такого главы императоръ оказывалъ несомнѣнное вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патриархата; патриархи, какъ же видѣли выше, въ свою очередь, старались всѣми мѣрами поддержать въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ императора⁷⁾.

¹⁾ Р. И. В. Т. VI Приложенія, №№ 16, 18, 20.

²⁾ Власть московскихъ государей, стр. 9

³⁾ Р. И. В. Т. VI, стр. 184.

⁴⁾ М. А. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 10.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 10

⁶⁾ См. стр. 165 и слѣд. нашего изслѣдованія

⁷⁾ Тамъ же, стр. 169—170. О дѣятельности византійскихъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ Руси см. у М. А. Дьяконова. Власть московскихъ государей, стр. 10—13, 3. См. тамъ же, стр. 18—26.

поддержать авторитетъ и міровой вселенской церкви. Для упроченія этой зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патриархата вселенскому патриарху было удобнѣе и выгоднѣе имѣть своими представителями на кааедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ они, естественно, должны были тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ поставившаго ихъ Константинополя. Мы знаемъ, что здѣсь были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и византійской имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой было имъ ввѣрено¹⁾; мы знаемъ, съ какой неохотой соглашались въ Константинополѣ на поставленіе русскихъ по происхожденію въ митрополиты всея Руси,—какъ неохотно соглашались на нарушеніе твердо установившагося обычая. Настольная грамота митрополита Алексѣя служить лучшимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ этихъ взглядовъ²⁾ Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ митрополитовъ—грековъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи, и потому въ Византіи, вспоминая всѣ выгоды единства, старались отклонять ходатайства объ учрежденіи особыхъ митрополій³⁾. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 года выражена интересная мысль, что первоначальный порядокъ управленія русской митрополіей возникъ „не просто... и не случайно“, „по такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многихъ князей, еще болѣе (мелкихъ) владѣтелей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поощряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избіенію своихъ единоплеменниковъ: то божественные оные отцы, провидя сіе божественнымъ Духомъ... принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части, что, напротивъ, единый для всѣхъ, митрополитъ будетъ какъ бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ и между собою, установили тамъ одну

¹⁾ М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 5.

²⁾ О поставленіи митр. Алексѣя см. стр. 139—140 нашего изслѣдованія. См. также проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 5—6.

³⁾ Поэтому было отклонено ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 193—194. См. курсы ист. р. ц. Голубинскаго, м. Макарія, Платона и друг.

власть духовную, за невозможностію привести къ единству власть мірскую Прекрасно разсудили они, что подчиненные одному [духовному] предстоятелю и вождю находились бы въ мирѣ между собою: *ибо всѣ почитали бы одну главу*, поставленную по образу истинно и перво-единой главы Христа“ ..¹⁾ Мы вполне соглашаемся съ вѣрнымъ взглядомъ профессора М. А. Дьяконова, что болѣе чѣмъ сомнительно, что въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе не входило въ планы константинопольскаго правительства, которое, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, было лишь озабочено вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или, по крайней мѣрѣ, о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ²⁾.

Въ такомъ положеніи дѣло было до половины XV вѣка, до того времени, пока флорентійская унія не поколебала окончательно въ глазахъ московскаго правительства и русскихъ людей религіозный авторитетъ грековъ. Впечатлѣніе, вслѣдствіе измѣны грековъ отеческому православію, было, какъ мы видѣли, огромно: авторитетъ вселепскаго патріарха и византійскаго императора, приславшихъ на Русь измѣнника—митрополита Исидора, принявшихъ унію и подчинившихся римскому папѣ „злата ради“, палъ и никогда не былъ возстановленъ. Вслѣдъ за злополучною уніей—падаетъ отъ руки невѣрныхъ, какъ бы въ наказаніе грековъ за ихъ религіозное отступничество, Новый Римъ—Константинополь. Мы видѣли, что константинопольскій патріархатъ, хотя и пережилъ имперію, „но, по глубоко вѣрному взгляду профессора А. С. Павлова,—и это весьма знаменательно—*власть его надъ русскою церковію не пережила имперію*“³⁾. При измѣнившихся отношеніяхъ Москвы къ Константинополю, дошедшихъ до формальнаго разрыва, при той выдающейся роли великаго князя Василія Васильевича въ огражденіи и защитѣ отеческаго православія,—состоялось, по приказанію того же великаго князя, избраніе и поставленіе Іоны и Феодосія въ русскіе митро-

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI Приложенія. № 33 1380 г въ февралѣ. Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріяна въ званіи митрополита кievскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи, столб 193—196. Курсивъ нашъ. См. тамъ же, № 6, столб. 30.

²⁾ Власть московскихъ государей, стр. 8.

³⁾ Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обзорѣніе, 1879, декабрь, стр. 759 Курсивъ нашъ.

политы Подданный великаго князя, лишенный опоры внѣ своей митрополіи, внѣ великаго княжества крѣпнущаго и растущаго, митрополитъ Іона, конечно, не могъ занять того положенія, въ которомъ находились митрополиты-греки, выросшіе и воспитанные въ византійскихъ традиціяхъ и взглядахъ, сильные своею связью съ Константинополемъ, съ духовнымъ главою вселенской церкви—патриархомъ и мірскимъ ея распорядителемъ—византійскимъ императоромъ. Великій князь самъ, своею властью, добылъ себѣ митрополита. И митрополитъ, ставленникъ и подданный этого князя, сознаетъ всю свою зависимость отъ него, и энергично дѣйствуетъ въ пользу этого князя, всегда принимая его сторону, зорко соблюдая его интересы; къ такому образу дѣйствій онъ побуждаетъ и подчиненное ему духовенство. А великій князь, сознавая свою силу, какъ бы считаетъ себя начальникомъ духовенства, приказывая ему сдѣлать ему то или другое, угодное ему. Идетъ, напр., Василій Васильевичъ въ походъ противъ Дмитрія Юрьевича и беретъ съ собою митрополита и владыкъ для устрашенія, должно быть, своего врага, чтобы они, лично присутствуя въ великокняжескомъ станѣ, могли удобнѣе и сильнѣе дѣйствовать на клятвопреступника¹⁾. Такъ самостоятельно „распоряжается“ теперь великій князь²⁾, забывъ о прежнихъ порядкахъ. Теперь на митрополита смотрятъ какъ на одну изъ силъ московскаго великаго княжества, поэтому борются съ главной силой—великимъ княземъ, въ полной увѣренности, что если удастся ее побѣдить, то второстепенная сила подчинится и сама; извѣстно, что дѣятельность митрополита Алексѣя имѣетъ непріятное вліяніе на враговъ московскаго великаго князя; она достигаетъ своей цѣли, вызывая ненависть враговъ Москвы. Между тѣмъ несомнѣнно аналогичная дѣятельность митрополита Іоны совершенно не обращаетъ вниманія тѣхъ, противъ кого она направлена.

Какъ же формулируетъ церковь свои отношенія къ государству? Духовенство во все время борьбы Василія Васильевича съ Шемякой стояло на сторонѣ новаго порядка. представителемъ котораго являлся Василій Васильевичъ, и отъ его содѣйствія, въ зна-

¹⁾ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 178 Ст. кн II, стр. 23 и др.

²⁾ Говоря объ отношеніяхъ Василія Темнаго къ митрополиту и духовенству, подчинившимся великому князю, Г. Θ Карповъ замѣчаетъ разницу въ этихъ отношеніяхъ сравнительно съ предыдущимъ временемъ: „можно смѣло сказать, замѣчаетъ почтенный ученый, что напримѣръ митрополита Алексѣя, трудно было бы великому князю заставить сдѣлать то, чего святой самъ бы не хотѣлъ“. Тамъ же, стр. 171.

чительной мѣрѣ и зависѣль благопріятный исходъ этой кровавой смуты ¹⁾. Когда, не смотря на свой договоръ съ великимъ княземъ, договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣловашемъ, Шемяка началъ снова домогаться престола великаго княженія, соборъ духовенства „по своему долгу, попеченіе творя о .. едиnorodной и безсмертной души“ грѣшника, отправляетъ къ вѣроломному Шемякѣ грозное обличительное посланіе, въ начальныхъ словахъ котораго высказывается мысль о царственномъ единодержавіи, установленномъ на Руси Богомъ и „земскою изъ пачаљства пошліною“. Грѣхъ же отца Шемяки, Юрія, беззаконно помыслившаго о великомъ княженіи, сравнивается съ грѣхомъ человѣческаго праотца Адама, который, по внушенію сатаны, возымѣлъ въ сердцѣ своемъ желаніе равнобожества ²⁾. Грозное проклятiе духовенства угрожаетъ Шемякѣ, если онъ не „смирится сокрушеннымъ сердцемъ“ предъ великимъ княземъ. Вслѣдствіе новыхъ козней Шемяки митрополитъ Іона (въ концѣ 1448 г.), тотчасъ же послѣ своего поставленія разсылаетъ окружную грамоту ³⁾, гдѣ, угрожая непослушнымъ строгимъ церковнымъ отлученіемъ, горячо ратуетъ за интересы великаго князя. „И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе вси православныи христіане, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ ... и посылали бы есте и били челомъ своему господарю великому князю о

¹⁾ См. стр. 188—189 нашего изслѣдованія. См. также В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв. (Кіевъ, 1902), стр. 58—59.

²⁾ А. И. Т. I, № 40. 1447 декабря 29. Посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Дмитрію Юрьевичу, стр. 75—83. „Не самъ ли (ки Юрій) того часа съ великимъ челобитьемъ Великаго Князя Василья на великое государство призвалъ. Потомъ и въдругіе пришедъ, сѣлъ на великомъ государствѣ безъ пошліны же, паче рещи, яко разбойнически... И сотворилъ еси (Дмитрій) надъ нимъ (в. к. Василіемъ Васильевичемъ) не менши прежнего братоубійци Каина и окаяннаго Святополка...“ Тамъ же, стр. 77. Объ этомъ посланіи см. у В. Сокольскаго. Участіе русскаго духовенства и монашества, стр. 60—63.

³⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 64. Грамота митрополита Іоны литовскимъ князьямъ, панамъ, боярамъ, намѣстникамъ и народу, съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи, столб. 539—542. Тамъ же, см. замѣчаніе проф. А. С. Павлова—о составныхъ частяхъ этой грамоты, напечатанныхъ для отличія особымъ шрифтомъ. Ср. А. И. Т. I, № 43. „Окружная грамота Митрополита Іоны, о измѣнѣ и навѣтахъ Князя Дмитрія Юрьевича, съ убѣжденіемъ, чтобы сановники и народъ отложились отъ него и покорились Великому Князю, подъ опасеніемъ церковнаго отлученія“, стр. 86—87.

жалованъ, какъ ему Богъ положить на сердце“... 1) Когда же, разбитый войсками великаго князя, преслѣдуемый обличеніями и проклятіями духовенства, Шемяка бѣжалъ въ враждебный Москвѣ Новгородъ, охотно припавшій къ себѣ врага Василя Васильевича, митрополитъ Іона не оставляетъ въ покоѣ виновника государственной смуты, и какъ видно изъ одного его посланія, много пословъ съ рѣчами и грамотами было отправлено митрополитомъ къ архиепископу новгородскому Евѣмью, съ требоваемъ отъ послѣдняго позаботиться о прекращеніи козней Дмитрія и удержать отчину великаго князя отъ измѣны 2). И послѣ смерти Шемяки митрополитъ, заботясь о благѣ государства, старается обезопасить великаго князя отъ козней сторонниковъ крамольнаго князя. Съ этою цѣлью московскій архипастырь отправляетъ замѣчательное посланіе къ смоленскому епископу Мисану 3), въ которомъ, извѣщая объ измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго князя Ивана Андреевича, говоритъ: „И благословляю тебе своего сына, чтобы еси, сыну, христіанства дѣля, и самъ того поберегъ, какъ ти мощно, чтобы какъ отъ того Князя Ивана и отъ его людей, въ вотчинѣ сына нашего Великаго Князя пакости какіе не было...“ Въ самомъ посланіи, нѣсколько раньше, митрополитъ Іона говоритъ: „Вѣдаете, сыну, и прежде, что ся стало отъ того Князя Ивана Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣйшимъ, а не рку надъ братомъ, но наъ ею Ослодаремъ, надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая пакота“ 4). Митрополитъ Іона посылаетъ также строгое посланіе, въ которомъ обличаетъ вятскихъ гражданъ, за то, что они „зався своему Господарю великому князю грубите и пристае къ его недругу...“ 5) убѣждаетъ ихъ, чтобы они „отъ своего

1) Тамъ же, столб. 542; стр. 87.

2) А. И. Т. I, № 53, стр. 101—103. См. также А. А. Э. Т. I, № 372, стр. 464—465. Объ обличеніи Шемяки въ Клонскомъ монастырѣ см. изслѣд. проф. Некрасова, „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“. Прилож. № 1, В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія, стр. 65—66.

3) А. И. Т. I, № 56, 1454 „Посланіе Митрополита Іоны Смоленскому Епископу Мисану, о измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича, в о наблюдени, чтобы онъ не сдѣлалъ вреда великокняжескимъ и другимъ Князямъ отчинамъ и украинымъ мѣстамъ“, стр. 103—105.

4) Тамъ же, стр. 103—104. Куревъ нашъ.

5) А. И. Т. I, № 261, стр. 490—492. Р. И. Б. Т. VI, № 73. Около 1452. Посланіи митрополита Іоны. I) вятскимъ воеводамъ и всѣмъ Вятчанамъ, съ убѣжденіемъ ихъ покориться великому князю, прекратить грабежи и разбои и возвратить полонъ; II) вятскому духовенству, съ предписаніемъ наставлять мірянъ въ христіанскихъ обязанностяхъ, столб. 591—596

злаго дѣла престаши.. а Господарю бы есте своему .. великому князю за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ добили“; „а не послушаете насъ, говорить мѣ Юна, а своему Господарю великому князю, челомъ не побьете и къ нему не исправитесь въ всемъ безъ хитрости, ипо не будетъ на васъ милость Божия и пречистыя его Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословешя, и нынѣ и въ вся безконечныя вѣки...“ 1) Такъ относилось духовенство къ великому князю; такъ поучало оно въ лицѣ своего достойнаго архипастыря, поддерживая всею силою своей духовной власти объединительныя стремленія Василия Васильевича. И благодаря этому содѣйствию и поддержкѣ, послѣдній бурный взрывъ мятежнаго удѣльнаго духа не достигъ того, къ чему былъ направленъ; такъ какъ ему совершенно не удалось погубить выступившихъ въ лицѣ московскихъ великихъ князей новыхъ началъ политической жизни, не удалось „погубить—по образному выраженію историка, свѣчи московскаго единства“, а напротивъ, опъ лишь послужилъ еще къ большему распространенію яркаго свѣта этой свѣчи 2) Нигдѣ духовенство и митрополитъ не паюминаютъ о своихъ правахъ по отношенію къ великому князю, котораго они считаютъ непремѣннымъ ихъ защитникомъ и у котораго всегда ищутъ покровительства и обороны Читая многочисленныя посланія и грамоты, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Г. Ѳ. Карпова, что въ разсматриваемое нами время митрополитъ Юна самъ себя не отдѣляетъ отъ великаго князя. Митрополитъ Юна пишетъ въ Новгородѣ, что если кровь христіанская прольется, то это будетъ *не на насъ* съ великимъ княземъ. Въ другой же разъ, желая заставить Ивана Андреевича (можайскаго) быть въ союзѣ съ великимъ княземъ противъ татаръ, митрополитъ замѣчаетъ, что по этому случаю великій князь и мы посылали къ Ивану Андреевичу владыку коломенскаго; также онъ даетъ новгородцамъ, отъ себя, вмѣстѣ съ великимъ княземъ опасныя грамоты. О себѣ онъ прямо говоритъ, что готовъ за просящихъ бить челомъ великому князю, и заявляетъ, что то или другое великій князь дѣлаетъ по его челобитью. А мятежнымъ вятчанами пишетъ, чтобы они обратились къ своему государю, а онъ, митрополитъ, упростишь покуда его не наказывать ихъ, и до-

1) Тамъ же, столб 593—594.

2) П. Е. Забѣлинъ. Взглядъ на развитие московскаго единодержавія. Историческій Вѣстникъ. 1881, № 1, стр. 519. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 67—68, 18

бавляетъ, что просилъ великаго князя „со слезами“. Мы вообще не видимъ, чтобы митрополитъ въ чемъ нибудь противорѣчилъ великому князю, и даже такой довольно нечистый поступокъ послѣдняго какъ дѣло съ княземъ Можайскимъ, находить оправданіе со стороны Іоны, заявившаго, что этотъ поступокъ сдѣланъ „по нуждѣ“¹⁾. Изъ смысла многочисленныхъ посланій Іоны видно, что митрополитъ требуетъ отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія волѣ великаго князя, даже какъ бы не желаетъ, чтобы другіе, по винуясь Василию Васильевичу, требовали о своихъ отношеніяхъ къ власти великаго князя какихъ-либо опредѣленій, а просто говорить, чтобы повиновались да и только, — а тамъ что Богъ положитъ на сердцѣ великаго князя по ихъ исправленію²⁾. Митрополитъ также заставляеть все духовенство заботиться о томъ, чтобы всѣ ихъ духовныя дѣти повиновались великому князю. Заставляя же всѣхъ повиноваться великому князю, защищающаго православныхъ отъ татаръ, митрополитъ и не думаетъ говорить о своей самостоятельности, потому что онъ уже заявилъ, что онъ поставленъ въ митрополиты „по мысли“ великаго князя. Мы также видимъ, что извѣстныя дѣйствія духовенства и митрополита въ политическихъ дѣлахъ совершаются именно въ то время, когда великій князь не имѣеть средствъ дѣйствовать другими силами, или же желаетъ, чтобы то или другое было сдѣлано духовенствомъ. Такой же характеръ подчиненности великому князю мы наблюдаемъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ церкви въ рассматриваемый періодъ: митрополитъ, а за нимъ и остальное духовенство, опирается на власть великаго князя и отъ него ищетъ себѣ обороны³⁾.

Характеризуя взаимныя отношенія государства и церкви въ эпоху Василия Темнаго, нельзя не обратить вниманія на прочную связь, тѣсный союзъ церкви и государства съ несомнѣннымъ перевѣсомъ и преобладаніемъ государства надъ церковью, ищущей поддержки и покровительства у своего болѣе сильнаго союзника; церковная же власть, въ настоящее время, можетъ быть рассматриваема, какъ одна изъ подчиненныхъ великому князю государственныхъ силъ, направляемыхъ по его усмотрѣнію къ той или иной политической дѣятельности.

Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о нормировкѣ этихъ отношеній путемъ закона, такъ какъ эти отношенія вырабатываются

¹⁾ Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 172—173

²⁾ Тамъ же, стр. 173

³⁾ А. А. Э. Т. I. №№ 50, 51, 63 и др. могутъ служить характеристикой этихъ отношеній. Ср. А. И. Т. I. № 50.

и входятъ въ жизнь путемъ практическимъ; въ ту пору и взаимныя отношенія государства и церкви возникали на житейской, практической почвѣ, находясь въ зависимости отъ роста и силы того или другого политическаго тѣла. Стороны, повидимому, пока и не сознають, почему онѣ поступаютъ такъ, а не иначе, но теперь иногда совершенно откровенно, безъ примѣси старыхъ традицій, онѣ называютъ вещи и отношенія ихъ настоящими именами. Въ соборной грамотѣ русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ прямо говорится: „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ святаго церкви зборныя московскія святаго Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и повиноватися во всемъ; и кто по его отшествію къ Богу, иный митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець, и по повелѣнію господина нашего великаго князя *Василія Васильевича, русскаго самодръжца*. и намъ, архіепископомъ и епископомъ.. отъ того митрополита также неотступнымъ быти“¹⁾. Митрополитъ же Θεодосіи, нѣсколько позднѣе, въ настольной грамотѣ Іосифу также заявляетъ, что онъ поставилъ его въ митрополиты Кесаріи Филипповой „по благодати, даннѣи намъ отъ Господа Бога Вседръжителя, и по избранію единопороднаго Сына и Слова Божія Христа Іисуса, и дѣйствомъ и силой Святаго и животворящаго Духа, тажъ по сихъ по благословенію и по протроніи Іоакима, патріарха іерусалимьскаго, *по волю же и по съвѣту самодръжца великаго князя Івана Васильевича всея Русіи*“²⁾.

Такія отношенія между государствомъ и церковью, ясно обнаруживаемыя въ словахъ и дѣйствіяхъ сторонъ, были, конечно, понятны и въ западной Руси, заинтересованной въ этомъ дѣлѣ. Для крѣпнувшей политически литовской Руси и ея правительства такой митрополитъ, живущій въ Москвѣ и имѣющій власть надъ православными литовскими епархіями, являлся не болѣе какъ вѣрнымъ подданнымъ московскаго князя; но этотъ подданный враждебной Москвы былъ митрополитъ, имѣющій громадную власть надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ: конечно, такой архипастырь не могъ быть желателенъ и даже терпимъ въ западной Руси, которая

¹⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 629—630. А. И. Т. I, № 61, стр. 109. Курсивъ нашъ.

²⁾ Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927. Курсивъ нашъ.

перѣдко становилась во враждебныя отношенія къ Москвѣ и ко всему московскому. Несомнѣнно это обстоятельство было одной изъ важныхъ причинъ раздѣленія митрополит. такъ какъ литовское государство, заботясь о своемъ благѣ, должно было позаботиться о получеши себѣ особаго отъ Москвы, собственнаго митрополита ¹⁾.

Таковы были взаимныя отношенія государства и церкви въ московской Руси въ изслѣдуемый нами періодъ; таковы были внѣшнія и внутреннія послѣдствія важной церковной реформы, вызванной флорентійскою унией и проведенной, какъ мы видѣли выше, исключительно политической инициативою великаго князя Василія Васильевича. Таковъ былъ теократическій характеръ московскаго государства. Оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы Москва, столица крѣпнущаго и растущаго государства, съ своимъ Успенскимъ соборомъ, сдѣлавшимся общерусскою, національною святыней, обратилась „въ богохранимыи, пременитый царствующий градъ, третій Римъ, благочестіемъ цвѣтущій“ ²⁾. И этотъ шагъ былъ неизбеженъ, послѣ того какъ папѣ Константинополь, этотъ второй Римъ, и столица славнаго греческаго царства сдѣлалась достояніемъ невѣрныхъ, а „на царскомъ престолѣ благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ сѣде беззаконныи Махметъ“ ³⁾ и послѣ того какъ оказалось несомнѣннымъ, что на всей землѣ остался лишь одинъ истинно-христіанскій народъ, православная Русь, гдѣ сіяетъ „петшиная вѣра благочестія“ Въ этомъ отношеніи замѣчательны заключительныя выводы „Слова“, являющагося краснорѣчивымъ оправданіемъ стремленія русской церкви къ автокефальности. Печально, по словамъ неизвѣстнаго автора, окончилась роль византийскаго императора, этого представителя и защитника православія, въ лицѣ котораго оканчивалась и роль греческаго царства, какъ царства православнаго; греческому императору, столь недостойно выполнившему свое высокое назначеніе въ православной церкви, противопоставляется авторомъ „Слова“ великій князь московскій „моудры изыскатель святыхъ правилъ... исходатаи, и спосиѣшникъ истин-

¹⁾ Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV, стр. 175—176. См. проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обзореніе. Т. III, стр. 74 и слѣд. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 48.

²⁾ Мысль эта впервые замѣтна въ писаніѣмъ ясной формулировкѣ у московскаго митрополита Зосимы (1490—1494) въ его извѣщеніи о пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ. Р. И. Б. Т. VI, № 118, столб. 798—799.

³⁾ П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 48; Степеня кн II, стр. 69.

нѣ. новинъ Владимерьъ иже бывъ подражатель святихъ апостолъ . великыи дръжавныи боговѣнчанныи русскыи царь Василей...“¹⁾ Предъ составителемъ „Слова“, видимо, возникалъ уже вопросъ о неизбежности преемства исторической мисси Византии²⁾. Вотъ его рѣшеніе: „нынѣ оубо въ временахъ богопросвѣщенная земля руская. свѣтымъ правленіемъ Божіа церкви. тобѣ подобаетъ въ вселенныи подъ сомнѣннымъ сіиіемъ съ народомъ истиннаго вѣрѣ православіа радоватися одявѣя свѣтомъ благочестіа имѣя покровъ божіи на собѣ многосвѣтлоую благодѣнь Господню, исполньиися цвѣтѣвъ божественнѣ цвѣтущицѣвъ. божіихъ храмѣвъ.. и зборѣ свѣтѣи пннїа величяемы. дръжавѣю владеющаю на тобѣ богоизбраннаю и боговъзлюбленнаю богопочтеннаю и богопросвѣщеннаю. и божеславимаю богишественника правѣмоу нуни богустановнаго закона. и богомудраю изыскателя свѣтѣи правилъ. благаго ревнителя о Бозѣ. и спѣснѣишика благочестіа истиннаго православіа. высочайшаю исходатая благовѣрїю. богоукрашеннаго и великодержавнаго. благовѣрнаго и благочестиваго великого князя Василья Васильевича. боговѣнчаннаю православію царя всея Руси“³⁾.

¹⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ „Слово избрано“, стр. 377. Правда, этотъ „дръжавныи царь“ былъ подчиненъ ордынскому царю, верховному повелителю всей Руси; надъ нимъ тяготѣло монгольское иго. Но есть основаніе думать, что времена Василья Темнаго была не чужда и самая мысль о неспроверженіи ненавистной власти ордынскаго царя Въ житїи Іоны, архіепископа новгородскаго, ходатайствовавшаго о свободѣ своего вѣчевого города, есть слѣдующее пророческое обѣщаніе его Василию Васильевичу. „о семъ молитвы еѣи вѣрїи своии ко всеильному Бѣгови возноснїи потщисѣ, наипачежъ свободу сынови твоему отъ ордынскихъ царей прїати отъ Бога испрошу за свободу града моего еже о тебе“. Житїе прибавляетъ „О семъ пророчествѣ свѣтителя старца *ислави* князь и возвеселися збѣло о обѣщанїи свободы сынови своему отъ ордынскихъ царей“. Памяти стар рус. литер. изд. Кушел.—Безбор IV, стр. 32. Житїе Іоны. Рукоп. Сборн. Кїев. Дух. Акад. Аа 118, л. 53 об. и л. 54 В. Сокольскїй Участїе русскаго духовенства и монашества въ развитїи единоводержавїа и самодержавїа въ московскомъ государствѣ, стр. 69, 70, прим. 1. В. Н. Малининъ Старецъ Елеазарѣва монастыря Филовей и его посланїа, стр. 462—463

²⁾ Тамъ же, стр. 479

³⁾ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ „Слово избрано...“, стр. 394—395. Курсивъ нашъ